Джо

ХОЛДЕМАН

Бесконечная война

Бесконечная война

Джо Холдеман

Аннотация
Джо ХОЛДЕМАН. Бесконечная война
Бесконечная война. © Перевод Л. Корзуна
Часть первая. РЯДОВОЙ МАНДЕЛЛА. (1997-2007 гг. н. э.)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Часть вторая. СЕРЖАНТ МАНДЕЛЛА. (2007-2024)
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Часть третья. ЛЕЙТЕНАНТ МАНДЕЛЛА. (2024-2389 гг. н. э.)
Часть четвертая. МАЙОР МАНДЕЛЛА. (2458-3143)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Эпилог
Сепаратная война. © Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер
Глава 1
Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Бесконечная свобода. © Перевод А. Гришина
Часть первая. КНИГА БЫТИЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Часть вторая. КНИГА ПЕРЕМЕН
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Часть третья. КНИГА ИСХОДА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4

Глава 5
Часть четвертая. КНИГА МЕРТВЫХ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Часть пятая. КНИГА АПОКРИФОВ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Часть шестая. КНИГА ОТКРОВЕНИЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4

Аннотация

Романы Джо Холдемана об Уильяме Манделле, простом американце, вырванном из XX века и брошенном в звездные схватки тысячелетней войны будущего, критика единодушно назвала ответом ветерана Вьетнамской войны на «Звездный десант» Роберта Э. Хайнлайна. Книга Холдемана — подлинная классика военной фантастики, удостоенная высших литературных наград — премий «Хьюго» и «Небьюла».

Джо ХОЛДЕМАН
Бесконечная война

Бесконечная война
© Перевод Л. Корзуна

Часть первая
РЯДОВОЙ МАНДЕЛЛА
(1997-2007 гг. н. э.)
Глава 1

— На сегодняшнем вечернем занятии мы покажем вам восемь способов бесшумно убить человека.

Сержант-инструктор, который проводил занятие, выглядел едва ли на пять лет старше меня. Следовательно, если ему и приходилось убивать в бою, бесшумно или наоборот, то только будучи еще ребенком.

Я уже был ознакомлен с восьмьюдесятью способами убить человека, хотя подавляющее большинство из них были довольно шумными. Я уселся прямо, придал лицу выражение вежливого внимания и заснул с открытыми глазами. То же самое сделали почти все остальные. Мы уже знали, что ничего действительно ценного на вечерних занятиях не дают.

Разбудил меня включившийся проектор, и я просмотрел короткую учебную ленту, иллюстрирующую «восемь бесшумных способов». Часть

актеров, вероятно, была из преступников-мозгостеров, потому что их убивали в самом Деле.

После фильма какая-то девушка из первого ряда подняла руку. Сержант кивнул ей, и она встала, чтобы задать вопрос. Симпатичная, хотя шея и плечи немного мощноваты. Это от постоянного таскания тяжелых вещмешков, чем мы занимались последнюю пару месяцев.

— Сэр,— сказала она, мы должны были обращаться к сержантам только через «сэр», пока не пройдем обучение.— Большинство этих способов, они, как мне кажется, ну, выглядят просто глупо.

— Например?

— Ну вот это — удар в область почек саперной лопаткой. Неужели мы действительно можем оказаться в ситуации, когда у нас не будет под рукой ножа или другого оружия? И почему именно в почки, почему бы просто не раскроить преступнику голову?

— На голове у него может быть каска,— резонно заметил сержант.

— Но ведь у тельциан, видимо, вообще нет никаких почек!

— Вероятно,— вздохнул инструктор. Шел только лишь 1997-й, и никто еще не видел живого тельцианина или хотя бы его останков размером

более хромосомы.— Но химически их тела сходны с нашими, поэтому мы предполагаем, что и анатомически это похожие на человека существа. И у них должны быть уязвимые места. Их придется найти вам. Не забывайте,— он ткнул пальцем в сторону экрана,— что эти восемь смертников получили свою долю ради вашей пользы, чтобы вы могли найти способ убить тельцианина — все равно, с помощью ручного лазера или с помощью точильного бруска.

Девушка опустилась на место, но ответ сержанта ее, судя по всему, не очень удовлетворил.

— Будут еще вопросы?

Но поднятых рук больше не было.

— О'кей. Становись!

Мы приняли более-менее вертикальное положение. Сержант ожидающе глядел на нас.

— Так-растак вас, сэр! — послышался обычный усталый хор.

— Громче!

— Так-растак вас, сэр! — Еще одно убогое армейское изобретение для поднятия нашего духа.

— Уже лучше. Не забудьте, завтра на рассвете маневры. Завтрак в три тридцать, построение — в четыре ноль-ноль. Кто будет пойман в мешке после трех сорока — потеряет нашивку. Разойдись.

Я затянул «молнию» на комбинезоне и пошагал через заснеженный плац в комнату отдыха, чтобы выпить чашку сои и покурить. Мне всегда хватало пяти-шести часов сна, а иначе как здесь я не мог побыть сам по себе, хоть на несколько минут забыть про армию. В комнате отдыха я некоторое время смотрел инфо. Еще один корабль накрылся в секторе Альдебарана. Это, считай, четыре года назад. Готовится флот для ответного удара, причем потребуется еще четыре года, пока они туда доберутся. За это время тельциане прочно усядутся на всех входных планетах.

В казарменном бараке, когда я туда вернулся, все уже залезли в спальные мешки и основное освещение было выключено. Вся честная компания до сих пор не пришла в себя окончательно после двухнедельного учебного цикла на Луне. Я запихал комбинезон в шкафчик, сверился со списком и обнаружил, что мне выпала на сегодня койка №31. Проклятье, прямо под нагревателем!

Я как мог тихо пробрался за полог, стараясь не разбудить соседа. Кто это был, я не видел, но и значения это ни малейшего не имело. Я шмыгнул под одеяло.

— Что-то поздно ты, Манделла,— зевнули на соседней койке. Это была Роджерс.

— Извини, я не хотел тебя будить,— прошептал я.

— Не страшно.— Она подкатилась ко мне и обхватила, прижимаясь. Она была теплая и в меру податливая.

Я провел рукой по ее бедру, надеясь, что это был только жест братской ласки.

— Спокойной ночи, Роджерс.

— Спокойной ночи, мой жеребчик,— Она вернула мою ласку, но более решительно.

И почему так всегда получается — когда в активе, то твой сосед, вернее соседка, хочет спать, а когда устаешь — ей не спится? И я склонил голову перед неизбежным.

Глава 2

— Ну хорошо, понеслись опять! Стрингеры! Взяли быстренько — ну, кому говорю, взяли!

Около полуночи фронт теплого воздуха достиг нашей округи, и снег превратился в жидкую грязь. Продольная балка-стрингер из пермапласта весила пятьсот фунтов, и тащить ее было не сахар, не считая даже, что она была покрыта ледяной коркой. Каждая команда стрингеров состояла из четырех человек — по двое на каждом

конце балки. В паре со мной шла Роджерс.

— Сто-о-й...— выкрикнул парень, шедший за мной, имея в виду, что сейчас балка выскользнет у него из закоченевших пальцев. Хоть и пермапластовая, она вполне могла бы сломать человеку ногу. Мы все разжали пальцы и отпрыгнули в сторону — одновременно. Балка, подняв фонтан грязевых брызг, рухнула на землю.

— Черт тебя подери, Петров,— сказала Роджерс.— Может, тебе лучше перейти в Красный Крест или еще куда? Растакая балка не на растак тяжелая.

Обычно наши девушки гораздо осмотрительнее в выборе выражений, но Роджерс можно было понять.

— Нухршо-о! Стрингеры, вперед! Склейщики! Не отставать!

Два человека нашей бригады склейщиков бросились бежать, раскачивая своими ведрами.

— Манделла, давай двигай. А то я что-то отморожу.

— И я,— поддержала девушка. Больше с чувством, чем с логикой.

— Раз-два — взяли-и!

Мы подхватили чертовку и потащились к мосту. Он был готов примерно на три четверти.

Похоже, второй взвод нас обгонит. Мне-то было бы все равно, но только взвод, первым закончивший мост, домой полетит на вертолете, а нам придется тогда четыре часа шлепать по грязище, и отдыха у нас сегодня тоже не будет.

Мы установили балку на место и начали прилаживать фиксирующие скобы к опоре. Девушка из бригады склейщиков начала уже выплескивать смолу на балку, хотя мы не успели ее закрепить. Ее напарник ждал по другую сторону моста. Настильщики дожидались своей очереди у подножия, каждый из них поднял над головой лист упроченного пермапласта словно зонтик. Они были сухие и чистые. Интересно, заметил я громко, за что им такая честь выпала? Роджерс высказала несколько предположений, красочных, но маловозможных.

Мы направлялись за следующей балкой, когда проводящий полевые занятия (имя его было Дагльстайн, но мы звали его «Нухрош») засвистел в свою свистульку и проревел:

— Нухро-ош, солдаты, десять минут перекура! Курите, ежели есть что.— Он сунул руку в карман и включил обогрев наших комбинезонов.

Мы с Роджерс присели на край стрингерной балки, и я вытащил кисет. Скруток с травой у

меня было полно, но их не разрешалось курить до вечера. С табаком у меня был только сигарный окурок, дюйма на три. Я закурил — и после пары затяжек почувствовал себя не так уж плохо. Роджерс тоже затянулась, но только за компанию, тут же скорчила гримасу и вернула окурок обратно.

— Ты еще учился, когда тебя призвали? — спросила она.

— Ага. Как раз получил диплом об окончании. Физика. Хотел стать преподавателем.

Она невесело кивнула.

— А я на биологическом.

— Долго? — Я зачерпнул полную пригоршню снеговой каши.

— Шесть лет. Я бакалавр.— Она водила ботинком из стороны в сторону, нагребая холмик замерзающей грязи и мокрого снега, похожего на кристаллы перемороженного молока.— И отчего так получилось, отчего эта сволочь началась?

Я вздохнул. Вопрос требовал ответа, вроде тех, что нам предоставляли ИСООН. Интеллектуальная и физическая элита планеты, коей должно спасти человечество перед лицом тельцианской угрозы. Вот дерьмо. Все это только гигантский эксперимент. Хотят попробовать, не удастся ли

навязать тельцианам столкновение на поверхности планеты.

Нухрош дунул в свисток на две минуты раньше, чем положено,— как и всегда,— но я и Роджерс и еще два наших стрингера могли сидеть с минуту, пока склейщики и настильщики приканчивали нашу последнюю балку. Костюмы быстро остывали, так как обогрев уже выключили, но мы из принципа не трогались с места.

Вообще-то никакого смысла не было в тренировке на холоде. Типичная армейская полулогика. Конечно, там будет холодно, но ничего похожего на лед или снег. Даже по своему определению входная планета находится в зоне температур, близких к абсолютному нулю. Коллапсары совсем не греют — и если вы почувствуете холод, значит, вам пришел конец.

Двенадцать лет назад, когда мне было всего десять лет, был открыт коллапсарный прыжок. Направьте предмет с достаточной скоростью прямо в коллапсар — и вот он уже выпрыгивает где-то совсем в другой части Галактики. Быстро нашли закономерность, позволяющую определить место выхода: объект как бы движется в начальном направлении вдоль «линии» (то есть вдоль эйнштейновской геодезической ли-

нии) и выпрыгивает в пространство, когда эта воображаемая «линия» упирается в другой коллапсар. Причем объект выпрыгивает в обычное пространство в том же направлении и с той же скоростью, с какой он вошел в первый коллапсар. Время перехода между двумя коллапсарами практически ноль.

Явление задало работы физикам и математикам. Им пришлось пересмотреть теорию одновременности, потом разобрать до основания здание общей теории относительности и собрать его снова, включив необходимые изменения. И политики тоже очень обрадовались, потому что теперь они могли послать корабль с колонистами на Фо-мальгаут с меньшими затратами, чем раньше обходилась посылка двух человек на Луну. Политики были бы рады отправить массу людей на Фомальгаут совершать невиданные подвиги, вместо того чтобы эти люди не давали им спать спокойно дома, на Земле.

Каждый колонистский корабль сопровождался автоматическим зондом. Зонд следовал за кораблем примерно в двух миллионах миль. Уже были получены данные о существовании входных планет — скальных мирках, вращающихся вокруг коллапсаров. Зонд в случае, если корабль

врежется в такую планету на скорости в 0,999 световой, должен вернуться домой и сообщить о печальном событии.

Именно такого рода катастрофа никогда не случалась, но однажды все-таки зонд вернулся домой один. Информация, им доставленная, была проанализирована, и оказалось, что корабль колонистов был атакован чужим кораблем и уничтожен. Это произошло в окрестностях Альде-барана, в созвездии Тельца, и, так как выговаривать слово «альдебараниане» несколько неудобно, враг получил имя «тельциан».

Корабли переселенцев начали отправлять в полет под защитой военных крейсеров. Потом крейсера начали совершать рейсы самостоятельно, и в конце концов Группа Колонизации уступила место ИСООН, то есть Исследовательским Силам при ООН. Ударение на слове «силы».

Потом какой-то умник в Генеральной Ассамблее родил идею, что следовало бы подготовить группу людей, способных вести наземные боевые действия и охранять входные планеты ближайших коллапсаров. Это привело к Элитарному Призывному Закону 1996 года и появлению самой элитарно набранной армии в истории военных сражений.

И вот мы, пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин, все с коэффициентом интеллекта выше 150 и необыкновенной силы и выносливости, самым элитарным образом месили грязь в центральной Миссури, размышляя при этом о практичности умения строить балочные мосты на планетах, где единственная жидкость являет собой случайную лужицу жидкого гелия.

Глава 3

Примерно через месяц мы стартовали к месту наших последних учебных полевых занятий — на Харон. Хотя планета и приближалась к перигею, но все равно была в два раза дальше от Солнца, чем Плутон.

В качестве транспорта был использован корабль для колонистов, рассчитанный на двести переселенцев, а также домашних животных и различные растения. Но не думайте, что там было очень просторно, если нас насчитывалось в два раза меньше, чем двести. Почти все дополнительное пространство занимали добавочное горючее и необходимая нам амуниция.

Весь перелет занял три недели, половину дороги мы шли с ускорением два g, вторую половину

— тормозили с тем же ускорением. Максимальная наша скорость, когда мы проскакивали орбиту Плутона, составляла примерно одну двадцатую световой. Эффекты релятивистики еще не давали о себе знать.

Три недели в поле тяжести в два раза больше нормального — это совсем не пикник. Три раза в день мы выполняли очень осторожно некоторые упражнения, а в основном старались сохранять лежачее положение. И все равно имели место несколько случаев перелома и вывихов. Люди носили специальные бандажи и повязки, чтобы не растерять по пути конечности и прочие части тела. Спать было почти невозможно; мучили кошмары (удушье и сплющивание в лепешку), кроме того, приходилось постоянно переворачиваться, чтобы не застаивалась кровь и не образовывались пролежни. У одной из девушек, замученной до предела, во сне ребро проткнуло кожу и вышло наружу.

Я уже несколько раз бывал в космосе до этого, так что, когда мы кончили тормозиться и перешли в свободный полет, я не испытывал ничего, кроме облегчения. Но многие из наших никогда не бывали в невесомости, не считая наших двух недель на Луне, и страдали от тошноты и голово-

кружения. Остальным приходилось прибирать каюты, летать туда-сюда с мокрыми губками и инспираторами, всасывающими шарики полупереваренной «Муки Мясной Высокопротеиновой Легкоперевариваемой Концентрированной» (в обиходе — соя).

Когда мы покидали орбиту, можно было хорошо рассмотреть Харон, хотя смотреть было почти не на что. Планета выглядела как туманная, едва светящаяся сфера, белесоватая, с несколькими темными полосами. Мы опустились примерно в двухстах метрах от базы. К транспорту подполз герметический краулер и соединился с выходным шлюзом через переходной рукав. Поэтому скафандры надевать не понадобилось. Краулер, звякая и крякая, пополз к главному зданию базы, бесформенному пластиковому строению серого цвета.

Внутри базы доминировал тот же убогий цвет. Наша команда разместилась за столами, весело переговариваясь. Я нашел свободное место рядом с Фрилендом.

— Джефф, ты как?.. Уже лучше? — Фриленд был все-таки бледноват.

— Если Бог предназначал человеку выжить в невесомости, отчего он не снабдил его чугунной

глоткой? — Он тяжко вздохнул: — Сейчас уже полегчало. Курить хочется — помираю.

— И я.

— Ты-то, похоже, был как рыба в воде. Бывал наверху еще в колледже, да?

— Ага, дипломная работа по вакуумной сварке. Три недели на околоземной.

Я облокотился о спинку стула и потянулся за кисетом — наверное, уже в тысячный раз. И как всегда, его в кармане не оказалось. Система жизнеобеспечения не рассчитана на дым, и тем более на табачный.

— До сих пор приходилось паршиво,— проворчал Джефф,— но это еще цветочки.

— Становись!

Мы поднялись на ноги, постанывая и пошатываясь, по двое и по трое. Дверь распахнулась, и вошел офицер. Я слегка подтянулся. На комбинезоне у него была целая полоса наградных нашивок, включая и пурпурную ленту, означавшую, что ему приходилось быть раненным в бою еще в старой американской армии. В Индокитае, стало быть. Но эта затея кончилась крахом задолго до моего рождения. На вид ему нельзя было дать столько.

— Садитесь, садитесь,— сказал он, подбадривая

нас соответствующим жестом руки. Потом он упер руки в бока и оглядел всю компанию, на губах его играла улыбка.

— Добро пожаловать на Харон. Меня зовут майор Ботсфорд. Отличный денек выбрали вы для посадки, температура снаружи совсем летняя, восемь и пятнадцать сотых по Кельвину[1]. Ожидается небольшое колебание температур в период двух ближайших столетий или около того.

Кое-кто неуверенно засмеялся.

— Советую наслаждаться нашим тропическим климатом базы «Майами» — пока есть у нас возможность. Мы тут в самом центре солнечной стороны, а большую часть времени вам придется провести на теневой половине. Там всегда довольно прохладно — около двух и восьми сотых выше абсолютного нуля[2].

Курс, который вы прошли на Земле и на Луне, вы также можете считать теперь лишь первой, подготовительной ступенью, назначение которой — помочь вам выжить здесь, на Хароне. Здесь вы пройдете полную программу обучения: работа

---

[1] Примечания: 1
-265 °C.

[2] Примечания: 2
-271,07 °C

с инструментами, оружие, полевые занятия. И вы убедитесь, что при здешних температурах инструменты не работают как положено и оружие не желает стрелять. И люди — они передвигаются о-о-очень осторожно.

Он углубился в список, вставленный в пружинную планшетку у него в руках.

— Итак, у вас имеется на настоящий момент сорок восемь мужчин и сорок девять женщин. Два смертельных случая на Земле, кроме того, одно освобождение по состоянию психики. Признаюсь, что, ознакомившись с программой вашей подготовки, я был искренне удивлен, что вы смогли пройти ее почти в полном составе.

Но я буду весьма рад, если хотя бы половина из вас благополучно завершит обучение здесь. Единственная другая возможность, кроме благополучного окончания курса,— погибнуть. Здесь. На Землю все мы — включая и меня — попадем только в единственном случае — если вернемся из боевого рейса.

Через месяцы вы завершите подготовку. Отсюда вы будете переброшены на Старгейт[3]-1 — ближайший наш коллапсар на дистанции в

---

[3] Примечания: 3

Старгейт — в пер. с англ. значит «звездные врата». *(Прим. пер.)*

половину светового года. Вы будете оставаться на базе Старгейт-1, расположенной на самой большой из входных планет,— до прибытия смены. Ждать ее, к счастью, недолго. Не больше месяца, так как после вашего отбытия мы примем следующую группу.

От Старгейта вы будете направлены к одному из стратегически важных коллапсаров, оборудуете там базу и будете удерживать ее в случае нападения противника. Если противник не даст о себе знать, ваша задача — охранять базу до получения дальнейших приказов.

Две последние недели вашей подготовки будут посвящены изучению конструкции и сборки точной копии такой базы — но там, на теневой стороне. Там вы будете полностью изолированы от базы «Майами»: ни транспортного сообщения, ни снабжения медикаментами и прочим. Плюс учебные атаки управляемых зондов.

Зонды тоже будут стрелять.

Неужели они потратили на нас все эти деньги только для того, чтобы прикончить во время обучения?

— Весь постоянный персонал здесь, на Хароне, состоит из боевых ветеранов. Следовательно, каждому из нас от сорока до пятидесяти лет. Но,

думаю, мы от вас отставать не будем. Двое из нас станут вашими няньками вплоть до Старгейта. Это капитан Шерман Скотт, командир вашей группы, и сержант Октавий Кортес. Джентльмены, прошу.

Два человека, сидевшие в первом ряду, быстро и легко поднялись на ноги, повернувшись к нам лицом. Капитан Скотт был ростом немного пониже майора, но выкован явно тем же молотом: лицо с твердыми чертами, будто фарфоровое, циничная полуусмешка, бородка ровно сантиметровой длины вокруг широкого подбородка. На вид ему было лет тридцать, не больше. На бедре капитан носил большой пулевой пистолет.

Сержант Кортес был совсем другого рода. Голова, обритая наголо, имела неправильную форму, потому что с одной стороны часть черепа была явно удалена в свое время и образовалась плоская впадина. Лицо у него было очень темное и все испещрено морщинами и шрамами. У левого уха не хватало половины, а глаза по выразительности не уступали кнопкам лифта. Он носил какой-то гибрид бороды и усов, что выглядело как жилистая белая гусеница, обнимающая его челюсть и рот. Если бы не все это, то его улыбка школьника выглядела бы очень привлекательно,

но в данном случае это было самое жуткое, чудовищное существо, какое мне приходилось видеть. И тем не менее, если принимать во внимание все нижние шесть футов сержанта, начиная от головы, он мог бы служить моделью для рекламы какого-нибудь культуристского клуба. Ни Скотт, ни Кортес не носили наградных нашивок. Кортес был вооружен небольшим карманным лазером на магнитном присосе, подвешенным у левой подмышки. Рукоятка у него была деревянная, отполированная до блеска рукой хозяина.

— Теперь, прежде чем я оставлю вас на милость этих двух джентльменов, позвольте еще раз предостеречь вас: два месяца назад на планете не было живой души и вообще ничего не было, кроме кой-какого оборудования, оставленного экспедицией тысяча девятьсот девяносто первого года. Сорок пять человек целый месяц строили эту базу. Двадцать восемь, больше половины, погибли во время строительства. Это самая опасная для человека планета из всех, на которых люди успели побывать. Но вы отправитесь туда, где будет так же плохо или еще хуже. Наши люди сделают все, чтобы вы пережили этот месяц. Слушайте, что вам будут говорить... и следуйте их примеру. Прошу вас, капитан.

Капитан встал, а майор тем временем вышел.

— Стано-о-вись! — Последний слог походил на взрыв гранаты, и мы все вскочили на ноги.

— Все, что я скажу, я скажу первый и единственный раз, так что вы лучше вникните сразу,— прорычал он.— Мы сейчас находимся в боевых условиях. А в боевых условиях за непослушание и невыполнение приказа есть только одно наказание.— Он снял с бедра пистолет и протянул его в нашу сторону. Держал он его за ствол, как клюшку для гольфа,— Это армейский кольт сорок пятого калибра, модель тысяча девятьсот одиннадцатого года. Это примитивное, но надежное оружие. Сержант и я имеем право убить любого из вас для поддержания дисциплины, если в этом будет необходимость. Лучше не заставляйте нас доходить до крайностей, потому что мы воспользуемся этим правом. Воспользуемся.— Он вернул пистолет на место. Застежка кобуры громко щелкнула в мертвой тишине.

— Я и сержант Кортес убили вместе больше людей, чем сидит в этом зале. Мы оба воевали во Вьетнаме на стороне США, и мы оба пошли служить в Международные силы ООН десять лет назад. Я отказался от звания майора, чтобы принять участие в этом деле, а сержант Кортес

потерял звание субмайора. Мы не просто солдаты, мы были в бою, а это первая боевая ситуация с самого тысяча девятьсот восемьдесят седьмого.

Не забывайте все, что я сказал. Пока сержант будет давать вам детальные инструкции относительно ваших обязанностей. Приступайте, сержант.— Капитан повернулся на каблуках и зашагал прочь из зала. Выражение лица у него не изменилось ни на йоту во время выступления.

Сержант двигался, как тяжелая машина со множеством передач. Когда дверь, прошипев, задвинулась, он задумчиво повернулся к нам лицом и заговорил голосом неожиданно мягким:

— Вольно, садитесь,— Сам он присел на стоявший впереди стол. Стол заскрипел, но выдержал.

— Капитан говорил вам страшные веши, и я тоже гляжусь страшновато. Но вы будете со мной, так что привыкайте к этой штуке у меня на черепке. Капитана вы увидите только на маневрах.

Он коснулся впадин на черепе.

— Кстати, о черепках и содержимом. Все мы, старые ветераны, поступившие в ИСООН, прошли те же тесты, что и вы, набранные по Элитарному Закону. Так что я подозреваю — все вы ребята сообразительные и крепкие, но мы с капитаном тоже сообразительные и крепкие, и у нас есть

кой-какой опыт притом.

Он пролистал списки, не вникая по-настоящему.

— Значит, как сказал капитан, за невыполнение приказа в полевых условиях будет только одно наказание — высшая мера. Но в обычных условиях, дома, мы не будем стрелять из-за простого непослушания — вас накажет сам Харон.

Дальше. В помещении расквартирования можете чувствовать себя как дома. Хоть стой, хоть лежи — нас не волнует. Но если ты надел боекостюм и вышел на полевые учения, дисциплине должен позавидовать римский центурион. Будут ситуации, когда один глупый поступок может убить нас всех.

Ну а самое первое, что мы должны сделать, это подобрать боекостюмы. Оружейник ждет вас в казарме, он будет заниматься вами по отдельности. Ну, пошли.

Глава 4

— На Земле вам, знаю, уже прочли лекцию о боекостюмах и что они могут.

Оружейник оказался невысоким человеком, частично лысым, без знаков различия на комби-

незоне. Сержант Кортес велел нам называть его «сэр», так как оружейник был лейтенантом.

— Но я хочу обратить внимание на некоторые моменты и, кроме того, добавить, возможно, некоторые сведения, которые вам не сообщили или которые сами инструкторы могли не знать. Ваш первый сержант любезно согласился послужить для вас моделью. Сержант!

Кортес вылез из комбинезона и подошел к небольшой платформе, где был установлен боекостюм. В раскрытом виде тот напоминал раковину моллюска человекообразной формы. Сержант, пятясь, вступил в костюм, сунул руки в рукава. Послышался щелчок, и костюм захлопнулся, вздохнув при этом. Он был ярко-зеленый, с белыми буквами «Кортес» на шлеме.

— Камуфляж, сержант.— Зелень побледнела, сменилась белизной, потом уступила место грязно-серому.

— Это самый подходящий камуфляж для Харона и большинства входных планет,— Голос Кортеса доносился будто со дна глубокого колодца.— Но имеются и несколько других комбинаций.

Серый цвет потемнел, местами стал ярче, превращаясь в смесь зеленого и коричневого.

— Это для джунглей.— Зелено-коричневая рас-

краска сменилась охряной,— Пустыня,— Темно-коричневый, почти что черный.— Космическое пространство. Или ночь.

— Прекрасно, сержант. Насколько мне известно, это единственное устройство, которое подверглось усовершенствованию в ходе вашего обучения, и вы можете о нем не знать. Регулятор камуфляжа помещен у левого запястья и очень чувствителен. Но если вы нашли нужную комбинацию, то закрепить ее уже несложно.

На Земле вы не получили достаточной тренировки в боекостюмах. Это потому, что мы намерены выучить вас пользоваться костюмами именно в боевой обстановке. Бое-костюм — самое совершенное личное оружие, когда-либо созданное, но для неумелого владельца оно может стать смертельным. Ничего не стоит прикончить самого себя только из-за невнимательности. Повернитесь, сержант.

— Вот они где.— Оружейник хлопнул Кортеса по обширному квадратному вздутию между плечами.— Радиаторы. Как вы знаете, в задачу костюма входит поддержание наиболее благоприятной температуры внутри. Материал костюма — самый совершенный изолятор, какой нам только удалось создать, учитывая требования

прочности. Поэтому излишки тепла сцеживаются наружу через радиаторы — по сравнению с температурой на теневой стороне пластины радиаторов просто раскалены.

Стоит вам только прислониться спиной к валуну из замерзшего газа, а их множество в округе, как твердый газ мгновенно начнет сублимироваться. При этом он, расширяясь, будет отталкиваться от окружающего «льда», и... всего за одну сотую секунды вы получите эквивалент ручной гранаты, взрывающейся у вас за плечами. Но понять этого вы уже не успеете.

Разновидности подобного явления убили одиннадцать человек за два прошедших месяца. А ведь они всего-навсего строили пару бараков.

Я предполагаю, что вы уже знакомы с силовыми усилителями костюмов и знаете, как легко могут они лишить жизни неумелого человека. Кто желает пожать руку нашему сержанту?

Он подождал, потом сам подошел к платформе, и они с сержантом пожали друг другу руки.

— Сержант умеет пользоваться усилителем. Вы же, пока не научитесь, должны проявлять крайнюю осторожность. Вам захочется почесать спину, совершенно машинально, и кончится тем, что вы сломаете себе позвоночник. Не забывайте

о полулогарифмической прогрессии: сила в два фунта дает при усилении пять фунтов, три фунта дают десять, четыре — двадцать три, пять фунтов — сорок семь. Большинство из вас может развить давление в хватке руками до сотни фунтов. Теоретически вы сможете — применяя усиление — разломать стальную балку. На самом же деле данной мощности усилие разрушит материал ваших перчаток, и, следовательно, вы быстро погибнете от холода и дегерметизации костюма. От чего именно, значения не имеет.

Ножные усилители также являют немалую опасность, хотя степень усиления у них меньше. Пока не приобретете достаточные навыки, не пытайтесь бегать или прыгать. Там, снаружи, немудрено споткнуться и, как сами понимаете, немудрено быстро умереть.

Сила тяжести на Хароне составляет три четверти земной. Не так уж плохо. Но на какой-нибудь действительно небольшой планете вроде Луны вы можете прыгнуть с разбега, не приземляться в течение двадцати минут и просто улетите за горизонт. Скорее всего, врежетесь в скалу на скорости восемьдесят метров в секунду. А на небольшом астероиде ничего не стоит вообще никогда не приземлиться — набрав скорость

убегания, вы отправитесь с неофициальным визитом в межзвездное пространство. Не самый быстрый способ путешествовать.

Завтра утром мы начнем обучать вас искусству оставаться в живых внутри этой адской машинки. Остальную часть сегодняшнего дня и вечер мы будем заниматься подборкой индивидуальных боекостюмов для каждого. Я буду вызывать по одному. Сержант, мы закончили.

Кортес направился к входной двери, включил воздушный кран, подававший воздух в шлюз. Одновременно включилась батарея инфракрасных излучателей, предохраняя воздух от замерзания. Когда давление в шлюзе и в отсеке сравнялось, он завернул кран, раздвинул дверь и вошел в переходной шлюз. Дверь задвинулась, насос начал откачивать воздух из шлюза. Примерно через минуту Кортес открыл наружную дверь и покинул жилой корпус. Совсем как на Луне.

— Первым пойдет рядовой Омар Альмизар. Остальные могут отправляться в спальню. Я буду вызывать по интеркому.

— В алфавитном порядке, сэр?

— Да. Один человек займет примерно десять минут. Если ваша фамилия начинается на «зэт», можете спокойно подремать.

Спрашивала Роджерс. Наверное, она и вправду надеялась подремать.

Глава 5

Солнце выглядело как твердая яркая белая точка прямо над головой. Оно было куда ярче, чем я ожидал, потому, что мы находились в восьмидесяти астрономических единицах от него и яркость Солнца составляла лишь одну шестидесятичетырехтысячную от видимого с Земли сияния. И тем не менее оно давало света не меньше, чем мощная лампа в уличном фонаре.

— На входной планете у нас света не будет,— Голос капитана Скотта треснул в наших наушниках.— Будете рады, если разглядите, куда поставить ногу.

Мы стояли, выстроившись в колонну, друг за другом на пермапластовой дорожке, соединявшей жилой корпус и склад. Мы отрабатывали перемещение в боекостюмах в условиях безвоздушного пространства. Все утро мы учились ходить внутри базы — и особой разницы теперь не испытывали, не считая экзотического пейзажа. Хотя света было маловато, но благодаря отсутствию атмосферы можно было просматри-

вать местность до самого горизонта. Территорию базы окаймляла черная скальная стена слишком правильных очертаний, чтобы быть естественным образованием. До нее было примерно с километр. Поверхность была абсолютно черного цвета, местами голубели ледяные проплешины. Рядом со складом помещался громадный бункер с горкой замерзшего в снег газа и надписью «кислород».

В костюме было вполне удобно передвигаться, но только создавалось впечатление, что ты — одновременно и марионетка, и кукловод. Делаешь усилие, чтобы передвинуть ногу, костюм усиливает импульс и двигает твою ногу за тебя.

— Сегодня мы обойдем территорию базы, и никто не должен выходить за периметр.— Правда, кольт капитан на костюм не прицепил, хотя мог его носить под костюмом — в качестве счастливого амулета. Но у него в перчатке имелся пальцевый лазер, как и у нас всех, но только его лазер наверняка был заряжен.

Соблюдая интервал не менее двух метров друг от друга, мы вслед за капитаном покинули пермапластовую дорожку и ступили на гладкую поверхность скалы. Мы с великой осторожностью шли около часа, расширяя спираль маршрута,

пока не оказались у защитного периметра.

— Всем смотреть и слушать внимательно! Сейчас я подойду вот к тому большому куску льда.— Это действительно была большая ледяная лужа примерно в двадцати метрах от нас,— И покажу вам кое-что, а вы запомните хорошенько, если хотите остаться в живых.

Сделав дюжину уверенных шагов, капитан оказался в районе ледяного озерка.

— Сначала мне нужно немного подогреть вот эту скалу. Опустить фильтры!

Я прижал рычажок под левой подмышкой, и на экран моего видеоконвертора скользнул светофильтр. Капитан направил свой палец-лазер на кусок черной скалы размером с баскетбольный мяч и коротко ударил лучом. Вспышка отбросила бесконечно длинную тень капитана куда-то за наши спины. Скальный обломок разлетелся на дымящиеся осколки.

— Они быстро остывают.— Капитан шагнул вперед и поднял один такой осколок.— Его температура сейчас около двадцати или двадцати пяти[4] по Кельвину. Теперь смотрите.

Он швырнул «горячий» обломок на поверх-

---

[4] Примечания: 4
-253-248 °C.

ность льда. Обломок бешено завертелся, заскользил по льду и вылетел обратно на скальную поверхность. Капитан бросил еще один, и с таким же результатом.

— Как вы знаете, вы изолированы не абсолютно полностью. Температура этих камешков примерно соответствует температуре подошв у ваших костюмов. И если вы попытаетесь встать на поверхность водородного льда, с вами случится то, что случилось с кусками скалы. Но только скала — она всегда была мертвой скалой, чего не скажешь о вас.

Причина такого поведения камня — в образующейся между ним и льдом прослойке жидкого водорода, всего в несколько молекул толщиной. Трение между скалой или вами и поверхностью льда отсутствует совершенно. А если трение отсутствует, то и стоять невозможно.

Примерно через месяц тренировок в костюме вы научитесь — должны будете научиться — выживать при падении. Но не сейчас — у вас нет еще навыков. Смотрите на меня.

Капитан пригнулся и одним прыжком вскочил на ледянку. В воздухе мелькнули подошвы, но капитан ловко перевернулся в полете и приземлился на руки и колени. Он соскользнул со льда

на скалу и поднялся на ноги.

— Самое главное — не дать вашим радиаторам соприкоснуться с замерзшим газом. По сравнению со льдом они все равно что горнило домны. Мгновенный взрыв.

После этого мы еще около часа бродили по территории базы, а потом вернулись в жилой корпус. Уже пройдя шлюз, необходимо было выждать некоторое время, чтобы костюмы успели прогреться до «комнатной температуры». Кто-то подошел ко мне и коснулся шлемом моего шлема.

— Это ты, Уильям? — На шлеме у нее имелась надпись «Маккой».

— Привет, Оин. Что-то случилось?

— Я просто хотела спросить, с кем ты будешь сегодня спать.

Верно, я и забыл. Списки здесь не составляли, каждый выбирал соседа сам.

— Э... я... то есть я еще ни с кем не договаривался. Если ты... то конечно.

— Спасибо, Уильям. Пока.— Я смотрел ей вслед. Если кто-то и мог бы выглядеть соблазнительно в боекостюме, так это Оин.

Кортес решил, что мы уже достаточно прогрелись, и повел нас в раздевалку. Каждый,

пятясь, завел свой костюм в надлежащее гнездо и подключил к подзаряжающим батареям. (В боекостюмы была вмонтирована автономная плутониевая батарея, которой хватило бы на несколько лет, но нас приучали к бережливости.) В конце концов все благополучно подключили свои костюмы и было дозволено выходить на свет божий: девяносто семь цыпляток, выскакивающих из ярко-зеленых яиц. Было холодно, особенно это касалось боекостюмов, поэтому мы весьма недисциплинированной толпой бросились к шкафчикам с одеждой.

Я натянул тунику, брюки и сандалии, но все равно дрожал от холода. Я взял свою чашку и встал в очередь за порцией горячей сои. Чтобы согреться, все в очереди прыгали на месте.

— К-как... т-ты думаешь М-манделла, ск-колько з-здесь... градус-сов? — Это была Маккой.

— И... знать... не хочу...— Я бросил прыгать и начал со всей возможной энергией растираться одной рукой, так как в другой я держал чашку.

— Во всяком случае, не холодней, чем в Миссури.

— Ух... хоть бы... включили... обогрев... дьявол их забери...

Маленьким женщинам всегда приходится ху-

же всех. А Оин была у нас самой миниатюрной, куколка с осиной талией, едва пяти футов росту.

— Уже включили кондиционер. Скоро прогреется.

— Хотела бы... быть... такой здоровой, как ты.

А я втайне радовался, что все наоборот.

Глава 6

Потери у нас начались на третий день, когда мы тренировались делать ямы.

Учитывая нашу энерговооруженность, копать лопатой или подобным инструментом долбить промороженный камень Харона было бы просто непрактично. И тем не менее можно день-деньской стрелять из гранатомета и не выдолбить даже окопа. Поэтому используется пальцевый лазер. С его помощью делается углубление, в него бросается заряд с часовым механизмом, а вы поскорее убираетесь в укрытие. Укрытие на Хароне — это проблема, если только вы уже не обзавелись яминой где-нибудь поблизости.

Самое сложное в данной операции — это как раз успеть убежать. Безопасным считается расстояние не менее сотни метров от места взрыва. После включения часового механизма у вас есть

три минуты времени. Но сломя голову бежать не рекомендуется. Не на Хароне.

Несчастный случай произошел, когда мы делали действительно солидную яму. Подходящую для подземного бункера. Для этого требовалось сделать углубление, потом спуститься на его дно, заложить еще один заряд и повторить операцию, пока не получится яма нужного размера. И глубины. Мы использовали взрыватели с пятиминутным замедлением, но и этого времени едва хватало — выбираться из кратера следовало с крайней осторожностью.

Уже все успели «выкопать» двойной глубины яму, кроме меня и еще трех человек. Думаю, поэтому только мы действительно внимательно следили за происходящим, когда это случилось с Бованович. Расстояние между нами было метров двести. На экране моего конвертора, включенного на сорок процентов мощности, я видел, как она исчезла за гребнем кратера. После этого я только мог слушать ее переговоры с Кортесом.

— Я на дне, сержант.— Во время полевых занятий подобного рода радио работало только на прием, исключая инструктора и выполняющего упражнение.

— О'кей, пройди в центр и расчисть днище.

Не спеши. Пока не выдернешь кольцо, спешить тебе некуда.

— Ясно, сержант.

Мы могли слышать, как крохотным эхом отдается шорох мелких камней, проходящий через подошвы в костюм. Несколько минут она молчала.

— Достала дно,— Дыхание у нее несколько участилось.

— Лед или скала?

— Скала. Зеленоватая масса.

— Используй малую мощность. Один и две десятых, дисперсия «четыре».

— Боже, сержант, я проковыряюсь целый день.

— Возможно, но только в этой зеленой дряни имеются кристаллы гидрата, от сильного жара полетят куски. И нам ничего не останется, как только оставить в кратере твой хладный труп.

— О'кей, один и две десятых.— Противоположный край кратера озарился красным отсветом лазерного луча.

— Когда дойдешь до глубины в метр, перейди на дисперсию «два».

На это потребовалось семнадцать минут, три последние — на второй степени рассеивания. Представляю, как устала у нее рука.

— Теперь отдохни пару минут. Когда дно углубления перестанет светиться, активируй взрыватель и бросай заряд. Потом выходи из кратера. Ясно? Времени у тебя полно.

— Ясно, сержант. Буду выходить.

Но в голосе ее чувствовалось напряжение. Еще бы, не каждый день приходится на цыпочках удирать от тахионной бомбочки в двадцать микротонн. Несколько минут в динамиках слышалось учащенное дыхание.

— Готово.— Слабый стук — это бомба улеглась на место.

— Теперь не спеши, осторожно, у тебя целых пять минут.

— Ага-а, пять,— Застучали камешки о подошвы ее костюма. Сначала регулярные, эти звуки потом, когда она начала взбираться на гребень, стали более частыми. И когда осталось четыре минуты...

— Зараза! — Долгий скребущий звук, стук камешков,— Вот зараза.

— Что случилось, рядовой?

— Зараза! — Тишина,— Сволочь!

— Рядовой Бованович, я спрашиваю, что случилось.

— Я... сволочь, я застряла... Эта сволочная но-

га... Да помогите же!.. Я не могу двинуться, я не могу... я...

— Молчать! Как глубоко она застряла?

— Не могу вытащить, она застряла... моя нога... Помогите!..

— Тогда помогай руками, черт побери, толкай руками! У тебя усилие по тонне на каждую руку! — Остается три минуты.

Она перестала чертыхаться и что-то забормотала. Она тяжело дышала.

— Я вытащила ее. Две минуты.

— Двигайся насколько можешь быстро,— Голос у Кортеса был совершенно лишен волнения.

За девяносто секунд до взрыва Бованович появилась над гребнем кратера. Она выползла на четвереньках, переваливаясь через гребень.

— Беги... беги, как можешь быстро...

Она пробежала пять или шесть шагов, упала, поднялась, бросилась бежать, опять упала, проехав несколько метров, опять встала на ноги...

Казалось, что она успеет, но, едва покрыв тридцать метров, она израсходовала почти весь запас времени. Десять секунд...

— Хватит, Бованович,— сказал тогда Кортес,— падай на живот и не шевелись.

Но она не услышала или хотела отбежать

подальше и продолжала мчаться отчаянными прыжками, и тут сверкнула вспышка, сквозь скалу донесся грохот, в самой верхней точке прыжка что-то ударило ее сзади, пониже затылка. Обезглавленное тело завертелось в полете, за ним потянулась спираль мгновенно высохшей в пыль крови. Черно-красная лента легко оседала на грунт, и ни один человек не наступил на эту дорожку, пока мы собирали обломки камня, чтобы завалить обезображенный труп у ее конца.

В тот вечер Кортес вечерних занятий не проводил и вообще не показывался на нашей половине корпуса. Все мы были особенно вежливы друг с другом, и никто не боялся говорить о том, что случилось.

На ночь мы устроились с Роджерс. Каждый старался выбрать в соседи доброго товарища. Но Роджерс ничего не хотела, только плакала, и я тоже едва не разревелся.

Глава 7

— Огневая группа А, вперед!

Двенадцать человек нашей группы продвигались вперед, растянувшись ломаной цепью, двигались к бункеру-симулятору. До него было с

километр, и все по тщательно подготовленной полосе препятствий. Мы могли двигаться довольно быстро, так как с пути нашего убрали весь лед, но даже после десяти дней тренировок нас не хватало на большее, чем легкая трусца.

Я нес гранатомет с обоймой учебных тахионных гранат по десять микротонн каждая. Пальцевые лазеры у всех были установлены на 0,8 мощности, не опаснее, чем ручной фонарик. Это была учебная атака — бункер и защищающий его робот стоили слишком много, чтобы использовать их всего один раз.

— Группа Б, следуйте за нами. Командиры групп, принимайте командование.

Примерно на половине пути до бункера мы достигли скопления валунов, и Поттер, наш групповой командир, сказала:

— Залечь в укрытие.

Мы пристроились за валунами и поджидали группу Б.

Едва видимые в черном камуфляже боекостюмов, дюжина мужчин и женщин проскользнула мимо нас. Едва оказавшись на открытом пространстве, они сделали уход влево. Теперь мы уже не могли их видеть.

— Огонь!

Кружки красного света заплясали на дистанции в половину «щелчка» прямо перед нами, где едва можно было разглядеть темную массу бункера. Пятьсот метров — это предел для учебных фанат, но я решил попытать счастья. Я свел прицел с изображением бункера, придал гранатомету угол в сорок пять градусов и грянул залпом из трех гранат.

Бункер ответил огнем еще до того, как мои фанаты коснулись грунта. Его автоматические лазеры не превосходили по мощности наши, но при прямом попадании в человека его видеоконвертор выключался и человек считался условно мертвым до конца маневров. Автомат стрелял наугад. Нам в укрытии валунов ничего не угрожало.

Гранаты лопнули с фотографически-яркими вспышками метрах в тридцати от бункера.

— Манделла! Я думала, ты умеешь обращаться с этой штукой!

— Черт, Поттер, пятьсот метров — для меня предел. Как только подойдем поближе, я его накрою.

— Оттуда всякий накроет.

Я ничего не ответил. Не всегда же она у нас командир. И к тому же, пока власть не стукнула ей в голову, она была совсем неплохой девчонкой.

Поскольку гранатометчик одновременно считался и помощником командира группы, я был «пристегнут» к пот-теровскому радио и слышал ее переговоры с группой Б.

— Поттер, здесь Фримен. Есть потери?

— Здесь Поттер... нет, похоже, они концентрируют огонь на тебе.

— Ага, мы потеряли троих- Сейчас мы забрались в углубление, примерно в сотне метров прямо от вас. Можем прикрыть, как только будете готовы.

— О'кей, давай.— Тихий щелчок.— Группа А, за мной.

Она выскользнула из-за прикрытия камней и включила

тусклый розовый маячок, встроенный под энергорезервуаром костюма. Я почти ничего не видел, поэтому «перелизнул» свой конвертор на усиление «два». Изображение стало несколько туманным, но достаточно ярким. Так, похоже, что бункер окончательно пригвоздил группу Б, задает им жару. Они отвечали только лазерным огнем, видимо, потеряли уже гранатометчика.

— Поттер, здесь Манделла. Может, мы возьмем огонь с группы Б на себя частично?

— Сначала я найду достаточно надежное укрытие. Этот вариант вас устраивает, рядовой? — На

время маневров Поттер была временно произведена в капралы.

Мы взяли вправо и залегли за массивом. Большинство наших укрылись тут же. Но некоторым пришлось просто шлепаться на грунт.

— Фримен, здесь Поттер.

— Поттер, это Омти. Фримен «выключился». Самоэльс тоже «выключился». У нас осталось всего пятеро. Прикройте нас, чтобы мы...

— Ладно, Смити.— «Щелк» — Группа А, огонь. Б попала в переделку.

Я осторожно выглянул из-за скалы. По дальномеру до бункера было еще три с половиной сотни метров. Изрядно. Я специально взял повыше и выпустил три гранаты, потом спустил прицел градуса на два и выпустил еще одну серию. Первые три гранаты дали перелет метров на двадцать, зато второй залп лег прямо перед бункером. Я, стараясь не менять угол прицела, выдал всю оставшуюся обойму, все пятнадцать гранат.

Мне бы укрыться за скалой и перезарядить магазин, но я хотел увидеть, куда лягут эти пятнадцать, поэтому не отводил глаз от бункера, на ощупь открывая новый магазин.

Когда в меня ударил луч лазера, экран конвертора озарила ослепительная красная вспышка.

Свет, как мне показалось, насквозь пронизал мне череп, эхом отразившись от задней стенки. Всего несколько миллисекунд потребовалось конвертору, чтобы под воздействием перегрузки выключить изображение, но зеленый отсвет долго еще плясал у меня перед глазами.

Поскольку я теперь считался убитым, мое радио автоматически выключилось. Я должен был оставаться на месте, пока учебный бой не закончится. Я был абсолютно отрезан от окружающего (если не считать, что болела кожа на лице, там, где его осветила вспышка на экране конвертора), и время тянулось бесконечно. Наконец чей-то шлем щелкнул о мой шлем.

— Манделла, ты как? — услышал я Поттера.

— Извиняюсь, помер от скуки двадцать минут назад.

— Вставай и держи меня за руку.

Я так и сделал, и мы потопали обратно, к жилому корпусу. Это заняло около часа. Всю обратную дорогу она больше ничего мне не сказала — звуковые волны самый неудобный способ коммуникации, если на тебе боекостюм, но, когда мы прошли сквозь шлюз и прогрели костюмы, она помогла мне разоблачиться. Я уже приготовил себя к потоку язвительных вопросов, но, к моему

изумлению, она обхватила меня за шею и запечатлела на моих губах влажный поцелуй.

— Отличный выстрел, Манделла.

— Ну?

— Так ты не видел? Ну конечно же... Твой последний залп — четыре прямых попадания. Автомат в бункере поднял лапки, и нам оставалось не спеша пройти оставшиеся метры..

— Здорово.— Я почесал кожу на лице под глазами, начали отпадать чешуйки. Поттер засмеялась.

— Ой, ты бы посмотрел на себя! Ты похож...

— Весь боесостав, собраться в лекционном зале.— Это был голос капитана. Как всегда, какие-нибудь мрачные новости.

Поттер подала мне тунику и сандалии. Зал находился прямо в конце коридора. На двери имелся ряд кнопок от регистрационного устройства. Я нажал кнопку рядом со своим именем. Четыре фамилии были уже заклеены черной лентой. Всего четыре, не так уж плохо. Значит, на сегодняшних маневрах обошлось без потерь.

Капитан сидел на лекционной платформе, и, следовательно, отпадала ежедневная ерунда со «Становись! — Смирно!». Менее чем за минуту зал наполнился, мягкий звон регистратора засви-

детельствовал о присутствии всего состава.

Капитан Скотт не встал с платформы.

— Сегодняшние занятия прошли довольно хорошо. Никто не погиб, вопреки моим опасениям. В этом отношении мои опасения оказались ложными, но только в этом отношении. Все остальное никуда не годится.

Я рад, что вы достаточно заботитесь о собственной безопасности, поскольку каждый из вас — это капиталовложение в миллион долларов плюс четверть человеческой жизни.

Но в этом учебном бою с очень глупым роботом тридцать семь человек из вас ухитрились попасть под лазерный огонь и были убиты — условно. Так как мертвые солдаты не требуют довольствия, вы тоже обойдетесь без данного довольствия в течение трех дней. Каждый «убитый» в сегодняшнем бою будет получать только по два литра воды и витаминный рацион.

Уже наученные опытом, мы не пытались протестовать, хотя на некоторых лицах появилось соответствующее выражение, особенно на тех, что выделялись розовым прямоугольником воспаленной кожи вокруг глаз и опаленными бровями.

— Манделла!

— Да, сэр?

— У вас самый сильный ожог на лице. Ваш видеоконвертор был установлен на нейтральный режим?

— Нет, сэр. Усиление «два». Проклятье!

— Ясно. Кто был вашим групповым лидером сегодня?

— Временно капрал Поттер, сэр.

— Рядовой Поттер, вы приказывали ему включить усиление?

— Сэр, я... я не могу вспомнить.

— Не можете, значит. Что ж, для улучшения памяти, думаю, можете присоединиться к «убитым». Это вас устроит?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Все «убитые» получат сегодня ужин — и это их последняя еда на трое суток, начиная с завтрашнего дня. Какие будут вопросы? — Наверное, капитан решил пошутить.— Вопросов нет. Разойдись.

Я постарался выбрать на ужин самое на вид калорийное блюдо и поставил поднос рядом с Поттер.

— Спасибо тебе, хотя зря ты донкихотствуешь.

— Ничего, я уже давно собиралась скинуть несколько лишних фунтов.

Что-то я не замечал у Поттер лишних фунтов.

— Я знаю одно неплохое упражнение,— сказал я. Она улыбнулась, не поднимая глаз от своего подноса.— Уже выбрала соседа?

— Ну, я собиралась, правда, договориться с Джеффом...

— Тогда поторопись. Он, по-моему, вожделеет Миед-зиму. Почему бы и нет? Ее все обожают.

— Не знаю. Наверное, нам следовало бы поберечь силы. Еще три дня...

— Ну же, перестань,— Я легонько поскреб ее руку.— Мы ведь от самой Миссури не соседствовали. А вдруг я успел научиться чему-нибудь новому?

— Возможно.— Она лукаво склонила голову в мою сторону.— Согласна.

В действительности кое-что новое узнала как раз она. Новый фокус назывался «французский штопор». Она так и не сказала, кто ее научил. Я был бы рад пожать ему руку. Потом, когда ко мне вернулись бы силы.

Глава 8

Две недели тренировок на базе «Майами» стоили нам в конечном итоге одиннадцать жизней. Двенадцать, если считать Далквиса. Провести

остаток жизни на Хароне без руки и обеих ног — не намного лучше смерти. Фостер погиб под обвалом, а у Фриленда что-то отказало в боекостюме, и он замерз прежде, чем мы успели втащить его в помещение. Почти всех остальных из погибших я знал не очень хорошо. Но легче от этого не становилось. Смерть товарищей, похоже, больше пугала нас, чем заставляла быть осторожнее.

И вот мы на теневой стороне. Флаер перевез нас группами по двадцать человек и высадил у сваленных в кучу оборудования и стройматериалов. Кто-то благоразумно расположил их в самой середине лужи из гелия.

Чтобы вытащить материалы, нам пришлось использовать захваты-кошки. Вброд пускаться было неблагоразумно, гелий растекался по поверхности костюма, полз вверх, и к тому же нельзя было узнать, что на дне: стоило ступить на водородный лед — и вашему счастью приходил конец.

Я предложил испарить лужу совместным огнем лазеров, но десять минут концентрированного огня не понизили уровень гелия в значительной степени. Он не хотел кипеть. Гелий — это «сверхжидкость», поэтому испарение могло иметь

место только равномерно по всей поверхности. Никаких горячих точек, никаких пузырей.

Фонари нам использовать запретили, дабы «избежать обнаружения». Света звезд вполне хватало, если поставить видеоконвертор на третью или четвертую ступень усиления, но каждая ступень означала потерю четкости. При четвертой пейзаж казался неважной одноцветной гравюрой, и возможно было прочесть имя на шлемах людей, только если стоять вплотную.

Впрочем, ничего особенно интересного вокруг не наблюдалось. Имелось с полдюжины среднего размера метеоритных кратеров (почти вровень с краем заполненных гелием), а на горизонте выглядывали какие-то карликовые горы. По консистенции переморожeнный грунт напоминал заледенелую паутину — на каждом шаге нога уходила в него на полдюйма, вызывая хруст. Жутко надоедало.

Почти весь день мы потратили на вызволение наших материалов из лужи гелия. Спали по очереди — стоя, сидя или лежа на животе. Ни одна из этих позиций не пришлась мне по вкусу, поэтому я не мог дождаться окончания сборки бункера.

Мы не могли строить бункер в яме — он наполнился бы гелием. Следовательно, сперва нужно

было устроить специальную изолирующую платформу, такой трехслойный бутерброд из пермапласта.

Я был произведен временно в капралы и командовал группой из десяти человек. Мы переносили пермапласто-вые листы — два человека легко справлялись с таким листом,— когда один из моих людей поскользнулся и упал на спину.

— Проклятье, Сингер, смотри под ноги. Именно таким способом уже отправились на тот<свет с парочку человек.

— Прости, капрал. Я споткнулся. Зацепился за что-то.

— Смотри все же,— Он благополучно поднялся на ноги и вместе с напарником потащил лист дальше, потом вернулся за новым.

Я не забывал посматривать за Сингером. Через несколько минут он явно начал пошатываться, что не так-то просто в наших кибернетизированных доспехах.

— Сингер! Когда отнесешь плиту, подойди ко мне.

— О'кей.— Покончив с заданием, он подошел.

— Дай-ка я взгляну на твои индикаторы.

Я открыл крышку на груди его костюма, где находился медицинский монитор. Температура

тела была на два градуса выше нормальной, частота пульса и кровяное давление тоже показывали повышенные цифры. Но не до красных секторов, впрочем.

— Плохо себя чувствуешь?

— Черт, Манделла, я в норме, просто устал. Поэтому слегка не по себе.

Я вызвал нашего доктора:

— Док, здесь Манделла. Подскочите к нам на минуту.

— А где вы? — Я помахал ему, и он направился к нам в обход лужи.

— Что случилось? — Я показал ему показатели Сингера.

Док умел читать все другие индикаторы, не только термометр и давление, поэтому некоторое время обдумывал данные.

— Могу сказать только... что ему жарко.

— Черт, я сам вам это мог бы сказать,— проворчал Сингер.

— Наверное, пусть оружейник посмотрит его костюм.— У нас было два оружейника — они прошли сверхкраткий курс по устройству боекостюмов.

Я вызвал Санчеса и приказал ему подойти к нам вместе с инструментным ящиком.

— Через пару минут, капрал. Мы тут тащим лист.

— Бросай и давай быстро сюда.

У меня появилось тревожное предчувствие. Дожидаясь оружейника, мы с доком осмотрели костюм Сингера.

— Ого-го,— сказал док Джонс,— погляди-ка сюда.

Я зашел с другой стороны и посмотрел. Две пластины радиатора были погнуты.

— Что там? — спросил Сингер.

— Ты упал ведь прямо на радиатор?

— Точно, капрал, это он. Что-то плохо работает.

— Думаю, он вообще не работает,— сказал док.

Подошел со своим саквояжем Санчес, и мы объяснили ему, что случилось. Он взглянул на радиатор, вставил в гнезда пару контактных зажимов, и на индикаторе прибора в саквояже высветился ряд цифр. Не знаю, что они означали, только там было восемь знаков после нуля.

Послышался тихий щелчок. Это Санчес включился на мою личную частоту.

— Капрал, этому парню конец.

— Что? Ты не можешь починить эту штуку?

— Возможно... возможно, я и смог бы. Но только, если бы разобрал ее. Но разобрать...

— Эй, Санчес? — Это Сингер говорил на общей частоте,— Ты понял, что с ней? — Он тяжело дышал. «Щелк».

— Спокойно, парень, мы разбираемся. Выдержит до сборки и герметизации бункера. А так не справлюсь, нужно его разобрать.

— У тебя ведь есть запасной костюм?

— Даже два «безразмерного» типа. Но где же мы... как...

— Так. Подогрей один костюм.— Я включил общую частоту.— Сингер, тебе придется поменять костюм. У Санчеса есть запасной, но, чтобы ты мог переодеться, мы вокруг тебя построим домик. Понял?

— Мгм.

— Смотри, мы сделаем коробку, а ты будешь внутри, и подключим ее к установке жизнеобеспечения. И ты сможешь дышать, пока будешь переодеваться.

— Вроде как... немного сложновато... для меня.

— Да нет, смотри, тебе нужно только...

— Я в порядке, только дай мне отдохнуть...

Я подхватил его под руку и потащил к строящемуся бункеру. Его здорово качало. Док взял его под вторую руку, и мы вдвоем удерживали его от падения.

— Капрал Хоу, здесь капрал Манделла.— Хоу отвечала за жизнеобеспечение.

— Проваливай, я занята.

— Сейчас мы добавим тебе работы.

Я обрисовал ей проблему. Пока ее группа поспешила перенастроить СЖБ — нам требовались только воздухопровод и нагреватель,— я приказал своим людям притащить куски пермапласта, из которого должен был быть построен ящик для Сингера, и запасной костюм. Ящик должен был выглядеть вроде громадного гроба метр высотой и шесть мефов длиной.

Мы опустили запасной костюм на плиту, которой надлежало стать потом «фобом».

— Ну давай, Сингер, укладывайся.— Нет ответа.— Сингер, двигай.— Молчание.

— Сингер!

Сингер не двигался с места. Док Джоунс проверил его индикатор. Он в обмороке.

Бешено заметались мысли. В ящике мог бы поместиться еще один человек.

— Помоги-ка мне,— Я взял Сингера под руки, а док взял за ноги, и мы осторожно уложили его в ногах у запасного костюма.

Потом улегся я сам, уже на костюм.

— Так, закрывайте.

— Послушай, Манделла, этим должен заняться я.

— Идите вы, док. Мой человек, моя работа.— Ну и выдал же я. Уильям Манделла — герой космоса!

Пермапластовую плиту поставили на ребро — в ней уже проделали два отверстия для вывода и ввода трубопроводов СЖБ и начали приваривать ее к днищу ящика. На Земле вместо узконаправленного лазерного луча используется клей, но здесь из жидкостей в наличии имелся только гелий, а он имеет множество интересных свойств, за исключением клейкости.

Примерно минут через десять нас уже «замуровали». Я почувствовал, как завибрировала включенная СЖБ, и зажег нашлемный фонарь — первый раз за все время с самого начала высадки на теневой стороне. От света перед глазами заплясали пурпурные пятна.

— Манделла, это Хоу. Оставайся внутри костюма еще две-три минуты. Мы нагнетаем горячий воздух, но обратно он почти что течет.

Пурпурные пятнышки постепенно пропали.

— Порядок, можешь вылезать, хотя там еще холодновато.

Я расщелкнул костюм. До конца он не раскры-

вался, но я без особых хлопот выбрался наружу. Поверхность костюма была еще довольно холодной, в достаточной степени, чтобы оставить на ней по куску кожи с ладоней и ягодиц, пока я ужом выкручивался из него.

Чтобы добраться до Сингера, пришлось ползти, но ногами вперед. Фонарик на шлеме давал совсем мало света. Когда я раздвинул костюм Сингера, в лицо мне ударил поток горячего вонючего воздуха. В тусклом свете кожа Сингера казалась темно-красной и усеянной пятнами. Дышал он неглубоко, и сердце ощутимо участило ритм.

Сперва я отсоединил отводные трубки — занятие не из приятных,— потом биосенсоры, а потом пришлось повозиться, пока не высвободил его руки из рукавов.

Куда как просто, если можешь вытащить руку самостоятельно. Поворот туда, поворот сюда — вот рука уже свободна. Совсем другое дело, если вытаскиваешь чужую руку. Приходилось сгибать Сингеру руку, потом из-под низа дотягиваться до рукава и тащить за рукав, а попробуйте-ка поворочать боекостюмом — силенка требуется.

Когда я освободил ему одну руку, все пошло уже легче. Я просто прополз вперед и потянул его за свободную руку. Сингер вылез из боекостюма,

словно устрица из раковины.

Я расстегнул запасной костюм и, помучившись изрядно, умудрился всунуть ноги Сингера в «штанины». Нацепил биосенсоры и присоединил переднюю отводную трубку. Второй трубкой пусть сам займется потом, это дело сложное. В энный раз я порадовался, что родился мужчиной, женщинам приходилось иметь дело с двумя этими проклятыми друзьями «водопроводчика» вместо всего лишь одного плюс обыкновенный шланг.

Руки в «рукава» я вставлять не стал — костюм непригоден для какой-либо работы, усилители нужно настраивать индивидуально для каждого хозяина.

Веки у него вздрогнули.

— Ман... делла. Где... черт...

Я объяснил ему не спеша, и он, похоже, все в основном понял.

— Теперь я закрою твой костюм и залезу обратно в свой. Люди снаружи вскроют торец этой штуки, и я вытащу тебя. Понял?

Он кивнул. Странно это выглядело, даже ведь когда киваешь или пожимаешь плечами внутри костюма, это никому ничего не говорит.

Я вполз обратно в свой костюм, прицепил все

аксессуары и включился на общую частоту.

— Док, думаю, он в порядке. Теперь вынимайте нас.

— Сейчас начнем,— Это голос Хоу.

СЖБ сменила гудение на кудахтанье, потом заухала. Выкачивали воздух из «саркофага», чтобы избежать взрыва.

Один из углов торцевой плиты засветился красным, потом белым, и, наконец, яркий малиновый луч пронзил стенку, пройдя всего в футе от моей головы. Я отодвинулся, насколько мог. Луч обошел углы плиты, и конец короба медленно отвалился, потащив за собой нити расплавленного перма-пласта.

— Манделла, погоди, пока пласт затвердеет.

— Санчес, я еще не такой глупый.

— А ну, держи.

Кто-то бросил мне веревку. Правильно, это поразумнее будет, чем тащить Сингера самостоятельно. Я сделал петлю и продел ее под руками Сингера, завязав концы у него на затылке. Потом я вылез наружу, чтобы помогать им тащить: уже с дюжину ребят выстроились в линию, готовые взяться за веревку.

Сингер благополучно был извлечен и, пока док Джонс проверял его показания, уже смог сесть.

Все меня поздравляли и задавали вопросы, как вдруг Хоу крикнула: «Смотрите!» и показала в сторону горизонта.

Корабль, совершенно черный, быстро приближался. Я едва успел подумать, что это нечестно, они не должны были атаковать до нескольких последних дней, а корабль был уже над нами.

Глава 9

Мы все инстинктивно попадали на грунт, но корабль не стал атаковать. Он в последний раз выстрелил тормозными двигателями и опустился на лыжи-шасси. На них он и покатился, пока не замер у самой строительной площадки.

Все уже поняли, в чем дело, и обступили корабль, когда из него вышли двое.

Знакомый голос затрещал на общей частоте:

— Вы все видели, как мы приближались, и ни один из вас не попытался ответить огнем. Это ничего не дало бы, но уже знаменовало бы присутствие определенной степени боевого духа. Вы здесь пробудете еще неделю, пока произойдет настоящая атака, и мы — сержант и я — позаботимся, чтобы вы проявили несколько большее желание выжить. Исполняющий обязанности

сержанта Поттер!

— Здесь, сэр.

— Дайте мне группу в двенадцать человек, разгрузите машину. Мы привезли сотню робоснарядов для упражнений в стрельбе, так что у вас, возможно, будет шанс, когда появится настоящая цель.

— Приступайте немедленно. Через полчаса корабль возвращается на «Майами».

Я специально засек время — на самом деле корабль улетел через сорок минут.

Присутствие сержанта и капитана ничего в принципе не меняло, мы по-прежнему могли полагаться только на себя, офицеры только наблюдали.

После того как была сооружена изолирующая платформа, потребовалось всего двадцать четыре часа, чтобы достроить бункер. Это было серое, продолговатое строение, некоторое разнообразие в очертания вносили окна и пузырь входного шлюза. На крыше был установлен в шарнирном подвесе гигаваттный лазер. Оператор, если хотите, то «пушкарь», должен был сидеть в своем кресле и держать спуски в каждой руке. Пока он держит спуски, лазер не будет стрелять. Если он выпустит спуск, лазер автоматически нацелится

на любой летящий объект в поле видимости и откроет огонь. Предварительное обнаружение и прицеливание производились с помощью километровой высоты антенны, поднимавшейся за бункером.

Только такая система могла оказаться действительно эффективной, учитывая близкий горизонт и медленные человеческие рефлексы. Полностью положиться на автоматику было нельзя, потому что теоретически могли приближаться и не вражеские корабли.

Управляющий прицеливанием и огнем компьютер мог справиться с двенадцатью целями, появившимися одновременно, и поразить их все за полсекунды (первый выстрел — по самой крупной цели).

Установку частично прикрывал от вражеского огня эффективный теплоотражательный экран. Незащищенным оставался только оператор. Восемьдесят человек в бункере, один — на крыше, прикрывает остальных. Любимая армией арифметика.

По завершении строительства бункера половина нашего состава постоянно находилась внутри, по очереди дежуря у лазера, в то время как остальные уходили на полевые занятия.

Примерно в четырех «щелчках» от бункера имелось большое «озеро» замерзшего водорода. Одно из наших занятий — из наиболее важных — было отдано тренировке умения передвигаться по этому опасному веществу.

Все оказалось довольно просто. Если стоять на водородном льду невозможно, то опускайтесь на живот и скользите.

Если кто-нибудь может дать вам первичный толчок, то со стартом нет проблем. В противном случае вам приходилось сучить ногами и руками, медленно продвигаясь вперед серией небольших подскоков. Набрав скорость, вы продолжали двигаться, пока не выезжали за пределы «льда». Направление скольжения можно было изменять в некоторой степени, тормозя ногой или рукой с соответствующей стороны. Но полностью остановиться таким образом было невозможно. Поэтому благоразумно было слишком не разгоняться и, прибывая в конечный пункт, не давать шлему поглотить всю энергию торможения.

Мы повторили уже знакомую по солнечной стороне программу обучения: стрельба, работа со взрывчаткой, учебные атаки. Мы также через нерегулярные промежутки времени запускали робоснаряды в сторону бункера. Таким образом,

десять или пятнадцать раз в день оператор-«пушкарь» демонстрировал свое искусство бросать спуски лазера, едва загорался предупреждающий индикатор.

Я тоже отдежурил свои четыре часа, как и все остальные, сперва волновался, но только до первой атаки, когда я понял, что ничего особенного тут нет. Вспыхнул индикатор, я опустил рукоятки, компьютер нацелил пушку, и едва-едва снаряд показался над горизонтом... «зэт!». Радужная вспышка, брызги расплавленного металла. В общем, ничего особенного.

Таким образом, никто из нас не беспокоился относительно предстоящего «выпускного экзамена», рассудив, что ничего нового нам не предложат.

База «Майами» атаковала на тридцатый день, выстрелив одновременно два снаряда с противоположных точек горизонта, приблизительно на сорока километрах в секунду. Лазер испарил первую цель без труда, но второй снаряд находился уже в восьми километрах от бункера, когда его достал луч. Я по чистой случайности смотрел в сторону бункера, когда это началось, а иначе я бы ничего и не заметил.

Взрыв второго снаряда послал поток раскален-

ных осколков прямо в сторону бункера. В здание попало одиннадцать из них, и вот, как потом удалось установить, что случилось: первой жертвой стала Миедзима, всеобщая любимица Миедзима. Ее ударило в спину и в голову, она умерла мгновенно. Воздух хлынул сквозь пробоины, начало падать давление, установка жизнеобеспечения пошла вразнос. Фридман стоял как раз перед основным раструбом кондиционера, и поток воздуха бросил его на противоположную стену с такой силой, что тот потерял сознание. Он умер от удушья прежде, чем остальные успели вложить его в костюм.

Все остальные смогли, преодолевая воздушный вихрь, добраться до своих боекостюмов, но костюм у Гарсии оказался пробитым и ничем ему "не помог.

К тому времени, когда мы добрались до бункера, они уже выключили СЖБ и заваривали пробоины в стенах. Какой-то парень пытался прибрать с пола неузнаваемую массу, которая когда-то была Миедзимой. Его душили приступы тошноты и слезы. Гарсию и Фридмана уже вынесли наружу, чтобы похоронить. Капитан возглавил группу ремонтников. Сержант Кортес отвел всхлипывающего парня в угол и сам занялся приборкой

останков Миедзимы. Он никому не приказал помочь, и никто добровольно не вызвался.

Глава 10

В качестве «выпускного экзамена» нас довольно бесцеремонно затолкали в корабль — «Надежду Земли», тот самый, на котором мы прибыли на Харон,— и отправили на Старгейт с ускорением чуть больше одного g.

Перелет казался бесконечным, почти шесть месяцев субъективного времени, и ужасно скучным, хотя и не таким костюмным, как в первый раз. Капитан Скотт заставлял нас повторять весь курс обучения — устно, день за днем, и еще мы делали зарядку до полного коллективного изнеможения.

Старгейт-1 очень походил на теневую сторону Харо, но только там было еще хуже. База на Старгейте была по размерам меньше, чем «Майами», едва лишь превосходила наш бункер на теневой стороне, и мы должны были провести там неделю, помогая гарнизону расширить жилые помещения. Все они нам очень обрадовались, особенно две представительницы слабого пола, выглядевшие несколько устало.

Мы столпились в небольшом зале столовой, где субмайор Уильямсон, командующий базой Старгейт-1, сообщил нам неожиданные новости.

— Усаживайтесь поудобней. Эй, слезай со стола, места и на полу хватает.

У меня уже есть некоторое представление о том, чем вы занимались на Хароне. Не скажу, что время было потрачено зря, но там, куда вас направят, там все будет совсем не так. Там будет потеплее.

Он сделал паузу, чтобы все переварили услышанное.

— Альфа Возничего, первый из когда-либо обнаруженных коллапсаров, вращается вокруг обыкновенной звезды, Эпсилона Возничего. Период обращения — двадцать семь лет. Вражеская база находится не на входной планете коллапсара, а на одной из планет Эпсилона. О ней известно не так уж много. Мы знаем только, что она обращается вокруг Эпсилона за семьсот сорок пять дней, размеры ее составляют примерно три четверти земных, ее альбедо — 0,8, судя по всему, она закрыта облаками. Какова температура на поверхности, точно сказать нельзя, но, судя по расстоянию до Эпсилона, там жарче, чем на Земле. Конечно, нельзя сказать заранее, где вам

придется работать, вести боевые действия — на солнечной или теневой стороне, на экваторе или на полюсе. Вряд ли атмосфера окажется пригодной для дыхания, так что вы будете оставаться внутри костюмов.

Ну вот, теперь вы знаете об этом месте ровно столько, сколько знаю я. Вопросы есть?

— Сэр,— протянул Стейн,— мы уже знаем, куда нас направляют. А что мы там должны будем делать — кто-нибудь знает?

Уильямсон пожал плечами.

— Это зависит от вашего капитана, и сержанта, и капитана «Надежды Земли», а также логического компьютера «Надежды». Сейчас у нас просто не хватает данных, чтобы набросать даже вчерне программу действий. Возможно, предстоит тяжелый бой, а возможно — только приятная прогулка, если вдруг тельциане предложат перемирие.— Сержант Кортес фыркнул,— В таком случае вы будете нашим «мускулом», представителями нашей силы на переговорах.— Майор укоризненно посмотрел на сержанта: — Никто не может сказать заранее.

Вечером разразилась целая оргия. Со стороны, может, это и выглядело забавно, но попробуйте заснуть посреди буйно-веселого пикника.

Единственное достаточно большое помещение, способное вместить нас всех на ночь,— столовую разгородили несколькими простынями, создав иллюзию, так сказать, интимной обстановки, после чего восемнадцать помирающих без женской ласки мужчин гарнизона Старгейта были спущены с поводков. Естественно, наши женщины, в соответствии с армейским обычаем (и законом) проявили достаточно благожелательности и уступчивости, хотя единственное, чего они действительно желали, так это спокойно уснуть на надежном покрытии пола базы.

Восемнадцать старгейтовцев, очевидно, старались извлечь из обстоятельств максимум выгоды для себя и устроили впечатляющий спектакль (по крайней мере, в чисто количественном отношении). Некоторые из них даже вели счет и подбадривали наиболее даровитых представителей. Думаю, это самое подходящее слово.

На следующее утро — как и во все остальные дни нашего пребывания на Старгейт-1,— мы выбрались из мешков и, замкнув костюмы, отправились наружу, пристраивать «новое крыло» к зданию базы. В свое время Старгейт станет штаб-квартирой нашего командования, с персоналом в несколько тысяч человек, охраняемой

дюжиной тяжелых крейсеров класса «Надежда». Но все же, когда мы туда прибыли, это была лишь горстка людей (двадцать человек) и два барака, а когда мы улетали, там по-прежнему оставалась горстка людей (в том же составе) и четыре барака. Постройку новых бункеров едва ли можно было назвать работой по сравнению с условиями на теневой стороне Харона.

У нас было достаточно света, и работали мы только по восемь часов. И никаких робоснарядов в качестве финальной проверки наших навыков.

Поэтому мы не очень радовались, возвращаясь в челноке на борт «Надежды» (хотя некоторые из наиболее популярных представительниц прекрасного пола заявили, что неплохо и вправду немного передохнуть).

Позади оставался последний безопасный пункт нашего маршрута, впереди ждала встреча с тельцианами. И, как заметил майор Уильямсон еще в первый день, «никто не может сказать заранее, чем это кончится».

Большинство наших без особого восторга взирали на перспективу коллапсарного прыжка. Нас заверили, что мы вообще ничего не почувствуем, свободное падение — вот и все.

Меня это объяснение не удовлетворило. Как

студент физического факультета, я прослушал обычный курс по теории относительности и теории гравитации. Правда, тогда у нас было очень мало действительных данных, Старгейт был открыт, когда я уже заканчивал учебу. Но математическая модель представлялась вполне ясной.

Коллапсар Старгейт являл собой идеальную сферу трех километров в диаметре. Он находился в состоянии гравитационного коллапса, что означало — его поверхность падает к центру коллапсара почти со световой скоростью. Но падает она вечно, теория относительности, по крайней мере, придает коллапсару иллюзию действительного существования в данном месте. Вообще вся реальность становится не такой уж реальной, когда вы изучаете общую теорию относительности. Или буддизм. Или вас забирают в армию.

Как бы там ни было, а по теории выходило, что в определенной точке пространства могло получиться так, что нос нашего корабля находился бы почти над поверхностью коллапсара, а корма где-то в километре позади. С нашей точки зрения, в любой нормальной вселенной это вызывает такие перепады напряжений, что корабль мгновенно развалится на куски и мы все станем еще одним миллионом килограммов дегенерировав-

шей материи на теоретически существующей поверхности коллапсара и понесемся в никуда на весь оставшийся промежуток вечности, а может, будем падать к центру коллапсара всю следующую триллионную долю секунды. Словом, каждый выбирает точку отсчета по вкусу.

Но все вышло, как нам и говорили. Мы стартовали с входной планеты,— это и был, собственно, Старгейт-1,— сделали несколько курсовых коррекций, а потом перешли в свободное падение в течение нескольких следующих часов.

Потом зазвонил сигнал, двойная перегрузка вжала нас в подушки коек. Мы находились уже на вражеской территории.

Глава 11

Мы тормозились на двойном ускорении уже девять дней, когда битва началась. Распластанные на койках, мы только и почувствовали, что два слабых толчка — это наш крейсер выстрелил ракетами. Примерно через восемь часов закаркал интерком.

— Внимание, экипаж. Говорит капитан Квинсана.— Наш пилот был всего только лейтенантом, но ему разрешалось называть себя капитаном на

борту корабля, где он по значению превосходил всех нас, даже капитана Скотта,— И вы, из трюма, тоже слушайте.

Только что с помощью двух ракет по пятьдесят гигатонн каждая мы уничтожили вражеский корабль и другой объект, запущенный этим кораблем в нашу сторону, примерно за три микросекунды до этого.

Вражеский корабль пытался перехватить нас на протяжении последних 179 часов, время бортовое. В момент поражения он двигался почти с половиной световой относительно Альфы и находился всего в трех астрономических единицах от «Надежды». Он перемещался с 0,47 относи-

тельно нас. Следовательно, мы столкнулись бы — врезались! — примерно через девять часов. Ракеты были выпущены в 07.29 по бортовому времени и уничтожили вражеский корабль в 15.40, обе тахионные бомбы детонировали на дистанции в тысячи «щелчков» от цели.

Сами эти ракеты представляли собой едва контролируемые тахионные бомбы. Будучи запущенными, они ускорялись на постоянных 100 g и двигались на околосветовой скорости, пока масса вражеского корабля не детонировала их.

Новой встречи с вражескими кораблями мы не

ожидаем. Наша скорость относительно Альфы снизится до нуля через пять часов. Потом мы начнем обратное ускорение. Это займет двадцать семь дней.

Всеобщие вздохи и унылые проклятия. Все это нам уже было известно, так какого дьявола еще раз повторять?

Таким образом, через еще один месяц логических упражнений при постоянных двух *g* мы получили возможность впервые взглянуть на планету, которую нам предстояло атаковать. Пришельцы из космоса, так точно, сэр.

Она выглядела как ослепительно белый полумесяц, поджидающий нас в двух астрономических единицах от Эпсилона. Еще за пятьдесят астрономических единиц капитан определил месторасположение тельцианской базы, и теперь мы приближались по широкой дуге, выходя им в тыл, масса планеты предохраняла нас от обнаружения. Хотя они все равно нас обнаружили и нанесли три упреждающих удара ракетами, но это только прибавило нам бдительности. Мы были в относительной безопасности, по крайней мере до той поры, когда высадимся на поверхность. Тогда это можно будет сказать только о корабле и его экипаже.

Поскольку планета вращалась довольно медленно — один раз за десять с половиной земных суток,— стационарная орбита для корабля должна была находиться на высоте 150 000 километров. Оставшихся на корабле защищали 6000 километров камня и 90 000 миль пустоты, отделявшие их от врага. Но это означало секундное запаздывание при обмене сигналами между десантной командой и боевым компьютером на корабле. Пока нейтринный импульс проползет туда и обратно, от человека останется мокрое место.

Нам был дан не слишком детальный приказ атаковать базу тельциан и захватить ее, нанести при этом как можно меньше разрушений и взять одного «языка». По крайней мере одного. Ни в коем случае мы не могли допустить захвата в плен наших людей. И в конечном итоге мы и не могли бы сдаться: всего один импульс с корабельного боевого компьютера — и частица плутония в батарее вашего костюма отдаст энергию деления своих ядер со всей 0,01-процентной эффективностью, а вы превратитесь в не что иное, как сгусток очень горячей плазмы.

Мы заняли места в шести посадочных катерах — взвод по двенадцать человек в каждом — и

на восьми g покинули борт «Надежды». Каждый катер должен был опускаться своим, совершенно произвольным маршрутом, пока все вместе мы не соберемся в точке встречи, за 108 «щелчков» от базы тельциан. Одновременно с «Надежды» выпустили еще четырнадцать робоснарядов, чтобы привести в замешательство вражескую систему противоракетной обороны.

Посадка получилась почти что идеальная. Один катер незначительно пострадал, вражеский снаряд испарил часть защитного экрана на одной стороне корпуса, но катер по-прежнему мог выполнять задачу, пришлось только снизить скорость, войдя в атмосферу.

Мы тщательно прошли по всем зигзагам положенного нам маршрута и первыми оказались в точке встречи. Только эта точка, как оказывается, находилась на глубине четырех километров.

Я почти собственными ушами слышал, как стратегическая машина в 90 ООО миль от нас скрежещет умственными шестеренками, внося дополнения в свои блоки памяти. Мы же продолжали действовать, как будто шли на обычную посадку на твердом грунте: тормозные двигатели взревели, выдвинулись полозья шасси, удар о воду, еще удар, отскок, удар, погружение.

Возможно, было бы разумно продолжить погружение и опуститься на дно, но корпус не выдержал бы давления воды. Вместе с нами в катере находился и сержант Кортес.

— Сержант, скажите, пусть компьютер что-то сделает. Мы просто...

— Заткнись, Манделла. Молчи и надейся на Бога.— Он сказал «бога» совершенно так же, как говорил слово «рядовой» или «заткнись».

Что-то громко забулькало, потом бульканье повторилось еще раз, и я почувствовал, как спинка кресла слегка надавливает мне на спину: корабль поднимался.

Надувные поплавки? Кортес не соизволил ответить. Или сам не знал.

Но это и в самом деле были надувные поплавки. Мы поднялись почти к самой поверхности — до нее оставалось десять—пятнадцать метров, и там зависли. Сквозь иллюминатор было видно, как ртутным блеском мерцает над нами водяная поверхность. Интересно, подумал я, каково быть рыбой и иметь ясно видимую границу над твоим миром?

Я видел, как в воду плюхнулся еще один катер. В облаке воздушных пузырей он начал медленно погружаться хвостом вперед, пока под каждым

дельтавидным крылом не вздулись мешки поплавков. После этого он воспарил до нашего уровня и замер.

— Говорит капитан Скотг. Слушайте внимательно. Берег находится в двадцати восьми километрах от нашего настоящего положения, в направлении базы противника. На берег вас доставит катер. Далее вы будете продвигаться самостоятельно.

Не так уж плохо, разве что придется топать восемьдесят «щелчков» до тельцианской базы, которую предстоит осадить и взять.

Из поплавков был выкачан воздух, мы взлетели на поверхность и без особой спешки, развернувшись цепью, полетели к берегу. Это заняло несколько минут. Когда катер, проскрежетав по каменистому берегу, наконец замер, я услышал гудение насосов, выравнивающих разницу давления в кабине и снаружи. На миг раньше рядом с моим креслом открылся выходной люк лаза. Я выкатился на крыло нашей машины и спрыгнул на землю. Десять секунд на поиск укрытия, я помчался по рыхлому галечному пляжу к линии «деревьев» — каким-то голубовато-зеленым, кривоватым и утыканными иглами кустам, разбросанным довольно редко. Нырнув в шипастую

массу, я обернулся и увидел, как взлетают катера. Взлетели на самом деле робоснаряды — поддавшись на сотню метров, они с оглушительным грохотом устремились прочь в разных направлениях. Настоящие катера тихонько уползли обратно под воду. Что ж, возможно, это неплохая идея.

Нельзя сказать, что планета была слишком уж привлекательна, но одно несомненно — здесь куда лучше, чем в том криогенном аду, для которого нас подготавливали. Небо было серебристо-серым, тусклым и монотонным, над морем оно сливалось с туманом, и невозможно было сказать, где кончается небо и начинается вода. Небольшие волны лизали черную гальку берега, при местной гравитации, составляющей три четверти земной, они наплывали и откатывались медленно и грациозно. Даже с расстояния в пятьдесят метров шорох биллионов перекатывающихся камешков громко отдавался в ушах.

Температура воздуха была 79 градусов Цельсия — даже при местном, пониженном по сравнению с Землей, давлении море еще не кипело. Струйки пара поднимались к небу в том месте, где волны встречались с берегом. Как долго выживет здесь человек, не защищенный боекостюмом? От чего

он погибнет скорее — от жары или от недостатка кислорода (одна восьмая от земного)? Или его убьют неизвестные микроорганизмы?

— Говорит Кортес. Всем собраться вокруг меня.

Он стоял несколько левее и описывал рукой круги над головою. Я пошагал к нему сквозь кусты. Они оказались ломкими, непрочными и неожиданно высохшими для такой влажной атмосферы. Хорошего укрытия из них не получится.

— Наше направление — ноль целых пять сотых градуса восточнее северного. Впереди пойдет первый взвод. Второй и третий последуют с интервалом в двадцать метров слева и справа. Седьмой, командный взвод, пойдет в центре. Пятый и шестой образуют дугообразный арьергардный фланг. Все ясно? — Еще бы, маневр «наконечник», мы могли совершить его даже с закрытыми глазами.— Хорошо. Пошли.

Я был в седьмом, командном взводе. Капитан Скотт определил меня туда не потому, что я должен был отдавать какие-то команды, а из-за моего образования — я ведь изучал физику.

Командный взвод был предположительно самым безопасным местом, прикрываемый шестью остальными взводами. Все, кто был в него

назначен, имели, следовательно, тактическую ценность и должны были оставаться в живых дольше, чем другие. Кортес должен был отдавать приказы. Чавес должен был устранять неполадки в боекостюмах. Наш старший врач, док Джонс (единственный среди нас, кто имел степень доктора медицины), тоже был здесь, а также и Теодополис, радиоинженер, наше связующее звено с капитаном, который предпочел остаться на орбите.

Все остальные из нас были приписаны к командной группе благодаря специальным знаниям или особым талантам. Перед лицом неизвестного противника нельзя было сказать заранее, что может пригодиться. Я, например, имел некоторые познания в физике. Роджерс — по биологии. Тейт изучал химию. Хоу давала сто процентов правильных ответов на любом тесте на телепатические способности. Бор был полиглотом, бегло говорил на двадцати восьми языках, используя идиомы. Талант Петрова заключался в том, что в его психике не было обнаружено и одного грана ксенофобии. Ктинг был искусным акробатом. «Счастливчик» Холлистер отличался необыкновенными способностями делать деньги и, кроме того, тоже проявлял телепатическую

чувствительность.

Глава 12

Сначала мы использовали «джунглевую» комбинацию наших камуфляжных систем. Но местные джунгли были уж слишком анемичны, и мы смахивали на подозрительную толпу арлекинов, пробиравшуюся сквозь лес. Кортес приказал переключиться на черный цвет, но стало еще хуже, потому что свет Эпсилона исходил равномерно со всего неба и теней здесь не было. В конце концов мы остановились на охранной «пустынной» комбинации.

Чем дальше мы удалялись на север от морского побережья, тем заметнее изменялся характер местности. Шипастые стебли — думаю, можно назвать их деревьями — стали малочисленнее, но увеличились в размерах и были уже не такими хрупкими. Основание у каждого такого дерева было опутано чем-то вроде виноградных лоз того же зеленовато-голубого цвета, которые расползались во все стороны, образуя сплющенный конус метров до десяти в диаметре. На вершине каждого дерева имелся довольно нежный на вид зеленый цветок величиной примерно с челове-

ческую голову.

Трава появилась в пяти «щелчках» от моря. Трава, похоже, с полным уважением относилась к «праву собственности» деревьев на землю и оставляла вокруг каждого стебля и его конуса перепутанных лоз полоску голой земли. На границе этой полоски трава росла невысокой и нежной. Чем дальше от дерева, тем выше становилась трава, пока на особо обширных открытых пространствах не достигала человеку до плеча. Трава имела более светлый оттенок, чем деревья и лозы, и казалась более зеленой. Мы переключили камуфляж костюмов на ярко-зеленый, что использовался на Хароне для максимальной видимости. Теперь, держась в самой высокой траве, мы были довольно неплохо замаскированы.

В течение каждого дня мы покрывали по двадцать «щелчков», полные жизненной энергии после месяцев, проведенных под двукратной перегрузкой. Вплоть до второго дня единственной формой животной жизни, которую мы смогли обнаружить, были какие-то черные червяки, с палец величиной и с сотней ножек-ресничек, похожих на волоски щетки. Роджерс сказала, что здесь определенно должны водиться и какие-нибудь крупные животные, иначе зачем тогда

деревьям шипы? Поэтому мы удвоили осторожность, ожидая неприятностей как со стороны тельциан, так и со стороны неизвестных «крупных животных».

В голове шел второй взвод под командованием Поттер. Общая частота связи была отдана им, так как именно второй взвод первым должен обнаружить что-либо необычное или опасное.

— Сержант, говорит Поттер,— услышали мы все.— Вижу движение впереди себя.

— Немедленно залечь!

— Уже лежим. Не думаю, чтобы нас заметили.

— Первый взвод, заходи справа. По-пластунски. Четвертый, обход слева. Скажите, когда займете позицию. Шестой, оставайтесь на месте и прикрывайте тыл. Пятый и третий, присоединиться к командной группе.

Две дюжины человек неслышно вынырнули из травы, сливаясь с нашим взводом. Четвертый, очевидно, уже доложил Кортесу.

— Хорошо, что у вас, первый? ...О'кей, отлично. Сколько их там?

— Мы видим восемь,— Это голос Поттер.

— Хорошо. Огонь откроете по моему сигналу. Стрелять насмерть.

— Сержант... это просто животные.

— Поттер... если ты уже знаешь, как выглядит тельцианин, то тебе давно следовало поделиться с нами. Стрелять насмерть.

— Но нам нужен...

— Нам нужен «язык», но мы не можем тащить его с собой еще сорок «щелчков» до его родной базы да еще не спускать с него глаз, пока идет бой. Ясно?

— Да, сержант.

— Отлично. Седьмой, держать наготове все извилины и колдовские штучки. Пятый и шестой, двигайтесь с нами, будете прикрывать.

Мы поползли средь метровой высоты травы к позициям второго взвода, который уже растянулся в стрелковую цепь.

— Я ничего не вижу,— сказал Кортес.— Цвет. Прямо и чуть влево, темно-зеленый.

Они были лишь чуть темнее травы. Но как только вы заметили одного, то уже видели всех остальных. Они медленно передвигались метрах в тридцати от нас.

— Огонь!

Кортес выстрелил первым. Потом еще двенадцать ярко-малиновых нитей прыгнули вперед. Трава съеживалась и испарялась, существа корчились в конвульсиях и умирали, напрасно

старяясь скрыться.

— Прекратить огонь, прекратить! — Кортес поднялся на ноги.— Надо, чтоб хоть что-то осталось... Второй взвод за мной.

Он пошагал вперед, к тлеющим трупам, палец лазера направлен вперед, как зловещий жезл темного божества, тянущий его к месту кровавой бойни... Я почувствовал, что мой завтрак просится наружу, я знал, что, несмотря на все жуткие учебные ленты, на страшные смерти товарищей во время учебы, я все равно не готов лицом к лицу столкнуться со страшной действительностью... У меня есть магическая палочка, я могу направить ее на живое существо и превратить его в кусок полузажаренного мяса. Я никогда не был солдатом, и никогда не хотел быть солдатом, и никогда не захочу...

— Ладно, седьмой, подходите.

Пока мы шли туда, одно из существ вдруг зашевелилось, легкая судорога, и Кортес чиркнул лучом лазера поперек создания, почти что небрежным жестом. Луч распорол его пополам. Существо умерло, не издав и звука, как и все остальные.

Ростом они уступали людям, но превосходили нас в обхвате. Шкуру покрывала зеленая, очень

темного, почти черного оттенка шерсть. В местах, где ее коснулся луч лазера, шерсть скрючилась в завитки. Оказалось, что у них имеется по три ноги и по одной руке. Единственное украшение головы — рот, черное, влажное отверстие, полное плоских черных зубов. Были они достаточно отвратительные, правильно, но что хуже всего, так это не их непохожесть на человека, а их сходство. Всюду, где лазерный огонь распорол кожу, сквозь раны виднелись молочно-белые, обвитые кровеносными сосудами, внутренние органы, и кровь у них была темно-красная.

— Роджерс, посмотрите. Могут это быть тельциане?

Роджерс присела около одного из «выпотрошенных» существ и раскрыла плоский пластиковый ящичек, полный блестящих хирургических инструментов. Она выбрала скальпель.

— Попробуем вот что.

Док Джонс смотрел ей через плечо, пока скальпель методически распарывал мембраны, прикрывавшие некоторые органы.

— Вот.— В руках у Роджерс была черноватая губкооб-разная масса. Она держала ее двумя пальцами — грустная пародия изысканности посреди бронированных сочленений.

— Что это?

— Это трава, сержант. Если тельциане едят траву и дышат таким воздухом, то им удалось отыскать планету, удивительно похожую на их родину. — Она отбросила черную массу в сторону.— Это животные, сержант, просто животные, дьявол их забери.

— А я не уверен,— сказал док Джонс.— Только потому, что они передвигаются на четвереньках, то есть на трех-реньках, и едят траву...

— Хорошо, тогда посмотрим на мозг.— Она нашла одного убитого выстрелом в голову и соскребла верхний обуглившийся слой с раны.— Взгляните-ка сюда.

Почти что одна глухая кость. Роджерс поскребла еще у одного из существ.

— Черт, где же у них органы чувств? Ни глаз, ни ушей, ни...— Она поднялась с колен.

— Ничего у них в башке нет, только пасть и десять сантиметров кости. И ничего она не защищает, ни черта!

— Если бы я мог пожать плечами, я бы пожал плечами,— сказал доктор.— Это ведь еще ничего не доказывает. Мозг вовсе не обязан походить на водянистый орех вроде нашего, и он может находиться не в голове. Возможно, это не кость,

может, это и есть мозг, особая кристаллическая структура.

— Ага, желудок на положенном месте, и если это не кишки, то я слушаю.

— Слушайте,— сказал Кортес,— это все очень интересно, но нам нужно знать одно — представляет этот... эта штука опасность или нет, и мы двинем дальше. Мы...

— Они не опасны,— начала Роджерс.— Они не опасны.

— Доктор! Док! — Кто-то призывно махал руками среди людей в огневой цепочке. Док бросился к нему, мы последовали за ним.

— Что-то с Хоу. Она в обмороке.

Док распахнул дверку монитора Хоу. Много времени ему не понадобилось.

— Она мертва.

— Мертвая? — переспросил Кортес.— Проклятье, каким образом...

— Минуту.— Док вставил зажим в контакт на мониторе и повозился с ручками в своем чемоданчике.— У всех би-мед установлен на двенадцатичасовую запись. Сейчас я прогоню ее в обратную сторону. Вот!

— Четыре с половиной минуты назад. Именно в тот момент, когда открыли огонь, боже!

— Ну же!

— Обширное кровоизлияние в мозг. Никаких...— Он посмотрел на циферблаты: — Никаких признаков, все в полной норме: давление, правда, повышенное, пульс учащенный, но в данных обстоятельствах это нормально... ничто не предвещало...— Он нагнулся и расстегнул боекостюм Хоу. Тонкие восточные черты лица Хоу были искажены в страшной гримасе, рот оскален, обнажая десны. Липкая жидкость вытекала из-под ресниц, а из ушей все еще сочилась кровь. Док Джонс застегнул костюм.— Никогда ничего подобного не видел. Словно в голове бомба взорвалась.

— Дьявол,— сказала Роджерс.— Ведь она, кажется, была сенсетивом?

— Правильно,— глубокомысленно заметил Кортес.— Ну, хорошо. Внимание, слушайте все! Командиры взводов, проверить личный состав. Есть ли раненые или пропавшие. Пострадал еще кто-нибудь из седьмого?

— Меня... у меня зверски болит голова, сержант,— сказал «Счастливчик».

Еще у четверых тоже болела голова. Один из них подтвердил, что обладает небольшой телепатической чувствительностью. Остальные этого точно не могли сказать.

— Кортес, думаю, все ясно,— сказал док Джонс.— Нам следует держаться подальше от этих... чудовищ, а особенно ни в коем случае не причинять им вреда. Пять человек явно чувствительны к фактору, убившему Хоу.

— Конечно, черт возьми, и можно было мне и не напоминать. Нужно двигать, только что сообщил капитану о случившемся. Он тоже считает, что нам нужно поскорее уходить отсюда, и подальше, прежде чем сделаем привал на отдых.

Слушай команду, порядок движения и направление те же самые. Впереди пойдет пятый взвод, второй займет положение в арьергарде. Остальные двигаются как прежде.

— А как быть с Хоу? — спросил «Счастливчик».

— О ней позаботятся с корабля.

Когда мы отошли на «полщелчка», позади вспыхнуло и прокатился гром. На том месте, где мы оставили Хоу, к небу поднимался небольшой светящийся дымный гриб, быстро исчезнувший среди серых небес.

Глава 13

Мы сделали привал на «ночлег» — на самом деле солнце сядет только через семь—десять

часов — на вершине небольшого холма в десяти «щелчках» от места встречи с неизвестными существами. Но в этом мире они не были «неизвестными существами», напомнил себе я, это мы — чужаки.

Два взвода развернулись в оборонительное кольцо вокруг нас, и мы, то есть все остальные, в изнеможении попадали на землю. Каждому было разрешено спать четыре часа, кроме того, еще два часа он должен будет нести дежурство.

Рядом со мной опустилась на землю Поттер. Я включился на ее частоту.

— Привет, Мэригей.

— А, это ты, Уильям,— В наушниках ее голос звучал хрипло и надтреснуто,— Боже, что это был за ужас.

— Теперь уже все позади...

— Я убила одного из них, в самый первый миг, я выстрелила ему в...

Я тронул ее колено. Перчатка щелкнула о пластик ее костюма, и я отдернул руку, пораженный вдруг видением обнимающихся, любящих друг друга машин.— Не взваливай всю вину только на себя, Мэригей, если мы и виноваты, то... то все в равной степени, но тройная доля на Кор...

— Эй, рядовые, кончайте трепаться и поспите

хоть немного. Вам обоим скоро стоять на часах.

— О'кей, сержант.— Голос у Поттер был такой печальный и усталый, что я не мог этого вынести. Я чувствовал, что, если бы мог хотя бы дотронуться до Мэригей, я облегчил бы ее печаль, впитал бы ее, как песок впитывает дождь, но мы оба были, словно в ловушке, заключены в наших пластиковых мирках...

— Спокойной ночи, Уильям.

— Спокойной ночи.

Практически невозможно почувствовать какое-то чувственное возбуждение внутри боекостюма, со всеми его отводными трубками и хлорированными сенсорами на руках и ногах, но именно так мой организм ответил на мое эмоциональное бессилие. Возможно, в его клетках еще не стерлась память о проведенных с Мэригей ночах, возможно, мое «биологическое я», сознавая, что в вихре ждущих нас всех смертей его собственная гибель может наступить очень скоро, активизировало детородное приспособление для одной последней попытки. С веселенькими мыслями вроде последней я заснул, и мне приснилось, что я машина, копирующая живой организм, со скрипом и скрежетом пробирающаяся сквозь мир людей, а они, очень вежливые, ничего мне

не говорят, только хихикают за спиной, и крошечный человечек в моей голове дергает рычаги, нажимает на кнопки и следит за циферблатами, он уже совсем сошел с ума и припомнит все обиды, когда наступит...

— Манделла, черт тебя забери, просыпайся, твое дежурство!

Я, волоча ноги, занял положенное мне место в оборонном периметре, чтобы следить за... бог знает, за чем... но я чувствовал такую усталость, что даже не мог заставить веки подниматься. Пришлось в конце концов воспользоваться таблеткой стимулятора. Хотя я и знал, что даром это мне не пройдет.

Почти целый час я сидел, просматривая мой сектор слева-направо и наоборот, вдали и вблизи, ничего там не менялось, даже ветер не шевелил траву.

Потом внезапно трава расступилась, и показалось одно из тех трехногих существ, показалось прямо передо мной.

Я поднял лазер, но не стрелял.

— Вижу движение!

— Движение!

— Боже, один прямо передо мной...

— Не стрелять! Не стрелять, чтоб вам прова-

литься!

— Движение.

— Движение.— Я посмотрел влево и вправо, и, насколько мне хватало поля зрения, перед каждым из часовых периметра сидело безглазое и глухое существо.

Наверно, возбуждающая таблетка, которую я принял, усилила мою чувствительность к тому излучению или чему-то еще, что использовали эти существа. Кожа на черепе у меня зашевелилась, и я явственно ощутил внутри головы нечто. Вроде кто-то спросил вас о чем-то, а вы не расслышали и хотели бы переспросить, но возможность такая уже потеряна, момент упущен.

Существо сидело на корточках, опираясь на единственную «руку» — переднюю ногу. Большой зеленый медведь с одной недоразвитой лапой. Его телепатическая сила пропитывала мой мозг, будто паутина, будто отзвук ночных кошмаров, он пытался установить со мной контакт, а может, убить меня, я не знаю.

— Так, часовые по периметру, отходите назад и не спешите. Никаких резких движений... У кого-нибудь болит голова или что-нибудь еще?

— Сержант, здесь Холлистер.— Это «Счастливчик»,— Кажется, они что-то пытаются сказать

нам... Я почти что... нет,— Но я точно чувствую, они считают, что мы забавные... Они нас не боятся.

— Ты хочешь сказать, что тот, напротив тебя...

— Нет, ощущение исходит от всех одновременно. Они все думают одно и то же. Не спрашивайте, откуда я знаю, я просто чувствую.

— Может, они думают, что сыграли забавную шутку с Хоу?

— Возможно. Но я не ощущаю опасности. Им просто любопытно.

— Сержант, говорит Бор.

— Что там?

— Тельциане здесь уже, по крайней мере, год... возможно, они установили контакт с этими... «винни-пухами». Они могут шпионить за нами, могут посылать сообщения.

— Не думаю, чтобы они обнаружили себя в таком случае,— сказал «Счастливчик».— Они ведь явно могут надежно прятаться от нас, если хотят.

— Как бы там ни было,— сказал Кортес,— даже если они шпионы, мы уже нанесли им потери. Я знаю, вы хотели бы отплатить им за Хоу, но сейчас нам нужно проявить максимум осторожности.

Я не хотел отплатить за Хоу, я вообще предпочел

бы не иметь с ними дела. Я медленно возвращался в центр лагеря. Существо, судя по всему, не собиралось за мной следовать. Возможно, оно понимало, что мы окружены. Единственной лапой оно щипало траву и отправляло пучки в пасть.

— О'кей, командиры взводов, разбудить своих людей, сделать перекличку. Проверить и доложить, нет ли пострадавших. Мы выступаем через минуту.

Не знаю, чего ожидал Кортес, но существа, конечно, последовали за нами. Они не старались держать нас в кольце, просто двадцать или тридцать особей шли за нами по пятам. Но не одни и те же. Отдельные животные время от времени исчезали в траве, на смену им появлялись другие, присоединялись к параду. Было совершенно ясно, что они нисколько не устали.

Нам было разрешено принять по одной таблетке стимулятора. Без этого мы не продержались бы на ногах и часа. Все мы были не прочь принять и по второй, когда искусственное возбуждение начало постепенно убывать, но ситуация этого не позволяла: до базы противника оставалось еще тридцать «щелчков», то есть пятнадцать часов марша самое меньшее. И хотя легко было оставаться на ногах и по пять суток, прини-

мая стимулятор, но уже после второй таблетки искажения восприятия и суждений росли как снежный ком, пока не наступал час самых жутких галлюцинаций, воспринимаемых как реальность. И чтобы решить, например, позавтракать или нет, человек мог потратить часы на упорные размышления.

Наша команда продвигалась вперед, ощущая избыток энергии в течение первых шести часов. Скорость замедлилась к седьмому часу, а после девяти часов марша и девятнадцати километров мы уже едва не валились на землю. «Винни-пухи» не теряли нас из виду и, как сообщал нам «Счастливчик», не прекращали «передавать». Кортес решил сделать привал на семь часов, каждый взвод в течение часа должен был нести дежурства на периметре. Слава богу, я был в седьмом взводе, и мы дежурили последними, что давало возможность поспать целых шесть часов.

В последние секунды, перед тем как я соскользнул в пропасть сна, мне вдруг пришла в голову мысль: это может быть мой последний мирный сон. И частично под воздействием возбуждающего наркотика, а больше всего — после пережитых за последние часы кошмаров я обнаружил, что мне совершенно на этот факт наплевать.

Глава 14

Наше первое прямое столкновение с тельцианами имело место во время моего дежурства.

«Винни-пухи» не покидали нас, когда я проснулся и сменил дока Джонса на посту. Как и прежде, перед каждым часовым сидел на корточках зеленый медведь. Тот, что сидел напротив меня, казался крупнее остальных, но ничем другим от своих собратьев не отличался. Он уже выщипал всю траву вокруг себя и периодически совершал набеги то влево, то вправо. Но всегда возвращался на свое место напротив меня и продолжал, можно сказать, глядеть, хотя ничего похожего на глаза у него не имелось.

Мы играли в гляделки минут пятнадцать, когда вдруг загремел голос Кортес:

— Эй, команда, всем проснуться и попрятаться.— Я совершенно инстинктивно бросился на землю и откатился туда, где трава была повыше.— Вражеская машина над нами.

Строго говоря, она пролетала не точно над нами, а в стороне к востоку. Двигалась она не очень быстро, примерно «щелчков» сто в час, и больше всего походила на помело, окруженное

пузырем из грязноватого мыльного раствора. Верхом на помеле сидело существо, несколько более напоминающее человека, но все равно не первый приз. Я передвинул регулятор моего конвертора на сорокакратное увеличение, чтобы рассмотреть его получше.

У существа имелись две руки и две ноги. Но талия была до того тонкая, что ее спокойно можно обнять двумя ладонями. Под тоненькой талией имелось подковообразной формы «брюшко», почти метровой ширины, из которого свисали две худосочные ноги, без явно видимого коленного сустава. Выше талии тело существа опять распухало, и грудная клетка не уступала по размерам громадному тазобедренному узлу. Руки у него были неожиданно очень похожи на человеческие, не считая того, что имелся избыток пальцев, очень длинных и тонких. Ни плеч, ни шеи. Голова представляла собой жуткий нарост, словно зоб, вздымавшийся над грудной клеткой. Два глаза напоминали скопления рыбьей икры, связка кисточек торчала на месте носа и намертво раскрытого отверстия, возможно рта, хотя находилось оно где-то в районе адамова яблока, если бы только у него таковое имелось. Окружавший его мыльный пузырь, очевидно,

создавал внутри пригодную для тельцианина обстановку, потому что на летящем ничего не было, кроме собственной рубцеватой кожи, напоминавшей передержанную в горячей воде шкуру, покрашенную затем в бледно-оранжевый цвет. Никаких наружных признаков пола у «него» не наблюдалось, но за отсутствием даже намека на молочные железы мы свой выбор остановили на местоимении мужского рода.

Очевидно, он или не заметил нас, или подумал, что мы принадлежим к стаду «винни-пухов». Он ни разу не оглянулся на нас, продолжая полет в том же направлении, что двигались и мы,— 0,05 восточнее северного.

— Можете теперь снова отправляться на покой, если только вы сможете уснуть после того, как видели такую жуть. Выходим в четыре тридцать пять. Значит, осталось сорок минут.

Из-за окутывавшего планету мощного облачного слоя невозможно было определить с орбиты, как выглядит база противника или каких она размеров. Нам было известно только ее местонахождение, причем с такой же точностью, как и положение точки встречи наших катеров — то есть база вполне могла находиться под водой или под землей.

Но некоторые из робоснарядов одновременно являлись и разведзондами, во время отвлекающей атаки на базу одному из них удалось сделать снимок. Капитан Скотт передал схему строений базы Кортесу, который единственный из нас имел в боекостюме видеоприемник, в то время как мы уже находились в пяти километрах от ее условного местонахождения. Мы сделали остановку, и сержант вызвал всех командиров взводов для совещания. Участвовал также весь седьмой взвод и двое прискакавших «винни-пухов». Их мы старались игнорировать.

— Значит, так, капитан передал нам снимки объекта. Сейчас я набросаю схему, а командиры взводов ее скопируют.

Они повытаскивали блокноты и стила из набедренных карманов, а Кортес тем временем развернул пластиковый. Встряхнув лист несколько раз, чтобы поравномернее распределить остаточные заряды, он включил свое стило.

— Так, мы, значит, подходим отсюда,— Он нарисовал стрелку внизу листа,— Сперва там идет цепь каких-то строений, возможно, жилые помещения или бункеры, черт его знает... Первонаперво нужно уничтожить эти строения. База находится на открытой местности, и мимо нее

нам не проскочить.

— Говорит Поттер. Мы могли бы через них перепрыгнуть?

— Могли бы, почему же, а потом оказались бы в полном окружении, и нас смололи бы в порошок. Сначала мы уничтожим здания.

После этого... могу сказать, что дальше нам придется на ходу соображать. По данным аэросъемки мы можем только догадываться о назначении этих объектов. Может оказаться, что мы сровняли с землей их бар для рядового состава, а рядом остался в целости большой логический компьютер, потому что выглядел он... как куча отбросов в соответствующем контейнере или еще что.

— Говорит Манделла,— сказал я.— Может, у них там есть космопорт? Мы, наверное, должны были бы...

— До этого я еще дойду, Манделла. Значит, эти здания окружают базу кольцом, мы должны где-нибудь прорваться. Лучше всего в самом ближайшем месте, чтобы не выдать себя перед атакой.

На всей территории базы не заметно ничего такого, что могло бы стрелять. Но это, впрочем, ничего не значит — в любом из этих строений можно спокойно упрятать гигаваттный лазер.

Так, теперь в пятистах метрах за линией «избушек» имеется большая структура, формой напоминающая цветок.— Кортес нарисовал что-то похожее на цветок с семью лепестками,— Что это такое, провались оно в болото, я знаю не больше вашего. Эта конструкция единственная на базе, поэтому мы постараемся без необходимости ее не трогать. То есть взорвем к чертям, если мне покажется, что она грозит опасностью.

Теперь касательно космопорта, Манделла. Такого там нет. Ничего похожего.

Крейсер, который хлопнула наша «Надежда», был, видимо, оставлен на орбите, вроде нашего. Если у них имеется какой-либо эквивалент посадочного катера или робоснарядов, то они находятся в другом месте либо очень хорошо спрятаны.

— Говорит Бор. Каким же образом они тогда нас атаковали, когда мы опускались? <

— Хотел бы я знать, рядовой.

Установить численность гарнизона, даже приблизительно, мы, ясное дело, пока не можем. На снимках не видно ни одного тельцианина. Но косвенным образом можно ориентироваться на количество этих летающих штук, что похожи на помело.

— Имеется пятьдесят одна «избушка», и у каждой есть по крайней мере одно «помело». У четырех нет припаркованного «помела», но мы обнаружили три свободных на остальной территории базы. Возможно, это означает, что на базе пятьдесят один тельцианин, причем один из них находился вне территории базы, когда был сделан снимок.

— Здесь Китинг. Возможно, только пятьдесят. Один офицер.

— Правильно — пятьдесят пехотинцев прячутся в одном из этих зданий. Но наверняка сказать мы не можем. Может, там только десять тельциан, у каждого — по пять летающих палок, на выбор по настроению.

Мы имеем одно преимущество — нашу систему связи. Тельциане явно пользуются частной модуляцией электромагнитных волн.

— Радио!

— Правильно, как там тебя? Надо называться, когда говоришь. Так вот, вполне возможно, что они не в состоянии перехватывать наши фазонейтринные сообщения. Кроме того, перед самой атакой «Надежда» сбросит небольшую ядерную бомбу, она взорвется в верхних слоях атмосферы прямо над базой тельциан. Им придется перейти

на связь по прямому лучу — на некоторое время. И даже там будет полно помех.

— Почему бы... это Тейт. Почему бы не скинуть бомбу прямо им на голову? Избавило бы нас от труда...

— Я мог бы даже не отвечать, рядовой. Но я отвечу — они могут это сделать. Молись всем святым, чтобы они этого не сделали. Потому что удар по базе будет означать угрозу для «Надежды», причем атака уже начнется, и убежать нам далеко не удастся.

Поэтому мы постараемся поработать как следует, чтобы этого не случилось. Мы должны вывести базу из строя, чтоб она уже не могла выполнять свои функции. При этом нужно оставить в целости и сохранности как можно больше. И взять одного пленного.

— Здесь Поттер. Вы хотите сказать, по крайней мере одного пленного?

— Я говорю именно то, что хочу сказать. Только одного. Потгер... я освобождаю вас от обязанностей командира. Передайте взвод Чавесу.

— Есть, сержант.— В голосе ее явно слышалось облегчение.

Кортес продолжал рисовать карту и давать инструкции. Имелось еще одно задание, его

функции были очевидны — на крыше торчала большая поворотная антенна с параболическим отражателем. Ее мы должны были уничтожить, едва гранатометчики приблизятся на дистанцию огня.

План атаки не отличался детальностью. Сигналом послужит вспышка ядерного взрыва. Одновременно несколько робоснарядов с разных направлений помчатся к базе, таким образом мы выясним их систему противовоздушной обороны. Мы постараемся свести на нет эффективность этой системы, полностью ее не разрушая.

Немедленно после взрыва бомбы и атаки робоснарядов гранатометчики превратят в пыль семь ближайших к нам «избушек». Все мы сквозь эту брешь проникнем на территорию базы... что будет дальше — оставалось только гадать.

В идеале мы пронесемся с одного ее края к другому, уничтожая определенные объекты и всех тельциан, кроме одного. Но такой исход был весьма маловероятен, так как предполагал почти полную беспомощность противника в обороне.

С другой стороны, если тельциане с самого начала будут иметь явное преимущество, Кортес отдаст команду спасаться врассыпную. Каждому было дано индивидуальное направление бегства

— мы разлетимся во все стороны. Выжившие соберутся в долине, примерно за сорок «щелчков» к востоку от базы. Там мы выясним ситуацию для повторного нападения, после того как «Надежда» слегка обработает тельциан.

— И наконец, последнее,— проскрежетал голос Кортеса,— Возможно, некоторые из вас чувствуют то же самое, что и Поттер, возможно, некоторые из ваших людей чувствуют... что мы должны быть помягче, не лить зря крови и так далее. Но на данной ступени войны мы не имеем права позволить себе роскошь милосердия. Враг виноват в смерти четырехсот сорока девяти человек — это все, что мы знаем о нем. Враг без тени сомнения атаковал наши крейсеры, и глупо было бы ждать парламентеров сейчас, во время первой наземной схватки.

Противник виноват и в смерти всех ваших товарищей, погибших за время обучения, и в смерти Хоу, и всех других, которые неизбежно погибнут сегодня. Я не могу понять, как и кто может испытывать к нему жалость. Но это не имеет никакого значения. У вас есть приказы, и, черт возьми, вы прекрасно знаете, что все из вас получили постгипнотическое внушение, которое я реализую ключевой фразой перед самым нача-

лом боя. Это вам поможет немного.

— Сержант...

— Молчать. У нас мало времени. Всем разойтись по своим взводам и провести инструктаж. Мы выступаем через пять минут.

Командиры взводов вернулись к своим людям, оставив Кортеса и нас десятерых, если не считать трех «винни-пухов», которые бродили вокруг и лезли под ноги.

Глава 15

Последние пять «щелчков» мы продвигались с максимальной осторожностью, старались держаться самой высокой и густой травы, а случайные поляны перебегали. За пятьсот метров от предполагаемого расположения базы противника Кортес выслал в разведку третий взвод, пока все остальные залегли.

— Все примерно так, как мы и предполагали,— раздался его голос на общей частоте.— Продвигаться вперед ползком. Достигнув расположения третьего взвода, следуйте за своим командиром влево или вправо.

Мы так и сделали, в результате получилась вереница из восьмидесяти трех человек, грубо

перпендикулярная направлению атаки. Мы все довольно надежно укрылись среди травы, только около дюжины «винни-пухов» бродили вдоль нашей линии.

База не подавала никаких признаков жизни. Все строения не имели окон, все были одного ярко-белого цвета. «Избушки» — объект нашего первого удара — представляли собой что-то вроде громадных, наполовину погруженных в грунт яйцевидных строений, расположенных с интервалами в шестьдесят метров. Каждому гранатометчику Кортес определил по «избушке».

Мы разбились на три огневые группы: группу А составляли второй, четвертый и шестой взводы, группу Б — первый, третий и пятый, командный седьмой взвод образовывал группу С.

— Осталось меньше минуты, опустить фильтры! Когда я дам команду, гранатометчики откроют огонь. Упаси вас боже промазать.

Вдруг раздался какой-то громкий утробный звук, и серия из пяти или шести радужных пузырей воспарила в воздух над цветкообразным зданием. Они понеслись в вышину со все возрастающей скоростью, потом, уже почти исчезнув из виду, изменили направление и помчались на юг. Местность внезапно озарилась яркой вспыш-

кой, и впервые после высадки я увидел свою собственную длинную тень, указывающую на север. Бомба взорвалась раньше времени. Я едва успел подумать, что особой разницы тут нет, все равно тельцианская связь теперь накрылась...

— Ракеты!

Робоснаряд с жутким визгом выскользнул из-за верхушек деревьев, а радужный пузырь уже был готов встретить его. Когда они столкнулись, пузырь лопнул, и робоснаряд превратился в веер мельчайших осколков. Еще одна ракета скользнула с другой стороны, ее постигла та же участь.

— Огонь!

Семь ярких вспышек от разрывов гранат по пятьсот микротонн и страшное сотрясение, способное прикончить незащищенного человека.

— Поднять фильтры!

Серая дымка от дыма и пыли. Куски земли сыплются сверху, как тяжелые дождевые капли.

— Всем слушать!

Шотландцы, вы с Уоллесом сражались!

Шотландцы, вы с Брюссом в битву шли!

На смертном одре вам почить иль в битве победить!

Я почти не слышал сержанта, стараясь уследить за происходящим у меня в голове. Я понимал, что все это только постгипнотическое внушение, я даже помнил сеанс, там, в Миссури, когда мне это внушение делали, но сила его воздействия от этого совсем не уменьшилась. Удар псевдовоспоминаний обрушился на мое сознание: лохматые обезьяноподобные тельциане (хоть мы теперь и знали, что они совсем не так выглядят) врываются на борт транспорта переселенцев, пожирают детей на глазах вопящих от ужаса матерей (колонисты никогда не брали с собой детей, те не выдержали бы ускорения), потом до смерти насилующие женщин большими, с красными прожилками вен, членами (невероятно, что тельциане могли чувствовать какое-то влечение к нашим женщинам), потом сдирающие кожу и куски мяса с мужчин и тоже пожирающие окровавленную человеческую плоть (как будто они были бы в состоянии усваивать протеин чуждых организмов) и еще сотни подробностей, и все это я помнил с такой отчетливостью, словно события вчерашнего дня, хотя и были они до смехотворного нелепы и логически абсурдны. Но в то же время, как сознание мое отметало всю глупость внушения, где-то в темной глубине, там,

где таится спящий зверь, где берут истоки наши побуждения, нечто жаждало крови тельциан, убежденное в благородности поступка — умереть, пытаясь убить хоть одно из инопланетных чудовищ...

Я знал, что все это — дерьмо, дерьмовая брехня чистой воды, и я ненавидел тех людей, что позволили сыграть такую грязную шутку с моим сознанием, и все же я в буквальном смысле слышал, как скрежещут мои зубы, как судорога кровожадной гримасы сводит мне щеки... Словно ослепленный, передо мной проковылял «винни-пух». Я вздернул лазер, но кто-то опередил меня, и голова существа взорвалась кашей серой плоти и крови.

— Сволочи... сволочи проклятые,— простонал, почти провыл «Счастливчик». Лазерные лучи пересекались и расходились, и вот все «винни-пухи» пали замертво.

— Гляди в оба! — выкрикнул Кортес.— Целиться осторожнее, это вам не игрушки!

— Группа А, вперед... Группа В занимает воронки, прикрывает группу А!

Кто-то одновременно смеялся и всхлипывал.

— В чем дело, Петров, так тебя растак! — Странно, раньше Кортес никогда не выражался.

Я повернулся и увидел, что Петров, забравшись в небольшое углубление, панически пытается зарыться руками и ногами, рыдает булькающим плачем.

— Зараза,— сказал Кортес,— Группа В, на десять метров дальше воронок залечь в цепь! Группа С — залечь в воронки вместе с А!

Я поднялся на ноги и покрыл сотню метров за двенадцать прыжков с усилением. Воронки могли вместить в себя по посадочному катеру каждая. Я перепрыгнул через дно на противоположный край и приземлился рядом с парнем по имени Чин. Он даже не обернулся, продолжал пристально наблюдать за территорией базы. Там по-прежнему ничего не изменилось.

— Группа А, залечь в цепь за группой В, интервал десять метров!

Едва сержант отдал команду, как здание прямо перед нами извергло залп пузырей, веером устремившихся к нашим цепям. Все видели, что пузыри летят, и припали к земле, но Чин как раз вскочил на ноги и натолкнулся на один пузырь.

Тот едва только задел верхушку его шлема и исчез с негромким хлопком. Чин сделал шаг назад и повалился на дно воронки, оставляя на скате полосу крови и мозгов. Безжизненное тело,

с раскинутыми как крылья руками, сползло вниз, забивая грязью совершенно симметричное отверстие, где пузырь с одинаковым равнодушием прогрыз пластик, волосы, кожу и кость черепа.

— Всем лежать. Командиры... проверить состав, сколько убитых...— «Щелк»... «шелк»... «щелк»...— У нас три трупа. А могло бы быть ни одного, если бы они держали голову пониже! Всем падать пластом, как только услышите, что заработала эта штука. Группа А! Группа А, продолжайте маневр.— Группа А без неприятностей завершила маневр. — Отлично, группа С, перебежками к группе В. Отставить! Ложись!

Все уже попадали на землю. Пузыри прошли плавной дугой в двух метрах над нами. Безмятежно проплыли они над нашими головами и, не считая одного, превратившего в щепки случайное дерево, исчезли вдали.

— Группа В, перебежками за линию А, дистанция десять метров. С, взять позицию группы В. Гранатометчики группы В, посмотрите, можно достать «цветок»?

Взрыв двух гранат образовал воронки примерно в сорока или тридцати метрах от цветкообразной конструкции. В правдоподобном приступе паники «цветок» принялся извергать бесконеч-

ную струю пузырей, но по-прежнему ни один не опустился ниже двух метров от земли. Мы прижимались к грунту и продолжали двигаться вперед.

Вдруг в здании образовалось отверстие и расширилось до размеров большой двери. Оттуда повалили тельциане.

— Гранатометчики, отставить огонь! Группа В, огонь вправо и влево, не давать им уйти в сторону. А и С, вперед по центру!

Один тельцианин погиб, пытаясь перебежать луч лазера. За ним никто не последовал.

Довольно трудно одновременно бежать и держать голову пониже, когда ты в боекостюме. Приходится делать рывки из стороны в сторону, словно конькобежец на старте, иначе можно оторваться от земли и разделить судьбу Чина. Мне казалось, что я в какой-то ловушке, справа и слева — лазерный огонь, над головой — летучая смерть. Но, несмотря на это, я чувствовал прилив радости и энергии, я был просто счастлив, что мне наконец выпал случай прикончить одного из этих злодеев, пожирателей младенцев. Хоть и понимал, что это брехня.

Тельциане не отвечали нам огнем, не считая малоэффективные пузыри (очевидно, они не

были предназначены для поражения наземной силы), и обратно в здание они тоже не отступали. Они метались из стороны в сторону, их было около сотни, и смотрели, как мы приближаемся. Пара фанат покончила бы со всеми, но Кортес, очевидно, рассчитывал все-таки взять пленного.

— О'кей, когда я скажу «вперед», мы возьмем их в клещи. Группа В будет держать заслоны. Второй и четвертый взводы направо, шестой и седьмой налево. Группа В будет двигаться цепью, чтобы не выпустить их. Вперед!

Мы рванули влево. Как только прекратился лазерный огонь, тельциане тоже кинулись бежать всей толпой.

— Группа А, залечь и открыть огонь. Целиться точно! Если промажете, можете зацепить своих. И ради всего святого, оставьте мне одного в живых!

Жуткое это было зрелище — толпа монстров, мчащаяся прямо на нас. Они бежали, высоко подпрыгивая,— пузыри уклонялись от столкновения с ними,— и все выглядели точно как тот, что летел на «помеле»: совершенно голые, кроме прозрачной сферы, окружавшей их тела. Эти сферы двигались вместе с хозяевами. Правый фланг открыл огонь, выбирая свои жертвы в

арьергарде толпы.

Внезапно лазерный луч прошел сквозь толпу тельциан с той стороны — кто-то небрежно прицелился. Раздался жуткий вопль, и я, взглянув дальше по цепи, увидел, как кто-то, кажется, это был Перри, корчится на земле, прижимая правой рукой дымящийся обрубок, который остался от отсеченной левой руки. Сквозь пальцы брызгала кровь, а выведенный из строя камуфляж костюма одну за другой промигивал маскировочные комбинации: черно-белый — джунгли — пустыня — серый — зеленый. Не знаю, сколько времени я смотрел, пока не прибежал врач и не начал оказывать помощь, но, когда я поднял глаза, тельциане были почти рядом со мной.

Я выстрелил инстинктивно и взял очень высоко, но все равно задел верхушку защитного пузыря одного из тельциан. Пузырь исчез, а монстр-инопланетянин споткнулся и упал на землю, сотрясаемый судорожными спазмами. Из ротового отверстия потекла пена, сначала белая, потом розовая. Последний спазм согнул тельцианина почти в подкову, и он замер. Крик его, тонкий высокий свист, замолк в тот же момент, когда его товарищи начали прыгать через него и на него. Я улыбался и ненавидел себя за это.

Это был не бой, а бойня, хотя они превосходили нас численно раз в пять. В смысле наш фланг. Тельциане просто шли и шли, даже когда им пришлось перебираться через баррикаду тел и отсеченных конечностей, выросшую параллельно нашей цепи. Земля стала блестящей от красной тельцианской крови — все создания божьи используют гемоглобин,— и, как и у «винни-пухов», их внутренности тоже очень напоминали человеческие. Хотя я и не специалист. Мой шлем сотрясало от истерических приступов смеха, пока мы крошили тельциан в кровавую крошку, и я почти не услышал приказа Кортеса:

— Прекратить огонь. Я сказал прекратить, черт побери! Поймайте парочку живых, они вас не укусят.

Я перестал стрелять, и соответственно все остальные тоже. Когда следующий тельцианин выпрыгнул на меня из-за кучи дымящихся останков, я сделал нырок, стараясь обхватить его за тоненькие ноги.

Это было все равно что ловить большой скользкий воздушный шар. Он выскользнул у меня из рук и продолжал бежать.

Нам удалось остановить одного тельцианина простым способом — навалив полдюжины

человек на него сверху. За это время остальные пробежали сквозь нашу цепь и теперь мчались к ряду больших металлических цилиндров, напоминающих баки, которые Кортес считал какими-то складами. Маленькая дверка открылась у основания каждого цилиндра.

— Пленного мы уже взяли! — крикнул я Кортесу.— Убрать остальных!

До них уже было пятьдесят метров, и бежали они изо всех сил. Попасть было нелегко. Лазерные шпаги сверкали то над бегущими, то брали слишком низко. Один упал, перерезанный надвое, но остальные продолжали бежать и почти достигли дверок, когда открыли огонь гранатометчики. Магазины у них были заряжены «пятисотками», но сотрясение от взрывов не причиняло тельцианам вреда, они падали и вскакивали снова, невредимые в своих пузырчатых защитных оболочках.

— Здания! Огонь по заразам-зданиям!

Гранатометчики взяли прицел повыше и дали новый залп, но бомбы только опаляли поверхность зданий, пока одна не влетела в дверцу. Цилиндр раскололся словно по шву, извергнув облако механических обломков и язык бледного пламени, мгновенно развернувшийся и

пропавший. Тогда остальные гранатометчики сконцентрировали огонь на дверцах цилиндров, не считая случайных выстрелов по оставшимся тельцианам, больше для того, чтобы не дать им попасть в здания, чего тельциане, похоже, очень хотели бы. Все это время мы пробовали достать тельциан из лазеров, пока они метались вокруг цилиндрических конструкций. Мы подошли как можно ближе, чтобы только не попасть под разрыв гранат, но недостаточно все-таки для точного прицела.

Все же одного за одним мы выводили их из строя, кроме того, уничтожили четыре из семи строений. Потом, когда их осталось всего двое, близкий разрыв гранаты бросил одного прямо в отверстие входа. Тельцианин исчез внутри цилиндра, и последовавшие залпы не причинили обшивке никакого вреда. Гранаты падали вокруг конструкции, стоял грохот от взрывов, но вдруг его поглотил могучий вздох, словно гигант набрал полную грудь воздуха, и на месте цилиндрического строения прямо по вертикали уходила аж в стратосферу колонна дыма, словно вычерченная по линейке. Второй тельцианин находился в это время у самого основания цилиндра. Его разорвало в клочья. Через секунду нас

накрыло взрывной волной, и я, как перекати-поле, был сдут прямо на кучу мертвых тельциан, перекатился через груду тел и был отнесен еще дальше.

Когда я все-таки поднялся на ноги, меня охватила секундная паника — весь боекостюм был в крови. Но тут я сообразил, что это тельцианская кровь, и паника прошла, я чувствовал только желание вымыться.

— Поймайте сукина сына! Поймайте!

Воспользовавшись замешательством, пленный тельцианин вырвался на свободу и теперь мчался к зарослям травы. За ним гнался целый взвод, но тельцианин скрылся бы, если группа не перекрыла бы ему путь к отступлению. Я тоже потрусил в ту сторону, принять участие в забаве.

На тельцианина навалились четыре человека, а еще пятьдесят стояли кольцом вокруг, наблюдая за борьбой.

— По местам, чертовы дети! Их здесь, может, еще тысячи, может, они только и ждут момента, чтобы накрыть нас в одном месте!

Нехотя мы разошлись. Мы почему-то все были уверены, что больше тельциан на базе не осталось. И вообще на всей планете.

Сам Кортес тем временем направился к вновь

пойманному пленному. Вдруг вся четверка свалилась в кучу на теле инопланетянина. Даже оттуда, где я стоял, можно было видеть пену, вытекавшую из ротового отверстия тельцианина. Его защитный пузырь лопнул. Самоубийство.

— Вот сволочь! — Кортес был уже там.

— Отойдите в сторону.

Четверо отошли, и Кортес лазерным лучом расчленил инопланетянина на дюжину трепещущих кусков плоти. Какое отрадное зрелище.

— Ладно, не беда, найдем еще одного. Слушай команду! Порядок движения — строй «наконечник»! Начинаем приступ «цветка».

Ну, мы построились и пошли приступом на «цветок», который, очевидно, истратил весь боезапас, потому что рыкающие звуки он издавать продолжал, но пузырей больше не появлялось. Там было пусто. Мы промчались по въездным спускам и по коридорам, пальцевые лазеры наготове, словно дети, играющие в войну. Пусто, все ушли.

То же самое нас ожидало в строении с антенной и в сорока четырех «избушках» периметра, которые уцелели во время штурма. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась куча строений преимущественно неизвестного назначения, но

ни одного живого тельцианина, необходимого ксенологам, чтобы поэкспериментировать с ним. Во всяком случае, в их распоряжении любые отдельные части тельцианских останков. Лучше, чем ничего.

После того как мы прочесали каждый квадратный дюйм базы, пришел катер с настоящей исследовательской командой. Ученые.

— Ну ладно, кончено,— сказал Кортес, и мы вышли из гипнотического транса.

Поначалу всем нам несладко пришлось.

Потрясение от воспоминаний о кровавом убийстве едва не свело с ума некоторых людей вроде «Счастливчика» и Мэригей. Кортес приказал всем принять по таблетке транквилизатора-седатива. Две — для наиболее чувствительных. Но я тоже принял две, хотя мне и не приказывали. Потому что это было откровенное убийство, ничем не приукрашенная резня.

Как только мы обезвредили противовоздушную систему базы, нам уже не угрожала опасность. Тельциане, судя по всему, вообще не имели понятия о рукопашной схватке. Мы просто согнали их в стадо и перебили, Вот вам и первый контакт человечества с иной разумной расой. Возможно, второй контакт, если считать «винни-пухов».

Почему мы даже не попытались начать переговоры? Или вступить в контакт? Но и с первыми, и со вторыми поступили одинаково.

Не раз потом я говорил сам себе, что это не «я» с весельем сумасшедшего пластал на куски этих перепуганных, спасающихся бегством существ. Там, в двадцатом веке, ко всеобщему удовольствию, было установлено, что оправдание «я только исполнял приказ» таковым не является. И не оправдывает нечеловеческую жестокость. Но что я мог поделать, если приказы исходили из глубины моего подсознания, от запрятанного там кукловода?

Но что хуже всего, так это было сознание того, что мои действия были не полностью бесчеловечными. Всего лишь несколько поколений тому назад мои предки сделали бы то же самое без всякого гипноза, и даже с соплеменниками.

Я чувствовал отвращение ко всему человечеству, к армии и войне, и перспектива жить с воспоминаниями о прошлом еще почти столетие приводила меня в ужас... Правда, можно было стать добровольным мозгостером.

Корабль с уцелевшим тельцианином благополучно удрал, защищенный от «Надежды» шаром планеты. Прыгнул сквозь Альфу и был таков. Вер-

нулся домой, я так думаю, где бы эта планета ни находилась, и рассказал там, что могут сделать двадцать человек с ручным оружием с сотней невооруженных существ.

Я подозревал, что в следующий раз тельциане будут лучше оснащены для ведения наземного боя. И я оказался прав.

Часть вторая
СЕРЖАНТ МАНДЕЛЛА
(2007-2024)
Глава 1

Боялся ли я? Конечно боялся, еще бы! А кто не боялся бы? Только дурак, или самоубийца, или робот. Или строевой офицер.

Подмайор Скотт прохаживался взад и вперед перед небольшим возвышением — платформой в зале общего сбора (он же обеденный зал, он же гимнастический зал, он же комната отдыха) крейсера «Годовщина». Мы только что совершили последний коллапсарный прыжок от Тет-38 к Иод-4. Мы тормозились с постоянным ускорением в полтора *g*, и наша скорость относительно коллапсара составляла соответственно 0,9 световой. Нас преследовали.

— Я думаю, что вам следует на некоторое время избавиться от напряжения, довериться корабельному компьютеру. Тельцианский корабль в любом случае приблизится на дистанцию удара не ранее чем через две недели. Если вы всю неделю будете слоняться с кислыми лицами, ни

вы, ни ваши люди в нужный момент не будут находиться в боевой форме. Страх — это болезнь заразная, Манделла!

Обычно он не забывал добавлять «сержант», когда обращался ко мне в присутствии подчиненных. Но на сегодняшнем брифинге все были чином не ниже командира отделения, ни одного рядового. Поэтому подмайор оставил формальности.

— Да, сэр!

— Манделла, вы отвечаете как за физическое, так и за психическое состояние людей в нашем отделении. Поскольку вы сознаете опасность нарастания напряженности на борту и поскольку ваше отделение исключением не является, что вы предприняли в этой связи?

— В связи именно с моим отделением, сэр?

Подмайор некоторое время разглядывал меня.

— Конечно.

— Мы говорили на эту тему, сэр.

— И к какому же заключению вы пришли?

— Если позволите мне говорить прямо, сэр, то основная проблема представляется очевидной. Мои люди заперты в стенах корабля, как и все остальные, уже четырнадцать...

— Чепуха. Мы все в равной степени были

подготовлены для условий жизни в замкнутом помещении, кроме того, у вас есть преимущество свободного общения.— Весьма деликатный способ выражаться.— Все офицеры этого лишены, и тем не менее у нас нет психологических проблем.

Если он так действительно думал, то ему не мешало бы поговорить по душам с лейтенантом Гармонией. Наверное, он имел в виду только строевых офицеров. То есть себя и Кортеса. Но и в этом случае ошибка составляла пятьдесят процентов — Кортес весьма благосклонно относился к рядовой Камехамелле.

— Медики улучшили состояние бойцов из моего отделения, когда работали с устранением постгипнотического внушения,— все знают, как я к этому отношусь,— и не думаю, чтобы они пошли по ложному пути.

— Капрал Поттер!

Он обратился как полагается, по званию, чтобы всем еще раз напомнить, почему Поттер не повысили вместе с нами. Излишнее мягкосердечие.

— Вы поговорили со своими людьми?

— Мы обсудили проблему, сэр.

У Скотта был талант «пронизывать благосклонным взглядом». Сейчас он пронизал Мэригей

благосклонным взглядом, пока она продолжала:

— Не думаю, что сержант Манделла имел в виду ошибки медиков...

— Сержант Манделла может сам за себя ответить. Мне нужно ваше личное мнение. Ваши наблюдения,— Хотя по его тону этого не скажешь.

— Что же, я тоже думаю, что медицина здесь ни при чем, сэр. У нас нет никаких трений внутри команды. Просто все устали и раздражены, ведь мы занимаемся одним и тем же неделю за неделей.

— Значит, им не терпится в бой?

В голосе абсолютно никакого сарказма.

— Просто нужна какая-то перемена, сэр.

— Они ее скоро получат,— сказал он, позволяя себе короткую механическую усмешку.— И очень скоро пожалеют о доброй старой рутине.

Беседа продолжалась в том же духе еще довольно долго. Никто из нас не хотел сказать прямо: мужчины и женщины больше года живут в постоянном ожидании будущего боя, ожидание сидит у них в печенках, и чем дальше, тем сильнее нарастают тревога и раздражение. А теперь еще тельцианский крейсер гонится за нами. За целый месяц до начала кампании мы уже должны рисковать жизнью.

Входная планета тоже не сахар, особенно если придется играть в войну на ее поверхности, но там хоть в малой степени ваша судьба зависит от вас. А так приходится сидеть в жестянке, быть частью, целью, пока «Годовщина» разыгрывает математическую партию с тельцианским кораблем... Вот эту секунду ты еще жив, а в следующую — уже мертв, и все из-за ошибки в тридцатом знаке после запятой чего-то там — вот что выводило из себя. Но попробуйте только заикнуться об этом Скотту. Я в конце концов пришел к выводу, что он не притворяется, а на самом деле не способен понять разницу между страхом и трусостью. Или его подвергли особой психообработке — в чем я сильно сомневаюсь,— или у него просто не все дома. Но в данный момент это уже не имело значения.

Скотт перенес огонь на беднягу Чинга, задал ему жару. Все та же старая песня. Я крутил в пальцах только что выданный «Список личного состава».

Ударная группа Альфа, кампания ИОД-4. Команд, пм. Скотт. Комнд. Мартинес. 2-й эшелон: перв. лейт. Кортес.

3-й эшелон: серж.— вакант.

4-й эшелон: втор. лейт.— вакант. Полев. медик:

вт. лт. Уилсон.

5-й эшелон: серж. Роджерс.

6-й эшелон: серж. Манделла, серж. Чинг, капр. Поттер, капр. Тейт, капр. Петров, капр. Струве, капр. Юкава, ряд. Лутулли, ряд. Куртсава, ряд. Нофстадлер, ряд. Гертц, ряд. Александров, ряд. Мудрой, ряд. Хейровски, ряд. Бергман, ряд. Раби, ряд. Полинг, ряд. Деми, ряд. Ренолт, ряд. Стиплер.

Специалисты:

п. лейт. Бок (кк), Левин (кпр), Пастори (ПСУ), Виннепреннер (мед.); перв. лейт. Гармония (мед.), Принсвелл (инф.); трт. лейт. Сгоунвелл (орж.), Теодополис (рад.); эсг. Сингх (нав.); серж. Дальтон (рем.), Нангнал (снаб.).

Старгейт Таккомп (1003296742-С-1300) 20 мар. 2007.

Большинство тут были ветераны, их я знал по кошмарной кампании Альфы. Новенькими в моем отделении были только Дэми, Лутулли и Лейровски. Всего в «толпе» (прошу прощения, ударной группе) у нас было двадцать замен — вместо девятнадцати человек, что мы потеряли у Альфы. Одна ампутация, четыре трупа, четырнадцать психических расстройств, вызванных чересчур тщательным постгипнозом.

Я все никак не мог свыкнуться с датой «20 мар.

2007» внизу листа. Выходило, что я в армии уже десять лет, хотя прошло только два года. Эффект релятивистики, ясное дело. Даже если использовать коллапсарный прыжок, путешествие меж звездами очень плохо сказывается на календаре.

После этого рейда я, наверное, смогу уйти в отставку по возрасту и с полным пенсионом — если только выживу и если относительно нас не будут изменены правила. Ветеран с двадцатилетним стажем, а ветерану только двадцать пять.

Скотт подводил итоги, когда в дверь постучали, точнее, стукнули один раз, но довольно сильно.

— Войдите,— сказал подмайор.

Вошел какой-то прапорщик из новеньких и вручил Скотту листок бумаги, не говоря ни слова. Пока Скотт читал, прапорщик стоял рядом, сутулясь с точно вымеренной дозой дерзости. Практически Скотту он не подчинялся, кроме того, подмайора во флоте недолюбливали.

Скотт вручил бумагу обратно прапорщику и сказал, глядя сквозь последнего:

— Предупредите своих людей, в двадцать десять корабль начнет выполнять противоракетный маневр. Осталось пятьдесят восемь минут,— На часы он даже не взглянул.— Всем занять места в противоперегрузочных оболочках к двадцати

ноль-ноль. Ста-а-новись!

Мы поднялись и без энтузиазма ответствовали хором:

— Так-растак вас, сэр.

Идиотизм.

Скотг покинул помещение, за ним, ехидно ухмыляясь, последовал прапорщик.

Я повернул свое кольцо в положение «4», канал моего заместителя по отделению, и заговорил в него:

— Тейт, это Манделла.

Отозвался голосок Тейта:

— Здесь Тейт. Что случилось?

— Собери людей и предупреди, чтобы к двадцати ноль-ноль все находились в оболочках. Противоракетный маневр.

— Вот сволочь. А говорили, еще две недели.

— Думаю, что-то случилось. Возможно, у капитана появилась оригинальная идея.

— Капитан может засунуть ее кой-куда. Ты в холле?

— Ага.

— Захвати для меня чашечку, как будешь возвращаться, ладно? С кусочком сахара!

— Идет. Буду через полчаса.

— Спасибо. Начну общий сбор.

Все собравшиеся в холле уже потянулись к раздатчику сои. Я стал в очередь за капралом Поттер.

— Что случилось, Мэригей, как ты думаешь?

— Я всего-навсего капрал, и платят мне не за...

— Ладно, ладно. Я серьезно.

— Думаю, ничего особенного. Наверное, капитан решил еще раз испытать оболочки.

— Еще раз перед настоящим боем?

— Мгм... Наверно.

Она взяла чашку и подула на сою. Вид у нее был озабоченный, тонкая прямая морщинка появилась на лбу между бровями.

— А может, нас поджидает еще один тельцианский корабль. Они вполне могут делать как мы на Старгейте.

Я вздохнул:

— Старгейт — совсем другое дело.

Прикрытие наиболее возможных углов выхода требует семи или восьми крейсеров для постоянного патрулирования. Мы не можем себе позволить прикрытие более чем одного коллапсара, и они, думаю, тоже.

— Не знаю.— Она ничего не сказала больше.— Возможно, мы наткнулись на их вариант Старгейта. Или у них в десять раз больше кораб-

лей, чем мы думаем. Или в сто раз. Кто знает?

Я наполнил две чашки, добавил сахар. Одну чашку прикрыл крышечкой.

— Никто не знает.

Мы вернулись к столу, аккуратно неся чашки, чтобы соя не расплескалась — при полуторах g она так и норовит выплеснуться.

— Наверное, Сингх что-нибудь знает,— сказала она.

Наверное, знает. Но до него я могу добраться только через Роджерс и Кортеса. Кортес меня загрызет, если я полезу к нему сейчас.

— Что ты, я могу связаться с ним прямо. Мы...— Она посмотрела на меня очень серьезно, на шеках появились ямочки.— Мы были друзьями.

Я отхлебнул немного сои — серная кислота! — и постарался, чтобы голос у меня звучал холодно:

— Вот, значит, куда ты исчезла в среду? Придется мне проверить список нарядов.

Она улыбнулась:

— Думаю, что это будут понедельники, среды и пятницы в месяцах с буквой Р в названии. А что, ты не одобряешь?

— Да нет же... черт побери, нет, конечно. Но... ведь он офицер! Флотский офицер!

— Его прикрепили к нашей команде, значит,

частично он в армии.— Она повернула кольцо,— Дирекционную! — Повернулась ко мне: — А как поживает ласковая мисс Гармония?

— Это не одно и то же.

Мэригей шептала код дирекционной в свое кольцо.

— Неужели? Ты просто хотел попробовать с офицером. Извращенец,— Кольцо прогудело два раза. Занято.— Понравилось?

— Вполне,— Теперь я возьму реванш.

— Кстати, прапорщик Сингх — настоящий джентльмен. И совсем не ревнивый.

— Но я тоже, — сказал я.— Если он тебя обидит, скажи мне, я ему накостыляю.

Она улыбнулась мне из-за чашки.

— А если лейтенант Гармония тебя обидит, скажи мне, и я ей накостыляю.

— По рукам...— И мы с подобающей серьезностью скрепили договор рукопожатием.

Глава 2

Противоперегрузочные оболочки были установлены во время нашего отдыха на Старгейте. Последнее слово науки. Они позволяли нам использовать почти полностью двигательные

ресурсы крейсера, способного ускоряться более чем с двадцатипятикратной перегрузкой.

Тейт ждал меня в акселерационном отделении. Остальные мои люди уже были собраны здесь и слонялись без дела. Я протянул Тейту чашку.

— Спасибо. Ты что-нибудь узнал?

— Боюсь, что ничего. Но флотские, похоже, не очень волнуются, а это их игра. Возможно, еще одна учебная тревога.

Он отхлебнул немного сои.

— Вот черт. Но нам-то все равно. Только сиди тут, пока тебя до полусмерти задавит. Не люблю я такие штуки. Может, они скоро вообще начнут воевать без людей. Тогда мы отправимся домой.

— Ясное дело.

Подошел медик и сделал мне положенный укол.

Я подождал до 19.50 и отдал моим людям приказ:

— Двигаем. Забраться в оболочки и застегнуться.

Противоперегрузочная оболочка напоминает обыкновенный гибкий скафандр, во всяком случае внутреннее устройство почти полностью совпадает. Только вместо ранца с системой жизнеобеспечения здесь имеются три шланга, один

идет в шлем, два выходят из пяток, кроме того, имеется по две отводные трубки на каждую оболочку. Костюмы плотно уложены плечом к плечу на легких противоперегрузочных койках. Забираться в оболочку — все равно что пробираться по огромному блюду вчерашнего спагетти.

Когда индикаторы у меня в шлеме показали, что все задраили свои оболочки, я нажал соответствующую кнопку, затоплявшую комнату. Видно ничего не было, конечно, но я живо представил, как бледно-голубая жидкость — этиленгликоль и еще что-то,— пенясь, заполняет нашу комнату. Материал оболочки, прохладный и сухой, плотно обхватил меня со всех сторон, прилегая к каждой точке тела. Я знал, что давление у меня внутри сейчас быстро растет, уравновешивая наружное давление. Для этого и делался укол — чтобы вас не расплющило. Но все равно тяжесть давала себя знать. К тому времени, когда на счетчике у меня появилась «двойка» (наружное давление соответствовало глубине в две морские мили), мне казалось, что я сейчас лопну или буду раздавлен одновременно. В 20.05 счетчик показал «2,7» и на этом успокоился. Когда в 20.10 началось выполнение маневра, я особой разницы не заметил, хотя игольная стрелка указателя немного вздрагивала

и я еще подумал: интересно, какое ускорение потребовалось, чтобы вызвать это едва заметное колебание?

Основным недостатком противоперегрузочных оболочек была их стационарность. Всякий, не успевший забраться в свой костюм до начала ускорения, когда «Годовщина» выдавала полные свои двадцать пять g, автоматически превращался в земляничный джем. Управлял крейсером и вел бой исключительно компьютер — в нормальной обстановке происходит то же самое, но всегда хочется иметь за пультом человека-контролера.

Кроме того, если корабль получал повреждение и происходила разгерметизация, вы взрывались, как перезрелая дыня,— вот еще одно маленькое неудобство. А если падало внутреннее давление, вас расплющивало в мгновение ока.

Чтобы выбраться из оболочки, требуется минут десять — это только на снятие давления,— и две-три, чтобы вылезти из самого костюма. А вы думали: выпрыгнул из оболочки и прямо в бой? Только четверо человек на борту обладали какой-то подвижностью, пока мы все были замкнуты в оболочках,— это корабельная аварийная команда. Но им приходилось, естественно, таскать свой костюм вместе с собой, что превращало оболочки

в двадцатитонные аппараты. И даже они не двигались с места, пока крейсер маневрировал.

Ускорение продолжалось до 20.38. Загорелась зеленая лампочка, и я нажал кнопку откачки амортизационной жидкости.

Мы с Мэригей одевались снаружи. От запаха этиленгликоля у меня слегка кружилась голова.

— Это откуда? — Я показал на ярко-красную полосу, бежавшую по коже Мэригей от правой груди к противоположному бедру.

— Уже второй раз,— сказала она, сердито растирая кожу.— Первый раз она была на спине. Наверное, костюм плохо прилегает.

— Наверное, это ты немного похудела.

— Очень умно.

Наш режим питания и упражнений был расписан по калориям и контролировался с момента подгонки боекостюмов на Старгейте. Сенсорная пленка внутри костюма должна обволакивать тело как вторая кожа, иначе вы не сможете пользоваться боекостюмом.

Вмонтированный в стену интерком заглушил дальнейшие комментарии Мэригей.

— Внимание! Весь армейский персонал, эшелон шесть и выше, и весь флотский персонал, эшелон четыре и выше, собраться в брифинг-холле в

двадцать один час тридцать минут. Внимание!

Сообщение повторили два раза. Я отправился полежать несколько минут, пока Мэригей показывала свой синяк медику и оружейнику. Прошу заметить, я совсем не ревновал.

Брифинг проводил капитан «Годовщины».

— К сожалению, ничего хорошего сообщить вам не могу. Шесть дней назад преследующий нас корабль тельциан выпустил снаряд-ракету. Первоначальное ускорение его составляло восемьдесят g.— Капитан сделал паузу.— Примерно через сутки ускорение снаряда возросло до ста сорока восьми g.— Всеобщий вздох.— Вчера оно подпрыгнуло до двухсот трех g. Все вы знаете, что это в два раза превосходит ускорение вражеских ракет во время нашего последнего боя.

Мы выпустили четыре ракеты по четырем наиболее вероятным, в соответствии с прогнозом нашего компьютера, будущим траекториям тельцианского снаряда. Один из них прошел очень близко от снаряда, пока мы выполняли маневр ухода. Мы уничтожили тельцианский снаряд на дистанции в десять миллионов километров отсюда.

Десять миллионов — это ведь почти рукой подать.

— Единственное, чему можно порадоваться, так это результатам анализа взрыва. Судя по всему, мощность заряда у тельциан не увеличилась. Видимо, их достижения в области систем тяги не соответствуют достижениям в области поражающих зарядов. Или они не считают необходимым увеличивать мощность взрыва.

Здесь мы впервые сталкиваемся с проявлением весьма важного физического эффекта, который до сих пор рассматривался только теоретиками. Вот вы, скажите мне,— он указал на Негулеско,— сколько времени прошло с тех пор, как мы впервые впрямую столкнулись с противником у Альфы?

— Это зависит от системы отсчета,— с готовностью ответила Негулеско.— С моей точки зрения, прошло восемь месяцев, сэр.

— Совершенно верно. Из-за релятивистского замедления времени вы потеряли около девяти лет, пока мы маневрировали между прыжками. Следовательно, в инженерном смысле этот тельцианский крейсер явился из... нашего будущего,— Он сделал паузу, чтобы все смогли обдумать услышанное.

— И чем дальше, тем с ходом войны эта разница между субъективным и объективным временем

будет становиться все более заметной. Поскольку тельциане в равной степени с нами подвержены действию законов теории относительности, эффект будет играть им на руку так же часто, как и нам.

Но в данный момент преследуют нас, и чем больше будет уменьшаться дистанция между нами, тем выше риск. Тельциане в конце концов могут нас просто расстрелять.

Мы решили попробовать одну хитрость. Как только дистанция сократится до пятисот миллионов километров, вся команда ляжет в противоперегрузочные оболочки, и мы доверим наши жизни логическому компьютеру. Компьютер произведет сложную серию внешне случайных изменений в скорости и направлении полета.

Скажу вам откровенно. Если у тельциан всего на одну ракету больше, чем у нас, они могут нас прикончить. Пока они выпустили только одну. Вероятно, не хотят тратить боеприпасы зря,— Он нервно промокнул лоб,— А возможно, у них была всего одна. В таком случае они у нас в руках.

Как бы там ни было, весь корабельный персонал и команда должны быть готовы залечь в оболочки по десятиминутному предупреждению. Когда дистанция сократится до биллиона

километров, все должны находиться в противоперегрузочных камерах, готовые лечь в оболочки. Мы не можем ждать ради одного человека.

Вот все, что я могу сказать. А вы, подмайор?

— Я поговорю со своими людьми позже, капитан. Благодарю вас.

— Разойдись.

Никаких «так-растак» и прочей ерунды. Флотские считают подобные штучки ниже своего достоинства. Но мы продолжали стоять по стойке «смирно» — все, кроме Скотта,— пока капитан не вышел. Потом какой-то чин еще раз сказал «разойдись», и мы повалили из комнаты. Я отправился в наш холл выпить сои, поговорить с ребятами и, может, что-нибудь разузнать.

Но ничего существенного я не услышал, все только пустые измышления, поэтому мы с Роджерс отправились спать. Мэригей опять исчезла: наверное, не оставила надежду выведать что-нибудь у Сингха.

Глава 3

Обещанная беседа с подмайором состоялась на следующее утро, но он в основном повторил все то, что мы уже слышали, только в двух терминах.

Он особо отметил тот факт, что если техническая подготовка тельцианских кораблей значительно улучшилась, то нечто аналогичное могло произойти и с их навыками наземного боя, и теперь с ними будет куда сложнее справиться.

Но тут возникал интересный вопрос. Восемь месяцев, или девять лет, тому назад у нас было подавляющее преимущество перед тельцианами. Те, похоже, просто не понимали, что происходит. Если судить по их воинственности в космосе, то в рукопашном бою тельциане должны были оказаться сущими дьяволами. На самом же деле они спокойно дали себя перебить. Одному удалось бежать, и он, очевидно, познакомил сородичей с идеей старомодного наземного боя.

Но это вовсе, конечно, не означало, что тельциане, которые нас преследовали, уже знали о битве у Альфы. Единственный способ коммуникаций, более быстрый, чем скорость света, представлял собой тот же коллапсарный прыжок. Или серию прыжков. Определенно сказать, сколько прыжков от родной планеты тельциан до базы Иод-4, было невозможно. Поэтому гарнизон местной базы мог оказаться таким же пассивным, как и первый. Хотя не исключено, что они уже почти декаду упражнялись в приемах рукопашной

схватки. Ответ мы узнаем, когда доберемся туда.

Мы с оружейником помогали нашему отделению проводить профилактику боекостюмов, когда сигнал заставил нас отправиться в противоперегрузочную камеру. Мы пересекли рубеж дистанции в биллион километров.

У нас оставалось еще около пяти часов ничегонеделанья, прежде чем придется забраться в коконы оболочек. Я сыграл в шахматы с Раби и получил мат. Потом Роджерс затеяла гимнастику, просто чтобы люди отвлеклись от перспективы четыре часа лежать полураздавленными в оболочках. До сих пор и половины этого срока мы не проводили в коконах.

За десять минут до пересечения последнего предела в пятьсот миллионов километров мы, командиры отделений, лично занялись укладыванием и проверкой герметичности оболочек. Через восемь минут мы уже все укрылись в костюмы, и камеру наполнила амортизационная жидкость. Теперь наши жизни зависели исключительно от нашего корабельного компьютера.

Пока я лежал, сдавливаемый невидимым прессом, одна нелепая мысль засела мне в голову и никак не хотела исчезнуть. Она кружила и кружила, словно заряд в сверхпроводящем контуре:

в соответствии с формальной наукой войны последняя требует приложения как тактики, так и логистики, она же стратегия. Стратегия занимается передвижением войск в больших массах и всем остальным, кроме действительного ведения боя, которое относится к тактике. И вот мы сейчас ведем бой, но у нас почему-то не тактический компьютер, а логический, то есть, другими словами, стратегический, этакий сверхэффективный клерк от стратегии.

Другая половина моего сознания, не столь, видимо, угнетенная перегрузкой, возражала. Какое значение имеет название компьютера? В любом случае это только куча кристаллов памяти, процессоров, стекло и пластик. Запрограммируй компьютер соответствующим образом — и получишь эквивалент Чингисхана, вот тебе и тактический компьютер, хотя до этого он контролировал товарный рынок или сток нечистот.

Но первый голос продолжал упрямо спорить. Если так рассуждать, говорил он, то и человек — это не более как куча костей, облаченная в плоть, кожу и волосы. Обучи его соответствующим образом — кем бы он ни был — и получишь то ли дзен-буддиста, то ли послушного кровожадного солдата-убийцу. Зависит от обучения.

А что такое тогда я, мы, вы, отвечала вторая сторона. Миролюбивый специалист по вакуумной сварке, а также учитель физики, призванный в соответствии с Элитарным Законом и перепрограммированный в убивающую машину. Ты, я — мы убивали, и нам это понравилось.

Но ведь это был гипноз, внушение, поведенческое управление, возражал я сам себе. Больше такого с нами не сделают.

А почему? Потому, говорил я себе же, что уверены, и без этого вы теперь будете еще эффективней убивать. Простая логика.

Кстати, о логике. Почему логический компьютер выполняет работу человека? Или... о чем я думал сначала?.. И тут я отключился.

Потом замигала зеленая лампочка, и рефлекторно я нажал кнопку разгерметизации камеры. Давление успело упасть до отметки «3», прежде чем я сообразил, что мы живы и, значит, выиграли первый раунд.

Я был прав только частично.

Глава 4

Я затягивал ремешок куртки, когда кольцо связи укололо мне палец, и пришлось оставить

ремешок, чтобы послушать. Вызывала Роджерс.

— Манделла, проверь камеру третьего взвода. Видно, там что-то случилось. Дальтон разгерметизировал их с центрального пульта.

Третья камера... Это же отделение Мэригей! Я помчался по коридору босиком и был у дверей камеры как раз в тот момент, когда они уже сами открыли ее изнутри и выбирались наружу.

Первым показался Бергман. Я схватил его за руку:

— В чем дело, Бергман?

— Что? — Он уставился на меня, все еще не вполне очнувшись, как и всякий, только покидающий камеру.— Ты, Манделла... Не знаю, а что такое?

Я попытался заглянуть внутрь камеры, не выпуская руку Бергмана.

— Вы опоздали с расшнуровкой, парень.

Он потряс головой, стараясь прийти в себя.

— Опоздали? На сколько опоздали?

Я первый раз посмотрел на часы.

— Не слишком... Боже, мы ведь легли в оболочки в пять двадцать, правильно?

— Да.

Я все никак не мог разглядеть Мэригей среди смутно видимых фигур внутри камеры, проби-

рающихся к выходу между рядами спутанных шлангами оболочек.

— Вы вроде всего на пару минут опоздали. Но предполагалось, что мы пробудем под ускорением четыре часа или меньше, а сейчас уже без десяти одиннадцать.

— Угм.— Он опять тряхнул головой.

Я отпустил руку Бергмана, чтобы дать дорогу Стиллеру и Дэми, выходившим из камеры.

— Все опоздали, выходит,— сказал Бергман.— Все, значит, в порядке.

— В порядке... Постой, постой, эй, Стиллер! Ты не видел...

Из камеры донесся крик:

— Медика! Медика!

Кто-то проходил в дверях, но это была не Мэригей. Я оттолкнул ее в сторону и нырнул в дверной проем, приземлился едва на кого-то и пробрался к Струве, заместителю Мэригей. Струве очень громко говорил в свое кольцо:

— ...и переливание крови тоже.

Это Мэригей все еще лежала в расстегнутой оболочке, она вся была...

— ...нам сообщил Дальтон...

Каждый квадратный дюйм тела Мэригей был покрыт кровавой пленкой, повсюду с одинаковой

яркой полосой.

— ...когда она не вышла из «кокона».

Она начиналась у нее под подбородком злой алой лентой, и до самой грудины это была только красная пленка.

— ...я сам расстегнул оболочку...

Дальше живот рассекала длинная рана, все более углублявшаяся, пока в самом низу наружу не выглядывала белесая мембрана кишечника.

— ...да, она без сознания...

— ...понял, левое бедро. Манделла...

Но Мэригей еще дышала, сердце сбивалось с ритма, глаза закатились, кровяные пузырьки появлялись и лопались в углу рта всякий раз, когда она едва заметно выдыхала.

— ...татуировка на левом бедре. Манделла! Ты слышишь? Посмотри, на левом бедре, какая у нее кровь?!

— Группа «с», резус отрицательный,— Бог мой, я сто тысяч раз видел эту татуировку!

Струве начал передавать сведения, а я вспомнил о висевшем у меня на поясе пакете первой помощи и начал лихорадочно перебирать его содержимое.

«Остановить кровь... наложить повязку... ввести противошоковый препарат». Так в учебнике

говорилось. Что-то я забыл, что-то там еще... «Обеспечить доступ воздуха», она дышит, что бы они ни имели в виду. Остановить кровь... Как ее остановить, если рана метр в длину, а у меня одна стерильная повязка?! Противошоковый препарат... Это я сейчас. Я выловил в пакете зеленую ампулу, приложил к руке Мэригей и нажал кнопку. Потом я положил повязку стерильной стороной на выпиравшие из раны внутренности, эластичный ремешок обвел за спиной, поставил нейтральное давление и дал ему затянуться.

— Что еще можно сделать? — спросил меня Струве.

— Не знаю,— Я отступил на шаг, чувствуя полную беспомощность,— Может, ты что-нибудь посоветуешь?

— Я такой же доктор, как и ты.— Взглянув в сторону двери, он сжал кулак, напрягая мускулы.— Черт, скоро они? У тебя в пакете есть морфплекс?

— Есть, но меня предупреждали: не вводить его внутрь...

— Уильям?

Мэригей открыла глаза и попыталась приподнять голову. Я поддержал ее.

— Все будет в порядке, Мэригей. Сейчас придет

врач.

— Что... в порядке? Я хочу пить. Воды.

— Нельзя, тебе сейчас нельзя воды. Потерпи немного.— Ее наверняка будут оперировать.

— Откуда кровь? — сказала она тоненьким голосом. Голова упала обратно.— Какая я нехорошая.

— Это оболочка виновата,— быстро сказал я.— Помнишь, еще раньше появились складки?

Она покачала головой.

— Костюм?

Она вдруг побледнела, видно, ее тошнило.

— Воды... пожалуйста.

— Принесите полотенце или губку, смоченную водой.— Уверенный голос позади меня. Я обернулся и увидел дока Уильсона и еще двоих с носилками.

— Сначала пол-литра в бедренную,— сказал он, ни к кому определенно не обращаясь, после того как осторожно приподнял повязку и посмотрел на рану.— Отпустите пару метров отводной трубки, потом обрежьте. Проверьте, нет ли там крови.

Один из медиков ввел десятисантиметровую иглу в бедро Мэригей и начал переливать кровь из пластикового мешка.

— Не смогли мы сразу к вам,— устало сказал

док.— Работы по горло. Что ты говорил насчет оболочки?

— У нее уже два раза перед этим были синяки. Костюм плохо прилегал, получились складки.

Док рассеянно кивнул, измеряя давление у Мэригей.

— Вы ей вводили...— Кто-то сунул ему в руки мокрое бумажное полотенце.— Ага, хорошо. Вы ей что-нибудь вводили?

— Одну ампулу «антишока».

Он сложил полотенце несколько раз и положил его в раскрытую ладонь Мэригей.

— Как ее зовут?

Я сказал ему.

— Мэригей, воды мы тебе сейчас не можем дать, но смочи губы полотенцем. Сейчас я посвечу тебе в глаза.— Пока он смотрел в зрачки Мэригей сквозь металлическую трубку, один из помощников измерил температуру с помощью электронного термометра.— Внутреннее кровотечение?

— Есть, но не очень.

Док слегка прижал рукой повязку на животе Мэригей.

— Ты не могла бы чуть-чуть повернуться на правый бок?

— Да,— медленно сказала Мэригей, упираясь локтем для опоры.— Нет,— сказала она через секунду и заплакала.

— Ну, ну,— быстро сказал док и слегка помог ей повернуться, только чтобы можно было видеть спину.— Только одна рана,— пробормотал он.— До черта крови.

Он дважды нажал на кольцо связи и потряс им возле уха.

— Есть кто-нибудь свободный?

— Харрисон оставался, может, и его уже вызвали.

В камеру вошла какая-то женщина, бледная, с растрепанными волосами, в запачканной кровью куртке. Это была Эстелла Гармония, но я ее сразу не узнал.

Док Уильсон поднял глаза.

— Новые пациенты, доктор Гармония?

— Нет,— устало ответила она.— У аварийщика была двойная ампутация. Прожил всего несколько минут. Мы его подключили к машине, на случай если понадобятся трансплантанты.

— А остальные?

— Взрывная дегерметизация.— Гармония шумно вздохнула,— Вам помочь?

— Да, погоди только минуту,— Док еще раз

пытался вызвать медотсек.— Проклятье, ты не знаешь, куда делся Харрисон?

— Не знаю, может, во второй хирургической, если что-то не в порядке с аварийщиком. Но я вроде все сделала как надо.

— О черт, ты же знаешь, как...

— Готово! — сказал медик, переливший кровь.

— Еще пол-литра в бедренную,— сказал док Уильсон.— Эстелла, ты не могла бы заменить одного из ребят, подготовить девушку к операции?

— Конечно, я сейчас свободна.

— Хорошо... Хопкинс, сходите в медотсек и привезите «телегу» и литр, нет, два литра изотонического флюскарба, основной спектр. Если там Мерк, скажешь ему, внутрибрюшной спектр.— Док отыскал на своем рукаве не испачканное кровью место и промокнул лоб.— Если поймаешь Харрисона, пусть бежит в первую хирургическую, настраивает анестезатор на внутрибрюшную операцию.

— А ее отвезти в первую хирургическую?

— Да. Если не найдешь Харрисона, возьми тогда кого-нибудь...— Он ткнул пальцем в мою сторону.— Вот этого парня, пускай поможет отвезти ее в операционную, а ты побежишь вперед и подготовишь анестезатор. Можно было бы начать

прямо сейчас,— он рылся в сумке с медикаментами,— но у меня только параметадол. Мэригей! Как ты себя чувствуешь?

Слезы все еще катились у нее по щекам.

— Мне... больно.

— Потерпи немного,— ласково сказал док. На секунду он задумался, потом повернулся к Эстелле.— Неизвестно в точности, сколько она потеряла крови. Кроме того, имеется небольшое внутреннее кровотечение. Но не думаю, чтобы это случилось очень давно — она бы не выжила под ускорением. Надеюсь, что мозг не пострадал.

Он тронул измеритель, прикрепленный к руке Мэригей.

— Следи за кровяным давлением, как только придет в норму, введешь пять кубиков вазо-констриктора. Я побегу,— Он закрыл сумку.— У тебя есть какой-нибудь вазо-констриктор, кроме пневматической ампулы?

Эстелла проверила содержимое своей сумки.

— Нет, только одноразовая ампула... ага, есть ограниченная доза с мышечным дилятором.

— Отлично, если давление подскочит, вводи.

— Буду давать ей вместе с дилятором по два кубика за один раз.

— Сойдет. Все не путем, но... Если ты еще не

очень устала, может, будешь мне ассистировать?

— Буду.

Док Уильсон кивнул и убежал.

Эстелла начала вытирать живот Мэригей изопропиловым спиртом. У него был холодный, чистый запах.

— Ей вводили «антишок»?

— Да,— сказал я,— Минут десять назад.

— Ага. Вот отчего док беспокоился... нет, ты все правильно сделал. Но в состав «антишока» входит вазоконстриктор. Пять кубиков сверху — этого может оказаться слишком много.— Она продолжала смывать засохшую кровь, каждую минуту поглядывая на индикатор давления,— Эта жен... то есть Мэригей, она твой постоянный партнер?

— Да.

— Мэригей — твой постоянный партнер? — Вся Мэригей покрыта запекшейся кровью, на щеках потеки, там, где я старался утереть слезы. Наверное, только врач или женщина могли под всем этим увидеть красоту.

Мэригей перестала плакать и лежала с крепко зажмуренными глазами, высасывая последние остатки воды из бумажного полотенца.

— Можно дать ей еще воды?

— Да, но только так же, как и в первый раз. Немного.

Я пошел в раздевалку, там была вода и бумажные полотенца. Пары этиленгликоля успели к этому времени развеяться, и теперь я чувствовал запах воздуха. Тревожный запах. Слегка тянуло машинным маслом и перегретым металлом, словно в мастерской. Наверно, перегрузили кондиционер, подумал я. То же самое случилось при первом испытании оболочек.

Мэригей взяла мокрое полотенце, не открывая глаз.

— Вы думаете остаться вместе, когда вернетесь на Землю?

— Наверное. Если вернемся... Впереди еще кампания.

— Ничего больше не будет,— равнодушно сказала Эстелла.— Ты, получается, ничего еще не слышал?

— О чем ты?

— Ты знаешь, что корабль получил попадание?

— Попадание? Как же мы тогда все уцелели?

— Да,— Эстелла снова начала вытирать кровь.— Четыре противоперегрузочные камеры. Камера оружейников и оружейная. Теперь у нас ни

одного боекостюма... а в одном белье много не повоюешь.

— Что... четыре камеры... а люди?

— Никто не выжил.

Тридцать человек.

— Кто именно?

— Весь третий взвод. И парковое отделение второго взвода.

Аль-Садат, Русья, Маковелл, Вагулеко.

— Бог мой.

— Тридцать убитых, и они даже не поняли, как это получилось. И до сих пор никто не понимает. Но может повториться каждую минуту.

— Так это была не ракета?

— Нет, мы перехватили все их снаряды. И покончили с их крейсером тоже. Ни один индикатор ничего не показывал. Просто — бамм! Треть корабля провалилась в преисподнюю. Хорошо, что не двигатель и не СЖБ.

Но я едва ее слышал. Пенворд, Омайдерс, Кристин и Фрида. Все мертвые. Я словно онемел.

Эстелла вытащила из сумки опасную бритву и тюбик гелевой пасты.

— Будь джентльменом, не смотри. А, вот.— Она смочила кусок марли спиртом и подала мне.— Сделай доброе дело, вытри ей лицо.

Я начал вытирать.

— Как приятно. Что ты делаешь? — спросила Мэригей, не открывая глаз.

— Стараюсь быть настоящим джентльменом. И сделать доброе дело...

— Весь персонал, внимание! Весь персонал! — В камере не было интеркома, но в открытую дверь все было хорошо слышно. Интерком находился в раздевалке.— Весь персонал шестого эшелона и выше, кроме непосредственно задействованных в аварийных работах и оказании медицинской помощи, должен явиться в центральный холл.

— Я должен идти, Мэригей.

Она ничего не сказала. Наверное, она даже не слышала объявления.

— Эстелла,— Я повернулся к Гармонии, черт с ним, с джентльменом: — Ты мне...

— Да, я сразу тебе сообщу, как только можно будет что-то сказать наверняка.

— Хорошо. Спасибо.

— Все будет в порядке.— Но лицо у нее было озабоченное и невеселое.— Теперь иди,— мягко добавила она.

Когда я выбрался в коридор, интерком начал повторять объявление уже четвертый раз. В воздухе чувствовался какой-то новый запах, но я и

знать не хотел, что это было.

Глава 5

На полпути в центральный холл я вдруг сообразил, что вид у меня кошмарный, и нырнул в ближнюю раздевалку рядом с комнатой отдыха флотского персонала. Рядовой Камехамелла торопливо расчесывала волосы щеткой.

— Уильям! Что с тобой стряслось?

— Ничего.— Я пустил воду и взглянул в зеркало. Все лицо в засохшей крови, и куртка тоже.— Это Мэригей, капрал, ее оболочка. Очевидно, образовалась складка...

— Она погибла?

— Нет, тяжело ранена, ее будут оперировать.

— Не три горячей водой. Останется пятно.

— Да, правильно,— Горячей водой я умыл лицо, побрызгал холодной на куртку. Камера твоего отделения идет третьей после камеры Ала, правильно?

— Да.

— Ты видела, что случилось?

— Нет. То есть не видела, когда это случилось,— Первый раз я увидел, как она плачет, слезы как горошины катились по щекам и капали с подбо-

родка. Голос у нее оставался ровным, она только с силой потянула себя за волосы: — Это мясорубка.

Я подошел к ней и положил руку на плечо.

— Не трогай меня! — Она вспыхнула и отбросила мою руку щеткой для волос.— Извини, пойдем, наверное.— В дверях она слегка тронула меня за рукав: — Уильям, ты понимаешь...— Она посмотрела на меня с вызовом.— Понимаешь? Я просто рада, что меня там не было. И никак иначе.

Я понимал ее, но не могу сказать, что поверил.

— Обо всем, что произошло, можно рассказать очень коротко,— с напряжением в голосе сказал капитан,— потому что знаем мы очень мало.

Через десять секунд после уничтожения крейсера противника какие-то два тела, очень маленьких по размерам, ударили наш корабль примерно в средней части. Поскольку они не были обнаружены заранее, а мы знаем пределы возможностей наших обнаруживающих устройств, можно сказать, что двигались они со скоростью, превышающей девять десятых световой, выражаясь точнее, вектор их скорости был перпендикулярен вектору скорости света. Они проскользнули за отражающими полями.

Когда «Годовщина» идет на релятивистских скоростях, впереди нее, по линии полета, ге-

нерируются в пространстве два мощных электромагнитых поля. Первое — в десяти тысячах километров от корабля, второе — пяти тысячах. Энергию этим полям дает «разгонный» эффект — они поглощают ее из межзвездного газа, который мы встречаем на пути.

Всякое достаточно большое тело, чтобы вызвать тревогу за целость обшивки крейсера,— то есть если его можно разглядеть в мощную лупу,— проходит сначала сквозь первое поле и получает сильный отрицательный заряд. Потом оно попадает во второе поле и отбрасывается с пути корабля. Если тело слишком велико и его невозможно отклонить в сторону, то мы можем загодя обнаружить его и уйти от столкновения.

— Нет нужды подчеркивать, что за страшное оружие применили тельциане. В момент попадания «Годовщина» двигалась относительно противника с такой скоростью, что всего за одну десятитысячную секунды проходила расстояние, равное длине ее корпуса. Кроме того, мы постоянно совершали короткие, совершенно не укладывающиеся в систему, рывки из стороны в сторону с переменным ускорением. Следовательно, настигшие нас снаряды должны были управляться. Эта управляющая система должна

была находиться внутри самих снарядов, так как в этот момент тельцианский крейсер уже был уничтожен. И все это помещалось в оболочку, по размерам не превышавшую размеры речной гальки.

Большинство из нас слишком молоды, чтобы помнить термин «футуршок». В семидесятые годы прошлого столетия некоторые люди считали, что технический прогресс идет слишком быстрыми темпами, что психика обыкновенных людей скоро будет не в состоянии справиться с этим темпом, что не успеют люди привыкнуть к настоящему, как уже это настоящее превратится в будущее и застанет их врасплох. Человек по имени Тоффлер придумал специальный термин, описывающий такую ситуацию: «футуршок» — психический шок от невероятного по быстроте темпа перемен в жизни,— Иногда капитан любит вдаваться в академические подробности.— Сейчас мы находимся в ситуации, напоминающей эту социологическую концепцию. Результат чего — катастрофа. Трагедия. Как мы уже знаем по предыдущему собранию, сделать здесь мы ничего не сможем. Относительность держит нас в прошлом — в прошлом для техники тельциан. Относительность ставит нас лицом к лицу с этой

техникой, относящейся к нашему будущему. Мы можем только надеяться, что в следующий раз ситуация кардинально изменится. И единственное, чем мы можем этому содействовать,— это постараться вернуться на Старгейт, чтобы на Земле узнали о случившемся, и тогда, возможно, специалисты на основе полученных нами повреждений смогут создать какую-нибудь контрсистему.

Сейчас мы можем атаковать входную планету и уничтожить базу тельциан из космоса, не высаживая десант. Но мне кажется, что это повлекло бы за собой слишком большой риск. Нас могут... сбить с помощью того же устройства, что нанесло нам такой урон сегодня, и мы уже не вернемся на Старгейт и не принесем сведения, которые я считаю жизненно важными для Земли. Мы могли бы послать автоматический снаряд, зонд, с соответствующим сообщением, но он может не достичь цели, и мы так и останемся позади противника в техническом оснащении.

В соответствии с этим мы рассчитали курс, который позволит нам обогнуть Иод-4, коллапсар будет прикрывать нас от нападения с базы противника на входной планете, и вернуться на Старгейт в кратчайший срок.

Тут капитан сел и помассировал виски. Я не поверил своим глазам.

— Все вы здесь по крайней мере командиры секций или отделений. Большинство из вас имеет отличные послужные списки. И я надеюсь, что некоторые из вас вновь присоединятся к Силам по истечении двух лет вашей службы. Те, кто пожелает вернуться, будут, очевидно, произведены в лейтенанты и станут настоящими командирами.

Именно с этими людьми я сейчас говорю, и не как непосредственный начальник, а как старший офицер и товарищ.

Человек не может принимать командные решения, исходя только из соображений тактики, и действовать только в соответствии с задачей нанести противнику максимальный урон, понеся при этом минимальные потери. Ведение войны в наше время превратилось в очень сложное дело. Выиграть ряд сражений — это еще не значит выиграть войну. Победа — сложное целое, куда входят и военный успех, и экономическая ситуация, стратегические соображения, политические силы — десятки, в буквальном смысле десятки факторов.

Я слушал капитана, но в сознании у меня за-

крепился только один факт: всего час назад треть моих товарищей погибли мгновенной смертью, а он сидит тут перед нами и читает лекцию по теории ведения войны.

— Поэтому иногда, чтобы помочь выиграть войну, нужно отказаться от сражения. Сейчас мы находимся именно в такой ситуации.

Мне нелегко было принять решение. Как никогда трудно за всю мою службу. Потому что на Земле, по крайней мере, оно может показаться трусостью.

Наш логический компьютер считает, что, если попытаемся атаковать базу тельциан, вероятность успеха составляет примерно шестьдесят два процента. К сожалению, мы имеем только тридцатипроцентную вероятность выжить, поскольку некоторые варианты атаки включают таран входной планеты на околосветовой скорости.

Надеюсь, что никому из вас не приходилось сталкиваться с необходимостью принимать такое решение. Когда мы вернемся на Старгейт, меня, возможно, будет судить трибунал — за трусость. Но я искренне уверен, что информация, которую мы доставим, которую получат, исследуя нанесенные «Годовщине» повреждения, гораздо

важнее, чем уничтожение одной базы противника,— Капитан выпрямился.— Гораздо важнее, чем карьера одного офицера.

Я едва удержал смешок. Конечно же, «трусость» тут совершенно ни при чем. Конечно же, капитан не имел понятия о таком примитивном и невоенном чувстве, как желание жить.

Аварийная ремонтная команда ухитрилась залатать огромную пробоину в борту «Годовщины» и загерметизировать поврежденный сектор. Остаток дня мы занимались уборкой помещений, не прикасаясь, естественно, к драгоценным «уликам», в жертву которым капитан жаждал принести свою карьеру.

Хуже всего было выбрасывать за борт трупы погибших. Особенно тех, у кого лопнули противоперегрузочные оболочки.

Я зашел в каюту Эстеллы на следующий день, едва она закончила дежурство.

— Сейчас тебе ее видеть ни к чему,— сказала Гармония, потягивая из стакана смесь этилового спирта, лимонной кислоты и воды с каплей какого-то эфира за отсутствием апельсиновой цедры.

— Ей уже ничего не грозит?

— Не совсем. Во всяком случае, следующие две недели. Я объясню.— Она поставила ста-

кан и оперлась подбородком на переплетенные пальцы рук.— Такая рана ничего серьезного не представляла бы в нормальных условиях. После переливания крови мы бы смочили кое-чем ее внутренние органы и зашили бы рану. Через пару дней она бы уже вставала.

Но имеются осложнения. Еще никто не получал ранение, находясь в коконе оболочки. Пока нет никаких тревожных симптомов, правда. Но мы хотим подержать ее под контролем еще несколько дней. Кроме того, мы боялись перитонита. Знаешь, что такое перитонит?

— Да, приблизительно.

— Произошел разрыв в тканях внутренних органов под воздействием давления. Воспаление брюшины. Поэтому мы полностью стерилизовали полость. Потом мы, естественно, заменили погибшую микрофлору готовой культурой из наших запасов. Это тоже, в общем-то, обыкновенная процедура, но обычно ее применяют при более опасных ранениях.

— Я понял.— От рассказа Эстеллы мне стало не по себе. Похоже, наши доктора не понимают, что нас совсем не восхищает видение самих себя как мешков из кожи, наполненных непотребным мусором.

— Уже только поэтому не стоит ее беспокоить еще несколько дней. Замена внутренней микрофлоры — это процедура безопасная, но она производит бешеный эффект на пищеварительную систему.

Но опять же, в нормальных условиях ей ничто не угрожало бы. Но мы тормозимся на постоянных полуторах g, а ее внутренние органы и так получили хорошую встряску. И если мы вдруг начнем увеличивать скорость хоть немного выше двух g, она погибнет.

— Но... нам придется давать больше двух на финальной прямой! Что...

— Знаю, знаю. Но это еще недели через две. К тому времени она уже оправится. Уильям, ты должен посмотреть правде в глаза. Она чудом выжила. И только если повезет, она доберется до Земли. Жаль, конечно, она много значит для тебя, но мы уже стольких потеряли... ты должен свыкнуться с этой мыслью...

Я сделал долгий глоток из своего стакана. Содержимое его ничем не отличалось от коктейля лейтенанта, не считая лимонной кислоты.

— Ты становишься довольно толстокожей.

— Возможно... нет, я просто реально смотрю на вещи. Мне кажется, впереди нам еще не такое

придется увидеть.

— Меня это уже не волнует. Едва придем на Старгейт, как можете считать меня штатским.

— Не торопись. Эти клоуны, призвавшие нас на два года, вполне могут растянуть их до четырех или...

— Или шести, или двадцати, или до бесконечности. Но ничего у них не получится. Начнется восстание.

— Не знаю. Если они приучили нас убивать, они могут приучить нас к чему угодно. Даже добровольно остаться на сверхсрочную.

Мрачная перспектива.

Позже мы попытались заняться любовью, но ничего не вышло. Мы оба были заняты посторонними мыслями.

Я увидел Мэригей примерно через неделю. Она была еще очень слаба, сильно осунулась и с трудом реагировала на окружающее. Док Уильсон заверил меня, что эффект этот дают медикаменты, мозг, к счастью, совсем не пострадал.

Мэригей все еще не поднималась с койки, кормили ее через трубку. Я начинал чувствовать беспокойство. Хотя с каждым днем ей становилось все лучше, но, если она не встанет на ноги до прыжка, у нее нет шансов выжить. Ни док

Уильсон, ни Эстелла ничем не могли меня обнадежить. Все зависит от выносливости Мэригей, говорили они.

За день до выхода на финальную прямую они переместили ее на противоперегрузочную койку Эстеллы в лазарете. Чувствовала она себя уже вполне хорошо и пищу начала принимать обычным образом, но вставать еще не могла — при полуторной силе тяжести.

Я пришел к ней в медотсек.

— Ты уже знаешь, что мы меняем курс, к Тет-тридцать восемь пойдем через Альфу-девять. Еще четыре месяца в этой проклятой жестянке. Но зато шесть дополнительных лет боевого стажа с соответствующей оплатой.

— Это хорошо.

— Еще бы, ты подумай только, вот вернемся мы на Землю...

— Уильям.

Я замолк. Никогда не умел врать.

— Хватит меня подбадривать. Расскажи про вакуумную сварку, про свое детство, все, что угодно. Только не суй ты мне эту чушь про возвращение на Землю.— Она отвернулась к стене.— Я слышала, как два врача разговаривали обо мне в коридоре. Думали, что я еще не проснулась. Но

я и сама уже догадалась, очень уж все старались меня обнадежить.

Так что расскажи мне о Мехико-Сити. Ты ведь родился в тысяча девятьсот семьдесят пятом в Мехико-Сити, правильно? И что было потом? Ты все время там жил? А в школе хорошо учился? Были у тебя там друзья, или все считали тебя умником, как со мной случилось? А сколько тебе было лет, когда ты стал мужчиной?

Мы еще некоторое время поговорили в таком тоне. Мне было неудобно. И во время разговора меня осенила идея. Сразу от Мэригей я пошел к доку Уильсону.

— Шансов у нее — примерно пятьдесят на пятьдесят. Но это очень приблизительно. Это первый известный случай такого рода, ничего нельзя сказать заранее наверняка.

— Но можно сказать, что чем меньше будет она подвергаться перегрузкам, тем больше у нее шансов выжить? Так?

— Конечно. Капитан постарается вести «Годовщину», насколько это будет возможно, мягко. Но все равно будет четыре или пять g в конце. А для нее даже трех хватит. Хотя заранее мы ничего не можем определить.

Я нетерпеливо кивнул:

— Правильно, но я, кажется, нашел способ. Можно сделать так, что Мэригей будет подвергаться гораздо меньшей перегрузке, чем все мы.

— Если ты изобрел антиперегрузочный экран,— с улыбкой сказал док,— то спеши получить патент. Продашь его за солидну...

— Нет, в нормальной обстановке от него будет мало толку. Наши оболочки работают лучше, и основаны они на том же принципе.

— Тогда объясняй.

— Мы поместим Мэригей в свободную оболочку и заполним...

— Погоди, погоди. Ничего не выйдет. Плохо прилегающая оболочка все это и натворила, во-первых. А ведь теперь ей придется пользоваться запасной...

— Я это знаю, дай же мне объяснить, док. Оболочка может и не прилегать, как это требуется обычно, пусть только работают вход и выход системы жизнеобеспечения. Внутри не будет никакого давления. Потому что и снаружи она не подвергнется обычному давлению в килограмм на квадратный сантиметр, как мы все.

— Тогда я не понимаю.

— Здесь действует... ты ведь изучал физику, верно?

— Изучал немного в медшколе. Самый для меня жуткий предмет после латыни.

— Ты помнишь принцип эквивалентности?

— Название такое помню. Что-то связанное с теорией относительности, кажется.

— Правильно. Согласно ему... нет разницы между поведением тела в поле притяжения и под действием соответствующего ускорения. То есть если «Годовщина» дает ускорение в пять g, то это все равно, как если бы мы опустились на большую планету с притяжением в пять g на поверхности.

— Очевидно.

— Отлично. И никакой эксперимент, проводимый на борту корабля, не покажет разницы; то ли корабль идет с большим ускорением, то ли он совершил посадку на тяжелой планете.

— Как это не может? Если выключить двигатели...

— Или выглянуть наружу, правильно. Я имею в виду изолированный, лабораторный физический эксперимент.

— Ну ладно, я понял. Итак?

— Ты знаешь закон Архимеда?

— Конечно, история с подделанной короной... вот что меня всегда поражало, относительно

этой физики — сколько шуму вокруг очевидных вещей, а когда доходит до грубого дела...

— Этот закон говорит: на всякое тело, погруженное в жидкость, действует сила, равная весу вытесненной телом жидкости.

— Все справедливо.

— И этот закон, соответственно, справедлив для любого гравитационного поля или системы, которая движется с ускорением. В корабле при ускорении в пять g вода, вытесненная телом — если это вода,— весит в пять раз больше, чем вода обыкновенная, при одном g.

— Понятно.

— Значит, если кто-нибудь будет плавать в резервуаре с водой, находясь в состоянии невесомости, то он будет в невесомости как при одном g, так и при пяти.

— Погоди-ка. Ты меня почти убедил, только ничего не получится.

— Почему не получится? — Мне ужасно хотелось сказать доку, чтоб он занимался пилюлями и стетоскопами, а физику предоставил мне, но, к несчастью, я удержался.

— Что будет, если ты упустишь гаечный ключ, находясь внутри подводной лодки?

— Подводной лодки?

— Да. Подводная лодка тоже действует по закону Архимеда...

— Проклятье! Ты прав. Я не додумал до конца...

— Ключ упадет на пол, даже если подводная лодка висит в толще воды, как в невесомости,— Док смотрел в пространство, постукивая карандашом по крышке стола.— Подобно тому, что ты предлагаешь, мы лечим пациентов с сильными повреждениями кожи — ожоги и так далее,— но этот способ не дает никакой опоры внутренним органам, что делают противоперегрузочные оболочки. Поэтому Мэригей это ничем не поможет.

Я волновался, собираясь уходить.

— Извини, что отнял время.

— Погоди минуту. Возможно, твоя идея нам пригодится, частично.

— Каким образом?

— Я тоже сначала не додумал. Обычное применение оболочки для Мэригей исключается.

Мне об этом даже думать не хотелось. Без гипноконди-ционирования там бы не выдержать, пока насыщенный кислородом флюскарбон проникнет вам внутрь сквозь естественные отверстия и одно искусственное. Я потрогал пальцем вращенный у бедра клапан.

— Ее бы просто разорвало... ты думаешь... низ-

кое давление...

— Правильно. Нам не придется защищать ее от полного пятикратного ускорения, маневрировать и менять ускорение мы ведь не будем. Я сейчас свяжусь с ремонтной секцией. Отправляйся-ка в камеру вашего отделения, мы используем ее, Далтон придет прямо туда.

До погружения в поле коллапсара оставалось пять минут, и я начал заполнение камеры. Мы были там с Мэригей одни. Мое присутствие тоже особенно не требовалось, все манипуляции могли выполняться с пульта управления. Но никогда не мешало подстраховаться, и, кроме того, я хотел быть с Мэригей.

По сравнению с обыкновенной процедурой нам было невозможно хорошо — никакого расплющивания, никакого распухания. Просто сначала вас совершенно внезапно наполняет пахнущая пластиком субстанция (никак не удается поймать момент, когда она замещает воздух в легких), потом вы чувствуете легкое ускорение, а в следующий момент уже ждете, пока раскроется оболочка. Потом вы отключаете шланги, выбираетесь наружу...

Оболочка Мэригей была пуста. Я подошел и

увидел кровь.

— Началось кровотечение.— Голос дока Уильсона звучал словно из склепа. Я повернулся и сквозь щипание в глазах увидел, что док стоит, прислонившись к косяку двери в алькове раздевалки. О ужас, он улыбался.— Что мы и ожидали. Доктор Гармония позаботится о ней. Все будет в порядке.

Глава 6

Через неделю Мэригей уже ходила, еще через неделю мы уже делили прелести «свободного общения», а через шесть недель было объявлено о полном ее выздоровлении.

Десять долгих месяцев полета и все эти месяцы — армия, армия, армия всю дорогу. Гимнастика, бессмысленная работа, обязательные лекции — поговаривали, что будто даже собираются восстановить прежний порядок соседства на ночь, но этого не сделали: наверное, опасались бунта. Ведь многие уже нашли себе более или менее постоянных друзей и подруг, и их совсем не устраивал случайный партнер на ночь.

Вся эта чушь, вся армейская дисциплина и прочее волновали меня вот почему: я боялся, что нам

не разрешат подать в отставку. Мэригей назвала меня параноиком. Просто ничем другим нельзя занять людей целых десять месяцев, сказала она.

Кроме обычных сплетен из армейской жизни, всех в основном занимал один вопрос: как сильно переменилась за эти годы Земля и что мы там будем делать, когда до нее доберемся? Все мы будем довольно состоятельными людьми, двадцать шесть лет копилась наша оплата плюс проценты — пятьсот долларов, что мы получили за первый месяц в армии, уже выросли до тысячи пятисот.

На Старгейт мы прибыли в конце 2023 года.

База разрослась до неузнаваемости за семнадцать лет, что мы провели в кампании «Иод-4». Теперь это было единое здание, размерами с лунный Тихо-Сити, помещавшее десять тысяч человек.

К базе было припарковано семьдесят восемь крейсеров, все класса «Годовщина» или еще крупнее, которые занимались рейдами на входные планеты тельциан. Еще десять кораблей охраняли сам Старгейт, а два крейсера крутились на орбите, поджидая своих десантников и экипаж. Один корабль «Надежда Земли И» вернулся из боевого рейда и теперь ждал возвращения еще одного корабля.

Они потеряли две трети команды, и посылать корабль с тридцатью девятью людьми обратно на Землю было неэкономно. Тридцать девять выживших — тридцать девять убежденных штатских.

Мы отправились на базу в двух посадочных катерах.

Генерал Ботсфорд (на Хароне, когда там имелось только два бункера и двадцать четыре могилы, мы знали его всего только майором) принял нас в не без изящества оборудованной комнате для занятий. Он прохаживался взад и вперед, за ним виднелся большой клуб гопографического демонстратора операций. Я едва различал надписи и был изумлен, когда увидел, как далеко до Иод-4. Конечно, расстояние особой роли не играет, у нас ведь есть прыжок. До Альфы Центавра мы добирались бы в десять раз дольше, хотя Альфа Центавра наш ближайший сосед, но это не коллапсар.

— Вы знаете...— начал он слишком громко, но тут же сменил тон на более доверительный.— Вы знаете, что мы могли бы включить вас в состав других ударных групп и послать обратно в действие. В Элитарный Призывный Закон внесена поправка, срок службы удлинен до пяти лет субъективного времени.

Но мы этого не делаем, хотя... Черт побери! Я просто не понимаю, почему бы некоторым из вас не остаться в армии. Еще два-три года, и вы будете обеспечены на всю жизнь. Конечно, вы понесли тяжелые потери... но это неизбежно, вы были первыми. Теперь будет куда легче. Все костюмы были усовершенствованы, мы больше знаем о тактических приемах тельциан, наше оружие стало гораздо эффективнее... Нам просто нечего бояться.

Он сел во главе стола, за которым мы все собрались, и посмотрел вдоль его продольной оси, никого особо не замечая.

— Моим собственным воспоминаниям о войне уже полвека. Мне война дала возможность почувствовать себя настоящим мужчиной. Возможно, я был человеком другого склада...

«Или у него хорошая избирательная память,— подумал я.— Здесь помню, а здесь...»

— Но что было, то сплыло. Я могу предложить вам вариант, исключающий непосредственное участие в боевых действиях.

Нам не хватает квалифицированных инструкторов. Практически у нас их вообще нет. Идеальный инструктор — это только боевой ветеран.

Вас обучали ветераны Вьетнама и Синая, са-

мым молодым из них было уже за сорок, когда вы покинули Землю. Двадцать шесть лет тому назад. Поэтому вы нам очень нужны, и оплата будет соответствующей.

Каждый из вас получит звание лейтенанта, если согласится стать инструктором. Инструктором на Земле или на Луне — с двойной оплатой, на Хароне — с тройной или здесь, на Старгейте, оплата увеличивается в четыре раза. Кроме того, вы можете не спешить с ответом. Каждому разрешается свободный проезд обратно на Землю — завидую вам, ребята. Я не был дома уже двадцать лет и, наверное, никогда не вернусь теперь, а вы снова можете почувствовать себя штатскими людьми. Если это вам придется не по вкусу — просто обратитесь в любое отделение ИСООН, и оттуда вы уже выйдете офицерами. С правом выбора места службы.

Вижу, кое-кто улыбается. Погодите с выводами. Земля немного не похожа на ту, что вы покинули.— Он вытащил из кармана небольшую карточку и взглянул на нее, слегка усмехнувшись.— У большинства из вас на счетах имеется по четыреста тысяч долларов, это накопившаяся оплата и проценты. Но Земля ведет войну, и гражданам Земли приходится поддерживать

экономику своими деньгами. Ваши доходы подлежат налоговому обложению в размере девяноста двух процентов. Тридцати двух тысяч долларов вам может хватить года на три — если будете экономить. Кроме того, вы захотите найти работу, а война — единственное дело, для которого вы обучены по высшему классу. На Земле не так уж много рабочих мест. Население сейчас составляет десять миллиардов человек, из них пять или шесть миллиардов — безработные. И вы еще отстали на двадцать шесть лет от развития науки и техники.

Не забывайте также, что все ваши друзья и возлюбленные постарели на те же двадцать шесть лет. Многие из ваших родственников уже умерли. Боюсь, что дома вам покажется весьма одиноко.

Но чтобы вы узнали побольше о мире, куда направляетесь, я передаю слово сержанту Шири, который недавно прибыл с Земли. Сержант, прошу.

— Благодарю вас, генерал.

Что-то не в порядке было у сержанта с лицом, кожей, и тут я понял, что щеки у него напудрены и он пользуется губной помадой. Ногти на руках очень ухоженные, миндалевидные.

— Не знаю даже с чего начать.— Он закусил

верхнюю губу и, нахмурившись, взглянул на нас.— Все очень переменилось даже с тех пор, как я был еще мальчиком. Мне сейчас двадцать три, то есть я даже не родился еще, когда вы ушли к Альфе... Ну ладно, для начала... Много ли среди вас склонных к гомосексуализму? — Склонных не было. Неудивительно.— Я лично гомосексуалист.— Ого, шутки в сторону.— Как и каждый третий в Европе и Северной Америке. В Индии и на Ближнем Востоке это число еще больше. Но уменьшается в Латинской Америке и в Китае.

Большинство правительств поощряют гомосексуальность — ООН заняла нейтральную позицию,— главным

образом потому, что это наиболее действенный метод контроля над рождаемостью.

Благовидный предлог. В армии поступают просто — замораживают образец спермы, а потом делают донору вазек-томию. Надежная защита от дурака. Еще когда я учился, большинство гомосексуалистов в кампусе оправдывалось этим аргументом. Кроме того, метод действовал, судя по всему. Я ожидал, что на Земле будет жить больше чем десять миллиардов человек.

Когда меня предупредили, еще на Земле, что я буду с вами говорить, я специально разыскал

некоторые сведения, в основном из старых журналов и инфозаписей.

Многое из того, чего вы опасались в прошлом, так и не произошло. Скажем, голод человечеству до сих пор не грозит. Даже не используя всю пригодную для обработки землю и океанские ресурсы, нам удалось накормить все население, и мы сможем удовлетворить потребности даже вдвое большего количества людей. Новая пищевая технология и равномерное распределение калорий. Когда вы покидали Землю, миллионы людей находились на грани медленного умирания от голода. С этим покончено.

Вас волновала проблема преступности. Как я узнал из записей, в ваше время невозможно было пройтись по улицам Нью-Йорка, или Лондона, или Гонконга без телохранителя. Но теперь, когда все получают достаточное образование, когда о людях больше заботятся, успехи психометрии позволяют выявить потенциального преступника еще в детском возрасте, и он получает действенное корректирующее лечение. Теперь число серьезных преступлений неуклонно уменьшается. Наверное, сейчас в целом мире совершается меньше тяжелых преступлений, чем в ваше время в одном большом городе.

— Все это хорошо и прекрасно,— вмешался в беседу генерал, давая тоном понять, что все далеко не так,— но мне приходилось слышать кое-что другое. Что вы называете тяжелым преступлением? А остальные виды правонарушений?

— Ну, это убийство, избиение, изнасилование — все серьезные преступления, связанные с нападением на человека, сходят на нет. Покушения на собственность личности — мелкие кражи, вандализм, незаконное заселение — все они еще продолжают су...

— Что это значит — «незаконное заселение»?

Сержант поколебался, потом ответил:

— Человек положительно не должен лишать другого человека части жизненного пространства, незаконно присваивая собственность последнего.

Александров поднял руку.

— Вы хотите сказать, что не существует понятия «частная собственность»?

— Существует, почему? Я, например, имел в собственности свою комнату, пока меня не призвали.— Эта тема по-чему-то явно его смущала. Новые специальные табу? — Но имеются границы.

— Как вы поступаете с преступниками? — Это

Луттлли.

— Приговаривают ли еще к мозгостиранию?

Сержант с видимым облегчением переменил тему:

— Нет, нет. Этот способ считается примитивным. Варварским. Мы накладываем на сознание преступника матрицу новой, здоровой личности. Общество принимает их обратно как полноправных членов. Очень хороший способ.

— Существуют ли тюрьмы? — Это Юкава.

— Наверное, вы можете назвать корректировочный центр тюрьмой. Пока люди не получат лечения и не будут выпущены, они находятся там против воли. Но можно сказать, что именно неправильное понимание свободы воли привело их в этот центр.

Я не имел намерения стать правонарушителем, поэтому спросил его о том, что меня больше всего волновало:

— Генерал сказал, что большая половина населения не имеет работы, что нам не удастся получить место. Это верно? Нам тоже придется перейти на пособие?

— Я не знаю, что вы имеете в виду под пособием. Конечно, правительство оказывает помощь не имеющим ра-

боты. Это верно, я сам не имел работы, пока меня не призвали. По образованию я музыкант.

Видите ли, хроническая безработица имеет две стороны. Обеспечивать ведение войны может миллиард человек или два миллиарда. Но это не значит, что все остальные сидят сложа руки.

— Каждый гражданин имеет право в течение молодости — до восемнадцати лет, до четырнадцати — в обязательном порядке получить бесплатное образование. Плюс отсутствие необходимости заботиться о пропитании — все это привело к расцвету искусств. Сейчас на Земле больше художников и писателей, чем за все прошедшие два тысячелетия после нашей эры! И плоды их труда получает самая широкая и образованная общественность из когда-либо существовавшей.

Не мешало над этим поразмыслить. Раби поднял руку.

— И вы уже произвели нового Шекспира? Нового Ми-келанджело? Количество — это еще не все.

Сержант Шири совершенно женским жестом откинул волосы со лба.

— Это решать потомкам. Только они могут делать сравнения подобного рода.

— Сержант, когда мы с вами разговаривали пе-

ред этим,— сказал генерал,— вы упомянули, что жили в этаком гигантском улье, а не в обыкновенном здании, и что никто уже не может жить за городом?

— Да, сэр, это верно, никто не имеет права поселяться на потенциально обрабатываемой земле. И у меня, там, где я живу, то есть жил, семь миллионов соседей, мы все помещаемся практически в одном здании — городском комплексе Атланта! Но это не значит, что мы живем в тесноте. Мы в любой момент можем спуститься на лифте вниз, погулять по полю, пойти посмотреть морской берег, если захотим...

Вам, ребята, нужно приготовиться к этому. Города теперь мало напоминают случайные агломерации зданий, к каким привыкли вы. Большинство больших городов были сожжены и разрушены во время голодных бунтов в две тысячи четвертом, перед тем как ООН взяла в свои руки производство и распределение пиши. Восстанавливались они уже по новым функциональным проектам.

Париж и Лондон, например, были полностью перестроены. Так же и большинство мировых столиц. Вашингтон, впрочем, уцелел. Сейчас это просто кучка монументов и административных

учреждений, подавляющее большинство живет в окружающих комплексах — Рестоне, Фредерике, Колумбии.

Потом Шири отвечал на вопросы — каждый хотел узнать, что сталось с его родным городом,— и в общем картина вырисовывалась не такая уж мрачная, куда лучше, чем мы думали.

Кто-то грубо поинтересовался, почему Шири употребляет косметику, и сержант ответил, что так теперь все делают, независимо от наклонностей. Я решил, что буду отщепенцем, и пускай моя физиономия выглядит как она есть.

Мы присоединились к уцелевшим членам экипажа «Надежда II» и на их крейсере отправились в путь к Земле. Ученые и техники тем временем занимались анализом повреждений нашей «Годовщины». Капитан в скором времени должен был давать показания о случившемся, но, насколько я знаю, судить его не собирались.

На обратном пути жилось нам довольно вольготно. За семь месяцев я прочитал тридцать книг, научился играть в го, прочел курс лекций по основам физики — весьма устаревший к тому времени — и еще больше привязался к Мэригей.

Глава 7

Пусть меня это не слишком волновало, но на Земле мы стали своего рода знаменитостями. На посадочном поле нас лично встречал сам Генеральный секретарь — невысокий чернокожий человек по имени Якубу Ойукву,— и еще сотни тысяч, если не миллионы зрителей собрались в округе посмотреть на прибытие.

Генеральный секретарь выступил перед собравшимися с речью, потом офицеры «Надежды II» тоже что-то там такое с бумажки пробормотали, пока все мы остальные потели в тропическом зное.

Большущий чоппер доставил нас в Джексонвиль, где находился ближайший международный аэропорт. Сам город был перестроен и выглядел примерно так, как и описывал сержант Шири. Впечатляющее зрелище, должен я вам сказать.

Сначала мы увидели монолитную серую гору, этакий слегка неправильный конус серого цвета, поднимающийся навстречу из-за горизонта. Гора сидела посреди бесконечного пространства, занятого разноцветными заплатками обрабатываемых полей, к основанию ее сходились десятки

шоссейных и железных дорог. Видимость была прекрасная, четко выделялись белые ниточки дорог с махонькими жучками машин, ползущих по ним, но мозг отказывался воспринять зрелище в правильном соотношении размеров. Очень уж громадный он был, этот комплекс.

Мы подлетали все ближе и ближе — слегка потряхивало в зонах восходящих потоков,— пока здание-город не превратилось в светло-серую стену, закрывавшую все поле видения с одной стороны. Приблизившись еще больше, мы начали различать черные точечки людей. Одна точечка была на самом краю балкона, возможно, махала нам рукой.

— Ближе нам не подойти,— сказал пилот по интеркому,— иначе управление перехватит городская система и посадит нас на крышу. Аэропорт находится севернее.

И мы свернули в сторону, пронесясь сквозь тень города.

Аэропорт ничего особенного собой не представлял — таких больших, конечно, мне еще видеть не приходилось, но конструкция была обычной: центральное здание вокзала походило на ступицу гигантского колеса, от него множество монорельсовых дорог вели к расположенным

в километре или около того вспомогательным терминалам, где совершалась посадка и высадка пассажиров. Но наш чоппер приземлился прямо на поле рядом с стратолайнером, идущим в Швейцарию. Мы двигались по коридору, который охрана расчистила среди восторженной толпы встречающих. Думаю, имея в запасе шесть миллиардов ничего не делающих, собрать такую толпу труда не составило.

Я боялся, что опять придется терпеливо выслушивать чьи-нибудь речи, но мы поднялись сразу на борт лайнера. Стюардессы и стюарды угощали нас сандвичами и напитками, пока поле очищали от посторонних. Просто слов нет, какой вкус у сандвича с цыпленком после двух-то лет на дерьмовой сое, а про холодное пиво и говорить нечего.

Мистер Ойукву объяснил, что мы направляемся в Женеву, в резиденцию ООН, где нас сегодня вечером будет приветствовать Генеральная Ассамблея. Будет глазеть на нас скорее, подумал я. Он сказал, что родственники большинства из нас уже находятся в Женеве.

Пока мы набирали высоту, я обратил внимание, что вода в Атлантике кажется неестественно зеленой, и решил позже спросить стюардессу. Но

тут все стало ясно: мы пролетали над океанской фермой — четыре больших плота,— я не знал, на какой высоте мы находимся, и не мог оценить их размеры,— двигались цепью, оставляя за собой полосы чистой голубой воды, которые постепенно исчезали, затягивались зеленью. Еще до посадки мне удалось узнать, что плоты собирают какой-то вид тропической хлореллы, ею откармливают скот.

Женева тоже представляла собой здание-город, похожее на Джексонвиль, но поменьше размерами. Возможно, окружавшие ее настоящие горы создавали такую иллюзию. Внешние стены и крыша были покрыты снегом. Было очень красиво.

Сквозь вихри снежинок — как здорово, оказывается, под открытым небом! — мы перешли из лайнера в чоппер, он доставил нас на крышу города, потом мы опустились лифтом, проехали на движущейся дорожке, снова спустились на лифте, снова дорожка, потом уже нормальный коридор, и вот мы на Трансштрассе, 2818, комната 45 — так сказано было на адресной карточке у меня в руке. Мой палец задержался на кнопке звонка, я вдруг оробел.

Я уже свыкся с мыслью, что отца больше нет на свете — подобного рода информация была за-

ботливо приготовлена для нас на Старгейте,— и меня куда больше волновала сейчас перспектива увидеть маму, которая стала вдруг восьмидесятичетырехлетней. Я едва не рванул в сторону, чтобы отыскать местный бар и немного приглушить чувства, но решил идти напролом и нажал кнопку.

Дверь тут же открылась. Мама постарела, конечно, но внешне почти не изменилась, только больше стало морщин и волосы были совсем седые. Мы посмотрели друг на друга и обнялись, и мне стало удивительно хорошо, что я так рад снова ее видеть.

Она взяла у меня шапку и проводила в гостиную номера, и тут я встал на пороге как вкопанный: там стоял мой отец, улыбался, но лицо серьезное, в руке — неизменная трубка. На мгновение я послал проклятье армейским растяпам, неправильно меня информировавшим, но тут же понял, что это не мог быть мой отец, что таким я видел его еще в детстве.

— Майк? Это ты, Майк? — Он засмеялся.

— А кто же еще, Уилли?

Это был мой младший брат, теперь уже солидный мужчина среднего возраста. Последний раз я видел его в 1993-м, когда закончил колледж. Ему

было тогда шестнадцать, через два года он был уже на Луне в составе программы ИСООН.

— Ну как, Луна надоела? — спросил я, пожимая руку брата.

— Нет, нет, Уилли, я теперь каждый год на месяц-два возвращаюсь на «большую землю». Теперь не то что раньше.— Когда его завербовали, человек получал право только одного проезда назад — в случае, если рассчитывался: топливо стоило слишком дорого для ежегодных отпусков.

Мы все трое уселись вокруг мраморного кофейного столика, и мама предложила мне сигарету.

— Все так переменилось,— сказал я прежде, чем они могли спросить что-нибудь про войну.— Расскажите мне, как живете, расскажите обо всем.

Брат замахал руками и рассмеялся:

— Однако длинная будет история. У тебя как, пара недель в запасе имеется? — Он явно еще не решил, какого тона придерживаться со мной. Кто я ему, племянник или как? Во всяком случае, я уже не старший брат.

— Майкла можешь не спрашивать, во всяком случае,— сказала мама.— Все селениты разбираются в жизни на Земле не больше, чем девственницы в поцелуях и прочем.

— Ну, мама...

— Огромный энтузиазм и никакого опыта.

Я закурил сигарету, у нее был странный сладкий привкус, и глубоко затянулся.

— Луняне каждый год по пять недель проводят на Земле. Половину времени они тратят на советы, как земляне должны вести дела.

— Возможно. Но остальную половину времени мы просто наблюдаем. Объективно.

— Ага, вот и любимое словечко нашего Майкла — «объективно».— Мама откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

— Мам, ты же сама понимаешь... Черт, оставим. Уильям сам разберется, у него еще жизнь впереди,— Он выпустил облачко дыма, я заметил, что он курит не затягиваясь,— Расскажи нам лучше о войне. Я слышал, ты был в настоящем бою с тельцианами. Лицом к лицу.

— Да, было. Ничего особенного.

— Ага, я слышал, они трусы,— сказал Майкл.

— Да я бы не сказал... так.— Я потряс головой, собирая мысли. Марихуана нагоняла на меня сон.— Похоже, они просто не понимали, в чем дело. Это было как в тире — они выстраивались в линию, мы их подстреливали.

— Как же это? — сказала ма.— А передавали, что у нас убито девятнадцать человек...

— Девятнадцать человек убито? Это неправда.

— Я точно не помню сейчас.

— Мы действительно потеряли девятнадцать человек, но только четверо были убиты. Это еще в самом начале боя, пока мы не разобрались в их противовоздушной системе.— Я решил не останавливаться на подробностях, обойтись без лишних сложностей.— Из оставшихся пятнадцати одного ранило нашим же выстрелом. Он потерял руку, но остался в живых. Остальные... сошли с ума.

— Как... особое оружие тельциан? — спросил Майк.

— Да ни при чем тут тельциане! Наши мозги подвергли обработке, запрограммировали стрелять во все, что движется, как только сержант произнесет ключевую фразу. Когда люди пришли в себя потом, они не смогли вынести воспоминаний. Как они крошили тельциан.— Я потряс головой. Наркотик что-то сильно стал на меня действовать.

— Слушайте, я ужасно извиняюсь.— С некоторым трудом я поднялся на ноги,— Я уже почти двадцать...

— Ну конечно же, Уильям.— Мама взяла меня под локоть и провела в спальню, пообещав раз-

будить вовремя, чтобы мы успели на вечернее празднество. Кровать была чересчур удобной, но я мог бы заснуть, даже прислонившись к обхватистому дереву.

Усталость плюс «трава» и множество впечатлений: в результате маме пришлось брызгать мне в лицо холодной водой, иначе просыпаться я не хотел. Потом мы подошли к стенному шкафу, и мама выбрала мне подходящее для официального приема обмундирование. Я предпочел кирпично-красное одеяние — серо-голубой цвет показался мне несколько франтоватым,— принял душ и побрился. От косметики я отказался (Майк уже накрасился и предлагал мне свою помощь), вооружился листком с инструкциями, как найти Генеральную Ассамблею, и отправился в путь.

Я дважды терял направление, но, к счастью, у них на каждом перекрестке коридоров имелись миниатюрные компьютеры, дававшие указания для потерявшихся, на четырнадцати языках.

Мужская мода, как я заметил, явно начала обращаться к прошлому. От талии и выше все еще было не так плохо — облегающая блуза с высоким воротником и небольшая шапочка, но ниже шел широкий, сверкающий и совершенно бесполезный пояс, на котором болтался украшенный

драгоценными камнями кинжал, пригодный разве что для распечатки конвертов, потом панталоны, ниспадавшие широкими складками и заправленные в сияющие сапоги из пластика, на высоких каблуках и доходящие до колен. Добавьте шляпу с пером — и Шекспир с дорогой душой взял бы вас статистом в свой «Глобус».

Женщинам было легче. Я встретил Мэригей у входа в холл Генеральной Ассамблеи.

— Уильям, мне кажется, что на мне совсем ничего нет,

— Смотрится неплохо, впрочем. Ничего не поделаешь, мода есть мода.— Большинство молодых женщин, встретившихся мне на пути к Ассамблее, были одеты аналогичным образом: нечто очень похожее на обыкновенную сорочку с обширными прямоугольными вырезами по бокам. Вырезы начинались у подмышек, а заканчивались там, где у вас сам собой вырывался возглас «Гм!». Наряд требовал от хозяйки большой сдержанности в движениях и не меньшей веры в силу статического электричества.

— Ты уже видел зал? — спросила Мэригей и взяла меня под руку.— Пойдем, конкистадор.

Мы пошли сквозь автоматические двери, и я тут же остановился, пораженный. Холл был

таким огромным, что можно было подумать, что находишься где-то снаружи.

Пол представлял собой круг около ста метров в диаметре, стены уходили на высоту шестнадцати или семнадцати метров, вместо потолка был прозрачный купол — я припомнил, что видел этот купол во время посадки,— сквозь который видны были языки и спирали серого снега, несущегося по ветру. Стены покрывала мозаика — тысячи фигурок представляли в хронологическом порядке историю достижений человека. Не знаю, сколько времени я так простоял.

Пройдя через холл, мы присоединились к компании наших ребят — отважные ветераны угощались кофе. Кофе был синтетический, но все равно лучше, чем соя. К великому моему разочарованию, оказалось, что табак на Земле теперь почти не выращивают, а в некоторых странах его даже запретили — дабы сохранить пригодную для обработки почву. Поэтому то, что можно было достать, стоило ужасно дорого, и качество оставляло желать лучшего — это в основном был самосад, его выводили любители где-нибудь в балконных ящиках или на крохотных двориках. Единственный хороший табак привозили с Луны, и цены были буквально астрономические.

Зато вдоволь было дешевой марихуаны. В некоторых странах, например в США, ее вообще можно было получить бесплатно. Производилась и распределялась правительством.

Я предложил Мэригей сигарету с «травой», но она отказалась:

— Придется привыкать постепенно, я уже попробовала одну, она меня чуть не «выключила».

— Со мной то же самое.

Пожилой мужчина в форме вошел в наш уголок, грудь мундира украшал настоящий винегрет из наградных планок, плечи его были отягощены пятью звездочками каждое. Он благожелательно нам улыбнулся, когда почти половина людей вскочила на ноги. Я же остался сидеть, чувствуя себя в решающей мере штатским.

— Добрый вечер, добрый вечер,— сказал он, жестом приглашая садиться.— Рад видеть вас. В столь многочисленном составе.

— Многочисленном? Едва половина от начального нашего отряда.

— Я — генерал Джери Манкер, начальник кадрового отдела ИСООН. Через несколько минут мы отправимся вот туда,— он кивнул в сторону зала Ассамблеи,— для проведения небольшой церемонии. Потом вы будете свободны, вы заслужили

отдых. Познакомьтесь с миром, побездельничайте пару месяцев. Все, что угодно. Только держитесь подальше от репортеров.

Но прежде позвольте сказать вам вот что: после этих месяцев отдыха вы захотите чем-нибудь заняться, кроме того, деньги тоже могут понадобиться...

Как я и думал, это оказалось то, чем встретил нас генерал Ботсфорд на Старгейте,— вам понадобится работа, и армия — единственная работа, которую вы наверняка сможете получить.

Известив нас, что через несколько минут к нам присоединится сопровождающий, который отведет нас в зал, генерал покинул наше общество. Оставшееся время мы развлекались перечислением достоинств сверхсрочной службы.

Сопровождающий оказался симпатичной молодой женщиной, которая без труда выстроила нас в алфавитном порядке (она явно придерживалась сходного с нами мнения о военных) и повела через холл.

Первый ряд делегатов освободил для нас свои места. Мне достался стол с табличкой «Гамбия», за которым я с нелегким чувством прослушал речь о нашем героизме и самопожертвовании. Генерал Манкер излагал верные факты, только

немного неправильными словами.

Потом нас вызывали одного за другим, и мистер Ойукву вручил каждому золотую медаль весом, наверное, в целый килограмм. Потом он произнес речь о человечестве, сплоченном общей целью, пока скрытые телекамеры нас снимали. Вдохновляющее зрелище для граждан Земли... Потом мы потянулись к выходу под бурю аплодисментов. Мне почему-то не было радостно.

У Мэригей не осталось живых родственников, и я пригласил ее к себе. У центрального входа в Ассамблею слонялась толпа зевак, поэтому мы воспользовались другим выходом, поднялись случайным лифтом на несколько этажей и тут совершенно потерялись в лабиринте движущихся дорожек и эскалаторов. Тогда мы обратились за помощью к электронному ящичку на перекрестке и добрались домой.

Я рассказал ма про Мэригей и что мы будем жить вместе. Они тепло поздоровались, и мама усадила нас в гостиной, позаботилась о напитках и отправилась готовить обед. К нам присоединился Майк.

— На Земле вам будет ужасно скучно,— сказал он после обычного обмена любезностями.

— Не знаю,— сказал я.— Армейская жизнь тоже

не большое развлечение. Всякая перемена...

— Ты не найдешь работы.

— Да, физик из меня уже не выйдет. Двадцать шесть лет — все равно что геологическая эпоха.

— Ты вообще не найдешь никакой работы.

— Почему? Я думаю снова пойти учиться и получить еще раз степень магистра, возможно, буду продолжать...

Майк покачал головой.

— Уильям, пусть скажет,— беспокойно задвигалась Мэригей.— Кажется, он что-то знает.

Майк опустошил свой стакан и покрутил его, наблюдая за кусочками льда на дне.

— Верно. Ты знаешь, ведь Луна — это территория ИСООН, все мы там работаем на Силы, военные или штатские — все равно. И ты знаешь, как разносятся слухи.

— Старое армейское развлечение.

— Вот-вот. Ну, так я слышал кое-что.— Он махнул рукой.— Кое-что о вас, о ветеранах, и постарался этот слух проверить. Он оказался правдой.

— Рад слышать.

— Погоди радоваться.— Он поставил стакан на место, вытащил сигарету, повертел и спрятал назад.— ИСООН намерены любым способом

склонить вас к возвращению в армию. Они контролируют Бюро Трудоустройства, и, будь спокоен, ты окажешься или плохо обученным, или слишком хорошо обученным для любой работы, какую бы ты ни пробовал найти,— кроме как армейской службы.

— Ты уверен? — спросила Мэригей.

Мы оба знали достаточно много и понимали, что ИСООН вполне может такое устроить.

— Клянусь Господом Богом. У меня есть знакомый в лунном отделении Бюро. Он показал мне приказ — все очень вежливо сформулировано. И в скобках — «без исключения».

— Может, когда я закончу колледж...

— Ты не попадешь в колледж. Не пробьешься сквозь этот лабиринт стандартов и ограничений. Попробуешь нажать — скажут, что ты уже стар... проклятье, я уже не смог пробиться на доктора, это в моем возрасте, и...

— Да, я понял, я на два года старше, чем нужно.

— Вот именно. Или всю оставшуюся жизнь проживешь за счет государства, или вернешься в армию.

— Тут и думать нечего,— сказала Мэригей.— В солдаты мы не пойдем.

— Я согласен. Если пять или шесть миллиардов

человек могут прилично существовать и без профессии, то и я смогу.

— Они к этому привыкли с детства — к такому положению вещей,— сказал Майк.— И это, скорее всего, не совсем то, что ты назвал бы приличной жизнью. Большинство просто сидит по домам, смотрит стерео и курит «траву». Еды они получают едва достаточно, чтобы сбалансировать затраты энергии. Мясо раз в неделю. Даже по первому классу обеспечения.

— Ничего особенно нового,— сказал я,— особенно по части еды: в армии нас так и кормили. Что до остального, то, как ты сказал, мы с детства к этому не привыкли. Мы не станем целый день сидеть и смотреть головидение.

— Я хочу рисовать,— сказала Мэригей.— Я всегда хотела серьезно заняться живописью.

— А я буду продолжать изучать физику, просто так, для себя. И займусь музыкой, и буду писать...— Я обернулся к Мэригей.— Или еще чем-нибудь займусь, как нам рассказывал сержант на Старгейте.

— Присоединишься к Новому Возрождению,— сказал Майк безжизненным тоном и раскурил трубку. Это был настоящий табак, и по комнате распространился восхитительный запах.

Он, видимо, заметил, как я на него смотрю голодными глазами.

— Ну что из меня за хозяин! — Он извлек несколько листиков бумаги из кисета и ловко свернул сигаретку: — Держи. Мэригей, ты будешь?

— Нет, спасибо, Майк. Если с табаком действительно так туго, то я лучше не буду снова привыкать.

Майк кивнул, попыхивая погаснувшей было трубкой.

— Да, ничего хорошего. Лучше тренировать психику, научиться расслабляться и без табака.

Я закурил свою тоненькую сигарету. Хороша.

— На Земле ты ничего лучше не достанешь. И марихуана у нас тоже лучше, от нее голова так не мутнеет.

Вошла мама и присела с нами.

— Обед будет через несколько минут готов. Майк опять критикует наши порядки, я слышала.

— Разве я не прав? Пара сигарет с земной «травой» — и ты зомби.

— Кто это «ты»? Ведь ты сам не куришь ее?

— Ладно, ладно. Послушный мальчик не перечит мамочке.

— Когда она права,— сказала мама совершенно, однако, без улыбки.— Так! А вы, детки, любите рыбу?

И заговорили на совершенно безопасную тему — о том, какие мы голодные, и потом сели вокруг блюда, на котором лежал громадный лютеанус, к нему был подан рис. Первая настоящая еда, которую нам с Мэригей довелось отведать за последние двадцать шесть земных лет.

Глава 8

Как и все остальные, на следующий день я давал интервью на стереовидении. Полное отчаяние.

Комментатор:

— Сержант Манделла, вы, судя по наградам, один из самых бравых солдат в ИСООН.

— Это точно, мы все получили по пригоршне планок, еще на Старгейте.

— Вы участвовали еще в знаменитой кампании «Аль-фа-ноль», первой настоящей битве с тельцианами, и вот сейчас как раз вернулись из рейда к Иод-четыре.

— Э-з, не совсем так, мы...

Комментатор:

— Прежде чем мы расскажем о кампании «Иод-четыре», наши зрители очень хотели бы услышать ваши личные впечатления о столкновении с тельцианами, так сказать, лицом к лицу. Жуткие они существа, не правда ли?

Я:

— В общем, да. Наверное, вы видели снимки. Единственное, что на них плохо видно,— это фактура покровной ткани. Кожа у них морщинистая, как у ящериц, и бледно-оранжевого цвета.

Комментатор:

— А как они... пахнут?

— Пахнут? Понятия не имею. В боекостюме можно чувствовать только собственный запах.

Комментатор:

— Ха-ха, понимаю. Но мне хотелось бы вот что узнать: что вы чувствовали, вы лично, когда первый раз увидели противника... Испуг, отвращение, ненависть — что именно?

— Ну, сначала я был испуган, и отвращение тоже чувствовал. Это еще до боя, когда над нами пролетел одиночный тельцианин. Во время же боя мы находились под воздействием постгипнотического внушения — его нам сделали на Земле, и ключевая фраза приводила внушение в действие,— и я испытывал только искусственную

ненависть.

— Вы их презирали и сражались немилосердно.

— Правильно. Мы истребили всех до одного. Хотя они и не пытались сопротивляться. Но когда нас освободили от воздействия внушения... мы сами не могли поверить, что это мы сделали. Четырнадцать человек сошли с ума, все остальные еще неделю сидели на транквилизаторах.

— Понимаю,— рассеянно сказал комментатор и бросил взгляд куда-то в сторону.— Скольких убили вы лично?

— Пятнадцать, двадцать, не знаю, ведь я уже говорил, мы сами себя не помнили. Это было истребление.

В течение всего интервью комментатор как-то странно повторял сам себя и держался несколько скованно. Вечером, уже дома, я понял, в чем было дело.

Мэригей и я сидели перед стереокубом вместе с Майком. Ма отправилась к дантисту по поводу нескольких вставных зубов (считалось, что дантисты в Женеве лучше, чем американские). Мое интервью показывали по программе «Калейдоскоп», втиснули ее между документальным фильмом о лунных гидропонных оранжереях и

концертом какого-то человека, утверждавшего, что он может сыграть «Двойную фантазию ля мажор» Телемана на губной гармошке. Мне было интересно узнать, смотрит ее еще кто-нибудь на целой Земле.

Что ж, интересно было посмотреть на гидропонные оранжереи, и парень играл на гармошке виртуозно, но между ними встряло интервью, и это была сплошная липа.

«Комментатор:

— А как они пахнут?

Я.

— Ужасная вонь, смесь гниющих овощей и жженой серы. Запах проникал в боекостюм сквозь фильтр».

Все стало ясно — он заставлял меня говорить и говорить, чтобы набрать побольше материала, на основе которого они потом и синтезировали мой голос.

— Черт побери, кто им позволил такое делать? — спросил я Майка, когда спектакль закончился.

— Не обижайся на этого парня,— сказал Майк, следивший за расчетверившимся образом музыканта, дувшего в гармоники.— Все средства информации подлежат цензуре ИСООН. Уже десять или двенадцать лет, как Земля не получает

объективных репортажей о войне. Хорошо, что они не подставили актера вместо тебя.

— А на Луне как, лучше?

— Официальная информация ничем не отличается от земной. Но так как все связано с работой в ИСООН, легко определить, где прямая подделка фактов.

— Они полностью вырезали часть, где я говорю про внушение.

— Понятно.— Майк вздохнул.— Им нужны герои, а не марионетки.

Интервью с Мэригей показывали в программе следующего часа, и с ней сделали то же самое. Каждый раз, когда она на самом деле говорила что-то против армии или войны, камеры переключались на женщину, бравшую интервью, а искусственно созданный голос Мэригей возвещал очередную несуразицу...

ИСООН оплачивали полностью пятидневное пребывание в Женеве, и мы решили начать познавать новую жизнь на Земле прямо здесь. На следующее утро мы раздобыли план города — книжку сантиметровой толщины и спустились на самый нижний уровень. Мы решили постепенно подниматься до крыши, не пропуская ничего интересного.

Нижний уровень представлял собой странную смесь промышленного и исторического. Основание здания-города покрывало большую часть старой Женевы, и многие из старых зданий сохранились.

Подавляли шум и суета: громадные грузовые гиромобили вползали сквозь входные ворота, окруженные облаками снега; баржи причаливали к товарным докам (старушка Рона тихо текла сквозь недра бетонной горы); даже несколько миниатюрных вертолетов сновали туда-сюда, координируя кипящую деятельность, ловко лавируя между подпорками и контрфорсами, удерживавшими серое небо следующего уровня в сорока метрах у нас над головами.

Мы могли бы смотреть на все это часами, но рисковали превратиться в сосульки. От ледяного ветра нас защищали только легкие накидки. Мы решили, что еще вернемся сюда, но уже одетые потеплее.

Следующий уровень именовался первым, вопреки элементарной логике. Мэригей объяснила, что европейцы всегда пользуются такой системой. (Забавно, я успел побывать за тысячу световых лет от родного моего Нью-Мексико, но первый раз в жизни пересек Атлантику.) Первый

уровень — это был мозг города, там работали административные органы, системотехники, аналитики и криогенники.

Мы стояли посреди просторного холла, в котором, как ни странно, пахло стеклом. Одну стену занимал гигантский голографический куб-демонстратор, на нем оранжевым светом сияла структурная схема женевской организационной системы в десятки тысяч имен, соединенных линиями от «мэра» на самом верху и до «коридорных» в основании. Имена исчезали и перемещались в соответствии с тем, как сами их владельцы или умирали, или их увольняли, повышали или понижали в должности. Постоянное мерцание, мелькание линий — все это напоминало нервную систему какого-то фантастического существа. В определенном смысле так оно и было на самом деле.

Противоположная демонстрационному кубу стена была одним большим окном, открывавшим вид на комнату, которую висевшая рядом табличка идентифицировала как «Контрользиммер» («Контромерная»), а за стеклом виднелись сотни сидевших рядами техников, каждый за собственной отдельной консолью с полуплоским голографизорным экраном и множеством

индикаторов и циферблатов. В комнате царила напряженная атмосфера, которую всегда создают вокруг себя до предела занятые чем-то важным люди: у большинства техников на уши были надвинуты миниатюрные телефоны, и через маленькие микрофончики они переговаривались с другими техниками, тем временем что-то записывая или нажимая переключатели. Другие, словно пианисты, «играли» на клавишах консолей, сдвинув наушники на шею. Очень немногие рабочие места пустовали, их владельцы с озабоченным видом пересекали комнату в различных направлениях; Автоматический кофейный поднос проплывал вдоль одного ряда пультов, точно такой же поднос двигался в обратном направлении вдоль другого ряда.

Сквозь стекло доносился слабый отзвук таинственной деятельности обитателей комнаты.

Кроме нас в холле было еще два посетителя. Краем уха я услышал, что они направляются посмотреть «на мозг». Мы последовали за ними по длинному коридору и оказались у очередного смотрового окна сравнительно скромных размеров, если вспомнить контроллерный зал. За окном находились компьютеры, поддерживающие функционирование Женевы как единого

целого. Коридор в этом месте освещало только холодное голубое сияние из комнаты за стеклом.

Размерами компьютерная тоже значительно уступала контроллерному залу, была она не больше площадки для бейсбола. Ничем на вид не примечательные серые параллелепипеды компьютерных блоков соединялись между собой стеклянными тоннелями диаметром в рост человека. Через регулярные промежутки в стенах тоннелей имелись двери переходных камер. Очевидно, эта система позволяла добраться до одного из элементов в случае аварии, пока остальная часть комнаты оставалась при температуре около абсолютного нуля — для создания сверхпроводимости.

Хотя внешне компьютерная проигрывала перед деятельной атмосферой контроллерного зала и суматохой нижнего уровня, но все же производила немалое впечатление, наводя на мысли о неведомых и могучих силах, подчиненных человеком. Храм, возведенный во славу порядка, целенаправленности и изобретательности.

Пара, за которой мы шли по коридору, сказала нам, что ничего больше интересного на уровне нет — только комнаты для конференций, административные учреждения и вечно занятые

чиновники. Мы вернулись к лифту и поднялись на следующий уровень — это был главный торговый центр.

Книжка-путеводитель весьма нам здесь пригодилась. Центр составляли сотни магазинов и «открытых базаров», расположенных на манер геометрически правильной решетки. Пересекающиеся ленты дорожек ограничивали зоны, где располагались магазины одного определенного рода. Мы отправились в самый центр торговой площади, выполненный в стиле средневекового городка. Имелось подобие церкви в стиле барокко, и благодаря голографической иллюзии она казалась в четыре раза выше, чем была на самом деле. На стенах — мозаика на религиозные сюжеты, мощеная мостовая, фонтан с извергающими водяные потоки монстрами... Мы купили гроздь винограда у зеленщика (иллюзия пропала, когда зеленщик взял у меня талон калорийного потребления и поставил штамп в книжку рациона) и пошли по узенькой мощеной улочке. Нам там ужасно понравилось, хорошо, что на Земле еще достает энергии и времени, чтобы устраивать такие вот уголки.

Выбор товаров и различных услуг, выполняемых за деньги, был невероятно разнообразный,

но мы за эти годы разучились делать покупки. И еще неизвестно было, на сколько нам хватит денег.

Несмотря на мрачное предсказание генерала Ботсфорда, кое-что нам удалось все-таки сохранить — отец Роджерс, юрист, оказался специалистом по налоговому законодательству, и он научил нас, что делать,— нам пришлось платить налоги исходя из среднего годового дохода. В итоге я оказался владельцем 280 ООО долларов.

Третий уровень мы пропустили — здесь помещались средства коммуникации и информации,— потому что днем раньше уже успели обойти вдоль и поперек, когда давали интервью на стереовидении. Хотел я поговорить с парнями, которые переделали мое интервью, но Мэригей убедила меня, что толку от этого не будет.

Искусственная гора Женевы имеет ступенчатую структуру — вроде свадебного торта. В самом низу первые три уровня около километра в диаметре, этажи с четвертого до тридцать второго в два раза «уже». Далее идет «верхушка» — этажи с тридцать третьего до семьдесят второго — 300 метров в поперечнике и 120 в высоту.

На четвертом этаже, как и на тридцать третьем, находился парк. Деревья, ручейки, всяческие

живые твари. Стены прозрачные, и прямо из покрывающей потолок третьего уровня почвы растет настоящий лес. Мы присели отдохнуть на скамью у пруда, наблюдая, как гуляющие бросают виноградинки рыбкам. Многие купались.

С самого нашего прибытия в Женеву меня не покидало какое-то подсознательное беспокойство, и вот теперь, в этом приятном окружении приятных людей, я внезапно понял, что меня беспокоит.

— Мэригей,— сказал я.— Почему-то не видно здесь несчастливых.

Она улыбнулась:

— Ничего удивительного. Тут такие цветы...

— Нет... я имею в виду всю Женеву. Похоже, все совершенно довольны положением вещей. Кто...

— Твой брат, например.

— Правильно, но он тоже, можно сказать, приезжий. Я имею в виду продавцов и рабочих, и вообще всех вокруг.

Она задумалась:

— Не знаю. Видимо, ты прав. Я не обращала внимания.

— Тебя это не удивляет?

— Это не совсем обычно... но...— Она бросила виноградину в пруд, и рыбки в испуге шмыгну-

ли в разные стороны.— Помнишь, что говорил сержант Шири? Они выявляют нехорошие наклонности психики еще в детском возрасте и исправляют их. И любой здравомыслящий человек будет вполне доволен такой жизнью.

Я фыркнул.

— Половина населения не имеет занятия, а большинство остальных выполняют искусственно придуманную работу, которую можно вообще бы не делать или передать машинам.

— Но они имеют пишу в достатке, и у них есть чем занять время и голову. Двадцать шесть лет назад не было и этого.

— Возможно,— сказал я, не желая спорить.— Наверное, ты права.

И все же на душе у меня было неспокойно.

Глава 9

Оставшуюся часть этого и весь следующий день мы провели в штаб-квартире ООН (само собой, это была «столица мира»), занимавшей весь верхний цилиндр Женевы. Всего, что там было, невозможно пересмотреть и за месяц. Больше недели ушло только бы на осмотр Музея человека. Каждая страна была представлена отдельной

экспозицией. Зачастую имелся не только магазин, где продавались сувениры, но и ресторан с фирменными блюдами местной кухни. Я боялся, что национальные различия могут в этом мире сгладиться. Стало бы гораздо скучнее, несмотря на всеобщий порядок. Хорошо, что мои опасения не оправдались. За это время мы с Мэригей разработали план на ближайшее будущее. Мы решили вернуться в Штаты, подыскать себе жилище и отправиться в путешествие месяца на два.

Когда я обратился за советом к маме, как мне найти квартиру, она показалась мне странно смущенной, вроде сержанта Шири во время нашей беседы. Но она пообещала навести справки в Вашингтоне, когда она туда вернется,— ма жила в Вашингтоне, не захотела переезжать после смерти отца.

Я спросил у Майка, отчего все так неохотно говорят на тему о жилище, и он объяснил, что все это — последствия страшного хаоса, царившего в годы между голодными бунтами и началом Реконструкции. Не хватало жилья, люди теснились по две семьи в одной комнате даже в относительно процветающих странах. Ситуация сложилась очень неустойчивая, и тогда за дело взялась ООН. Сначала — массовая агитационная

кампания, потом — массовая обработка сознания. Внедрялась идея о том, что жить надлежит в возможно меньшем помещении, что грешно даже хотеть получить в личное распоряжение целую квартиру из нескольких комнат. Отсюда и новый стереотип поведения — нескромно разговаривать на тему о жилье.

И до сих пор многие люди сохраняют остатки такого воздействия, хотя еще десять лет назад было проведено раскодирование. В зависимости от общественного положения говорить о квартирах было невежливо или даже оскорбительно для собеседника.

Ма вернулась в Вашингтон, Майк улетел обратно на Луну, а мы с Мэригей остались в Женеве еще недели на две.

Наш самолет приземлился в аэропорту Далласа, оттуда монорельсом мы добрались до Рифтона, города-спутника, где жила ма.

После громадного комплекса Женевы Рифтон производил приятное впечатление скромными размерами, хотя он тоже покрывал довольно большую площадь. Его составляли здания разного типа, в большинстве — всего в несколько этажей, расположенные без видимой системы вокруг озера и утопавшие в зелени. Все здания

соединялись движущейся дорожкой с большим куполообразным строением, где находились магазины, школы и различные учреждения. Там мы получили указания, как найти жилище ма — двухквартирный домик над озером.

Мы могли воспользоваться крытой лентой дорожки, но вместо этого пошли рядом с ней, вдыхая вкусный холодный воздух, пахнущий опавшими листьями. За пластиковой стенкой проплывали люди, старательно избавляя нас от удивленных взглядов.

Мама не откликнулась на звонок, но дверь оказалась незапертой. Квартира была довольно уютная, даже просторная, по стандартам звездолета. Обстановка была старомодная, прошлого века. Мама спала у себя в спальне, поэтому мы с Мэригей тихо присели у стола в гостиной и начали перебирать журналы.

Вдруг из спальни ма донесся резкий кашель. Я постучал в дверь.

— Уильям? Я... Входи, я не знала, что ты приехал...

Мама полулежала в постели, свет был включен, повсюду в комнате — пузырьки и коробочки таблеток. Мама выглядела очень больной, бледная, с проявившимися морщинами.

Она закурила сигарету, это, похоже, помогло ей преодолеть приступ кашля.

— Когда ты приехал? Я не знала...

— Мы только что приехали... Когда ты заболела?

— О, чепуха, подхватила вирус в Женеве. Через пару дней все пройдет.— Она снова закашлялась и потянулась к бутылке с густой красной жидкостью. Все лекарства в комнате были из разряда патентованных, коммерческих средств.

— Ты была у врача?

— У врача? О боже, конечно нет. Они ведь... это... это ерунда, не надо...

— Чепуха? Это в восемьдесят четыре года! Господи, ма, ты просто ребенок.

Я направился к фону на кухне и вскоре соединился с больницей.

В кубе появилось изображение какой-то девицы лет двадцати.

— Сестра Дональдсон, общая служба.— Улыбка у нее была профессиональная, неподвижная. Но тут, похоже, все привыкли улыбаться.

— Моя мать заболела, ее нужно показать врачу. У нее...

— Имя и номер, пожалуйста.

— Бетти Манделла.— Я назвал фамилию по

буквам.— Какой номер?

— Номер стандарта медобслуживания, пожалуйста.

Я сходил в спальню и спросил маму: она говорит, что не помнит.

— Ничего страшного, мы сейчас найдем ее карточку.

Она с неизменной улыбкой склонилась к пульту перед собой и набрала на клавишах код.

— Бетти Манделла? — Улыбка у нее превратилась в улыбочку.— Вы ее сын? Но ведь ей уже за восемьдесят.

— Послушайте, это долго объяснять. Ей сейчас нужен врач.

— Вы что, шутите?

— О чем вы? — Из спальни донесся новый приступ сдерживаемого кашля.— Слушайте, это очень серьезно...

— Но, сэр, миссис Манделла была переведена в нулевой класс срочности обслуживания еще в две тысячи десятом году.

— Проклятье, что это все значит?!

— С-э-р...— Улыбка молниеносно затвердела.

— Послушайте. Представьте, что я прилетел с другой планеты. Что такое «нулевой класс»?

— С другой... Ой. Я знаю, кто вы! — Она повер-

нула голову в сторону.— Соня! Беги скорее сюда! Ты не поверишь, кто...— В пространстве куба втиснулось еще одно лицо, худосочная белокурая девица с совершенно такой же приклеенной улыбкой.— Помнишь? По стату передавали сегодня утром!

— Да, да,— сказала вторая девица.— Один из этих солдат... Слушай, это же проход, настоящий проход! — Голова пропала.

— Понимаете, мистер Манделла,— сказала первая медсестра,— неудивительно, что вы не знаете. Все просто.

— Ну же?

— Это часть Универсальной Системы Медобслуживания. Каждый человек в возрасте семидесяти лет получает определенный класс очередности обслуживания. Автоматически, все решают машины в Женеве.

— Какой класс? Что он означает? — Но все уже было мне ясно.

— Ну, он показывает, насколько человек важен для общества и какое ему надлежит получить лечение. Третий класс — обычный уровень, второй класс — тоже обычный, кроме некоторых процедур по продлению жизни...

— А нулевой класс — вообще никакой помощи,

так?

— Да, мистер Манделла.— И в ее улыбке не было и намека на сочувствие или понимание.

— Благодарю вас.— Я выключился.

Мэригей стояла у меня за спиной, она беззвучно плакала.

В магазине спортивных товаров я раздобыл баллон с кислородом для альпинистов, а у какого-то типа в баре в Вашингтоне мне удалось купить из-под полы коробочку антибиотиков. Но маме требовался настоящий врач, а не такой любитель-терапевт вроде меня. Она умерла на пятый день. У работников крематория была такая же несмываемая улыбка.

Я пытался связаться с Майком, но телефонная компания разрешила мне звонок только после того, как я выписал чек на 25 ООО долларов. Мне пришлось переводить деньги по кредиту из Женевы. Волокита заняла целый день.

Наконец я дозвонился до него.

— Мама умерла,— сразу, без вступлений.

За секунду радиоволна добежала до Луны, еще секунда шла на обратный путь. Наконец Майк вскинул глаза и медленно кивнул.

— Я не удивлен. Каждый раз, как я прилетал на Землю, я боялся, что не увижу ее. Мы не перепи-

сывались — я еще не миллионер.

В Женеве он рассказал мне, что письмо с Луны стоит 1000 долларов, это за пересылку плюс 5000 долларов налога. В целях воспрепятствовать коммуникации с кучкой отъявленных анархистов — таковыми колонисты являлись в глазах ООН.

Мы помолчали печально с минуту, потом Майк сказал:

— Уилли, на Земле вам с Мэригей делать нечего. Перебирайся на Луну. Здесь еще можно чувствовать себя человеком. Здесь мы не вышвыриваем людей сквозь воздушный шлюз после семидесяти лет.

— Нам придется снова поступать в ИСООН.

— Верно, но в действующую армию ты уже не вернешься. Говорят, что вы им необходимы для тренировки новобранцев. Ты сможешь заниматься в свободное время, подучишь свою физику, может, попадешь в исследовательскую программу.

Мы еще немного поговорили, в общей сложности три минуты. Тысячу долларов я получил назад.

Всю ночь мы с Мэригей думали, как поступить. Возможно, мы приняли бы другое решение, если бы нас не окружали вещи мамы, напоминавшие

о ее жизни и ее смерти. Но когда наступило утро, гордая, тщательная красота городка Рифтона приобрела вдруг зловещий, предвещающий смерть оттенок.

Мы уложили вещи, перевели деньги в кредитное отделение Тиго-Сити и отправились монорельсом на старый добрый мыс, куда совсем недавно доставила нас «Надежда II».

Глава 10

— Кстати, если вам интересно, то могу сообщить, что вы не первые, кто вернулся.

Офицером в рекрутском пункте был мускулистый лейтенант неопределенного тем не менее пола. Мысленно я подбросил монетку, и выпал мне орел.

— Еще девять человек, по последним данным,— сказал он сипловатым контральто,— Все они выбрали Луну. Может, еще встретите знакомых.— Он пододвинул к нам два незамысловатых бланка.— Подпишитесь тут и тут. Будете вторыми лейтенантами.

Бланк представлял собой простую просьбу принять нижеподписавшегося в ряды действующих членов ИСООН. Мы по-настоящему никогда

ведь из Сил не уходили, нас считали временно недействующими, поскольку срок службы был увеличен. Я внимательно изучил документ.

— Здесь ничего не сказано о выборе назначения. Нам гарантировали свободный выбор на Старгейте.

— Гарантировали? — У него была стандартная улыбка обыкновенного наземника.

— Да. Нам обещали, что мы сами выберем себе назначение.

— В этом нет необходимости. Силы...

— А я думаю, что необходимость есть. Я вернул бланк обратно. То же самое сделала и Мэригей.

— Одну минуту,— Чиновник покинул стол и исчез в глубинах офиса. Некоторое время он разговаривал по телефону, потом застучала машинка.

Он вернулся с теми же бланками, только теперь сверху было еще допечатано «Гарантируются выбор места назначения (Луна) и род назначения (боевой инструктор)».

Потом мы прошли тщательный медосмотр, и для нас были подготовлены боекостюмы. На следующее утро мы поднялись на борт первого же челнока, взлетели на окололунную орбиту, наслаждаясь невесомостью, пока груз перемещался

из челнока в отсеки паукообразного тахионного грузовика, потом опустились на старушку Луну, совершив посадку на базе Гримальди.

На дверях «Общежития транзитного офицерского состава» какой-то шутник выцарапал: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Мы отыскали предназначенную нам комнатку на двоих и начали переодеваться к обеду. Два щелчка в дверь.

— Письменный приказ, господа.

Я открыл дверь, и стоявший на пороге сержант отдал честь. Я какое-то мгновение смотрел на него, потом вспомнил, что теперь мы офицеры, и отдал честь тоже. Он вручил мне два одинаковых бланка. Один я передал Мэригей. Сердца наши, наверное, тоже замерли одновременно.

ПРИКАЗ

Нижеуказанный персонал:

Манделла Уильям 2 ЛТНТ (11 575278) СУБКОМ ДИ КОУ ГРИТРАБН и Поттер Мэригей 2 ЛТНТ (17 386 987) СУБКОМ ДИ КОУ ГРИТРАБН

Направляются: 2ЛТНТ Манделла: Комдр взвд. 2 взвд. ЭВКТЕТА, Старгейт; 2 ЛТНТ Поттер: Комдр взвд. 3 взвд. ЭВКТЕТА, Старгейт.

Характер назначения: командование десантными взводами в кампании «Тат-2».

Вышеназванный персонал должен немедленно явиться в транспортное отделение Гримальди подтвердить принятие нового назначения.

Отдано: Такбд 1-298-8684-1450 (4 декабрь 2024 г.)

Стартокомп ЗФК Командующий

— Времени они, однако, не теряют,— с горечью сказала Мэригей.

— Очевидно, текущее назначение. Командование ударными группами от нас на расстоянии световых недель, они не могли еще узнать, что мы вернулись.

— А как же наши...— Она не закончила.— Наши гарантии.

— Что же, ведь мы получили назначение согласно нашему выбору. Нам ведь не гарантировали, что оно будет длиться больше одного часа.

— Подлецы.

— Армия,— вздохнул я. Меня беспокоили две мысли. Первая: с самого начала мы знали, что так и будет. Вторая: мы вернулись домой.

Часть третья
ЛЕЙТЕНАНТ МАНДЕЛЛА
(2024-2389 гг. н. э.)

— Могут нам врезать.

Я смотрел на моего взводного сержанта Сантесбана, но говорил сам с собой. Слышать меня, впрочем, мог любой, кто потрудился бы слушать.

— Ага,— сказал сержант.— У нас будет всего пара минут. Если не успеем, они нас прижмут.— Он был лаконичен и деловит. Допинг начал уже действовать.

Подошли рядовые Коллинз и Холлидей. Сами того не замечая, они держались за руки.

— Лейтенант.— Голос у Коллинз немного дрожал.— Можно мы простимся?

— Даю вам минуту,— резко ответил я.— Мне очень жаль, но через пять минут мы выступаем.

Мне и правда было жаль этих двоих. Они еще ни разу не были в настоящем бою, но знали, как и все остальные, что шансов увидеть друг друга снова после операции у них почти нет. Ссутулившись, они стояли в углу, бормотали какие-то слова, обменивались ласковыми жестами, совершенно механически. Глаза у Коллинз блестели,

но она не плакала. Холлидей, та просто хмурилась и почти все время молчала. Обычно Коллинз была более привлекательной из них двоих, но сейчас искра жизни покинула ее, оставив пустую красивую оболочку.

Я уже свыкся с открытой женской гомосексуальностью и даже не жалел, что потеряны возможные партнеры. Но мужские пары все же вызывали у меня дрожь.

Я скинул форму и, пятясь, влез в боекостюм, стоявший в положенном ему гнезде. Эти новые модели были куда сложнее наших старых костюмов, с усовершенствованными системами биометрии и аварийно-медицинскими системами на случай травм или ранения. Надевать костюм стало гораздо труднее, но одно другого стоило, если вас вдруг угораздит слегка повредиться. Спокойно отправляйтесь домой с приличной пенсией и геройским отличием в виде протеза. Поговаривали даже о возможности регенерировать ампутированные конечности. Если так, то надо бы поскорее попасть на Небеса, пока они не заполнились неполнокомплектными ветеранами. Небеса — это была новая планета, одновременно курорт и госпиталь.

Я покончил с процедурой подключения, и ко-

стюм закрылся. Сжав зубы, я ожидал боль, которая так и не возникла, когда внутренние сенсоры и вводные иглы проникли сквозь кожу. Нейронная блокада: вы чувствуете только легкое неудобство. Ничего подобного смерти от тысячи ран.

Коллинз и Холлидей влезали в свои боекостюмы, а остальные почти все уже успели облачиться. Поэтому я отправился в раздевалку третьего взвода сказать Мэригей «до свидания».

Она уже тоже оделась и шла мне навстречу. Мы коснулись шлемами, не включая коммуникаторов. Хоть какая-то интимность.

— Ты в порядке, малыш?

— Все отлично,— сказала она.— Приняли таблетки.

— Ага, так возрадуемся же,— Я тоже принял свою пилюльку. Транквилизатор, как и предполагалось, должен привести меня в бодрое душевное состояние, наполнить оптимизмом, не оказывая при этом воздействия на способности здраво оценивать ситуацию. Я знал, что большинство из нас, скорее всего, назад не вернутся, но особенно по этому поводу не расстраивался.— Вечером увидимся?

— Если вернемся,— спокойно ответила она.— Придется принять еще таблетку.— Она попыта-

лась засмеяться.— Чтобы заснуть. Как новички, держатся? У тебя ведь их десять?

— Ага, десять. В порядке. Все уже приняли боевую дозу.

— И мои тоже. Стараюсь особенно не нажимать.

Практически под огнем из моего взвода побывать успел только Сантестебан. Еще четыре капрала уже имели стаж службы в ИСООН, но в настоящем деле не участвовали.

Махонький коммуникатор на моей скуле щелкнул, и послышался голос командующего Кортеса:

— Готовность две минуты. Стройте людей.

Мы сказали друг другу «до свидания», и я отправился проверять моих ребяток. Все, похоже, благополучно запаковались в боекостюмы, и я выстроил их в шеренгу. Время тянулось бесконечно.

— Хорошо, начинайте посадку.

Одновременно со словами «посадку» открылась шлюзовая дверь, и я повел своих людей к десантному кораблю. Выглядели эти новые десантные посудины жутко уродливо.

Просто открытая рама с зажимами и петлями, чтобы держать экипаж и не давать ему выпасть за борт, два лазера, на корме и на носу, и две

тахионные тяговые системы под лазерами. Все автоматизировано. Посудина в наикратчайшее время доставит нас на место, потом взлетит снова, чтобы отвлечь внимание противника. Это было дешевое, одноразового пользования устройство. Тех, кто уцелеет в бою, подберут уже другие машины, более надежные.

Мы пристегнулись, и десантный корабль, дав две вспышки коррекционными двигателями, покинул борт крейсера. Потом голос компьютера дал короткий отсчет, и на четырех g мы рванули прямо вниз.

Планета, которой даже не было дано название, представляла собой просто громадную скалу, за отсутствием более или менее близкого светила погруженную в вечный мрак и холод. Сначала ее можно было определить только по исчезновению звезд, которые затмевались ее массой, но когда мы подошли поближе, то начали различать даже какие-то детали рельефа. Мы опускались на полушарие, противоположное тому, где находилась тельцианская база.

Как показала предварительная разведка, база находилась в центре совершенно плоского лавового поля несколько сот километров в диаметре. По сравнению с уже встречавшимися

нам базами противника эта выглядела довольно примитивно, но подобраться к ней незаметно не было никакой возможности. Мы намеревались внезапно выскочить из-за горизонта на полном тормозном ускорении, до базы оставалось бы пятнадцать «щелчков», одновременно с четырех противоположных направлений и с божьей помощью ухнуть прямо на голову врагу, разя направо и налево из всех стволов. Спрятаться там будет негде.

Это меня, конечно, не беспокоило. Хотя совершенно отрешенно я подумал, что лучше было бы не принимать таблетку.

Мы перешли на горизонтальный полет на высоте в один километр и помчались вперед. Скорость наша далеко превосходила местную скорость убегания, поэтому постоянно делались коррекции, дабы не отправиться в межзвездный перелет. Поверхность проплывала под нами в смутном сером свечении: мы отбрасывали это свечение, называемое псевдочеренковским и происходившее от работы тахионного выхлопа. Скалы проносились под нами и исчезали, покидая нашу реальность и уходя в свою собственную.

Наша неуклюжая «колесница» мчалась таким образом еще минут десять. Потом заработал но-

совой двигатель, нас рвануло вперед, глазные яблоки немедленно попытались покинуть предназначенные им орбиты.

— Приготовиться к выброске,— сказал металлический женский голос компьютера.— Пять, четыре...

Лазеры вдруг открыли огонь, миллисекундные вспышки, подобно стробоскопу, вырывали местность внизу из темноты и снова погружали ее обратно в темноту. Местность вся была усыпана скалами и мелкими трещинами, словно оспинками. Мы снижались.

— Три...

На этом отсчет и прекратился. Ослепительная вспышка, горизонт куда-то провалился, хвост нашей посудины ткнулся в поверхность, и мы покатились, во все стороны летели куски корабельных конструкций и оторвавшиеся десантники. Наконец, после продолжительного скольжения по скальному грунту, мы остановились, и я попытался освободиться, но ногу мне придавила рама. Страшная боль и треск, когда балка переломила мне кость. Засвистел воздух, покидая поврежденный костюм. Потом свист прекратился — заработала аварийная система. Еще больше боль, и уже больше не было боли,

и я откатился в сторону, обрубок ноги тащил за собой полосу крови, которая замерзла блестящей черной лентой на тусклой черной скале. Во рту был медный привкус, и перед глазами встал красный туман, потом туман стал коричневым, как речной ил, потом почти черным, и я потерял сознание. «Таблетка сработала, как ей и полагалось,— подумалось напоследок.— Это не так уж и страшно».

В задачу боекостюма входит спасти как можно большую часть вашего тела. Если поражена рука или нога — одна из шестнадцати острых как бритва диафрагм немедленно закрывается с силой гидравлического пресса, аккуратно отсекая пораженную конечность и запечатывая обрубок, прежде чем вы умрете от взрывной декомпрессии. Потом медсистема прижигает рану, восстанавливает потерю крови и наполняет вас химической природы счастьем и препаратом «антишок». Таким образом, вы или благополучно умрете через некоторое время, или, если ваши товарищи выиграют бой, будете доставлены в лазарет корабля.

Этот раунд мы выиграли, пока я безмятежно спал, закутанный одеялом темноты. В себя я пришел уже в лазарете. Лазарет был переполнен.

Я лежал посередине длинного ряда коек. Обитатель каждой койки был, по крайней мере, на три четверти (или того меньше) спасен аварийной системой боекостюма. Два корабельных врача внимания на нас не обращали, они стояли у залитых светом операционных столов, погруженные в свой кровавый ритуал. Я щурился от яркого света, и поэтому кровь на зеленых балахонах врачей можно было принять за потеки машинного масла, распотрошенные тела — за странные мягкие машины, которые доктора чинили. Только машины эти вдруг громко вскрикивали во сне, и механики бормотали успокаивающе, пока сами усердно работали своими вымазанными в масле инструментами. Я посмотрел на них и заснул, несколько раз просыпался — и все время в другом месте.

Наконец я проснулся в обыкновенной противоперегрузочной камере. Я был пристегнут ремнями к койке, в тело мое входили трубки искусственного питания, повсюду были налеплены электроды-биосенсоры, но врачей поблизости не наблюдалось. Кроме меня в комнате была только Мэригей, она спала на соседней койке. Правая рука у нее была ампутирована чуть выше локтя.

Я не стал ее будить, просто смотрел на нее до-

вольно долго и старался разобраться в том, что чувствовал. Старался избавить свое восприятие от воздействия транквилизаторов. Я смотрел на культю руки Мэригей, но ничего не чувствовал — ни сочувствия, ни отвращения, ничего. Я попытался заставить себя почувствовать хоть что-нибудь — безрезультатно. Как будто рука у нее всегда такая и была. Отчего так получалось? Воздействие наркотиков? Гипнокондиционирование? Или любовь? Сейчас я ничего не мог сказать.

Глаза Мэригей вдруг открылись, я понял, что она уже давно проснулась и давала мне возможность прийти в себя.

— Привет, поломанная ты кукла,— сказала Мэригей.

— Как... как ты себя чувствуешь? — Какой умный вопрос!

Она приложила пальцы к губам и шевельнула ими, словно целовала,— знакомый жест.

— Ничего не соображаю. Хорошо, что мы уже больше не воюем.— Она улыбнулась.— Они тебе уже сказали? Мы направляемся на Небеса.

— Нет, но я так и думал... или Земля, или Небеса.

— Лучше на Небеса.— (Хм, еще бы!) — Скорее

бы мы уже добрались.

— А долго еще? — спросил я.— Долго нам еще идти? Она перевернулась и посмотрела на потолок.

— Кто его знает? Ты ни с кем не говорил?

— Я только что проснулся.

— Они нам раньше не потрудились сообщить. Дан новый приказ. Крейсер получил назначение. Из четырех заданий. Нам придется выполнить все четыре по очереди. И только если потери сделают выполнение задания невозможным, будет признано практичным вернуться.

— В каком же это размере?

— Мне самой интересно. Мы уже наверняка потеряли добрую треть состава. Но тем не менее направляемся к Альфе-семь. Мусорный рейд.

Это был новый разговорный термин, означавший акцию с целью захвата техники тельциан и живого пленного, если будет возможно.

В дверь стукнули, и в камеру вплыл доктор Фостер. Он всплеснул руками:

— Как, вы все еще в отдельных кроватях? Мэригей, я думал, ты уже полностью поправилась.— Док отличался поразительной терпимостью к страдающим гетеросексуальностью. Он осмотрел культю Мэригей, потом мою. Он вставил нам в рот по термометру, и теперь мы уже не могли

разговаривать. Когда он заговорил, голос у него был серьезный,

— Я не намерен приукрашивать действительность. Вас и так уже пропитали «веселой микстурой» под завязку, и по-настоящему значения своей потери вы сейчас не осознаёте. Но пока я этого делать не буду — до прибытия на Небеса. У нас еще двадцать один пациент с ампутацией, и нам не справиться с вами, если вас накроет психоз. Поэтому радуйтесь миру в душе, пока есть возможность. А вы — в особенности, если хотите оставаться потом вместе. Протезы, что вы получите на Небесах,— очень хорошие протезы, но только всякий раз, когда ты случайно взглянешь на его механическую ногу, а ты — на ее механическую руку, вы оба подумаете, что второму повезло больше, и вам не избавиться от памяти, боли и чувства потери... Через неделю, может статься, вы уже и слова друг другу не скажете хорошего. Может, так до конца жизни и промучаетесь, грызя друг друга. Или вам удастся пройти сквозь это, и вы будете поддерживать друг друга. Только не лгите сами себе, если ничего не выйдет.

Он проверил показания термометров, сделал пометку в блокноте.

— Имейте в виду, доктор знает, что говорит.

Даже если он и несколько странный, по вашим старомодным представлениям.

Он вытащил термометр у меня изо рта и легонько шлепнул по плечу. То же самое и с Мэригей. Полная непредвзятость. Выходя, он обернулся:

— Погружение в коллапсар через шесть часов. Медсестра доставит вас в емкость.

Мы были помещены в противоперегрузочные емкости, гораздо более удобные, чем старые оболочки, и ухнули в коллапсар Тет-2, уже начав бешеный антиракетный маневр на ускорении в пятьдесят g,— это даст нам шанс против вражеского крейсера, когда мы вынырнем через микросекунду из недр Альфы-7.

Как того и следовало ожидать, кампанию «Альфа-7» мы проиграли. И нам пришлось отправиться восвояси, потеряв в двух кампаниях пятьдесят четыре человека убитыми, имея на борту тридцать девять калек и только двенадцать человек, еще способных воевать. К чему они особенно не стремились.

До Небес мы добрались за три прыжка. Корабли никогда не шли туда прямым маршрутом, даже если задержка могла стоить жизни раненым. Небеса, как и Земля, тщательно оберегались, нельзя было позволить противнику узнать их

координаты.

Небеса оказались красивой, земного (но не испорченного цивилизацией) типа планетой. Таким миром могла бы стать Земля, если бы люди относились к ней с любовью вместо варварской жажды брать и брать. Девственные леса, золотые пляжи, пустыни, где не ступала нога человека. Несколько десятков городов или полностью растворились в природе (имелся даже целиком подземный город), или представляли собой доказательства человеческой изобретательности: Атлантис, построенный на коралловом рифе, на глубине нескольких десятков футов, и накрытый прозрачным куполом; Борей, угнездившийся на горной вершине за полярным кругом; и сказочный Скай, громадный город-курорт, перелетавший с континента на континент с попутными ветрами...

Посадку мы совершили, как все здесь делают, в джунглях, в городе, названном Преддверье. Самый большой город на планете, он на три четверти был гигантским госпиталем. Но, подлетая к нему, при спуске с орбиты этого сказать было нельзя. Единственный знак цивилизации — короткая посадочная полоса — белела крошечной заплаткой, стиснутая джунглями с одной сторо-

ны и беспредельным океаном — с другой.

Только проникнув под вечнозеленое прикрытие листвы, можно было обнаружить сам город — низкие строения из местного камня, соединяемые каменными дорожками. К океану вел бульвар. Солнечный свет пятнами ложился на дорожки, просачиваясь сквозь листву, и воздух пах океанской солью и лесом.

Позже я узнал, что город раскинулся на 200 квадратных километрах и что в отдаленную часть можно добраться саб-веем. Экологическое равновесие на территории города тщательно поддерживалось. Устранялись только наиболее неприятные и опасные аспекты жизни в джунглях — хищники и насекомые, кроме тех, что необходимы для растений. Об этом заботилось автоматическое силовое поле.

Все мы, болезные, заковыляли и покатились к ближайшему зданию — приемному отделению госпиталя. Остальная часть его находилась под землей, еще тридцать уровней. Каждому после осмотра была выделена отдельная комната. Я пытался получить комнату на двоих, но таких не оказалось.

На Земле шел уже 2189 год. Таким образом, мне было уже 215 лет. Эй, глядите на старикашку!

Передайте шляпу по кругу. Э-э, нет, не требуется. Как сказал мне врач, проводивший осмотр, моя накопившаяся плата за эти годы будет переведена на Небеса. Мне даже как-то неудобно стало; я — и вдруг миллиардер. Но доктор успокоил; на Небесах, сказал он, есть много способов истратить даже миллиард.

Сначала врачи занялись самыми тяжелыми ранениями. До меня очередь дошла через несколько дней. Когда я проснулся после операции, оказалось, что прямо к культе присобачили протез — больше всего он был похож на костяную ногу, сделанную из блестящего металла. Чертовски неприятно было лежать вот так — с металлической ногой, засунутой в мешок из прозрачного пластика. В мешке струилась какая-то жидкость, и провода от протеза бежали к машине на дальнем конце постели.

Вошел медбрат.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Я едва не сказал ему, чтобы забыл про «сэра», я решил, что на этот раз в армию меня они не заманят. Но может, ему нравилось, что я старше по званию.

— Не знаю даже, болит немного.

— Погодите, она еще припечет вам. Вот как

нервы начнут прорастать...

— Нервы?

— Ну да.— Он повозился с той машиной, проверил показания индикатора.— Как же нога может быть без нервов? Просто тогда будет болтаться, вот и все.

— Нервы? Обычные нервы? Значит, если я дам ноге приказ «согнись», она согнется?

— Ясно, что согнется,— Он с усмешечкой посмотрел на меня и снова занялся индикаторами.

— Ну и чудеса. Протезирование, видно, шагнуло далеко вперед.

— Проте... как?

— Ну, это, искусственные...

— А, понял, как в книжках: деревянные ноги, руки, крючки...

Интересно, кто его взял на работу?

— Ну да, протезы. Как вот эта штука у меня на обрубке.

— Сэр,— сказал он, опуская пружинный блокнот-доску, в котором делал пометки.— Сэр, вы, видимо, давно не бывали дома. Это будет обыкновенная нога, совершенно обыкновенная, только она ломаться не будет.

— А руку тоже могут заменить?

— Ясно, что могут, любую конечность.— Он

снова взялся писать.— И печень могут новую, почки, желудок, все, что угодно. Сердце и легкие еще только учатся делать, пока заменяют механическими.

Фантастика. Значит, и у Мэригей будет целая рука,

— Сколько вам лет, сэр?

Я сказал, и он присвистнул.

— Черт побери. Вы, стало быть, в войне с самого начала? — У него был странный акцент. Слова те же, но звуки какие-то другие.

— Да. Атака на Эпсилон. Кампания «Альфаноль».

Когда для обозначения коллапсаров переиспользовали все буквы всех алфавитов, стали просто добавлять номер к букве. Уже, как я слышал в последний раз, добрались до Иод-42.

— Ого-го, древняя история! Как оно было в те времена?

— Не знаю, плохо. Людей поменьше было. Год назад, то есть сто лет назад, смотря как считать, я побывал на Земле. Было так плохо, что я вернулся в армию. Счастливые зомби. Только без обиды, это я так.

Он вздохнул.

— На Земле я не бывал. Те, что оттуда поступа-

ют, похоже, скучают по дому. Может, теперь там уже лучше.

— Так ты родился не на Земле? Ты отсюда, с Небес? — Немудрено, что у него непонятный акцент.

— Родился, вырос и был призван.— Он сложил блокнот-доску и сунул его в карман — Да, сэр. Ангел третьего поколения. Небеса — лучшая планета во всем чертовом ИСООН,— Он выговорил слово по буквам — И-С-О-О-Н, а не так, как говорили мы, одним словом «ИСООН».— Ну ладно, лейтенант, я побежал. Еще два монитора у меня сегодня остались,— Он спиной вперед выскочил в коридор.— Если вам что-то понадобится, на столике есть кнопка вызова.

Ангел третьего поколения. Его прадед прилетел с Земли, когда я еще был совсем юнцом лет под сто. Сколько же новых планет успели колонизировать? А ноги-руки теперь, как перчатки,— потерял одну, вырастил другую?

Хорошо все-таки теперь будет — осядем прочно и будем жить нормальной жизнью — год за год.

Парень не шутил насчет боли. И не только новая нога была причиной — чтобы нарастить живую ткань на каркас, врачи понизили сопротивляемость моего организма. Сразу в

нескольких местах появились раковые опухоли. Рак пришлось лечить отдельно, тоже болезненным способом.

Я привык к виду нарастающей плоти, но, когда пришла Мэригей, это был шок — ей разрешили ходить еще до того, как выросла кожа на новой руке. Живая анатомическая модель. Я, конечно, быстро привык, и она приходила ко мне на несколько часов каждый день — поиграть во что-нибудь, поболтать или просто почитать. Ее рука медленно росла внутри пластиковой оболочки.

Кожа у меня на ноге появилась за неделю до отключения машины и выпуска ноги на волю. Выглядела нога ужасно — мертвенно-белая, безволосая и совсем не гнулась. Но работать работала. Меня перевели в ортопедическую — «создание новых двигательных навыков», а на самом деле — медленная пытка. Вас привязывают к машине, машина начинает сгибать старую и новую ноги одновременно. Новая сопротивляется.

Мэригей находилась в соседней секции. Ей приходилось даже труднее — по вечерам она выглядела совсем измученной, когда мы вместе выходили на крышу подышать воздухом.

Шли дни за днями, и упражнения постепенно перестали быть такими мучительными. Мы

начали каждый погожий день купаться по часу — пляж охранялся силовым барьером. Я еще хромал, но в воде чувствовал себя уже совсем здоровым.

С силовым барьером, охранявшим водное пространство пляжа, было связано местное развлечение — единственное для наших притупившихся на войне чувств.

Каждый раз, когда садится корабль, поле выключают на долю секунды, иначе корабль отрикошетирует. Каждый раз внутрь проникает какое-нибудь морское существо. А в океане хищники гораздо проворнее сухопутных.

Хозяином местных вод было уродливое существо, местные жители называли его — оригинальная выдумка — акулой. На самом деле оно могло скушать пару земных акул только на завтрак. На этот раз внутрь прорвалась особь средних размеров. Уже несколько суток эта акула бродила вдоль границы поля, привлекаемая сгустками протеина по ту его сторону. К счастью, за две минуты до выключения поля дается сирена, и все успевают выбраться на берег. И на этот раз акула с бесплодной яростью едва не выскочила на сушу — в воде уже никого не было.

Существо это было двенадцати метров в длину,

с острым как бритва хвостом и коллекцией клыков в руку длиной. Глаза, большие желтые шары, помещались на длинных стеблях, выносивших их вперед головы. В широко раскрытой пасти спокойно мог стоять человек. Хорошенькое получилось бы фото — на память наследникам.

Просто выключить поле и дать акуле уплыть было невозможно. Курортный комитет организовал охоту.

Я не слишком спешил превратиться в закуску для гигантской рыбы, но Мэригей выросла во Флориде и в детстве увлекалась подводной охотой. Она горела энтузиазмом. Я тоже присоединился — когда узнал, как все делается. Мне показалось, что это совсем безопасно.

Эти акулы, как считается, никогда не нападают на людей в лодках. Два человека, выказавшие больше веры, чем я, в рассказы рыбаков, подъехали на лодке к границе поля и швырнули за борт кусок мяса. Акула была тут как тут. Это было сигналом для нас — начиналась потеха. Мы, двадцать три дурака, ждали на берегу. Уже облаченные в маски, ласты и респираторы, у каждого — копье. Копья были солидные, на реактивной тяге и со взрывающейся боеголовкой. Мы плюхнулись в воду и поплыли к наедающейся рыбине,

развернувшись фалангой. Она нас заметила, но сначала не атаковала. Она попыталась припрятать свой завтрак, чтобы один из нас под шумок не утащил его, наверное. Но всякий раз натыкалась на стену поля. Видно, скотина здорово напугалась. Наконец акула бросила мясо, развернулась и кинулась на нас. Вот это да! Секунду назад она была величиной с ваш палец, и вот уже она была рядом и приближается все быстрее.

Наверное, около десятка копий попало в цель, я промазал, и они разорвали рыбину в клочья. Но даже после того как ей снесло половину головы, когда внутренности вывалились наружу и волочились за ней в клубах крови, акула все-таки врезалась в нашу фалангу и челюсти сомкнулись вокруг одной женщины. Акула отгрызла ей ноги и потом только умерла.

Едва живую, мы вынесли несчастную женщину на берег, где ее уже ждали врачи. Влив ей полную меру кровезаменителя и препарата «антишок», «скорая помощь» помчала пострадавшую в госпиталь. Ей предстояло пережить агонию выращивания новых ног. Я решил, что пусть лучше на рыбу охотится другая рыба.

После того как терапия перестала быть мучением, наша жизнь в Преддверии стала довольно

приятной. Никакой тебе военной дисциплины. Но было ясно одно — мы по-прежнему находились на службе, никто не собирался отправить нас на заслуженный отдых, и сознание этого омрачало нашу жизнь. Мы были машинами, нас латали и приводили в порядок, чтобы снова бросить в ад. Нам с Мэригей предстояло отслужить еще по три года.

Но впереди были еще шесть месяцев отдыха. Мэригей выписали на два дня раньше меня, и она оставалась в городе, дожидаясь моей очереди.

Мои накопления к этому моменту были 892 746 012 долларов. К счастью, на Небесах пользовались электронной кредитной системой, и все свое достояние я носил в кармане в виде маленького устройства с цифровым индикатором. При покупке вещи вы просто выстукивали на клавишах кредитный номер продающего и сумму, деньги автоматически перечислялись на его счет. Размерами устройство не превосходило бумажника и реагировало только на отпечаток вашего большого пальца.

Вся экономика на Небесах была подчинена постоянному присутствию нескольких тысяч отдыхающих солдат-миллионеров. Скромный завтрак стоил сотню долларов, комната в отеле

на одну ночь — по крайней мере, в десять раз больше. Поскольку ИСООН освоили и владели Небесами, местная инфляция была простейшим способом вернуть наши боевые накопления обратно в оборот.

И мы развлекались с весельем отчаяния. Мы взяли напрокат флаер и туристические причиндалы и отправились в путешествие по планете. Здесь все имелось: прозрачные речки, чтобы плавать в них, непроходимые джунгли, чтобы в них затеряться, луга и горы, полярные льды и пустыни.

Нас идеально оберегали миниатюрные силовые поля — можно было спокойно спать совершенно без одежды в самой гуще снежного бурана. Если мы хотели, мы могли их выключить и непосредственно ощутить природу. По предложению Мэригей мы перед самым возвращением обратно к цивилизации взобрались на гору посреди пустыни, перед этим мы несколько дней ничего не ели, чтобы обострить восприятие или притупить его, я до сих пор не уверен, что именно, мы сидели рядышком на головокружительной высоте, пропуская сквозь себя медлительный поток нашей жизни. А потом — обратно в суету. Мы побывали в каждом городе планеты, и каждый был по-свое-

му великолепен, но в конце мы вернулись в Скай и решили остаться там до конца отпуска.

Четыре недели мы наслаждались воздушной обителью, спустив при этом по полмиллиарда долларов. Мы ходили в казино, иногда проигрывали по миллиону за одну ночь, ели и пили все самое лучшее, что могла нам предложить планета, мы испробовали все, что только не было слишком уж жутким для наших относительно старомодных вкусов. Каждый из нас имел личного слугу с жалованьем побольше, чем у генерала.

Веселье отчаяния, как я уже говорил. Ведь если не произойдут радикальные изменения в ходе войны, у нас были микроскопические шансы выжить в течение следующих трех лет. Мы были как жертвы неизлечимой болезни и пытались вогнать удовольствия целой жизни в какие-то полгода.

Хоть и малое, но у нас было утешение: мы будем вместе до конца, как скоро бы он ни наступил. Мне и в голову не пришло, что нас могут лишить даже этого.

Мы наслаждались легким завтраком, сидя среди прозрачных стен «первого этажа» Облака, любовались волнами океана у нас под ногами. Пришел посыльный и вручил нам наши прика-

зы. Мэригей была произведена в капитаны, а я в майоры — на основании наших послужных списков и результатов тестов, которые мы прошли в Преддверии. Я был назначен командиром группы, она — старшим офицером группы.

Но это были разные группы.

Мэригей должна была явиться в пункт сбора группы здесь, на Небесах, я возвращался на Старгейт для переподготовки и дополнительного обучения. Мы долго сидели молча.

— Я буду жаловаться,— сказал я неуверенно наконец.— Они не могут заставить меня принять группу.

Мэригей молчала, потрясенная. Это был конец — даже если война кончится и мы вернемся на Землю, но в разных кораблях, то геометрия коллапсарных прыжков разбросает нас по разным векам. И скорее всего, мы уже никогда не увидимся.

Мы сидели так некоторое время, не прикасаясь к изысканной пище, не видя красоты небес и океана. Мы сознавали только присутствие друг друга и двух листков бумаги на столе перед нами.

Между нами легла пропасть шире, чем смерть. Мы вернулись в Преддверие. Я протестовал, но в ответ только пожимали плечами. Я пытался

перекомандировать Мэригей в свою группу, мне сказали, что мой персонал уже набран и утвержден. Да ведь половина из них еще не родилась, говорил я. И тем не менее он уже набран, отвечали мне. Я доберусь до Старгейта через сто лет, не раньше. Правильно, командование ударных групп строит планы в масштабах веков. Человек для них слишком мелкая единица.

У нас оставались день и ночь. Я терял не только любимого человека. Мы были друг для друга единственными связанными звеньями, что соединяли нас с прошлым, с Землей 1980-х и 90-х. А они думали, что мы просто ненормальные и поэтому держимся друг за друга.

Когда стартовал челнок с Мэригей, словно надгробная плита опустилась на могилу.

Я связался с компьютером и рассчитал орбиту корабля, теперь я мог видеть, как она улетит. Я полетел в «нашу» пустыню, на «нашу» вершину. И за несколько часов до рассвета я увидел, как новая звезда появилась над западным горизонтом, разгорелась до ослепительного блеска и упала, погасая, и исчезла. Я подошел к обрыву и взглянул вниз, на застывшие волны дюн в полукилометре подо мной. Я сел, свесив ноги вниз, и ни о чем не думал, пока первые солнечные лучи не ударили

из-за горизонта, накладывая мягкие светотени на ряды дюн. Дважды я наклонялся вперед, словно хотел прыгнуть. И если я не бросился с обрыва, то не из-за страха боли или потери жизни. Боль была бы мгновенной, а потерю понесла бы только армия. И это значило бы, что они в конечном итоге победили — столько лет они правили моей жизнью и заставили меня покончить с ней наконец.

Ну нет, по крайней мере, для этого имелись тельциане.

Часть четвертая
МАЙОР МАНДЕЛЛА
(2458-3143)
Глава 1

— Что такое, ведь нам рассказывали еще в школе? Какой-то старый эксперимент? Возьмите червяка, научите его проползать сквозь лабиринт. Потом скормите ученого червяка неученому червяку. Гляди-ка, этот червяк тоже теперь умеет проползать лабиринт!

Во рту у меня уже был противный привкус генерал-майора.

На самом деле я предполагал, что со дней моей юности они успели усовершенствовать методику. В общей сложности у них имелось 450 лет на эксперименты и внедрение.

Соответственно приказу на Старгейте я должен был пройти переподготовку и дополнительное обучение, прежде чем вступить в командование. Дабы подучить меня, они, конечно, не собирались поджаривать генерал-майоров и подавать их мне под соусом. Они вообще ничего мне не давали есть три недели, кроме глюкозы. Глюкоза

и электрические сигналы.

Они обрили на мне каждый волосок, сделали укол — теперь я был слабее младенца, нацепили дюжину электродов и заключили в резервуар оксигенированного флюокарбона. Я был во власти КУВа, то есть «компьютера ускоренного восприятия». Он не давал мне заскучать.

Машине понадобилось минут десять — я так думаю, чтобы выяснить уровень моих знаний в области военного искусства (прошу прощения за выражение). Потом она начала обучать.

Я научился в совершенстве пользоваться любыми видами оружия, вплоть до нова-бомбы. И не только теоретически — не зря мне прицепили электроды. Контролируемая компьютером кинестезийная обратная связь. Я чувствовал оружие в руках и выполнял операции. Я выполнял их до тех пор, пока не сделал все правильно. Иллюзия реальности была полнейшая. Я метал копье с помощью специальной петли — я был негром-воином из племени масаи, и мы напали на вражескую деревню. Я был высокий и чернокожий. Я учился фехтовать у какого-то зловещего вида субъекта посреди французского дворика XVIII века. Я сидел, притаившись в ветвях дерева, и целился из снайперской винтовки в людей,

одетых в голубую форму, пробиравшихся по размокшим полям к Викобургу. За три недели я изничтожил целое отделение электронных призраков. Мне казалось, что прошел год, но КУВ странным образом действовал на восприятие времени.

Но это была меньшая часть обучения. Разминка. Потому что потом в мой бедный мозг машины натолкали всю военную премудрость четырех тысячелетий, и я не мог забыть ни одного факта, пока находился в машине по крайней мере.

Хотите знать, кто такой Сципион Амилиуапус? Я не хочу. Какой-то умник из периода Третьей Пунической войны. Война — это предел опасностей, и поэтому храбрость есть главное достоинство воина — вот что, оказывается, говаривал фон Клаузевиц. И не забыть мне до конца своих дней высокую поэзию следующего отрывка: «...наступающая группа обычно продвигается колонной, в авангарде находится командный взвод, за ним следуют лазерное отделение, отделение массированного удара, заключает колонну второе лазерное отделение...» Это из «Малого справочника ударной группы», если только можно назвать «малым справочником» книгу в две микрофильмовые карты, это 2000 страниц.

Если хотите стать абсолютным экспертом в предмете, вызывающем у вас отвращение, поступайте в ИСООН и становитесь офицером.

119 человек — и я отвечал за 118 из них. Включая меня самого, но исключая капитана, который сам мог о себе позаботиться.

Я не встретился ни с кем из моей группы во время двухнедельного восстановительного периода, следовавшего за обучением в КУВе.

Перед первым общим сбором я должен был встретиться с офицером по ориентации и инструктажу. Клерк назначил мне встречу с полковником в офицерском клубе шестого уровня после обеда.

Я пришел заранее, рассчитывая пообедать, но там подавали только закуски. Я заказал какую-то грибкообраз-ную массу, отдаленно напоминающую эскалоп, а остальную часть калорий принял в виде алкоголя.

— Майор Манделла?

Я погрузился в размышления над седьмым стаканом пива и не заметил, как подошел полковник. Я привстал, но он жестом разрешил мне сидеть и тяжело опустился в кресло напротив.

— Я ваш должник,— сказал он.— Вы спасли меня от скучнейшего вечера, по крайней мере

наполовину.— Он протянул руку.— Джек Кинок. К вашим услугам.

— Полковник...

— Ну, ну, давайте без чинов. Мы, старикашки, должны... видеть перспективу, Уильям.

— Я не против.

Он заказал какой-то напиток. Я такого названия никогда не встречал.

— С чего же начать? Судя по вашему послужному, вы последний раз были на Земле в две тысячи седьмом.

— Верно.

— И вам не очень там понравилось? Так?

— Не очень. Зомби, счастливые роботы.

— Ну так вот, потом дела пошли лучше, потом опять хуже. Благодарю,— сказал он рядовому, который принес ему стакан. Пузырящееся месиво в нем было зеленым у дна и постепенно светлело, доходя до краев. Он отпил,— Потом опять лучше, потом... Я даже не знаю. Циклы.

— А как там сейчас?

— Ну... я не совсем уверен. Груды рапортов и сводок, не так просто отделить правду от пропаганды. Я не бывал дома уже двести лет. В последний раз было там несладко. Хотя это зависит от точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Как вам сказать... Большие передряги. Слышали о движении пацифистов?

— Вроде нет.

— Хм, название у них обманчивое. Фактически это была война, партизанская война.

— А я думал, что могу назвать вам номер, разряд по значению и название любой войны, от Трои до наших дней.

Он улыбнулся:

— Эту они, наверное, пропустили. На то есть причина. Это была война ветеранов, вернувшихся от Иод-тридцать восемь и Альфы-сорок. Они все вместе решили захватить управление ИСООН на Земле. Среди населения нашлось немало их сторонников.

— Но проиграли.

— Как видите, мы все еще здесь.— Он тряхнул стакан, и жидкость заискрилась, пена, быстро появившаяся на поверхности, опала,— Все, что я знаю,— только слухи. Войну я не застал, уже кончилась, не считая редких случаев саботажа. И это была не слишком безопасная тема для разговоров.

— Это меня мало удивляет,— сказал я.— И даже более того. Эти люди на Земле, они готовы... со-

гласиться с любым желанием правительства.

Полковник неопределенно хмыкнул:

— О какой же революции может быть речь? Когда мы там были, никто и слова не сказал бы против ИСООН или любого местного правительства. Они были запрограммированы принимать сказанное на веру.

— Гм, это тоже циклический процесс.— Он откинулся на спинку кресла.— Дело не в технике. Если бы правительство захотело, то могло бы контролировать... мысли и действия любого гражданина, с колыбели и до могилы.

Но этого не делают, потому что это привело бы к фатальным результатам. Потому что идет война. Вот вы, например, вы получили установку, пока сидели в «коробке»?

— Если я и получил, то откуда я мог бы это узнать,— сказал я, подумав.

— Правильно, но только частично. Поверьте моему слову, эту часть мозга они не трогали. В нашу базовую мотивацию поведения никто не вмешивался. И вы хотите знать почему?

Имена, даты, цифры пронеслись у меня в голове. Тет-17, Сед-21, Альфа-14. Комиссия Лазло... Чрезвычайная комиссия Лазло и ее доклад. Июнь 2106 года.

— Да. И кроме того, ваши собственные воспоминания об Альфе-ноль... Из роботов не получаются хорошие солдаты.

— Но получались раньше,— заметил я.— Вплоть до двадцать первого века. Управление поведением — мечта генералов. Создали бы армию, собрав самые ценные черты СС, преторианской гвардии, Золотой Орды и «зеленых беретов».

Полковник усмехнулся.

— И выпустите эту армию против взвода людей в современных боекостюмах. С ней покончат в два счета. Если только у каждого солдата в этом взводе будет своя голова на плечах. Тогда он будет драться как черт, чтобы спасти свою жизнь.

Было выведено поколение солдат со скорректированным с самого рождения поведением. Идеальные бойцы.

Великолепно работали одной командой, кровожадные, собственную жизнь в грош не ставили. И что же? Тельциане разгромили их в пух и прах. Они тоже не щадили своих жизней, но у них это лучше получалось. И их всегда было больше.— Кинок поднял стакан и начал разглядывать разноцветное содержимое.— Я видел ваш психопрофиль. Старый и новый, сделанный после «коробки». Они ничем не отличаются.

— Будем надеяться.— Я помахал рукой, чтобы принесли еще пива.

— Возможно, это не так уж хорошо.

— Что, из меня не выйдет офицера? Я это с самого начала им говорил. Я не лидер по натуре.

— И да, и нет. Хотите, скажу, что показал психопрофиль?

Я вздохнул.

— Это ведь секретно?

— Да,— сказал он.— Но вы теперь майор. Можете потребовать профиль любого человека в вашей группе.

— Не думаю, что вы меня чем-то удивите. Но мне было бы интересно. Кому бы не захотелось взглянуть в зеркало?

— Возможно. По психопрофилю вы — пацифист, но побежденный пацифист, от этого у вас легкий невроз, с которым вы справляетесь, перенося вину на армию.

Пиво было очень холодное, у меня заныли зубы.

— Ничего удивительного тем не менее.

— Если вам нужно будет убить человека, а не тельцианина, я не уверен, что вы сможете, хотя знаете теперь тысячи способов, как это сделать.

Вероятно, он был прав.

— Определенный потенциал лидера у вас имеется. Но вам бы он пригодился как учителю или министру. Вы бы действовали из побуждений симпатии, привязанности. У вас есть стремление влиять на других людей, но убеждением, а не приказом. Отсюда следует, что вы правы — офицер из вас выйдет плохой, если вы не перестроитесь.

Я захохотал:

— В ИСООН все это знали с самого начала, когда приказали мне стать офицером.

— Здесь важны и другие параметры,— сказал он.— Вы, например, хорошо приспосабливаетесь, в меру сообразительны, хорошо анализируете. И вы один из одиннадцати человек, прошедших сквозь всю войну.

— Выживаемость — это добродетель рядового. Но офицер должен быть образцом. Капитан покидает корабль последним.

— Только не за тысячу световых лет от базы, где вас можно заменить,— хмыкнув, ответил полковник.

— Все равно. Одного не пойму, зачем нужно было вытаскивать меня с Небес, возиться с переподготовкой и так далее, когда здесь, на Старгейте, добрая треть людей — куда лучший материал, чем я. Боже, армейское мышление!

— Бюрократическое скорее. Год вашего рождения внушает уважение, не годится оставлять вас в подчиненных.

— Это все разница во времени. На самом деле я был всего в трех кампаниях.

— Не важно. К тому же это в два с половиной раза больше, чем в послужном списке среднего солдата. Мало кто выживает. Возможно, ребята из масс-медиа попробуют сделать из вас национального героя.

— Национальный герой,— И я отпил свое пиво.— Где же ты, Джон Уэйн, ты так нам теперь нужен.

— Джон Уэйн? — Он покачал головой.— Знаете, я сам в «коробке» не бывал. В военной истории, я не эксперт.

— Забудьте, не важно.

Кинок осушил свой стакан и попросил принести ему,— провалиться мне на месте! — ром «Антарес».

— Ну, хорошо. Предполагается, что я введу вас в курс дела. Что бы вы хотели узнать: о том, что мы называем «курсом дела»?

— Так вы не бывали в «коробке»? — Что это я к нему пристал?

— Нет, это только для боевых офицеров. За три

недели на вас расходуется столько энергии и машинного времени, что можно было бы управлять Землей несколько дней.

— Ваши знаки показывают, что вы боевой офицер.

— Практически я бывший боевой.

Принесли ром «Антарес» — высокий стакан с прозрачной янтарной жидкостью и кусочками льда на поверхности. На дне плавал ярко-красный шарик размером с ноготь большого пальца.

— Что это красное?

— Корица. Эфир с добавкой корицы. Неплохо... хотите попробовать?

— Нет, я уж лучше пива.

— Внизу, на первом уровне, в библиотечном компьютере имеется блок «деловой ориентации». Мои люди своевременно вводят новую информацию. Каждый день. Можете обращаться туда, если возникнут вопросы. В основном вам нужно... подготовиться к встрече с вашей группой.

— А что, они не люди? Киборги? Клоны?

Он засмеялся:

— Клонирование запрещено законом. Проблема в вас... в вашей, э-э, гетеросексуальности.

— Ну, это не проблема. Я человек вполне терпимый.

— Да, да, профиль действительно показал, что вы... считаете себя терпимым. Но дело не в этом.

— Разве? — Я уже знал, что он хочет сказать.

— В ИСООН набираются только эмоционально устойчивые люди. Я понимаю, вам трудно с этим свыкнуться, но гетеросексуальность расценивается как эмоциональная нестабильность. И относительно легко излечивается.

— Если они собираются лечить меня...

— Успокойтесь, вы уже слишком стары для этого.— Он сделал маленький глоток.— Вам не так уж трудно будет с ними ужиться, как вы...

— Погодите, вы хотите сказать, что в группе нет больше таких, как я?

— Уильям, их нет нигде, даже на Земле. Кроме нескольких сотен человек — ветеранов и неизлечимых.

— Ага.— А что я мог сказать? — Жестокий способ решить проблему перенаселения?

— Возможно. Но он действует. Население Земли держится на уровне миллиарда. Как только кто-то умирает или покидает планету, выращивают ребенка.

— Не рождается?

— Рождается, но другим способом. В ваше время существовал такой термин — «дети из пробир-

ки», но сейчас они, конечно, пробирками не пользуются.

— Да, это достижение.

— В каждом роддоме имеется искусственная утроба, в которой происходит рост зародыша в течение восьми-де-вяти месяцев, после чего он «рождается», как вы говорили. Это занимает несколько дней — ничего похожего на родовые муки, как в ваше время.

«Прекрасный новый мир,— подумал я.— И никаких родовых травм. Миллиард абсолютно приспособленных к окружению гомосексуалистов».

— Абсолютно приспособленных к сегодняшней Земле. Вы и я, мы можем найти их несколько странными.

— Мягко сказано.— Я допил свое пиво,— А вы сами, вы... гомосексуальны?

— Нет,— сказал он. Я успокоился,— В общем я и не гетеросексуален.— Он хлопнул по колену. Звук был какой-то необычный.— Получил тяжелое ранение, и оказалось, что у меня какое-то расстройство лимфатической системы, я не могу регенерировать. От пояса и ниже — только металл и пластик. Используя ваше выражение, я — киборг.

Дальше, чем далеко, как говорила моя мама.

— Рядовой! — Я подозвал официанта.— Принеси, как его, вот это, ром «Антарес».— Итак, я сижу в баре с бесполым киборгом, который одновременно единственный нормальный человек на всей этой проклятой планете.— Двойной, пожалуйста.

Глава 2

На вид они были вполне нормальные, молодые и несколько напряженно державшиеся. Они собрались в лекционном зале на наш первый общий сбор.

Многие из них покинули детсад всего семь или восемь лет назад. Детсад — это искусственная, контролируемая среда, куда доступ имеют только педиатры и учителя. Когда человек покидает детсад в возрасте двенадцати-тринадцати лет (фамилию он получает по фамилии донора с лучшим генетическим показателем), он фактически считается взрослым. Образование его к этому моменту эквивалентно моему после первого курса колледжа. Некоторые из них продолжают учиться, специализируются в какой-то области, но многие сразу направляются на работу.

За ними тщательно наблюдают, и всякий, выказывающий асоциальные наклонности, например гетеросексуальность, отправляется на лечение. Его или исцеляют, или оставляют в спецучреждениях до конца жизни.

Все призываются в ИСООН, достигнув двенадцати лет. Большинство работают в координационных отделах положенные пять лет и уходят. Несколько счастливцев, примерно один человек на восемь тысяч, приглашаются принять участие в боевых действиях. Отказ считается «асоциальной наклонностью», хотя такое приглашение означает пять дополнительных лет службы. И шансы выжить за эти десять лет близки к нулю. Таких еще не знает история войны. В лучшем случае война закончится раньше, чем истекут ваши десять (субъективных) лет.

Если учесть, что разность во времени позволяет вам участвовать в кампании раз в один субъективный год, легко подсчитать эти шансы. Они составляют примерно две тысячных процента. Другими словами, если вспомнить старую русскую рулетку, то это то же самое, что зарядить шестизарядный револьвер четырьмя патронами, рискнуть нажать курок и не испачкать при этом своими мозгами противоположную стену. Тогда

примите поздравления! Вы теперь штатский.

Поскольку на службе в ИСООН состоит шестьдесят тысяч солдат, примерно один-два солдата переживут войну. Я всерьез не надеялся попасть в их число.

Интересно, сколько человек из этих молодых солдат, заполнявших зал, знали, что они обречены? Я пытался отыскать лица, знакомые по досье, что читал все утро, но получалось с трудом. Отобранные в соответствии с одними и теми же параметрами, они выглядели как-то одинаково: высокие, но не слишком, мускулистые, но не чрезмерно, сообразительные... но не из тех, что задают лишние вопросы. Заметно было, что расы на Земле еще ближе к слиянию, чем в дни моего пребывания там. Большинство из них походили несколько на полинезийцев. И только двое, Кайми-банда и Фин, были чистыми представителями расовых типов. Интересно, как относились к ним остальные?

Большинство женщин красотой не блистали, но мне критиковать не приходилось в моем положении. Я сохранял целомудрие вот уже больше года, с тех пор как мы расстались с Мэригей на Небесах.

Интересно, подумал я, вдруг у кого-нибудь из

этих женщин обнаружится след атавистической наклонности. Или она благосклонно отнесется к командиру-чудаку. Офицеру запрещается вступать в интимные отношения с подчиненными. Весьма деликатная формулировка. Нарушение карается редукцией жалованья до размеров жалованья рядового, а если эти отношения снижают боевую эффективность военной единицы — казнью. Если бы все правила устава ИСООН нарушались так же легко и часто, как это, в армии жилось бы весьма привольно.

Но ни один из молодых людей меня не привлекал. Что будет после второго года, я уверен не был.

— Становись! — Это лейтенант Холлибоу. Спасибо новым рефлексам, я остался сидеть. Все остальные вскочили.

— Меня зовут лейтенант Холлибоу, я ваш второй боевой офицер.— Раньше это называлось «первый боевой сержант». Армия переполняется офицерами — первый признак, что она сформирована не вчера.

Холлибоу продолжала совсем как настоящий матерый вояка. Наверное, каждое утро тренируется перед зеркалом. Я видел ее досье, она была в настоящем деле, но только раз и всего несколько

минут. Потеряла ногу и руку.

Черт, возможно, она и была приятным человеком, прежде чем попала на Небеса. Одну ногу только регенерировать — и то приходится помучиться.

Она вела обычную сержантскую беседу: строго, но справедливо, не беспокойте меня по мелочам, пользуйтесь командой цепочки, почти все можно уладить уже на уровне пятого эшелона.

Жаль, что я не поговорил с ней заранее поподробней. Мы спешили — на следующий день уже нужно было грузиться на крейсер, и я перекинулся всего парой слов с лейтенантом.

Этого было явно недостаточно. Холлибоу старалась, как это следовало из ее слов, использовать цепь командиров, чтобы оградить себя от подчиненных, создавая потенциально ситуацию «хороший солдат — плохой солдат». Я же планировал не отрываться слишком от основной массы людей и через день отводить час, чтобы любой солдат мог прийти ко мне, минуя своих начальников.

Во время обучения в «коробках» нам ввели одну и ту же информацию. Странно, что мы пришли к таким разным идеям о руководстве. А такая «политика открытых дверей» хорошо себя

зарекомендовала еще в «современных» армиях Австралии и Америки. И особенно соответствовала она нашей ситуации, когда мы все будем месяцами находиться в замкнутом пространстве корабля. Такую систему мы использовали на последнем крейсере, где мне пришлось служить, и она явно помогала снизить напряжение.

Сейчас они расслабились, пока Холлибоу говорит, но скоро она призовет к вниманию и представит меня. Что я им скажу? Я предполагал сказать несколько слов и объяснить политику «открытых дверей», потом представить капитана Антопол, она скажет что-нибудь о нашем крейсере «Масарик II». Теперь я решил сначала поговорить с Холлибоу.

Спас меня мой старший офицер, капитан Мур. Он влетел в зал через боковую дверь, он всегда влетал, словно кругленький метеор, торопливо отдал честь и протянул мне конверт, содержащий наш боевой приказ. Я шепотом посоветовался с капитаном, и она согласилась, что можно сразу объявить составу, куда нас направляют.

Чего нам можно было не бояться в этой войне, так это вражеских агентов. Под толстым слоем краски тельцианин, вероятно, сможет выдать себя за ходячий мухомор. Но неизбежно попадает

под подозрение.

Холлибоу уже призвала их к вниманию и добросовестно рассказывала, какой я хороший командир, и что я в армии с самого начала войны, и если они хотят благополучно дожить до конца срока службы, пусть следуют моему примеру. Она не упомянула, что солдат из меня средний, просто мне везет. И что я дал деру из армии при первой же возможности, что я так один раз сделал, но на Земле мне не понравилось, и я вернулся назад.

— Благодарю вас, лейтенант.— Я занял ее место.— Вольно.— Я развернул единственный листок, где содержался наш приказ, и показал всем.— У меня есть для вас две новости: хорошая и плохая.— Старая шутка, однако вполне соответствовала сейчас действительности.

— Вот наш приказ, мы направляемся к Сад-сто тридцать восемь. Хорошая новость — непосредственно и немедленно мы в бою участвовать не будем. Плохая новость — нас используют как мишень.

Легкое движение в рядах — и тишина. Хорошая дисциплина. Или просто фатализм. Или неизвестно, что они думают о своем будущем или об отсутствии будущего.

— Сделать нам предстоит вот что... найти са-

мую большую входную планету в системе Сад-сто тридцать восемь и построить там базу. Удерживать базу до особого приказа. Два или три года, скорее всего.

В течение этого срока нас, очевидно, атакует противник. Как вы знаете, удалось обнаружить определенную закономерность в передвижении противника от коллапсара к коллапсару. Со временем, возможно, удастся найти и планету тельциан. Пока же командование посылает группы перехвата, чтобы сковать экспансию противника.

В перспективе это и будет наше задание, мы войдем в число нескольких дюжин ударных групп, которые будут блокировать маневры тельциан на самых дальних границах нашей территории. Мне не нужно особо подчеркивать, какое это ответственное и важное задание. Если мы сумеем заключить противника в «мешок», мы выиграем войну.— «Но задолго до ее конца от нас и воспоминания не останется».— Я еще раз повторяю: нас могут атаковать в первый же день после высадки. Или, может статься, мы просидим спокойно на нашей планете все десять лет и отправимся домой.— «Ну да, держи карман шире!» — В любом случае, каждый должен

поддерживать себя в лучшей боевой форме. Во время полета будут проводиться регулярные занятия гимнастикой и технической подготовкой. Особенно приемами постройки жилищ — нам придется создать базу и защитные постройки в самое короткое время.

Боже, я уже разглагольствую совсем как офицер.

— Есть вопросы? — Вопросов не было.— Тогда позвольте представить капитана Антопол. Капитан, прошу вас.

Антопол, едва скрывая скуку, обрисовала перед сборищем наземников основные характеристики и возможности «Масарика II», мое внимание особо привлек последний абзац, все остальное мне было известно.

— Сад-сто тридцать восемь — самый отдаленный коллапсар из тех, что посещались человеком. Он находится даже не в нашей Галактике, а в Большом Магеллановом Облаке, примерно за сто пятьдесят световых лет отсюда. Полет наш будет состоять из четырех прыжков и займет примерно четыре месяца субъективного времени. Разница во времени с базой Старгейт к моменту достижения Сад-сто тридцать восемь составит триста лет.

«И еще семь веков, если я доживу до возвращения. Какая, собственно, разница? С Мэригей мы расстались навеки, и больше никто и ничто для меня особого значения не имеет».

— Но не заблуждайтесь насчет противников, они тоже отправятся к Сад-сто тридцать восемь. Это будет нелегкая гонка, и выигрыша во времени у нас почти нет.

— Майор, у вас есть еще что-нибудь?

— Я...— начал я, привстав.

— Смирно! — прогремела Холлибоу. Мне следовало бы уже привыкнуть.

— Я бы хотел собрать всех офицеров четвертого эшелона и выше на несколько минут. Взводные сержанты, вы отвечаете за построение ваших людей в зале шестьдесят семь завтра утром в четыре ноль-ноль. Сейчас вы свободны. Разойдись!

Я пригласил пятерых офицеров в свой кубрик и вытащил бутылку настоящего французского коньяка. Стоила она два месячных оклада. Но на что мне еще тратить деньги?

Я раздал стаканы, но Алсевер, наш доктор, отказалась. Вместо этого она разломила маленькую ампулу и глубоко втянула воздух носом. Потом попыталась, без особого успеха, скрыть выражение эйфории на лице.

— Давайте сразу поговорим вот о чем,— сказал я, разливая коньяк по стаканам.

Смешанный хор — «да, сэр», и «нет, сэр».

— Считаете ли вы, что это... усложнит мое положение как командира?

— Сэр, я не...— начал Мур.

— Можно и без формальностей,— сказал я.— Здесь мы все свои. Я сам четыре года назад был еще рядовым — по субъективной временной шкале. Среди офицеров, в домашней обстановке — я просто Манделла или Уильям.— Пока я все это говорил, у меня появилось чувство, что я делаю ошибку.— Продолжайте.

— Хорошо, Уильям,— продолжал он,— я думаю, что лет сто назад это и могло бы стать проблемой. Знаете ведь, как люди тогда смотрели на такие вещи...

— Вообще-то я не в курсе. После двадцать первого века мои знания истории ограничиваются военным искусством.

— Гм, это считалось... как это сказать?

— Это считалось преступлением,— коротко заключила Алсевер.— Совет по евгенике тогда начал осуществлять план глобального перехода к гомосексуальности.

— Совет по евгенике?

— Да, это часть ИСООН, но действует только на Земле.— Она последний раз глубоко втянула носом воздух из пустой ампулы.— Идея была такова — вообще прекратить воспроизводство людей естественным путем. Во-первых, люди выказывали досадное отсутствие здравого смысла, выбирая генетического партнера, и, во-вторых, Совет считал вредным влияние расовых различий. Взяв полный контроль над воспроизводством, можно было за несколько поколений свести эти различия на нет.

Вот, оказывается, до чего уже дошло. Что ж, логично.

— Вы их одобряете? Как врач?

— Как врач? Я не уверена.— Она вытащила еще одну ампулу и задумчиво катала ее между большим и указательным пальцами, глядя в пространство.— В определенном смысле мне теперь работать легче. Множество болезней теперь просто исчезли. Но мне кажется, что они не так уж хорошо разбираются в наследственности, как они думают. Это совсем не точная наука. Если они что-то испортят, результаты проявятся через несколько веков.— Она сломала ампулу, поднесла к носу и два раза вдохнула.— Как женщина, впрочем, я весьма рада.— Холлибоу и Раек соглас-

но кивнули.

— Избавились от необходимости рожать ребенка?

— И не только.— Смешно скосив глаза, она посмотрела на ампулу и сделала последний вдох.— Главное... можно обходиться без мужчин. Вы понимаете. Это было бы отвратительно.

Мур засмеялся:

— Диана, если ты никогда не пробовала, то и не...

— Да ну тебя.— Она игриво кинула в Мура пустую ампулу.

— Но ведь это вполне естественно,— запротестовал я.

— И по деревьям прыгать — тоже естественно. Или выкапывать коренья тупой палкой. Это тоже естественно? Прогресс, майор, прогресс.

— Во всяком случае,— сказал Мур,— только некоторое время это считалось преступлением. Теперь... они, э-э, лечат...

— Как эмоциональное расстройство,— сказала Алсевер.

— Благодарю вас. Но это такая редкость... В общем, думаю, все прекрасно уладится.

— Да, это считается большим чудачеством,— сказала Диана.— Но не ужаснее каннибализма.

— Верно, Манделла,— сказала Холлибоу.— Мне, например, совершенно безразлично.

— Что ж... я рад.— Я действительно чувствовал облегчение. Хотя начал понимать, что совсем не знаю, как вести себя в новом обществе. Мое «нормальное» поведение целиком основывалось на различии между мужчинами и женщинами. Что же делать теперь? Поменять все наоборот? Или относиться к ним как к братьям и сестрам? Очень все запутано.

Я выпил свой коньяк и поставил стакан на стол.

— Хорошо, благодарю вас, это основное, что я хотел выяснить... Наверное, у вас у всех есть дела. Не буду вас задерживать.

Они разошлись, все, кроме Чарли Мура. Мы с ним отправились в прощальный тур по барам и офицерским клубам. Когда счет дошел до двенадцати, я решил, что нужно хоть немного поспать перед завтрашним днем.

Один раз Чарли показал очень вежливо, что он ко мне расположен. Я так же вежливо дал понять, что остаюсь при своих склонностях. Я предчувствовал, что это только начало.

Глава 3

Первые звездолеты ИСООН обладали красотой, родственной красоте паутины. Но постепенно, с развитием техники, прочность конструкций начала играть более важную роль, чем энергия Массы. (Корабль старого типа мог бы сплющиться в гармошку, выполняя маневр на двадцати пяти g.) Изменилась и конструкция кораблей — прочные, солидные, функциональные машины. Корпус нашего крейсера украшала только надпись «Масарик II», сделанная голубыми буквами на стеклянной посверкивающей броне.

Наш человек проплыл как раз над этой надписью, направляясь к грузовому шлюзу. В одном месте виднелась группа людей, занятая работой. Используя их как шкалу отсчета, можно было видеть, что каждая буква имеет добрую сотню метров в высоту. Сам крейсер достигал в длину километр (1036,5 метра, как подсказала моя «встроенная память») и около трети километра в диаметре (319,4 метра).

Но это не означало, что нам будет просторно. В брюхе крейсера размещались шесть больших тахионных штурмовиков и пятьдесят робоснаря-

дов. Десантникам отводились остатки свободного места.

До погружения в противоперегрузочные резервуары имелось еще шесть часов. Я закинул сумку в крохотную каюту, которой суждено было стать моим домом на все ближайшие двадцать месяцев, и отправился на разведку.

Чарли меня обогнал, он уже, оказывается, добрался до комнаты отдыха и пробовал местный кофе.

— Желчь носорога,— сказал он.

— По крайней мере, это не соя,— сказал я, делая осторожный глоток. Да, через неделю я могу соскучиться по сое.

Офицерская комната отдыха имела четыре метра в длину и три в ширину, металлические стены и пол, кофейный автомат и терминал библиотеки. Шесть жестких стульев и стол с печатной машинкой.

— Уютная комнатка, а? — Он от нечего делать набрал общий индекс на терминале.— Сплошь военное дело.

— Это хорошо. Проверим нашу память.

— Ты сам записался в офицеры?

— Кто, я? Нет. Приказ.

— Тебе легче.— Он ткнул пальцем выключа-

тель терминала, наблюдая за гаснущей зеленой точкой на экране. А я сам записался. Если бы я знал, что так получится...

— М-да...

— Говорят, постепенно она выветривается. Эта информация, что они в нас заложили.

— А, вот вы где.— Вошла Холлибоу, приветствуя каждого из нас. Быстро оглядела комнату. Спартанский стиль пришелся ей явно по душе.— Вы скажете что-нибудь группе, прежде чем мы погрузимся в резервуары?

— Нет, по-моему, в этом нет... необходимости.— Я едва не сказал «смысла».

— Лучше соберите взводных командиров и проработайте с ними процедуру подготовки к погружению. В дальнейшем мы займемся тренировкой аварийного погружения. Но сейчас, я думаю, солдаты могут отдохнуть несколько часов. Особенно если у них тоже болит с похмелья голова, как у командира.

— Есть, сэр.— Она повернулась кругом и вышла. Наверное, немного разозлившись, ведь это работа для Рилан-да или Раек.

Чарли устроился на одном из жестких сидений и вздохнул:

— Двадцать месяцев внутри этой консервной

банки. Вместе с ней. Это конец.

— Ну, если ты будешь себя хорошо вести, я не стану помещать вас в один кубрик.

— В таком случае я твой вечный раб. Начиная, э-э, со следующей пятницы.— Он глубокомысленно рассматривал дно своей чашки.— Нет, серьезно, с ней мы еще хлебнем. Что ты думаешь делать?

— Не знаю,— Чарли держался запанибрата, но все-таки он мой старший офицер, кроме того, должен же у меня быть хоть один товарищ.— Возможно, по ходу дела.

— Возможно.

Технически «дело» уже началось — мы не спеша подползали к коллапсару Старгейт на одном g. Чтобы команда не путалась в петлях и не страдала от тошноты при невесомости. По-настоящему все начнется только после нашего погружения в резервуары.

Комната отдыха навевала грустные мысли, поэтому мы с Чарли все остальное время бродили по кораблю.

Капитанский мостик ничем не отличался от компьютерного зала — от роскоши экранов был он избавлен. С достаточно солидного расстояния мы следили, как Антопол и ее офицеры последний раз проверяют компьютер, прежде чем лечь

в резервуары и доверить наши судьбы машинам. Но иллюминатор все-таки имелся, пузырь из толстостенного пластика, в навигационной комнате, дальше по носу крейсера. Лейтенант Уильяме был свободен, сейчас его заменяли автоматы, и с удовольствием показал нам свое хозяйство.

Он постучал по иллюминатору ногтем.

— Надеюсь, нам не придется им пользоваться в этом районе?

— Как так? — сказал Чарли.

— Мы пользуемся окошком, только если потеряемся. Если корабль отклонится от угла входа в коллапсар на долю радиана, мы вполне можем вынырнуть на другом краю Галактики. Мы можем грубо определить позицию по спектрам наиболее ярких звезд, это как отпечатки пальцев. Достаточно определить три звезды и можно триангулировать.

— И найти ближайший коллапсар, и попробовать вернуться на старый путь,— сказал я.

— Это не просто. Сад-сто тридцать пять — это единственный известный нам коллапсар в Магеллановых Облаках. Мы открыли его, только перехватив вражеское сообщение. Если мы найдем другой коллапсар, в случае если заблудимся в Облаках, то как мы узнаем угол входа?

— А что же делать?

— Можно залечь в резервуары, нацелить крейсер на Землю и дать полную тягу.

Через три месяца бортового времени мы будем дома.

— Да,— сказал я,— и всего сто пятьдесят тысяч лет временной разницы.— На двадцати пяти *g* до субсветовой скорости можно разогнаться за месяц. После этого остается молиться святому Альберту.

— Да, это большой недостаток,— согласился он.— Но, по крайней мере, мы узнаем, кто выиграл войну.

Вы бы удивились, если бы узнали, сколько народу выпало из хода войны таким, очевидно, способом. Сорок две ударные группы пропали без вести. Наверное, они все ползут сейчас сквозь нормальное пространство и через века начнут появляться на Старгейте, одна за одной.

Это был бы идеальный способ дезертировать. Но только процедура прыжка программируется командованием ударных групп, человек может вмешаться в работу компьютера, только если корабль действительно выныривает в неизвестном районе космоса.

Мы с Чарли заглянули в спортзал. Он был до-

статочно просторный — вмещал одновременно целую дюжину людей. Я велел Чарли составить расписание, чтобы каждый мог упражняться в зале регулярно, как только мы покинем резервуары.

В столовой было едва ли просторнее. Даже если организовать четыре смены, не обойдется без толкотни. А комната отдыха для рядового состава производила еще более удручающее впечатление, чем офицерская. Я начал подозревать, что задолго до конца двадцати месяцев у меня возникнут проблемы.

Оружейная по размерам равнялась спортзалу, столовой и двум комнатам отдыха, вместе взятым. На то была причина — большое разнообразие видов оружия, эволюционировавшего сквозь столетия. Основным видом оставался бое-костюм, хотя он стал куда сложнее ранних моделей.

Лейтенант Риланд наблюдал за своими подчиненными, они в последний раз проверяли укладку оружия. Если только что-то вдруг случится с этими запасами взрывчатых и радиоактивных веществ, да под ускорением...

Я ответил на его небрежный салют:

— У вас все в порядке, лейтенант?

— Да, сэр, кроме проклятых шпаг.— Шпаги предназначались для использования в стазис-поле.— Как их ни укладывай, все равно могут погнуться. Хоть бы не поломались.

Я даже приблизиться не мог к пониманию принципа стазис-поля. Современную физику и мою степень магистра разделяла пропасть шире, чем пропасть между Галилеем и Эйнштейном. Но я знал результаты его действия.

Внутри этого поля, сферического объема пятидесяти метров в радиусе, ничто не могло двигаться быстрее 16,3 метра в секунду. Внутри поля не существовало электромагнитного излучения — ни света, ни магнетизма, ни электричества. Окружающее виделось там жутко одноцветным, как на гравюре. Этот феномен мне объясняли фазовым переходом квазиэнергии из соседствующей тахион-действительности — для меня это то же самое, что флогистон. Но в результате этого все обычные виды оружия теряли эффективность. Даже нова-бомба превращалась в безжизненный кусок металла. И любое существо, оказавшееся в поле без особой изоляции, умирало в мгновение ока.

Сначала все шло так, словно нам удалось найти наконец абсолютное оружие. Пять тельциан-

ских баз были уничтожены без единой потери с нашей стороны. Нужно было только дотащить генератор до строений базы (при земной силе тяжести с этим управятся четыре крепких солдата) и наблюдать, как враг выскакивает наружу и умирает, попав в сферу поля.

Но на шестой раз тельциане были уже готовы встретить нас. Они создали защитные костюмы и вооружили солдат острыми копьями, которыми можно было проткнуть защитные костюмы наших солдат. После этого мы тоже начали вооружаться. История войны знала только три таких сражения, хотя более десятка ударных групп отправилось в рейд, вооруженных стазис-полем. Очевидно, остальные еще сражались, или были в пути, или были полностью уничтожены. Выяснить пока не представлялось возможным. Им и не рекомендовалось возвращаться без победы — это приравнивалось к «дезертирству в бою», что означало мозгостирку для всех офицеров (ходили слухи, что им потом накладывают новую личностную матрицу и отправляют обратно в «печь»).

— Мы будем использовать поле, сэр? — спросил Рилавд.

— Возможно, но не сразу, если только тельциане

нас не опередили. Я не в восторге от перспективы жить день за днем в боекостюме.— И я был также не в восторге от перспективы сражаться шпагой, копьем или метательным ножом, сколько бы электронных врагов ни отправил я в Валгаллу с их помощью.

Я посмотрел на часы:

— Так, нам не мешает наведаться в резервуары. Проверить, все ли готово.

До прыжка оставалось еще два часа.

Резервуарный зал напоминал химический завод — круглый пол имел добрую сотню метров в диаметре, и весь зал до предела был заполнен разнообразными машинами, выкрашенными в одинаковый тускло-серый цвет. Восемь противоперегрузочных резервуаров располагались симметрично вокруг центрального лифта, симметрию немного портил тот факт, что один резервуар был в два раза больше остальных — в нем должны были помещаться офицеры и экипаж крейсера.

Из-за резервуара показался сержант Блазинский и отдал честь.

— Что это такое? — Среди всеобщего царства серого цвета какое-то яркое пятно.

— Это кот, сэр.

— Еще бы.— Здоровенный котище, полосатый. На плече у сержанта он выглядел нелепо.— Скажем по-другому: что здесь делает этот кот?

— Это талисман отделения техобслуживания, сэр.— Кот слегка приподнял голову, пошипел и снова задремал.

— Довольно жестоко,— сказал Чарли,— После начала ускорения от него одна шкура останется.

— Нет, нет, сэр! -- Сержант почесал кота по спинке. Оказалось, что там имеется вводной клапан для флюокар-бона, точно такой, как у меня под бедром.— Мы его купили на Старгейте. Такие коты сейчас есть на многих кораблях, сэр. Капитан подписала нам бланки.

— Что ж, она имела право, это ее корабль. А собаку нельзя было купить? — Боже, я ненавидел котов, они вечно лезут под ноги.

— Нет, сэр, собаки не приспосабливаются. Не выносят невесомости.

— А как вы его поместите в резервуар? — спросил Чарли.

— Мы поставили добавочную кушетку.— Великолепно, значит, вместе со мной в резервуаре будет это животное.— Мы только укоротили привязные ремни.

— Ему требуется особый препарат для упроче-

ния стенок клеток, но он входит в цену кота.

Чарли погладил кота, почесал ему за ухом. Кот замурлыкал, но не шевельнулся.

— По-моему, он довольно глупый.

— Мы ему уже ввели «микстуру», заранее. Вот отчего он такой сонный, наркотик снижает темп обмена веществ до предела. Так его легче укладывать.

— Ладно, пускай живет,— сказал я,— Но если он будет путаться под ногами, я лично отправлю его в регенератор.

— Да, сэр,— с облегчением сказал сержант. Думает, наверное, что я пожалел котика. Погоди, парень.

Таким образом мы осмотрели весь корабль. Кроме двигателей; мы не могли пройти в грузовое отделение, где замерли в массивных гнездах робоснаряды и штурмовики.

В воздушном шлюзе не было иллюминаторов, а возиться с накачкой воздуха и обогревом не хотелось — удовлетворенное любопытство того не стоило.

Я уже начал чувствовать себя каким-то суперкладовщиком. Вернувшись в комнату отдыха, вызвал Холлибоу. Она доложила, что все в порядке, у нас в запасе оставался еще час, и мы сыграли

с компьютером в интересную игру «Криг-шпиллер», что на немецком означает «Игра в войну». В самый разгар прозвучал сигнал десятиминутной готовности.

Противоперегрузочный резервуар гарантирует пятьдесят процентов выживаемости при пятинедельном погружении. То есть у вас пятьдесят шансов из ста выжить, если вы будете находиться внутри пять недель. На самом деле трудно представить такую ситуацию, когда потребуется даже двухнедельное непрерывное погружение.

Пять недель или пять часов — в резервуаре вы не ощущаете течения времени. Абсолютная изоляция от окружающего. Можно несколько часов подряд вспоминать собственное имя.

Поэтому я совсем не удивился, что не почувствовал прошедшего времени, когда вдруг все мое тело зачесалось — кровь приливала к онемевшим тканям. Зал резервуарной напоминал палату астматиков — тридцать девять человек и один кот кашляли и чихали, стараясь избавиться от остатков флюокарбона.

Около сотни людей слонялось уже снаружи резервуара, потягиваясь и массируя руки и ноги. Великий космос! Окруженный целыми акрами обнаженного женского тела, я старательно смот-

рел им прямо в лица, отчаянно старался решить в уме дифференциальное уравнение третьей степени. С переменным успехом, но все же спокойно добрался к лифту.

Холлибоу уже вовсю командовала, выстраивала людей в шеренги. Я обратил внимание прежде, чем закрылась дверь, что у людей из одного взвода имеется легкий кровоподтек по всему телу — у всех до одного. Я решил поинтересоваться на этот счет у медиков и техобслуживающего персонала.

Глава 4

Мы шли с ускорением в один g три недели, не считая коротких периодов невесомости. «Масарик II» по широкой петле удалялся от коллапсара Реш-10. Люди вполне удовлетворительно приспособились к корабельному распорядку. Я старался загрузить их как можно больше тренировками и занятиями по теории — для их собственной пользы. Хотя я был не настолько наивен и понимал, что они смотрят на все со своей колокольни.

Примерно через неделю полета обнаружилось, что рядовой Рудковский (помощник повара) соорудил кустарный перегонный аппарат и продуцирует 95-процентный спирт. Я решил не

пресекать: жизнь и без того была лишена разнообразия, но мне было чертовски любопытно узнать, где он достает сырье — это при нашем-то замкнутом цикле — и чем ему платят за «бормотуху». Я начал с конечного звена цепочки — с доктора Алсевер. Она справилась у Джарвила, Джарвил — у Каррераса, Каррерас — у Орбана, повара. Оказалось, что сержант Орбан все это и придумал, Рудковский выполнял черновую работу.

Система была такая.

Каждый день подавался какой-то сладкий десерт — желе, крем или пирог. Вы могли его есть, хотя, как правило, десерт был до невозможности приторный,— или не есть. Если десерт оставался у вас на подносе, когда вы спускали поднос в окошко регенератора, Рудковский выдавал вам расписочку на десять центов, а десерт отправлялся в чан. У них имелось два чана — один «работающий», другой в стадии заполнения. В каждый чан вмещалось двадцать литров.

Записка-десятицентовка значила, что вы находитесь в самом низу системы, позволявшей купить пол-литра чистого этилового спирта за пять долларов (в расписках). Отделение из пяти человек вполне могло позволить себе покупать

литр «бормотухи» раз в неделю. Для здоровья не опасно, но достаточно для вечеринки.

Когда Диана доставила мне эти сведения, она принесла с собой и бутылку «Рудковского худшего» — в буквальном смысле это была неудачная серия. До меня она дошла, потеряв всего несколько сантиметров содержимого.

На вкус это была жуткая смесь клубничного сиропа и тмина. Как и все не привыкшие пить люди, Диана с удовольствием его поглощала. Я лично не допил и одного стакана.

Уже на полпути к счастливому забытью она вдруг резко подняла голову и посмотрела на меня с детской прямотой:

— Уильям, у тебя большая проблема.

— Завтра утром у тебя обнаружится проблема побольше, доктор Диана.

— Нет, что ты,— она слабо помахала рукой,— немного витаминов... глю... глюкоза, адреналин, если... не поможет. У... у... тебя... серьезная проблема.

— Послушай, Диана, неужели ты хочешь, чтобы...

— Ты должен... должен пойти на прием к нашему милому капралу Вальдесу.— Вальдес был мужским сексологом.— Он большой специалист,

он... поможет тебе...

— Ведь мы уже об этом говорили, помнишь? Я хочу остаться таким, какой я есть.

— И мы тоже.— Она смахнула слезу. Готов биться об заклад, в ней имелось не меньше процента алкоголя.— Ты же знаешь, они тебя прозвали Старый Извращенец.— Она поглядела на пол, потом на стену.— Старый Извращенец, вот так.

Я ожидал чего-нибудь похожего. Но не так скоро.

— Ну и что? Командиру всегда приклеивают прозвище.

— Я знаю, но ведь...— Она вдруг поднялась, слегка качнувшись.— Я перебрала. Нужно полежать.— Она повернулась ко мне спиной и с хрустом потянулась. Потом свистнул замок, и она стряхнула с плеч куртку. Она присела на койку и похлопала по одеялу.— Иди ко мне, Уильям.

— Ради бога, Диана. Это просто нечестно.

— Все честно,— хихикнула она.— Кроме того, я врач, мне разрешается. Помоги мне, пожалуйста.— Оказывается, застежки лифчика и через пять столетий все так же помещаются сзади.

Джентльмен на моем месте мог поступить двояко: или помог бы ей раздеться и тихонько покинул комнату, или покинул бы комнату сразу.

Но я совсем не джентльмен.

К счастью, Диана погрузилась в забытье раньше, чем что-то успело произойти. Чувствуя себя последним хамом, я кое-как обмундировал ее, потом поднял ее на руки — о, сладкая ноша! — и намерился доставить доктора в ее каюту.

Но тут я сообразил, что, если меня кто-то заметит в коридоре, Диана станет притчей во языцех до конца кампании. Я вызвал Чарли, сообщил ему, что мы, мол, попробовали немного нашей корабельной «бормотухи», Диана не рассчитала сил, и попросил его помочь доставить доктора домой.

К приходу Чарли Диана невиннейшим образом посапывала в кресле.

Чарли улыбнулся:

— Врачу, исцелися сам.

Я предложил ему бутылку, с предупреждением. Он понюхал и скривился.

— Это что? Политура?

— Это приготовил наш доблестный повар. Вакуумная перегонка.

Он осторожно, словно бомбу, поставил бутылку на место.

— Скоро у него поубавится клиентов. Преждевременная смерть от отравления. Неужели она

действительно ее пила?

— Как он признался, это неудачная экспериментальная партия. Остальные марки, очевидно, повыше качеством. А Диане понравилось.

— Ну-у...— Он засмеялся.— Ладно, давай ты возьмешь ее за ноги, а я за руки.

— Нет, лучше мы возьмем ее под руки. Может, она сможет идти, хоть немного.

Диана что-то проворчала, когда мы ее поднимали, приоткрыла глаза и поприветствовала Чарли. Потом она зажмурилась и позволила оттранспортировать себя в каюту. По дороге мы никого не встретили, но в каюте сидела соседка Дианы, Лаасонен, и читала.

— Ой, зачем же она пила эту гадость! — Лаасонен захлопотала вокруг подруги.— Давайте я помогу.

Мы уложили ее в постель. Лаасонен откинула с лица Дианы волосы.

— Она сказала, что это в качестве эксперимента.

— Такой преданности науке я еще не встречал,— заметил Чарли — И такого крепкого желудка.

И зачем он это сказал?!

Диана кротко призналась, что после первого

стакана память ей отказала. Осторожно прощупав почву, я убедился, что она уверена, что Чарли был с нами с самого начала. Оно и к лучшему, конечно. Но Диана, Диана, прекрасный ты мой скрытый носитель атавизма, если только мы вернемся на Старгейт (через семьсот лет), я куплю тебе бутылку настоящего шотландского.

Мы снова залегли в резервуары для прыжка от Реш-10 к Каппе-35. Две недели при двадцати пяти g. Потом четыре скучные недели на однократном ускорении.

Преимуществами моей политики «открытых дверей» что-то плохо пользовались. Поэтому я мало общался с солдатами — только на проверках, сборах и на редких лекциях. Разговаривали они неохотно и малопонятно, если только не отвечали на прямой вопрос.

Хотя все они знали английский как родной язык или как второй, за 450 лет он так изменился, что я с трудом понимал что-нибудь. Особенно когда говорили быстро. К счастью, они все были обучены языку моей эпохи. Этим языком, а скорее диалектом мы пользовались для коммуникации.

Я вспомнил своего первого командира, капитана Скотта, которого ненавидел всем сердцем, как и все наши остальные ребята, и представил,

что если бы он оказался еще и сексуальным девиантом, то для общения с ним мне пришлось бы выучить новый язык.

Ясно, что у нас были проблемы с дисциплиной. Но удивительно, что у нас вообще была дисциплина. За это нужно было благодарить Холлибоу. Пусть я ее и недолюбливал, но людей она умела держать в кулаке.

Отношения между вторым боевым офицером и ее командиром служили самой популярной темой наших корабельных граффити.

От Каппы-35 мы прыгнули к Сам-78, оттуда — Айин-129 и, наконец, к Сад-138. Последний прыжок покрывал 140 ООО световых лет — очевидно, самый дальний прыжок в истории земной звездной навигации.

Время, занимаемое прыжком, было всегда одним и тем же, независимо от дистанции. Кстати, раньше неправильно считали, что прыжок не занимает времени вообще, но позже какие-то сложные волновые эксперименты показали, что прыжок все-таки длится некоторую малую долю наносекунды. Всю теорию коллапсарного прыжка пришлось перестраивать от фундамента и до крыши. Физики до сих пор спорили, какой вид она должна теперь принять.

Но нас занимали более насущные проблемы, когда крейсер выскочил из поля Сад-138 на 0,75 световой скорости. Невозможно было сказать сразу, опередили нас тельциане или нет. Поэтому мы послали вперед запрограммированный зонд, который должен был «осмотреть местность». При обнаружении чужих кораблей или других признаков активности противника в системе он должен был нас предупредить.

Зонд улетел, мы погрузились в резервуары на три недели, пока корабль тормозился и выполнялись противоракетные маневры. Ничего особенного, только чертовски тяжело сидеть три недели в резервуаре — потом все пару дней не ходили, а перемещались, как в доме престарелых.

В случае сигнала опасности мы как можно скорее перешли бы к одному *g* и начали бы разворачивать штурмовики и робоснаряды, оснащенные нова-бомбами. Или мы до этого не дожили бы: тельцианам удавалось накрыть корабль всего через несколько часов после входа в систему.

Нам понадобился месяц, чтобы добраться до ближайших окрестностей Сад-138, где зонд уже отыскал для нас подходящую планету.

Это была необычная планета, размерами

немного уступавшая Земле, но более плотная. И не абсолютно замерзшая — частью благодаря внутреннему теплу, а частью Дорадусу — самой яркой звезде в облаке, сиявшей всего в одной трети светового года от нас.

Но самое странное — планета не имела географии. С орбиты она очень напоминала слегка выщербленный бильярдный шар. Наш домашний физик, лейтенант Джим, объяснил, что планета, судя по «комнатной» орбите, относится к числу бывших «бродячих». Пока не попала во владения коллапсара и не присоединилась к прочим кускам камня, составлявшим систему Дорадуса.

«Массарик И» был оставлен на орбите (для лучшего наблюдения), и катерами перевезли на поверхность строительные материалы.

Все были рады выбраться наружу, хотя планета не отличалась гостеприимством. Атмосфера — жиденький ледяной ветерок разреженного водорода и гелия. Даже в полдень здесь было слишком холодно, и все другие газы оставались в жидком состоянии.

«Полдень» — это когда Дорадус находился в зените, ослепительная искра. Ночью температура падала от двадцати пяти по Кельвину до сем-

надцати, что нас очень затрудняло — незадолго до заката водород начинал конденсироваться, и все становилось таким скользким, что оставалось только сесть и ждать, сложив руки. На заре прозрачненькая радуга вносила единственное разнообразие в монотонный черно-белый пейзаж.

Грунт был коварный, покрытый гранулками замерзшего газа, перекатывавшимися медленно с места на место под дуновениями бриза. Ходить приходилось осторожно и не спеша, из четырех людей, погибших при строительстве базы, трое просто упали на грунт.

Всем не очень понравилось мое решение строить сначала защитный периметр и противовоздушную систему. Но это соответствовало инструкциям, кроме того, они получали два дня отдыха на корабле за один «рабочий» день. Не так уж щедро, должен заметить, потому что корабельные сутки равнялись земным, а планета совершала оборот за 38,5 часа.

База была закончена менее чем за четыре недели. Мощное укрепление. Периметр диаметром в километр охраняли двадцать пять автоматических лазеров, простреливавших местность до горизонта и реагировавших на любой достаточно

крупный объект. Иногда при соответствующем ветре гранулы замерзшего газа слеплялись в снежки и начинали катиться, но далеко они никогда не укатывались.

Дальние подступы к базе, скрытые за горизонтом, охраняло минное поле. Мины реагировали на возмущение местного гравиполя. Чтобы взорвать такую мину, один тельцианин должен подойти к ней на двадцать метров, десантный катер — на километр. Мин было 2800, в основном ядерные заряды по 100 микротонн. Пятьдесят из них — сверхмощные тахионные заряды. Они были разбросаны кольцом, за пределами эффективного огня лазеров.

На территории базы мы полагались на личные лазеры, микротонные гранаты и тахионный ракетомет, который в бою еще не испытывался. Как последнее средство мы могли применить стазис-псше и массу допотопного вооружения к нему, достаточного, чтобы отразить нападение Золотой Орды, а кроме того, имелась спасательная шлюпка. Если мы потеряем все машины, выигрывая битву, двенадцать человек могут вернуться на Старгейт.

Не стоило заострять внимание на факте, что все остальные останутся здесь ждать смену или

свою смерть.

Жилые помещения и координационная помещались под землей. Но все равно, несмотря на относительную безопасность, не было отбоя от желающих выполнять работу снаружи, пусть и тяжелую. Я не разрешал выходить на поверхность в свободное время — иначе пришлось бы постоянно контролировать, кто вышел и кто вернулся.

В конце концов пришлось дать разрешение на вылазку каждого солдата — несколько часов каждую неделю. Смотреть там было не на что — плоская равнина и в небе Дорадус — днем, а ночью гигантский овал Галактики. Но это лучше, чем потолок из плавленого камня.

Развлекались они тем, что ходили к периметру и швыряли снежки под огонь лазеров. Старались привести автомат в действие как можно меньшим снежком. По-моему, это все равно что смотреть на капающую из крана воду, но вреда от этого не было — энергии нам хватало.

Пять месяцев мы прожили спокойно. Новых проблем не возникало, а в положении пещерных троглодитов мы чувствовали себя безопаснее, чем прыгая от коллапсара к коллапсару. По крайней мере, пока не покажется противник.

Потом случилась история с рядовым Граубардом.

По очевидным причинам держать оружие в жилом помещении запрещалось. Но при их навыках даже драка могла стать дуэлью, а кротостью никто не отличался. Сотня нормальных обыкновенных людей перегрызлась бы в наших пещерах через неделю, но этих ребят отбирали специально по способности уживаться в ограниченном жизненном пространстве.

Все равно случались драки. Граубард едва не прикончил бывшего своего партнера Шона, когда последний сделал ему рожу в очереди за едой. После недельной изоляции (то же самое получил Шон) психиатр провел с ним сеанс, и я перевел Граубарда в четвертый взвод, где он не встречался бы с Шоном каждый день.

Когда они наконец встретились в холле, Граубард приветствовал Шона свирепым ударом ступней в горло. Диане пришлось заменить тому трахею. Граубард провел еще более интенсивное собеседование с психиатром — проклятье, я не мог перевести его в другую группу! — и две недели вел себя образцово. Следующая их встреча в коридоре завершилась с более равным счетом — два сломанных ребра у Шона и разрыв мошонки

у Граубарда плюс четыре выбитых зуба.

Замаячила перспектива уменьшить состав группы по крайней мере на одного.

По уставу я мог приговорить Граубарда к казни, поскольку мы находились на боевом положении. Так, наверное, и нужно было сделать, но Чарли предложил более гуманное решение, и я согласился. Мы решили отправить его на «Масарик II», больше у нас не было места, чтобы держать его в постоянной изоляции. Я получил согласие Антопол и велел отправить стервеца за борт, если он будет ее беспокоить.

Мы устроили общий сбор, чтобы объявить о создавшейся ситуации и напомнить о дисциплине. Я только начал говорить — группа сидела передо мной, офицеры и Граубард — за моей спиной, и тут этот ненормальный решил меня прикончить.

Как и все остальные, Граубард пять часов в неделю был обязан тренироваться в стазис-поле. Под тщательным наблюдением солдаты учились пользоваться шпагой, копьями и прочим на муляжах тельциан. Каким-то образом Граубард протащил в жилой отсек чакру — индийский метательный нож в виде диска с острым, как бритва, краем. Это хитрое оружие, но, если уметь им

пользоваться, оно служит лучше обыкновенного ножа. Граубард был экспертом в этой области.

В долю секунды он обезвредил стоявших с ним рядом людей: ударил Чарли в висок локтем, одновременно раздробил ударом ноги колено Холлибоу, выхватил чакру и метнул ее в меня. Чакра успела покрыть половину расстояния, прежде чем я среагировал.

Инстинктивно я выбросил руку, чтобы перехватить ее, и едва не лишился четырех пальцев. Лезвие рассекло мне кисть, но я все же отбил нож в сторону. А Граубард уже бросился на меня, оскалив зубы. Я никогда не забуду его лица.

Наверное, он не понимал, что «старый извращенец» всего на пять лет старше его, что у «старого извращенца» рефлексы ветерана плюс три недели кинестезии с обратной связью в «коробке». Мне было его почти жаль.

Он поджимал правую ногу. Я знал — еще шаг, и он прыгнет. Я прикинул расстояние между нами и, когда обе ноги его оторвались от пола, без милосердия ударил ступней в солнечное сплетение. Он потерял сознание прежде, чем упал.

«Если вам нужно будет убить человека,— сказал тогда Кинок,— я не уверен, что вы сможете». В небольшом зале собралось больше 120 человек, и

тишину нарушали звуки капель крови, падавших на плавленую скалу пола. «Хотя вы знаете тысячи способов, как это сделать». Ударь я на несколько сантиметров выше и немного под другим углом, он был бы уже мертв. Но Кинок не ошибался — у меня действительно не было этого инстинкта. И если бы я убил Граубарда защищаясь, пришел бы конец всем проблемам, которые теперь только умножились.

Граубард совершил покушение на офицера. Теперь его уже нельзя было просто запереть в пустую комнату и забыть. И я прекрасно понимал, что суд над Граубардом не улучшит моих отношений с солдатами.

Тут я сообразил, что рядом на коленях стоит Диана и старается разжать пальцы на моей раненой руке.

— Посмотри, что с Чарли и Холлибоу,— пробормотал я.— Разойдись! — Это группе.

Глава 5

— Не будь ослом,— сказал Чарли. Он прижимал мокрую тряпку к синяку на виске.

— Ты думаешь, я должен его расстрелять?

— Не крутись! — Диана пыталась свести края

раны на < моей ладони вместе, чтобы заклеить ее. Казалось, что вместо кисти у меня кусок льда.

— Можешь назначить кого угодно, наугад.

— Чарли прав,— сказала Диана.— Пусть тянут жребий.

Хорошо, что Холлибоу спит крепким сном на соседней койке. Не хватало только ее мнения.

— А если он откажется?

— Накажешь его, и снова пусть тянут. Неужели тебя ничему не научили в «коробке»?

— Но никто из солдат никогда не убивал. Они подумают, что я сваливаю на кого-то собственную грязную обязанность.

— Если все так сложно,— сказала Диана,— то выстрой группу и объяви об этом всем. Потом пускай тянут жребий. Они не дети.

Такая армия уже имелась в истории войны. Интербригады, гражданская война в Испании, двадцатый век. Вы подчинялись приказу, если видели в нем смысл. Они не подчинялись. Офицеры и солдаты не отдавали друг другу честь и не пользовались званиями.

— Готово.— Диана опустила бесчувственную ладонь на мое колено.— Не трогай ее с полчаса. Подожди, пока начнет болеть.

Я осмотрел рану.

— Ты спутала мне все линии судьбы. Но я не жалуюсь.

— И не стоит. По всем правилам ты должен был остаться без ладони. И никакой регенерации.

— Ты должен был остаться без головы,— сказал Чарли.— Что ты колеблешься? Нужно было пристрелить подлеца на месте.

— Без тебя знаю! — Чарли с Дианой от неожиданности подскочили.— Черт, прошу прощения. Но дайте мне самому о себе беспокоиться.

— Перемените лучше тему ненадолго.— Диана начала перебирать содержимое своего саквояжа.— У меня еще один пациент. Постарайтесь не волновать друг друга.

— Граубард? — спросил Чарли.

— Да. Чтобы мог самостоятельно взойти на эшафот.

— А Холлибоу?

— Придет в себя через полчаса. Я пришлю Джарвиса.— Она торопливо пошла к двери.

— Эшафот.— Я об этом даже не подумал.

— Слушай, каким же способом мы его казним?

— Выставим за дверь. Без церемоний.

Наверное, Чарли не видел, как выглядит такой труп. Наверное, нужно отправить его в регенератор.

— Вот это идея! — засмеялся Чарли.

— Придется разрезать на кусочки — люк не очень широкий...— У Чарли имелось несколько предложений касательно способа отправки Граубарда в переработку. Вошел Джарвис, не обращая на нас внимания.

Вдруг двери лазарета распахнулись. Колесные носилки. Диана бежит рядом, нажимая на грудь человека на носилках, их толкает рядовой. Еще двое остались стоять в дверях.

— Сюда, к стене,— приказала Диана.

Это был Граубард. Пытался покончить с собой. Сердце остановилось. Он сделал петлю из ремня, которая до сих пор болталась на шее.

На стене висели два больших электрода с изолированными рукоятками. Диана одной рукой сорвала их с крючка, второй рукой раздернула застежку куртки Граубарда.— Убери руки, не касайся носилок! — Ногой она стукнула выключатель, взяв в каждую руку по электроду, приложила их к груди солдата. Низкое гудение, его тело затрепетало, запах горящего мяса.

Диана покачала головой.

— Готовьте его к операции,— сказала она Джарвису.— И вызовите сюда Дорис.

Она выключила электроды, бросила их на пол

и, сняв кольцо коммуникатора с пальца, сунула руки в стерилизатор. Джарвис начал растирать грудь Граубарда отвратительно пахнувшей жидкостью. Между двумя пятнами ожогов от электродов я заметил вдруг красную точку. Я не сразу сообразил, что это такое, и тут Джарвис ее стер. Я шагнул к носилкам и внимательно осмотрел шею Граубарда.

— Уильям, отойди, не стерильный ты.

Диана нащупала у него ключицу, отмерила положенное расстояние и рассекла кожу и мускул прямо до кости. Хлынула кровь, Джарвис подал ей инструмент, похожий на устройство для взлома сейфов. Я отвернулся, пока эта штука с хрустом дробила ребра. Диана потребовала зажимы и тампоны, а я вернулся на свое старое место. Краем глаза я наблюдал, как Диана начала прямой массаж сердца.

Наверное, у меня был такой же вид, как и у Чарли.

— Эй, не выкладывайся, Диана,—слабым голосом окликнул он.

Она не ответила. Джарвис прикатил искусственное сердце и разворачивал две трубки. Диана подняла скальпель, и я стал смотреть в другую сторону.

Полчаса спустя он все еще был мертв. Машину выключили и накрыли труп простыней.

— Мне нужно переодеться, я сейчас,— сказала Диана, смывая с рук кровь.

Я пошел вслед за ней к ее каюте. Я должен был выяснить. Я постучал левой, потому что правая вдруг жутко заболела, словно ее охватило огнем. Диана сразу открыла.

— Что... а, рука...— Она еще не успела переодеться.— Попроси Джарвиса.

— Рука меня не волнует. Что произошло?

— Ладно.— Она натягивала куртку через голову, и голос у нее был придушенный.— Я сама виновата, не нужно было оставлять его одного.

— Он попытался повеситься?

— Да.— Она уселась на кровать и предложила мне стул.— Когда я пришла, он уже был мертв. Джарвис ушел раньше, чем я вернулась, чтобы не оставлять Холлибоу без присмотра.

— Диана... на шее у него нет следов от петли.

Она пожала плечами.

— Но ведь он умер от сердечного приступа.

— Кто-то сделал ему укол. Прямо в область сердца.

Она удивленно посмотрела:

— Это я ввела ему адреналин. Обычная про-

цедура.

Кровь выступает, если вы пытаетесь отскочить в сторону от инжектора, так как обыкновенно лекарство просачивается сквозь поры без всяких следов.

— В этот момент он уже был мертв?

— Таково мое профессиональное мнение. Пульса не было, дыхания тоже. Очень красноречивые симптомы.

— Понимаю.

— А разве что-то... В чем, собственно, дело, Уильям?

Или мне невероятно как везет, или Диана — великолепная актриса.

— Так, ничего. Ладно, пойду к Джарвису, пусть что-нибудь даст мне для руки.— Я открыл дверь.— Как гора с плеч.

Она смотрела мне прямо в глаза:

— Это точно.

Но я рано успокоился. Несмотря на присутствие незаинтересованных свидетелей во время событий в лазарете, по группе пошли слухи, что я заставил доктора Алсевер лишить Граубарда жизни, так как сам был не в состоянии этого сделать и не хотел беспокоить себя процедурой трибунала.

Но фактически, по уставу, я вообще не был обязан в данном случае устраивать трибунал. Мне нужно было только сказать: «Ты, ты и ты. Отведите этого человека наверх и расстреляйте». И горе рядовому, который ослушался бы приказа.

В некотором роде мои отношения с солдатами улучшились. Внешне они выказывали больше уважения. Но это был дешевый авторитет, который легко завоюет любой жестокий лидер.

У меня теперь была новая кличка — Убийца. И это едва я привык к старой.

Жизнь на базе быстро вошла в старую колею. Я почти с нетерпением ожидал появления тельциан, чтобы хоть как-то избавиться от рутины. Хотя обязанности у меня были весьма многочисленные, но все больше типа «это могу сделать только я», а проблемы, не требующие большой ответственности, решались на уровне нижних эшелонов.

Раньше я никогда не увлекался спортом или играми, но теперь они превратились для меня в своеобразный «выпускной клапан». Впервые в жизни я не смог сосредоточиться на чтении или учебе. Поэтому я фехтовал — на шпагах, на саблях — с другими офицерами, до изнеможения работал на тренажерах и даже в ящике стола в

кающе держал скакалку. Большинство офицеров играли в шахматы, но я оказался слабым по сравнению с ними игроком и выигрывал, только если мне хотели сделать приятное. Играть в слова я тоже не мог — они с трудом манипулировали архаичным диалектом, на котором мы общались. А у меня не было ни времени, ни способностей, чтобы освоить «современный» английский.

Некоторое время я позволил Диане вводить мне транквилизаторы, но вскоре начали сказываться результаты кумулятивного эффекта, я начал к ним привыкать, и пришлось их бросить. Тогда я попробовал заняться психоанализом с лейтенантом Вилбером. Ничего не вышло. Мы говорили на разных языках — в историческом смысле. Все равно как если бы я начал давать советы средневековому крестьянину, как ему ужиться наилучшим образом с местным священником и феодалом.

Хуже всего, я был уверен, что вполне смог бы справиться с напряжением командной должности, вынес бы заключение в этой пещере с людьми, которые временами казались мне такими же чужими, как враги-тельциане, если бы со мной была Мэригей. И чем дальше, тем сильнее становилось это чувство.

Психиатр сказал, что я романтизирую свое положение. Он знал, что такое любовь, сам был влюблен. Сексуальная полярность влюбленных не имеет значения. Но любовь — это хрупкий кристалл, это нежный цветок, это нестабильная реакция, с периодом полураспада в восемь месяцев. Чушь, сказал я ему. У вас на глазах шоры. Тридцать веков довоенной истории человечества учат нас, что лишь любовь сильнее смерти, и он бы это знал, если бы родился не в колбе. Тут он с кислой миной заявил, что я просто жертва сексуальной неудовлетворенности и романтических иллюзий.

Но мы не так уж плохо проводили время, хотя и спорили. Но вылечить меня он так и не вылечил.

Единственным моим новым другом стал кот, наделенный обычным для котов свойством избегать людей, которые кошек любят, и попадаться тем, кто их не переносит.

Теперь он часто сидел у меня на коленях. Насколько мне было известно, в нашей округе он был единственным вторым гетеросексуальным млекопитающим, кроме меня. Ему была сделана специальная операция, конечно, но в принципе это дела не меняло.

Глава 6

Это произошло как раз на 400-й день нашей вахты. Я сидел за своим столом и делал вид, что проверяю новый список нарядов, составленный Холлибоу. Кот сидел у меня на коленях и громко мурлыкал, хотя никто его не гладил. Чарли развалился в кресле и что-то читал с экрана терминала.

Загудел фон — это была капитан Антопол.

— Они прибыли.

— Что?

— Я говорю, они прибыли. Тельцианский корабль только что вышел из поля коллапсара. Ноль восемь световой. Торможение — тридцать *g*.

Я смахнул кота на пол.

— Когда... когда сможете начать погоню?

— Как только дадите мне отбой.

Я выключил фон и направился к старто-компьютеру, точно такому, что был установлен на «Масарике II». Они были связаны прямым каналом. Пока я набирал данные, Чарли возился с демонстратором.

Демонстратор представлял собой голографический экран в полметра толщиной по метру в

длину и высоту. Он был запрограммирован показывать положение Сад-138, нашей планеты и еще нескольких мелких небесных тел этой системы. Зеленая и красная точки отмечали позиции нашего крейсера и корабли тельциан.

Дни до контакта	Вероятность
11	*000001*
15	*001514*
20	*032164*
25	*103287*
30	*676324*
35	*820584*
40	*982685*
45	*993576*
50	*999369*
Средний показатель	
28,9554	*500000*

По данным компьютера, тельцианам понадобится не менее одиннадцати дней, чтобы затормозиться и добраться до нашей планеты. Но чтобы не дать захватить себя, словно мух на потолке, они постоянно меняли ускорение и

направление полета. Поэтому, основываясь на сотнях подобных случаев из истории войны, компьютер составил таблицу вероятности контакта.

Средний показатель 28,9554 500000

Если только, конечно, Антопол и ее команда веселых пиратов не накроют их крейсер раньше срока. Вероятность этого — пятьдесят на пятьдесят.

Но нам в любом случае оставалось одно — сидеть и ждать. Если Антопол повезет, то воевать нам не придется. Нас сменит новый гарнизон, а наш отправят к следующему коллапсару.

— Еще не начали.— Чарли перевел демонстратор на минимальную масштабную шкалу. Планета выглядела как белый шар величиной с дыню. Зеленая точка крейсера горела от нее на расстоянии в восемь таких дынь.

Пока мы смотрели, от точки корабля отделилась еще одна зеленая точка и поплыла в сторону. Ее сопровождала туманная цифра 2. В соответствии с «условными обозначениями», спроецированными в нижний левый угол демонстратора, двойка обозначала «ракету преследования». Остальные цифры относились к самому «Масарику», к штурмовику

планетарной защиты и четырнадцати ракетам

планетарной защиты. На экране они пока обозначались одной точкой.

Кот терся о мою ногу, и я взял его на руки.

— Скажи Холлибоу, пусть собирает группу. Новости может сообщить им сразу.

Новости никого не обрадовали. Мы уже перестали ожидать тельциан и пришли к уверенности, что командование совершило ошибку и они никогда не появятся.

Я велел начать серьезную подготовку — никто не брался за оружие последние два года. Я активировал пальцевые лазеры и раздал гранатометы и ракетные пускатели. Внутри периметра мы упражняться не могли, поэтому часть автоматических лазеров была выключена, и взвод за взводом, по очереди, уходил за полкилометра от периметра, чтобы пострелять. Их сопровождал Чарли… Раек постоянно дежурила у экранов дальнего обнаружения. В случае опасности она должна была подать сигнал, чтобы взвод успел укрыться за периметром прежде, чем заработают лазерные установки.

С мишенями проблем не было — мы запускали тахионную ракету, взрыв выбрасывал такое количество осколков, что только успевали целиться.

С лазерами солдаты управлялись очень хорошо,

лучше, чем с примитивным оружием внутри стазис-поля. Это напоминало стрельбу по тарелкам: один солдат бросал камешки, второй подстреливал их, прежде чем они успевали упасть.

Рефлексы и координация были сверх всяческих похвал. (Наверное, Совет по евгенике все-таки знал свое дело.) Стреляя по камешкам размером с гальку, они выбивали девять из десяти. Я же, не имевший преимуществ биоинженерии, не поднимался выше семи из десяти. А ведь у меня имелся гораздо больший опыт,

С гранатометом они также великолепно справлялись. Этот аппарат стал более сложным, чем раньше. Имелся набор магазинов — гранаты в одну, две, три и четыре микротонны. Для рукопашного боя, когда применять фанаты невозможно, ствол пускателя отделялся и магазин начиняли «дробью».

При каждом выстреле вылетало облако из тысяч маленьких стрелок, убивавших насмерть на расстоянии пяти метров и превращавшихся в пар на шести метрах.

Тахионный ракетопускатель вообще не требовал навыков. Главное, чтобы никто не стоял у вас за спиной во время пуска — выхлоп бил на несколько метров. Цель нужно было поймать в

перекрестие и нажать кнопку. Траектория значения не имела — ракета шла по прямой линии, набирая скорость убегания менее чем за секунду.

Но все зависело от того, что противопоставят нам тельциане. Греческая фаланга выглядит чрезвычайно внушительно, но что она стоит против единственного человека с огнеметом? Кроме того, из-за разницы во времени невозможно было даже предположить, какое они используют оружие. Возможно, они не имеют понятия о стазис-поле. А может, они произнесут волшебное слово — и мы исчезнем.

Четвертый взвод старательно плавил скалы, когда меня вызвал обратно на базу Чарли. Срочные новости. Вместо себя я назначил командиром Гемова.

— Еще один?

На экране демонстратора наша планета выглядела сейчас не больше горошины. Крестик обозначал положение Сад-138. По всему «полю боя» были разбросаны четыре десятка красных и зеленых точек. Цифра 41 расшифровывалась как «тельцианский крейсер (2)».

— Ты вызвал Антопол?

— Да. Запаздывание сигнала составляет сейчас почти сутки.

— Второй корабль — это что-то новое. Хотя Чарли и сам это знает.

— Наверное, им очень нужен этот коллапсар.

— Похоже. Значит, будет жарко. Даже если Антопол справится с первым крейсером, у нее не будет даже пятидесяти процентов вероятности поразить второй. Не хватит ракет и штурмовиков.

— Не хотел бы я оказаться на ее месте. Но мы в хорошей форме.

— Побереги пыл, Уильям,— Чарли уменьшил масштаб изображения.

Теперь видны были только медленно ползущая красная точка и Сад-138.

Две недели после этого мы наблюдали, как одна за другой гаснут точки. И если вы знали, куда и когда смотреть, вы могли бы выйти наверх и увидеть, как все происходит на самом деле — как загорается новая звезда и исчезает через секунду. За эту секунду нова-бомба излучала в пространство энергию миллиона гигаваттных лазеров. Возникала миниатюрная звезда, «полщелчка» в диаметре, раскаленная до внутризвездной температуры. Даже без прямого попадания радиация взрыва выводила из строя всю электронику ракеты — такая судьба постигла два штурмовика,

наш и тельцианский. Оба начали бесконечный дрейф за пределы системы.

Раньше мы использовали более мощные нова-бомбы, но используемая в них дегенерировавшая материя очень неустойчива в больших количествах. Бомбы норовили взорваться еще внутри корабля. Наверное, у тельциан были те же неприятности с бомбами, потому что мощность их зарядов тоже уменьшилась — до ста килограммов и менее. Они тоже использовали разделяющиеся боеголовки, из которых только одна содержала нова-бомбу.

Вполне вероятно, что у них еще останутся бомбы, после того как будет покончено с «Масариком II». Тогда мы зря упражнялись в стрельбе. В сознании промелькнула мысль — отобрать одиннадцать человек и посадить в шлюпку, укрытую внутри стазис-поля. Ее компьютер запрограммирован доставить нас на Старгейт. Я дошел даже до того, что начал составлять мысленно списки, стараясь определить, кто из нашей группы значил для меня больше других. Оказалось, что половину придется брать наугад. Но я отбросил эту мысль. У нас все же был шанс, отчаянный, но был, даже против корабля. Пусть еще подберутся к нам на боевой радиус нова-бомбы.

Кроме того, меня все равно отправили бы дышать вакуумом за дезертирство. К чему тогда беспокоиться?

Нас посетил прилив надежды, когда один из робоснарядов Антопол поразил первый тельцианский крейсер. Не считая корабля планетарной защиты, у нее имелось еще восемнадцать робоснарядов и два штурмовика. Второй крейсер находился на расстоянии нескольких световых часов, прикрываемый пятнадцатью робоснарядами. Один из этих снарядов настиг Антопол. Наши вспомогательные машины продолжали атаковать, но смысла в этом уже не было. С нездоровым интересом следили мы, как не спеша приближался к планете вражеский крейсер. Один из штурмовиков Антопол на полной тяге уходил к Сад-138, надеясь спастись. Никто из нас не упрекнул бы его. Мы даже послали вослед пожелание доброго пути, но они не ответили — уже залегли в резервуары. Но последнее наверняка записал автомат.

Через пять дней крейсер противника расположился на стационарной орбите над противоположным полушарием нашей планеты. Мы приготовились к первой фазе приступа — их робоснаряды против наших лазеров. Я поместил

пятьдесят человек внутрь стазис-поля. Глупость; впрочем, тельциане могут выждать, когда те выключат на секунду поле, и тут же их поджарят.

Чарли посетила безумная идея:

— Мы могли бы устроить ловушку.

— Что ты придумал? Ловушек у нас и так хватает.

— Нет, я не про мины и прочее. Я имею в виду саму базу.

— Продолжай.

— В шлюпке у нас есть две нова-бомбы.— Он показал в направлении, где ориентировочно находился купол поля.— Можно прикатить их сюда, настроить взрыватели, а самим спрятаться внутри поля.

Соблазнительная идея, в определенном смысле. Это избавляло меня от необходимости принимать решения, оставляя все на волю случая.

— Боюсь, ничего не выйдет, Чарли.

Он несколько обиделся:

— Почему? Выйдет.

— Смотри. Ты рассчитываешь на то, что все тельциане толпой ринутся в недра базы. А они никогда этого не сделают, особенно если база будет выглядеть покинутой. Они что-нибудь заподозрят, вышлют разведку. И когда разведка

подорвется...

— Мы окажемся в проигрыше, минус база. Ты прав.

Я пожал плечами:

— Но в этом что-то есть. Подумай еще, Чарли.

На экране демонстратора разворачивалась неравная битва в орбитальном пространстве. Тельциане сначала решили покончить с нашим штурмовиком планетарной защиты, но пока пилоту удавалось уничтожить все атакующие его робоснаряды. Я передал под его контроль пять лазерных установок из нашего периметра, хотя толку от них было немного. Гигаватгный лазер выдаст до биллиона киловатт за секунду — это в радиусе ста метров. На дистанции в тысячу километров мощность луча падает до десяти киловатт. Может сжечь оптический сенсор — самое большее. Но это лучше, чем ничего.

— Можно поднять второй штурмовик.

— Лучше использовать робоснаряды,— сказал я.— Штурмовик — наша последняя надежда, если придется прятаться в стазис-поле.

— А где сейчас этот парень? — спросил Чарли, имея в виду бежавший штурмовик.

Я уменьшил масштаб изображения, и в правом углу появилась зеленая точка.

— Около шести световых часов от нас.— У него еще оставались два робоснаряда, один был использован для прикрытия,— Он бы нам не помог, даже если бы хотел. Месяц уйдет на торможение.

Как раз в этот момент погасла точка, обозначавшая наш планетарный штурмовик.

— Сволочь.

— Сейчас будет весело. Дать команду, пусть готовятся наверх?

— Нет... только пускай наденут костюмы, на случай де-герметизации. До рукопашной дойдет не скоро.

Я снова переключил масштабную шкалу. Четыре красные точки ползли вокруг планеты, приближаясь к нам.

Я облачился в костюм и вернулся к демонстратору посмотреть на фейерверк. Лазеры работали безукоризненно. Все четыре робоснаряда, одновременно атаковавшие нас, были сбиты. Все нова-бомбы взорвались за горизонтом, кроме одной. Она оставила после себя полукруглый кратер, сиявший белым светом несколько минут после взрыва. Час спустя грунт светился уже оранжевым и температура снаружи поднялась на пятьдесят градусов. Почти весь «снег» растаял, обнажая серый скальный грунт.

Вторая атака была отражена тоже за доли секунды, но на этот раз нападало восемь снарядов, и четыре из них взорвались всего в десяти «щелчках» от периметра. Температура поднялась на 300 градусов — выше точки таяния льда, и я начал беспокоиться. Боекостюмы не боялись жары, но автоматические лазеры требовали сверхпроводимости для контуров управления.

Я запросил компьютер относительно критической температуры для лазеров, и он выдал мне обширную справку о том, как изолировать лазеры от воздействия высокой температуры, если в вашем распоряжении имеется хорошо оборудованная оружейная мастерская. Относительно критического порога было сказано, что таковой действительно существует и за его пределами лазеры вообще не будут нацеливаться. Низший предел составлял 420 градусов, высший — 790 (по данным боевых действий).

Чарли не отрывался от демонстратора.

— На этот раз шестнадцать штук.

— Ты удивляешься? — Одна из немногих известных особенностей психологии тельциан — они обожали вторую степень и простые числа,

— Будем надеяться, что тридцати двух у них не окажется. Пока что этот крейсер выпустил

уже сорок четыре робоснаряда, а известны были случаи, когда тельцианские корабли несли до ста двадцати восьми таких машин.

До начала атаки оставалось полчаса. Можно было эвакуировать весь состав под защиту стазис-поля. Это спасло бы нас от взрыва нова-бомб. Но мы оказались бы в ловушке. Сколько времени понадобится кратеру, чтобы остыть, если три или четыре робоснаряда прорвут периметр, не говоря уже о всех шестнадцати? Невозможно до бесконечности находиться внутри боекостюма. Две недели — и вы потенциальный самоубийца. Больше трех недель никто еще не выживал в полевых условиях.

Кроме того, поле не прозрачно. Чтобы выяснить обстановку снаружи, нужно выглянуть наружу. Тельцианам даже не понадобилось бы входить внутрь поля и сражаться на мечах, если они достаточно терпеливы. Они могут просто окружить купол лазерным огнем и ждать, пока мы выключим генератор.

Можно было бы оставить одного человека на базе. Если через полчаса он не явился бы в купол поля, то стало бы ясно — снаружи горячо.

Я набрал на компьютере комбинацию общего вызова офицеров. От пятого эшелона и выше.

— Говорит майор Манделла.— По-прежнему это звучало как плохая шутка.

Я обрисовал ситуацию и велел передать солдатам — они могут уходить в стазис-поле. Я останусь на базе и сообщу им, если все обойдется. Героизм тут ни при чем — я предпочитал испариться в долю секунды, чем медленно умирать внутри серого купола.

Я перешел на частоту Чарли:

— Ты тоже можешь идти. Я сам тут присмотрю.

— Нет, спасибо,— медленно ответил он.— Я пока что... Эй, гляди!

Крейсер выстрелил еще одну красную точку. Это был новый робоснаряд.— Интересно.

— Суеверный, сволочь,— сказал Чарли без всякого выражения.

Оказалось, что только одиннадцать человек предпочли присоединиться к тем пятидесяти, что находились в поле. Скажу честно, я был удивлен.

Пока приближались робоснаряды, мы с Чарли упорно смотрели только на мониторы. Лучше не знать, сколько там осталось — одна минута, тридцать секунд... И потом, как и всегда, все кончилось раньше, чем мы успели что-то сообразить. Экраны полыхнули белым, завыли помехи, и мы

все еще были живы. Но на горизонте появилось шестнадцать новых кратеров, и температура не поднялась, а взлетела — последняя цифра на индикаторе превратилась в туманное пятнышко. Температура подскочила до 800 и начала медленно понижаться. И тут из-за горизонта выскочил семнадцатый робоснаряд, прошел бешеными зигзагами, завис прямо над базой и начал медленно валиться вниз. Половина лазеров открыла огонь, но они уже не могли нацеливаться и застыли в предыдущей позиции.

Полированный до зеркального блеска, узкий корпус ро-боснаряда сиял в белом свете кратеров и вспышек бесполезного лазерного огня. Чарли судорожно вздохнул, а ракета была уже так близко, что ясно виднелись паутинная вязь тельцианских обозначений на броне и маленький иллюминатор на носу. Потом вспыхнули ее дюзы — и робоснаряда как не бывало.

— Что за черт,— тихо сказал Чарли,— Зачем иллюминатор. Разведка?

— Наверное. Мы не могли его сбить, и они это знали.

— Может, еще прицелы заработают.

— Вряд ли. Нам лучше убраться под купол. Всем.

Чарли произнес слово, звучание которого изменилось за эти столетия, но смысл был ясен.

— Не спеши. Посмотрим, что они будут делать.

Мы ждали несколько часов. Температура упала до 690 градусов — точка плавления цинка, почему-то вспомнил я,— но прицелы лазеров были мертвы. Включаю ручное управление.

— А вот и они! — сказал Чарли.

Я уставился на демонстратор.

— Погоди! Это не ракеты.— Надпись обозначала красные точки — все восемь — как «десантные катера».

— Хотят взять базу, значит,— сказал Чарли.— Целенькую.

И заодно, может, испытать новую технику.

— Они ничем не рискуют. Всегда могут отступить и угостить нас нова-бомбой.

Я вызвал Брилл и велел взять всех людей из стазис-поля, присоединить их к ее взводу и занять оборону по северовосточной и северо-западной четверти периметра. Остальные люди будут прикрывать второй полукруг.

— Наверное,— сказал Чарли,— не стоит выставлять всех. Неизвестно, сколько тельциан.

Верная мысль. Всегда нужен резерв. Это идея... Их может быть 64 на восьми катерах. Или 128,

или 256. Если бы у наших спутников-разведчиков были более мощные дискриминаторы! Но много ли поместится в корпус размером с орех.

Я решил, что семьдесят человек под командованием Брилл составят нашу первую линию обороны и займут траншеи за периметром. Остальные пока будут оставаться внизу.

Если окажется, что с тельцианами нам не справиться, я прикажу всем перейти в стазис-поле. Жилые отсеки соединялись с куполом через тоннель. Тем, что в траншеях, придется уходить под огнем. Если только к тому моменту кто-то останется в живых.

Я вызвал Холлибоу и велел ей с Чарли следить за прицельными автоматами лазеров — вдруг они преодолеют паралич,— тогда оставалось только сидеть и смотреть на спектакль. Но и без этого лазеры могли нам пригодиться. Чарли отметил на мониторах секторы огня и приготовился нажимать на ручной спуск, если противник попадет в эту зону.

У нас оставалось еще двадцать минут. Брилл разводила своих людей по траншеям за периметром, определяя отделениям секторы огня. Я напомнил ей про нашу ручную артиллерию — она могла бы помочь направить продвижение

противника в зоны лазерного огня.

Теперь оставалось только ждать. Я попросил Чарли определить поточнее темп приближения противника и вести отсчет времени, потом сел за стол, развернул схему обороны и решил посмотреть, все ли мы предусмотрели.

Кот вскочил мне на колени, мяукая. Он, конечно, не мог отличить одного человека от другого в боекостюмах, но за этим столом мог сидеть только я. Я хотел его погладить, но он убежал.

Когда я попробовал писать, стило прорвало четыре листа. Я давно не упражнялся с усилителями боекостюма. Я вспомнил, как нас учили выполнять тонкие операции — мы передавали по цепочке яйца. Нечистоплотное занятие. Интересно, на Земле есть еще яйца?

Оборону мы устроили по всем правилам, я больше ничего не мог придумать. Я много чего знал по поводу окружения и взятия противника в тиски. Но теперь в тиски берут меня — какой толк от массы фактов, напичканных в мой мозг. Стой и сражайся. Реагируй на концентрацию противника. Используй в полной мере воздушное прикрытие. Хороший совет. Держи голову пониже, но не опускай нос.

— Еще восемь катеров,— сказал Чарли.— Пять

минут до начала.

Значит, будут атаковать двумя волнами? Что бы я сделал на месте командира тельциан? Не так уж трудно представить — тельциане страдали недостатком воображения и всегда копировали тактику людей.

Первая волна — это смертники, камикадзе, она выявит нашу систему обороны. Второй волне останется только завершить работу, медленно и методично. Или все будет наоборот — вторая волна перепрыгнет первую й ударит где-то в одном месте, прорвет периметр и войдет на территорию базы.

А может, они послали две группы просто потому, что «два» у них волшебное число. Или они могут запускать только по восемь катеров зараз.

— Три минуты.— Я смотрел на группу мониторов, на которых виднелись различные участки минного поля. Если нам повезет, они могут приземлиться именно там или пройти достаточно низко, чтобы детонировать мины.

У меня появилось смутное чувство вины. Сижу здесь, в безопасности, готов отдавать приказы. Что думают семьдесят агнцев на закланье о своем невидимом командире?

Потом я вспомнил, как капитан Скотт решил

остаться на орбите, пока мы сражались внизу, и прилив ненависти был таким сильным, что едва не закружилась голова.

— Холлибоу, ты сама справишься с лазерами?

— Почему бы и нет, сэр?

Я бросил ручку на стол и встал.

— Чарли, займись координацией, у тебя получится не хуже моего. Я пойду наверх.

— Я бы не советовала вам, сэр.

— Черт, Уильям, не будь идиотом.

— Здесь приказы отдаю...

— Ты там и десяти секунд не протянешь,— сказан Чарли.

— У меня будет столько же шансов, как и у всех.

— Ты что, оглох? Они же тебя и прикончат.

— Солдаты? Чушь! Я знаю, они меня не очень любят...

— Ты слушал, что говорят на взводной частоте?

— Нет. Между собой они на моем «диалекте» не говорят.

— Они считают, что ты их выставил в первую линию за трусость, как в наказание. После того, как предложил желающим идти в купол.

— Разве это не так, сэр? — сказала Холлибоу.

— В наказание? Конечно нет. Во всяком случае, не сознательно. Разве лейтенант Брилл им ничего не сказала?

— Если и сказала, то я не слышал,— ответил Чарли.— Может, она была слишком занята. Или согласна с солдатами. Тогда я...

— Вот он! — крикнула Холлибоу. Первый катер противника показался на одном из мониторов, остальные появились с отрывом в секунды. Пять катеров шли с северо-востока и только один с юго-запада. Я передал информацию Брилл.

Но мы верно предугадали их действия — они все собирались совершить посадку на минное поле. Детонировала одна мина. Взрывная волна бросила странный обтекаемый аппарат к земле, он ткнулся носом в скалы, из открывшихся люков повысыпались тельциане. Их было двенадцать. Наверное, внутри осталось еще четверо. Если в каждом катере по шестнадцать солдат, то тельциан едва лишь больше, чем нас. В первой волне.

Все остальные приземлились благополучно. В каждом было действительно по шестнадцать тельциан. Они пошли через минное поле, делая одновременно громадные прыжки, словно тяжеловесные роботы, не останавливаясь даже, если один из них попадал на мину. Что случилось

одиннадцать раз.

Теперь стало понятно, почему они предпочли бросить основные силы с севера — здесь их прикрывали гребни кратеров. Они могли подойти на расстояние пары километров от базы, прежде чем окажутся на открытой местности. Их усилители в боекостюмах соответствовали по возможности нашим, и километр они покрывали менее чем за секунду.

Брилл приказала открыть огонь немедленно. Скорее просто для того, чтобы снять напряжение, нанести существенный урон шансов почти не было. Хотя кого-то они, конечно, зацепили. По крайней мере, тахионные ракеты сработали впечатляюще — разворотили гребни кратеров.

Тельциане тоже стреляли, чем-то очень похожим на наши тахионные ракеты. Но попадали они редко, все наши люди были защищены траншеями, а если ракета не встречала препятствия, она продолжала двигаться по прямой и уносилась в бесконечность. Удалось им подбить переносной лазер, и сотрясение, просочившееся к нам сквозь скалу, заставило меня пожелать более глубокого убежища. Хотя бы метров на двадцать.

Гигаваттные лазеры по-прежнему не желали нацеливаться, и толку от них не было совсем.

Тельциане предусмотрительно избегали секторов поражения. Но это было, как оказалось к счастью, потому что Чарли отвлекся от лазерных мониторов и взглянул на демонстратор.

— Проклятье!

— Что там, Чарли? — Я не отрывал взгляд от мониторов. Ждал какой-нибудь неприятности.

— Корабль, крейсер — он исчез!

Я поднял голову. Он был прав — сияли только красные точки десантных катеров.

— Куда же он девался? — логично поинтересовался я.

— Сейчас посмотрим.— Он запрограммировал дисплей на обратное развертывание записи и уменьшил шкалу масштаба. Показалась точка крейсера и рядом с ней три зеленые точки — наш «беглец» атаковал противника всего двумя робоснарядами. Но ему помогали законы физики. Вместо тою чтобы войти в поле коллапсара, он обогнул его по У-образной орбите и выскочил с другой стороны на 0,9 световой. Робоснаряды шли на 0,99 световой и мчались прямо на крейсер тельциан. Наша планета находилась в тысяче световых секунд от коллапсара, поэтому у тельциан было всего десять секунд, чтобы засечь наш штурмовик и робоснаряды. А на такой скорости

особого значения не имеет, что вас поразит — нова-бомба или гайка.

Первый робоснаряд уничтожил крейсер, второй врезался в планету. Штурмовик прошел всего в паре сотен километров над поверхностью и унесся в пространство, тормозя на двадцати пяти g. Месяца через два он вернется назад. Но тельциане не собирались ждать так долго. Они уже довольно близко подобрались к нашим траншеям, чтобы обе стороны могли начать действенный лазерный огонь, но продолжали оставаться в зоне огня гранатометов и ракет. Солидных размеров скала становилась для противника хорошим прикрытием от наших лазеров, фанаты и ракеты же уничтожали их десятками.

Поначалу люди Брилл имели фомадное преимущество: укрывшись в фаншеях, они несли потери только от случайного удачного выстрела или слишком хорошо пущенной фанаты (тельциане бросали их вручную — и на несколько сот метров). Мы потеряли четверых, зато противник, похоже, лишился половины состава.

Теперь же основная часть тельциан имела возможность использовать кратеры и воронки как укрытия. Бой постепенно перешел к индивидуальным лазерным дуэлям, лишь изредка

вступали гранаты и ракетометы. Но ведь глупо было бы тратить тахионную ракету на одного-единственного тельцианина, когда неизвестно, сколько еще у них солдат в резерве.

Меня подсознательно беспокоила какая-то мысль, связанная с робоснарядом, что врезался в планету. Теперь, с затишьем, я понял наконец, в чем дело.

Когда робоснаряд столкнулся с планетой на собственной скорости, что получилось в результате? Я задал вопрос компьютеру, выяснил, какая в результате столкновения высвободилась энергия, потом сравнил данные с геологическими сведениями в памяти машины.

Энергия столкновения в двадцать раз превосходила самое мощное землетрясение из когда-либо зарегистрированных.

— Все наверх! Немедленно! — Я врубил общую частоту связи. Прихлопнул кнопку, включавшую автоматическую дегерметизацию и шлюзование и открывавшую тоннель, что вел из координаторской на поверхность.

— Что за черт, Уиль...

— Землетрясение! Уходим! Сколько у нас времени?

Холлибоу и Чарли поспешили за мной. Кот

остался сидеть на столе, равнодушно умываясь, и у меня мелькнула безумная мысль посадить его в свой боекостюм — таким образом кота перевезли на базу. Но он не выдержал бы в нем и нескольких минут. Куда разумнее и милосерднее было бы испарить его одним лазерным импульсом. Но тут дверь задвинулась, и мы начали взбираться по лестнице. Всю дорогу и немного дольше меня не покидала мысль о несчастном животном, погибшем под тоннами обломков, медленно умиравшем, пока воздух вырывался наружу.

— В траншеях безопаснее? — спросил Чарли.

— Не знаю,— сказал я.— Никогда не попадал в землетрясение. Траншею может сжать, и нас тогда раздавит.

Снаружи было удивительно темно. Дорадус уже почти опустился за горизонт, и мониторы компенсировали низкий уровень освещения.

По открытому месту слева ударил вражеский лазер, скользнул по опоре гигаваттника, извергнув сноп искр. Нас еще не заметили. Мы сообща решили, что в траншеях будет все-таки безопаснее, и тремя прыжками достигли ближайшей.

Траншею занимало четыре человека, один — серьезно раненный или уже мертвый. Оказавшись на дне, я перевел конвертор на двойное усиление,

чтобы рассмотреть наших соседей. Нам повезло, здесь имелся гранатометчик, кроме того, стоял и ракетомет. Я едва разобрал имена на шлемах. Мы были в командирской траншее, но Брилл нас еще не заметила. Она осторожно выглядывала наружу, в самом дальнем конце траншеи, руководя перемещением двух фланговых отделений. Когда они благополучно достигли укрытия, она нырнула обратно в окоп.

— Это вы, майор?

— Это я,— сказал я, помедлив. Нет ли здесь тех, что жаждали заполучить мой скальп?

— Что случилось? Говорят, землетрясение? — Она не знала о столкновении робоснаряда с планетой. Я объяснил как можно короче.

— Из шлюза никто пока не выходил,— сказала она.— Думаю, они укрылись в стазис-поле.

— До купола им не дальше, чем до шлюза. Наверное, часть не приняла мое предупреждение всерьез.

Я включил общую частоту для проверки, и тут нас накрыло.

Грунт ушел из-под ног, потом вернулся на место, подбросил нас в воздух. Я успел заметить разбросанные в беспорядке оранжевые и желтые светящиеся овалы — кратеры от взрывов нова-

бомб. Приземлился я на ноги, но грунт танцевал подо мной, как бешеное животное, и устоять не было никакой возможности. С низким гулом, просочившимся в костюм, наша база рухнула сама в себя. Купол стазис-поля благополучно и грациозно переместился на новую, более низкую позицию.

Бедный кот. Я надеялся, что у остальных досталось здравого смысла перейти в купол.

Какая-то фигура выбралась, пошатываясь, из ближайшей к нам траншеи. Я не сразу понял, что это тельцианин. На таком расстоянии мой лазер прожег сквозную дыру в его шлеме, он сделал еще два шага и упал. Еще одна голова появилась над краем траншеи. Я снес верхушку шлема, прежде чем тот успел поднять оружие.

Я никак не мог сориентироваться. Целым остался только купол поля. Все лазеры-гигаваттники были погребены под обломками, но один включился, и ослепительный мерцающий луч пронизывал крутящееся облако испарявшегося камня.

Очевидно, я оказался на вражеской территории. Ступая по трясущейся земле, я направился к куполу.

Я не мог связаться ни с кем из взводных. Все они,

кроме Брилл, ушли, наверное, в купол. Я вызвал Холлибоу и велел выгонять всех из купола наружу. Если следующая волна атаки не уступит по численности первой, нам понадобятся все люди.

Толчки постепенно затихли, и я наконец добрался до «своей» траншеи — это была, так сказать, кухонная траншея, так как ее занимали только Орбан и Рудковский.

— Похоже, вам придется начинать с нуля, рядовой.

— Это ничего, сэр.

Загудел вызов. Это была Холлибоу.

— Сэр, в куполе только десять человек.

— А остальные? Не ушли с базы? — Времени у них было вполне достаточно.

— Я не знаю, сэр.

— Ладно. Произведите расчет и дайте мне данные по численности, чем мы располагаем.— Я еще раз попробовал частоту взводных, снова молчание.

Мы выждали несколько минут, но враг признаков активности не подавал. Видно, ждал подкреплений.

— Сэр, мне ответило пятьдесят три человека. Наверное, некоторые без сознания.— Это Холлибоу.

— Хорошо. Пускай не сводят глаз...

И тут пошла вторая волна атаки. Десантные катера выскочили из-за горизонта. Они тормозились, развернувшись в нашу сторону.

— Ракетометы — огонь! — завопила Холлибоу.

Но никто еще не успел добраться до запускателя или до гранатомета. Лазер на таком расстоянии особого вреда причинить не мог.

Размерами эти катера в четыре или пять раз превосходили катера первой волны. Один из них опустился в километре от нас, едва успел замереть на месте, как началась высадка. Тельциан было более полусотни, точнее — 64. Умножить на восемь — получается 512. Нам их не удержать.

— Слушайте все, говорит майор Манделла.— Я старался говорить спокойно и негромко.— Сейчас мы отступим под защиту стазис-поля. Быстро, но сохраняя порядок. Те, кто относится к четвертому и второму взводу, прикрывают отход первого и третьего. Первый и третий, отойти на половину расстояния до купола и дать прикрытие второму и четвертому. Они дойдут до самого купола и прикроют потом вас.

Не следовало употреблять это слово «отступление», его в уставе не имелось. Рефлекс ретрограда. Ретроградом оказался не только я. Стрелять на-

чали всего восемь или десять человек, остальные бросились наутек. Орбан и Рудковский исчезли мгновенно. Я сделал несколько выстрелов, тщательно целясь, добежал до края траншеи, вылез наверх и направился к куполу.

Тельциане пускали ракеты, но большинство из них шли слишком высоко. Двоих все же разорвало, когда я покрыл почти половину расстояния до купола. Я укрылся за обломком скалы и осторожно осмотрелся. Только два или три тельцианина находились в пределах лазерного огня, и я решил, что лучше зря не выдавать себя. Добежав до границы стазис-поля, я обернулся и начал стрелять. Почти сразу стало ясно, что я только привлекаю к себе внимание, потому что к куполу бежал только еще один человек.

Почти рядом со мной пронеслась ракета, я мог бы ее коснуться. Тогда я напружинил ноги, оттолкнулся и финишировал внутри купола в не очень благородной позе.

Глава 7

Ракета, которая едва не задела меня, плавно проплыла сквозь серые сумерки купола, слегка приподнявшись в самом конце, когда она исчезла

за противоположной границей поля. Оказавшись на той стороне, ей было суждено мгновенно испариться, так как вся энергия, потерянная ею при вторжении в стазис-поле, должна была вернуться в виде тепла. У самого входа в купол лежало девять мертвых. Этого следовало ожидать, хотя такие вещи заранее не говорят солдатам.

Боекостюмы их были в порядке — иначе они не добрались бы до купола,— но в неразберихе боя и отступления была повреждена особая изолирующая прослойка, предохранявшая от воздействия стазис-поля. Едва они оказались внутри поля, как вся электрохимическая активность в их организмах прекратилась, и они погибли на месте. И поскольку ни одна молекула не могла двигаться здесь быстрее, чем со скоростью 16,3 метра в секунду, они тут же замерзли до каменной твердости, температура их тел установилась где-то около 0,426 по Кельвину.

Я решил пока не переворачивать их, чтобы узнать имена. Потом. Нужно было сначала развернуть хоть какую-то оборону, пока тельциане не проникли в купол. Если они только выберут этот вариант.

Красноречивыми жестами я собрал людей в центре купола, у хвоста шлюпки, где хранилось

оружие.

Оружия было вдосталь, так как наша численность уменьшилась в три раза. Раздав всем шпаги и щиты, я начертил на снегу: «Хорошие лучники, поднять руку». Вызвалось пятеро, я назначил еще троих, чтобы использовать все луки. Двадцать стрел на каждый лук. Это было самое эффективное оружие в наших условиях: несмотря на медленный полет, стрелы были почти невидимы и разили насмерть: наконечники были с алмазным острием.

Я расположил лучников вокруг шлюпки (посадочные опоры дадут им дополнительную защиту) и между каждой парой лучников поставил других людей: копейщиков, паличников, солдата с алебардой и дюжину метателей ножей. Теоретически мы таким образом могли встретить врага на любой дистанции — от границы купола до рукопашной.

На самом же деле при таком соотношении сил — 600 против 42 — они могли бы входить в поле с камнями вместо копий и щитов и закидать нас, как говорится, шапками.

Если они только уже знакомы были со стазис-полем. Мы ждали несколько часов. И даже начали уже скучать, насколько вообще это воз-

можно в ожидании смерти. Поговорить нельзя, смотреть не на что, кроме серой стены купола, серого снега, серого корпуса шлюпки и однообразно серых солдат.

Некоторые, еще заинтересованные боем, следили за нижним краем поля, ожидая появления противника. Поэтому мы несколько секунд не могли сообразить, что происходит, когда началась атака. Облако дротиков пронзило стенку купола, направляясь точно к его центру.

Щиты были достаточно большие и прикрывали человека почти полностью, стоило лишь присесть. Те, кто в этот момент повернулся спиной к месту атаки или дремал, могли надеяться только на удачу — предупредить их не было возможности.

Нам повезло, мы потеряли всего пятерых. В том числе одного лучника, Шубика. Я поднял его лук, мы ожидали немедленной атаки самих тельциан.

Они не спешили. Полчаса спустя я прошел вдоль цепочки солдат и жестами объяснил, что в случае нападения каждый должен подтолкнуть стоящего справа.

Именно это спасло мне жизнь. Вторая туча дротиков появилась с другой стороны несколько

часов спустя. Я почувствовал толчок, толкнул соседа справа, обернулся и увидел, как летят дротики. Я едва успел прикрыться щитом. Положив на снег лук, я начал вытаскивать застрявшие в нем дротики, когда началась настоящая атака.

Невероятное, жуткое это было зрелище. Около трехсот тельциан одновременно вошли в купол, плечом к плечу, взяв нас в кольцо. Они шагали вперед, у каждого имелся круглый щит, едва прикрывавший его массивную грудь. Они метали дротики. Я поставил щит вертикально перед собой, у нижнего края имелось специальное ребро, и, выпустив первую стрелу, понял, что у нас есть шанс. Стрела ударила тельцианина в центр щита, пробила его насквозь и пронзила изоляцию его костюма.

Это было избиение. Дротики никакого вреда нам не причиняли, хотя, когда один из них проплыл у меня над головой, появившись из-за спины, по коже пробежали мурашки.

Двадцатью стрелами я убил двадцать тельциан. Когда кончились стрелы, я попытался бросать их же дротики, но тельцианские щиты оказались непроницаемыми для их наконечников.

Половину тельциан мы уничтожили стрелами и копьями прежде, чем они подобрались к нам

на расстояние рукопашного боя. Я вытащил шпагу и приготовился. Их все еще было в три раза больше, чем нас.

Когда до тельциан осталось метров десять, в бой вступили метатели ножей — чакр. Хотя летящий диск ножа легко было заметить и ему требовалось полсекунды, чтобы покрыть расстояние до шеренг противника, большинство тельциан попыталось закрыться щитами. Тяжелые, острые как бритва ножи пробивали щиты словно картонки.

В рукопашную первыми вступили паличники. Палица достигала двух метров в длину, на конце ее имелось обоюдоострое лезвие. Но с ними тельциане расправились хладнокровно — они просто хватали это лезвие и умирали. Пока человек пытался вырвать палицу из мертвой хватки трупа, второй тельцианин, вооруженный метровой длины ятаганом, делал шаг вперед и убивал его.

Кроме ятаганов, у них имелось что-то вроде резинового лассо — эластичный шнур с куском колючей проволоки на конце и грузиком для метания. Это было опасное оружие, потому что, если бросающий промахивался, эластичный шнур тянул грузик и проволоку обратно и приканчивал его. Но тельциане бросали эти штуки весьма

метко, целясь по не защищенным щитами ступням и лодыжкам. Став спина к спине с рядовым Эриксоном, мы ухитрились остаться в живых еще на несколько минут. Когда от тельциан осталось дюжины две, они просто повернулись кругом и замаршировали обратно. Мы побросали им вслед дротики, убили еще троих, но преследовать не решились.

Нас оставалось двадцать восемь. Убитых тельциан было раз в десять больше, но радоваться было нечему. Они могут повторить все сначала, со свеженькими тремя сотнями.

Мы собрали разбросанные тут и там стрелы и копья и снова заняли круговую оборону вокруг шлюпки. Я занялся счетом: Чарли и Диана еще были живы (Холлибоу пала жертвой своей палицы), кроме того, еще два офицера из вспомогательного персонала, Вилбер и Шидховска. Рудковский умудрился уцелеть, а Орбан попал под дротик.

Через сутки начало казаться, что враг решил взять нас измором, а не повторять атаки. Хотя продолжали время от времени появляться дротики, но уже не роем, а по два или по три. С разных точек и под разными углами. Постоянно быть настороже мы не могли, каждые три-четыре часа

кто-то погибал.

Мы установили вахты и спали по два человека на кожухе генератора поля. Упрятанный непосредственно под днищем шлюпки, он был самым безопасным местом в куполе.

Время от времени на границе поля появлялся одиночный тельцианин, чтобы проверить, наверное, сколько нас еще осталось. Мы скуки ради стреляли по нему из лука.

Через два дня они перестали бросать дротики. Я решил, что у них кончился запас или что они считают два десятка выживших достаточно минимальным числом.

Делались и другие, более реальные предложения. Я взял одну палицу и подошел к границе поля, высунул наконечник наружу. Когда я втащил его обратно, он был оплавлен. Я показал его Чарли, и он покачался вперед-назад (так в боекостюме можно было изображать кивок головы) — это был уже не первый случай в истории войны. Тельциане охватывали купол сплошной стеной лазерного огня и ждали, пока один из нас не свихнется от страха и не выключит генератор. Сидят себе, наверное, в катерах и играют в тельцианские свои карты.

Я пытался думать. Трудно было сосредото-

читься на одной мысли в таком угнетающем окружении, каждую секунду ожидая дротика в спину. Что-то такое ведь придумал Чарли. Что-то он говорил только вчера. Я никак не мог поймать мысль. Помнил только, что идея его не подошла нам. И тут я вспомнил.

Я собрал всех вместе и написал на снегу: «Снять нова-бомбу с корабля, оттащить к границе поля, переместить купол».

Шидховска знала, где на шлюпке лежат нужные нам инструменты. К счастью, перед включением поля мы оставили открытыми все люки — они управлялись компьютером, и теперь мы бы не проникли в шлюпку. Шидховска знала, как снять защитный кожух с бомбового гнезда в кокпите, и я последовал за ней по метровой ширины трубе.

Обычно здесь, думаю, было всегда темно, как под землей. Но теперь стазис-поле наполняло камеру все тем же мутным серым свечением. Там вдвоем повернуться было трудно, и я остался в проходе.

Шидховска открыла люк бомбовой камеры — это был простой ручной штурвал,— но вытащить саму бомбу оказалось тяжеловато. Наконец она вернулась в двигательный отсек и отыскала там лом. Я поддел бомбу, она выкатила ее из

держателей. Таким же манером мы освободили и вторую бомбу.

Когда мы спустились на грунт, сержант Ангелов уже возился со взрывными механизмами. Это было несложно — требовалось только отвинтить крышечку на носу бомбы, привести в действие часовой механизм.

Мы быстро оттащили бомбы к границе купола — каждую несли шесть человек — и положили рядом. Потом мы помахали людям у генератора. Они взялись за рукоятки и перенесли генератор шагов на десять в противоположном направлении. Бомбы исчезли за стеной купола.

Они взорвались, в этом сомнений не было. На несколько секунд пространство снаружи превратилось в недра звезды, даже стазис-поле не смогло полностью игнорировать факт — часть купола засветилась бледно-розовым на мгновение, и опять погасло. Мы почувствовали некоторое ускорение, словно в опускающемся лифте, значит, купол сползал на дно кратера. Не погрузимся ли мы в расплавленный камень, словно мухи в янтарь? Не стоило даже гадать. Если это случится, то не беда — пробьемся наружу с помощью гигаваттного лазера на шлюпке. Двенадцать выживших пробьются наружу.

— Сколько? — нацарапал Чарли на снегу у моих ног. Чертовски удачный вопрос. Я знал примерно только общее количество энергии, высвободившееся при взрыве двух бомб. Я не знал не размеров кратера, ни теплопроводности местных скал, ни точки плавления местного камня,— Неделя? Надо подумать.

Компьютер на шлюпке мог бы сказать мне срок с точностью до тысячной доли секунды, но пока был нем. Я начал набрасывать уравнения на снегу, пытаясь определить минимальное и максимальное время охлаждения близлежащей местности до 500 градусов. Ангелов, имевший более современную подготовку по физике, тоже делал вычисления по другую сторону шлюпки.

У меня получилось что-то от шести часов до шести дней (шесть часов — это если местная скала обладает теплопроводностью меди), у Ангелова — от пяти часов до четырех с половиной дней. Я проголосовал за шесть дней, никто не стал возражать.

Почти все время мы спали. Чарли с Дианой играли в шахматы, рисуя фигурки на снегу. Я несколько раз проверял вычисления, и все время получалось шесть дней. Я проверил вычисления Ангелова, ошибки в них не нашел, но остался

при своем мнении. Ничего страшного, если мы лишний день просидим в боекостюмах. Мы с ним добродушно спорили, царапая реплики на снегу.

Шесть дней спустя я опустил руку на выключатель генератора. Что нас ждет снаружи? Бомбы уничтожили всех тельциан поблизости, но они могли оставить где-нибудь резерв. Теперь они терпеливо ждут у гребня кратера. Правда, мы уже зондировали обстановку с помощью палицы, она возвращалась обратно целой и невредимой.

Я велел людям рассыпаться по всей площади купола, чтобы они не накрыли на с одним выстрелом. Потом, готовый снова включить поле в случае опасности, я повернул выключатель.

Глава 8

Коммуникатор у меня был включен по-прежнему на общую частоту, и после недели тишины меня оглушило счастливое тарахтенье в телефонах.

Мы стояли в центре кратера почти километровой ширины и глубины. Стены его покрывала сверкающая белая корка, местами ее пересекали красные трещины. Было горячо, но в пределах безопасности. Полушарие грунта, входившее в

сферу поля, погрузилось в дно кратера метров на сорок. Теперь мы стояли на своего рода пьедестале.

Нигде не было следа тельциан.

Мы бросились в шлюпку, задраили люки, наполнили кораблик прохладным воздухом и расстегнули боекостюмы. Я не стал требовать первой очереди на посещение единственного душа. Просто сидел на противоперегрузочной койке и дышал чистым воздухом, который не отдавал регенерированным выдохом Манделлы.

Корабль был рассчитан максимум на двенадцать человек, поэтому мы по очереди выходили наружу, чтобы не перегружать систему жизнеобеспечения. Я посылал сообщения второму штурмовику, который был все еще в шести неделях пути. Сообщалось, что мы находимся в хорошей форме и ждем, чтобы нас подобрали. Я знал, что у него найдется семь свободных мест, обычно боевой экипаж составляет три человека. Хорошо было снова ходить и разговаривать. Я приказал оставить всю армейскую рутину до прибытия на Старгейт. Несколько человек из выживших были раньше в команде Брилл, но они не выказывали никакой враждебности по моему адресу.

Мы придумали грустную игру, называемую ностальгия,— сравнивали родные эпохи и пытались представить, какой будет Земля через 700 лет после нашего отбытия, когда мы наконец туда доберемся. Никто не упомянул факта, что нам дадут в лучшем случае несколько месяцев передышки, а потом — новый оборот колеса. Мы будем назначены в новые ударные группы.

Колесо. Чарли в один из дней спросил, из какой я страны, моя фамилия казалась ему очень странной. Я сказал, что происходит она от отсутствия словаря под рукой, и, если бы ее написали правильно, она показалась бы ему еще более странной.

Я убил добрые полчаса, объясняя ему все детали. Родители мои, стало быть, принадлежали к числу хиппи (нечто вроде субкультуры, существовавшей в Америке второй половины двадцатого века, не признававшей материализма и основанной на множестве экзотических учений) и жили с другими хиппи в сельской коммуне. Когда мать забеременела, они, естественно, и не подумали пожениться — это повлекло бы изменение фамилии женщины на фамилию мужа, подразумевая, что она становится якобы его собственностью. Они решили оба изменить фамилию на одну.

Они поехали в ближайший город и всю дорогу спорили, какое имя лучшим образом будет символизировать связывавшую их любовь,— я едва не получил куда более краткую фамилию,— и остановились на Манделле. Манделла — это такой знак вроде колеса, его хиппи заимствовали у одной заграничной религии, означал он вселенную, вселенский разум, Бога или все, что им было угодно. Ни мать, ни отец не знали, как это слово правильно пишется. Чиновник магистрата написал его так, как ему послышалось.

Назвали меня Уильямом в честь богатого дядюшки, который, к несчастью, не оставил после смерти ни цента.

Шесть недель миновали в приятном времяпрепровождении — чтение, отдых, разговоры. Потом рядом опустился второй корабль. У него было девять свободных мест. Мы разделили людей таким образом, чтобы на каждом корабле имелся специалист на случай, если подведет заложенная в компьютер программа возвращения на Старгейт. Я перевелся на второй корабль, надеясь, что там найдутся новые книги. А их там не оказалось.

Мы залезли в резервуары и одновременно покинули планету.

Чтобы не надоедать друг другу в переполнен-

ных шлюпках, мы много времени проводили в резервуарах. Добавочное время ускорения помогло нам добраться до Старгейта за десять месяцев бортового времени. Для стороннего наблюдателя это составляло 340 лет (минус семь месяцев).

На орбите вокруг Старгейта кружились сотни крейсеров. Плохо дело: могут не дать нам отпуска вообще.

Я опасался, что, скорее всего, попаду под трибунал. Я потерял 88 процентов людей, многих потому, что они мало мне доверяли и не подчинились прямому приказу во время землетрясения. И на Сад-138 мы успеха не добились — там по-прежнему не было ни тельциан, ни базы.

Мы получили разрешение на посадку и пошли непосредственно вниз, без пересадки. Еще один сюрприз — на посадочном поле стояло несколько десятков наших крейсеров (раньше этого никогда не делали, опасаясь нападения на Старгейт) и два пленных тельцианских крейсера. Нам никогда не удавалось до сих пор взять один целиком.

Семь столетий могли принести нам решающее преимущество. Возможно, мы побеждали.

Над воздушным шлюзом имелась надпись «Для вновь прибывшего состава». Когда давление воздуха достигло нормы и мы раскрыли костюмы,

очень красивая женщина вкатила тележку с одеждой, предложила нам на идеальном английском одеваться и следовать в лекционный зал по коридору и налево.

Одежда была странная, почти невесомая, но теплая. Я почти год не носил ничего, кроме боекостюма.

Зал для лекций был метров на сто, слишком большой для нашей группки в двадцать два человека. Та же самая женщина попросила нас садиться поближе. Что-то не клеилось. Я готов был поклясться, что она пошла по коридору в другую сторону — я это точно знал, потому никак не мог оторваться от этого зрелища.

Черт, наверное, у них появились передатчики материи. И она решила сэкономить несколько секунд.

Через минуту вошел мужчина, на нем была такая же простая, без украшений, куртка, как и на всех, включая женщину. Он поднялся на сцену, в каждой руке у него была пачка толстых тетрадей. За ним шла женщина, она тоже несла тетради.

Потом я обернулся, и женщина по-прежнему стояла в проходе. К тому же мужчина явно был их брат-близнец.

Мужчина полистал одну из тетрадей и кашля-

нул, прочищая горло.

— Эти книжки — для вашего удобства,— сказал он, тоже с идеальным акцентом. — Если не хотите, то можете их не читать. Вы теперь можете делать то, что хотите... Потому что вы теперь свободные люди. Война кончилась.

Все молчали — никто не верил.

— Как вы узнаете из этих книг, война кончилась двести двадцать один год тому назад. Соответственно сейчас двести двадцатый год. По старому стилю — три тысячи сто тридцать восьмой от Рождества Христова.

— Вы последняя группа возвращающихся солдат. Когда вы покинете базу, я ее тоже покину. Сейчас это только место встречи возвращающихся солдат, а также памятник человеческой глупости. И позора. Обо всем сказано в книгах.

Он замолчал, и без паузы начала говорить женщина:

— Мне очень больно за вас всех, я понимаю, сквозь что вы прошли, и мне хотелось бы сказать вам, что жертвы были не напрасны, но, как вы прочтете, это не так.

Даже накопившаяся за века ваша оплата не имеет теперь цены, так как я больше не пользуюсь деньгами или чеками. Не существует даже

такая система экономики... где используют эти вещи.

— Как вы уже, наверное, догадались,— снова заговорил мужчина,— я, мы — клоны одной индивидуальности, одного отдельного человека, примерно двести пятьдесят лет назад меня звали Кан. Теперь меня зовут Человек.

В вашей группе находился мой прямой предок, капрал Ларри Кан. Мне очень грустно, что он не вернулся.

Другие люди больше не производятся, потому что я — идеальный генетический образец.

— Меня составляют более миллиарда отдельных индивидов, но я одно сознание,— сказала она.— Позже я постараюсь объяснить подробней, пока это затруднительно.

Но на некоторых планетах люди по-прежнему рождаются старым естественным путем. Если мое общество покажется вам слишком непривычным и чужим, вы можете отправиться на одну из таких планет. Многие ветераны просили меня изменить их сексуальную полярность, чтобы они могли войти в общество на этих планетах. Это можно сделать очень легко.

Ладно, Человек, об этом не волнуйся, выдай только мне билет.

— Я приглашаю вас быть моими гостями здесь, на Стар-гейте, десять дней, после чего вас доставят в любое место по вашему выбору,— сказал он.— Пожалуйста, познакомьтесь с этой книгой. Можете задавать любые вопросы и просить о любых услугах.— Они встали и покинули сцену.

Рядом со мной сидел Чарли.

— Я не верю,— сказал он.— Они разрешают... поощряют... мужчин и женщин делать это? Друг с другом?!

Человек-женщина, стоявшая в проходе позади нас, ответила прежде, чем я придумал в разумной степени уклончивый ответ:

— Я не хочу осуждать ваше общество,— сказала она,— но я думаю, что это необходимая предохранительная мера. Если что-то случится с нашим генетическим образцом или вообще клонирование окажется ошибкой, то у человечества сохранится богатый выбор новых генетических матриц, чтобы начать все сначала.

Она похлопала его по плечу.

— Конечно, вам не обязательно отправляться на эти планеты. Оставайтесь у меня — я не делаю различий между способами половой игры.

Она поднялась на сцену и долго рассказывала нам, где мы будем жить, питаться и так далее,

находясь на Старгейте.

— Компьютер меня еще в жизни не соблазнял,— пробормотал Чарли.

Война, длившаяся 1143 года, началась без какого-то реального повода и продолжалась только потому, что две расы не могли общаться друг с другом.

Едва такая возможность возникла, первым вопросом было: «Зачем вы это начали?» И вторая сторона ответила: «Я?»

Цивилизация тельциан тысячелетия тому назад покончила с понятием войны, и человечество тоже к двадцать первому веку, казалось, начало перерастать этот институт. Но старые вояки еще жили, и многие из них находились у власти. Они управляли и Группой Исследования и Колонизации при ООН, которая начала только-только использовать преимущества недавно открытого коллапсарного прыжка. Многие из первых кораблей не возвращались назад. Бывшие генералы начали подозревать недоброе. Они вооружили корабли колонистов и, едва встретив корабль тельциан, уничтожили его.

После этого они отряхнули пыль с медалей и орденов. Все остальное — наша история. Виноваты не только военные. Доказательства виновности

тельциан в исчезновении первых кораблей были до смешного неубедительны. Некоторые люди обращали внимание на этот факт, но их игнорировали.

Война требовалась земной экономике — вот в чем дело, и такая война была бы идеальной. Она давала возможность вкладывать кучи денег, но одновременно объединяла человечество, а не разделяла.

Тельцианам пришлось заною учиться воевать. Хорошими солдатами они так и не стали и в конце концов проиграли бы войну, наверное. Тельциане не могли найти общий язык с людьми, говорилось в книжке, потому что они вообще не имели понятия отдельной личности. Миллионы лет они были натуральными клонами. Когда в экипажи крейсеров Земли вошли Кан-клоны, расы наконец вступили в контакт.

В книге это давалось как готовый факт. Я спросил Человека, как объяснить особенность коммуникации клона и «лона», и он сказал, что я априорно не в состоянии усвоить концепцию. Для этого нет понятий в моем языке, а если бы и нашлись понятия, мой мозг не справился бы с идеей.

Ну и ладно. Я не был удовлетворен, но готов по-

верить. Пусть белое будет хоть черным, главное — войне конец.

Человек оказался весьма гостеприимным хозяином. Только для нашей группы был устроен небольшой ресторан-таверна, где подавали еду круглые сутки. Я не видал, чтобы Человек ел или пил — наверное, он изобрел новый способ питания. Однажды вечером я сидел в ресторане, пил пиво и читал выданную нам книгу.

— Я решил попробовать,— сказал Чарли без предисловий.

— Что именно?

— Женщину,— Он вздрогнул.— Только без обиды... но меня что-то не слишком тянет. Но иначе... А ты уже пробовал?

— Э-э... нет, пока.— Женские клоны казались чем-то вроде прекрасной статуи или картины, я просто не мог представить, что это живые люди.

— Правильно.— Он не стал вдаваться в подробности.— Кроме того, она... он... оно... говорит, что можно будет переделать все обратно, если мне не понравится.

— Понравится, Чарли, вот посмотришь.

— Ну да, они тоже так говорят.— Он заказал стаканчик крепкого.— Просто это так неестественно... Но поскольку я решил повернуть

переключатель... почему бы нам не отправиться на одну планету?

— Конечно, Чарли, великолепная мысль.— И я не шутил.— А ты уже выбрал название?

— Черт, мне все равно, лишь бы подальше отсюда.

— Интересно, как там сейчас на Небесах?

— Нет.— Чарли ткнул пальцем в сторону бармена.— Он там тоже живет.

— Тогда не знаю, нужно посмотреть список.

В таверну вошел человек, толкая тележку, груженную папками.

— Майор Манделла? Капитан Мур?

— Это мы,— сказал Чарли.

— Вот ваши послужные списки. Думаю, вам будет интересно их посмотреть. Их перепечатали на бумагу, когда из невернувшихся осталась только одна ваша группа. Чтобы не загружать информационную сеть.

Как всегда, он предугадал вопрос, даже если я и не думал задавать его.

Моя папка была раз в пять толще, чем у Чарли. Наверное, самая толстая вообще, потому что я, кажется, единственный, кто прошел всю войну. Бедная Мэригей. Интересно, что там настрочил про меня собака Скотт? Я раскрыл папку на пер-

вой странице.

К первой странице была прикреплена маленькая карточка. Она уже пожелтела, и углы у нее раскрошились.

Почерк был знакомый, очень знакомый, несмотря на время. Дата на записке была 250-летней давности. Я вздрогнул, и глаза вдруг застлали слезы. Не было причины подозревать, что она жива. Но я не знал наверняка, что она уже мертва, пока не увидел эту дату.

— Уильям, что с тобой?

— Оставь меня, Чарли, на минутку.— Я вытер слезы и закрыл папку. Не стоило даже читать проклятую записку.

Пусть призрак прошлой жизни останется позади.

Но письмо из могилы — тоже все-таки письмо. Я снова раскрыл папку.

«11 октября 2878 г.

Уильям!

Все это будет в твоем досье, но ты можешь в него и не заглянуть, поэтому я позаботилась, чтобы ты узнал.

Я жива, как видишь. Может, и ты вернешься. Найди тогда меня.

Я знаю, что ты у Сад-138 и не вернешься еще

лет двести. Это не беда. Я лечу на планету под названием Средний Палец, это пятая планета системы Мицара. Два коллапсарных прыжка, десять месяцев субъективного времени. Средний Палец — это что-то вроде Ковентри для гетеросексуалов.

Не важно. Мы, я и еще пятеро "стариков", сложили наши накопления и купили у ИСООН крейсер. Мы используем его как машину времени. Итак, я в субсветовом челноке и жду тебя. Челнок уходит на пять световых лет от Среднего Пальца и возвращается обратно. Очень быстро. За десять лет я старею на месяц. Если ты вернешься в срок, мне будет всего двадцать восемь. Поспеши!

Мне никто не нужен, кроме тебя. И мне все равно, девяносто тебе лет или тридцать. Если я не смогу быть тебе женой, я буду твоей сиделкой.

Мэригей».

— Бармен, простите, на минутку...

— Слушаю вас, майор.

— Вы знаете такое название — Средний Палец? Планета еще существует?

— Конечно, куда же она денется? — Логичный вопрос.— Очень приятное место. Планета-сад. Некоторые считают, что там скучновато.

— А зачем ты спрашиваешь? — поинтересо-

вался Чарли. Я протянул бармену свой пустой стакан.

— Я понял, куда мы с тобой полетим.

Эпилог

«Нью войс». Центрус. Средний Палец, 24-6 11.02.3143 «Первый ребенок в семье ветеранов» «...В прошлую пятницу у Мэригей Поттер-Манделла родился первенец (мальчик, вес 3,0 кг).

Считается, что Мэригей — второй старейший житель Среднего Пальца. Она родилась в 1977 году. Она прошла почти сквозь всю Вечную войну и еще 261 год ждала своего мужа, находясь в субсветовом челноке.

Ребенка, имя которому родители еще не дали, помогала принимать на дому друг семьи Поттеров-Манделла доктор Диана Алсевер-Мур».

Сепаратная война
© Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер

Глава 1

Наши раны были ужасны, но армия залечила их и отправила нас на Небеса на побывку. Ну и вручила кругленькую сумму, чтобы мы там не скучали особо.

Самый дорогой и трудно заменяемый компонент боевого скафандра — это солдат, который находится в нем, а потому если он изувечен так, что уже не может продолжать бой, то скафандр старается спасти то, что от этого солдата осталось. В случае Уильяма скафандр автоматически ампутировал раздробленную ногу и перевязал обрубок. В моем случае это была правая рука, отрезанная чуть выше локтя. Говорят, что для женщин лучше терять руку, чем ногу. Как они это определили — это уж их трудности.

А вот что действительно удивительно, так это то, что ампутации нам были сделаны одновременно, а это значило — мы будем вместе.

Дело было во время кампании на Тет-2, которая окончилась полной неудачей, и мы с Уильямом провалялись, накачанные наркотой до ушей, тогда как другие ребята погибали кто как мог во время разгрома на Альфе-7. В результате этих

двух сражений из всею отряда пятьдесят два были убиты, тридцать семь стали калеками, двое повредились в уме, и лишь двенадцать кое-как держались в строю и продолжали, стало быть, пылать чистым энтузиазмом.

Двенадцать для продолжения боевой операции, к сожалению, маловато, а потому наш корабль «Кровь и победа» получил приказ лететь к госпитальной планете Небеса.

Чтобы добраться до Небес, времени надо немало — целых три гиперпространственных прыжка. При одном прыжке тауриане еше могут надеяться вас перехватить, если, конечно, находятся в нужном месте и в нужное время. При двух прыжках это практически невозможно, а при трех — этого просто не может быть никогда.

(Слова «не может быть никогда» на самом деле, возможно, являются своего рода амулетом, отводящим несчастья. Из-за релятивистских искажений, вызываемых переходом через гиперпространство, встретив противника, вы никогда не знаете, откуда он: из вашего собственного времени, из будущего или из прошлого, отделенных от вас целыми столетиями. Вполне возможно, что через парочку тысячелетий враги уже сумеют отслеживать наши корабли на протяжении

даже трех гиперпространственных прыжков, так сказать, по оставленным «отпечаткам следов». И в этом случае они перво-наперво разнесут в пыль Небеса. А потом и Землю.)

Небеса как две капли воды похожа на Землю, только не изуродованную человеческой созидательной деятельностью и человеческой же алчностью. Первобытные леса, луга, горы. Но в определенном смысле это памятник человеческой предприимчивости. И даже алчности.

Когда вы поправитесь (тут нет места слову «если», ибо вы не попали бы сюда, если б у врачей не было полной уверенности, что вас починят), вы снова окажетесь в рядах армии, но только сказочно богатым. Ведь даже жалованье рядового и то превращается в огромное состояние, ибо оно автоматически растет в течение всех тех столетий, которые отделяют одно сражение от другого. Одна из функций Небес заключается в том, чтобы вернуть эти миллионы обратно в экономику. Поэтому тут нет конца всяческим развлечениям, и все они чертовски дороги.

Когда мы с Уильямом выписались, нам дали шесть месяцев «на поправку и отдых на Небесах». Фактически же я вышла из госпиталя двумя днями раньше Уильяма и болталась поблизости,

занимаясь преимущественно чтением.

Тут все еще существуют книги, предназначенные для тех старомодных солдат, которые не хотят бросаться с головой в приключения или погружаться в экстаз по цене нескольких тысяч долларов за минуту. Пока я тут томилась в ожидании Уильяма, мои карманы оттягивали 529 755 012 долларов, поэтому я вполне могла бы погрузиться в море наслаждений, даруемых бесконечным разнообразием наркоты. Но мне говорили, что этого удовольствия я хлебну с избытком, когда буду заниматься тренировкой перед следующим назначением. Эта штуковина называется КМЖС — компьютерное моделирование жизненных ситуаций. Здесь вас обучают множеству вещей, заставляя справляться с ними в виртуальной реальности. И все это повторяется снова, снова, снова и снова, пока вы не наловчитесь справляться с трудностями без промаха.

Уильям имел денег раза в полтора больше, чем я, поскольку по стажу обгонял меня на несколько столетий, но я болталась у госпиталя вовсе не для того, чтобы запустить когти в его богатство. Думаю, что ждала бы его даже в том случае, если б не любила безумно. Ведь мы двое были тут единственными людьми, которые родились

еще в двадцатом веке. Даже из двадцать первого века и то почти никого не было. Причем из них лишь очень немногие в свободное от службы время говорили на понятном мне языке, хотя, как и все солдаты, они владели так называемым до-модерновым английским, который служил в армии своего рода «lingua franca»[5]. Кое-кто даже называл свой родной язык английским, но слова произносились с бешеной скоростью, и мне казалось, что на бегу они теряли большую часть своих гласных. Неужели же отцам-пилигримам[6] мое произношение тоже показалось бы странным? Разрешите усомниться.

(А любопытно было бы притащить сюда одного из этих отцов-пилигримов и показать ему, куда эволюционировало общество от их мрачной религиозности и тупого трудолюбия! Религии на нынешней Земле — анахронизм и встречаются еще реже, чем гетерогенный секс. На Небесах же вообще отсутствует понятие Бога, а на мужчин и женщин, которые влюбляются в лиц противо-

---

[5] Примечания: 5

Lingua franca — распространенный жаргон, составленный из слов, относящихся к различным языкам Средиземноморья. *(Примеч. пер.)*

[6] Примечания: 6

Отцы-пилигримы — группа английских пуритан, основавших в 1620 году первую английскую колонию на территории будущих штатов Новой Англии. *(Примеч. пер.)*

положного пола или занимаются с ними сексом, глазеют как на подверженных архаичным извращениям.)

Еще до выписки Уильяма из госпиталя я успела заказать в Скае (это такой плавающий над поверхностью планеты курорт) роскошный номер для новобрачных, и там мы с ним провели невылазно почти пять суток, вполне архаично наслаждаясь друг другом. Потом мы арендовали флаер и отправились знакомиться с этим миром.

Уильям охотно подчинился моему желанию изучить физические или, если угодно, дикие аспекты жизни планеты. Мы разбивали бивак в пустынях, в джунглях, в арктических тундрах, на горных вершинах и необитаемых островах. У нас были приборы, формирующие защитные силовые поля, которые отпугивали диких зверей, но позволяли наблюдать за ними с близкого расстояния. А фауна в это время отчаянно пыталась понять, что за штуковина мешает ей добраться до вкусного завтрака. Надо сказать, что эти зверюги были вполне впечатляющие — здешняя эволюция не привела к полной победе млекопитающих над рептилиями, и оба класса создали немало колоссальных и стремительных хищников, характеризующихся бесконечным разнообразием

то очаровательных, то крайне устрашающих форм.

Потом мы пустились в путешествие по городам, которые различались лишь немного меньше, чем местная живность. Некоторые, подобные затерянному в сельве Тресхолду, где мы отращивали и упражняли свои новые конечности, очень гармонировали с окружающей их природой. Эстетически они соответствовали вкусам двадцать второго столетия, но на современный взгляд казались слишком уж спокойными и незатейливыми. Новейшие города типа Ская создавали свою неповторимость искусственно.

Мы оба чувствовали себя не слишком уютно в Атлантисе, под давящей тяжестью километровой толщи воды, где огромные светящиеся чудовища с разгона кидались на силовые поля, причем делали это безостановочно круглые сутки — и в темные дни, и в еще белее темные ночи. Возможно, это было излишне точное метафизическое олицетворение нашей жизни в армии: тоненькая броня крейсеров и боевых скафандров, сдерживающих напор темной пустоты и невидимых чудовищ, стремящихся всеми силами добраться до нас.

У подавляющего большинства здешних городов

была лишь одна функция: освободить карманы солдат от их денежек, так что вне зависимости от имевшихся различий во внешности по своей внутренней сути эти города были совершенно одинаковы. Накачивайся наркотой, обжирайся, лакай спиртягу, торчи, занимайся сексом или любуйся, как им занимаются другие.

Секс казался мне куда более завлекательным, чем Уильяму. Ему претило зрелище гомиков. Мне же представлялось, что их действия не так уж разительно отличаются от того, чем занимались мы с Уильямом. В то же время наши взгляды не столь сильно расходились, чтобы стоило накачиваться специальной эротической наркотой, а потом подключаться к машине, которая доставит тебе прямо в постель образ идеального партнера да утром еще уберет не слишком аппетитные следы вашего времяпрепровождения.

И все же Уильям пошел со мной на лесбиянское шоу, после которого с неожиданной страстью занимался со мной любовью. Мне показалось, что тут имело место что-то большее, чем искусственное возбуждение, и что он пытался доказать мне нечто очень важное. Мы долго поддразнивали друг друга: «Я буду Тарзаном, а ты — Джейн» или «Я — Тарзан, а ты — Хитчклифф». И никто, кроме

нас, в этом мире не смог бы понять, чему мы так весело смеемся.

Проституция тоже обзавелась кое-какими новшествами, например наркотиками, благодаря которым между клиентом и подателем сексуальных услуг возникали на время контакта очень глубокие эмоциональные связи. Они прекращались одновременно с прекращением действия наркоты. Думаю, это новшество возникло в результате необходимости конкурировать с электронными средствами сексуального возбуждения.

Мы оба решили, что не станем пользоваться такими наркотиками, хотя я и испытывала некоторое любопытство, так что наверняка попробовала бы, будь я одна. Уверена, Уильям на это дело не пошел бы, так как это психотропное средство не действует при контактах мужчин с женщинами. Во всяком случае, нам так намекнули, при этом стыдливо отводя глаза. Подумать только!

Вот и пролетели шесть месяцев спокойной близости, перемежавшейся взрывами дикой и иногда даже какой-то отчаянной погони за удовольствиями. У нас еще оставалась куча денег, когда внезапно все кончилось. Мы как раз зав-

тракали в одном из элегантных ресторанчиков Ская, любуясь, как вспыхивают солнечные блики на спокойной поверхности океана почти под самыми нашими ногами, когда в зал вошел солдат, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, отдал нам честь и вручил запечатанные конверты с новыми назначениями.

Нас направляли в разные места! Уильям получил назначение на Сад-138, что вблизи черной дыры в Магеллановом Облаке. Меня же загнали на Альфу-10 в созвездии Орион.

Уильям получил звание майора и должность командира подразделения Йод-4 спецназа, а я стала капитаном, помощником командира на Альфе-10 по административной части.

То, что с нами случилось, казалось чем-то совершенно нереальным, даже сюрреалистическим, а главное — глупым и несправедливым. Мы были вместе с самого начала — пять лет или полтысячелетия, причем ни я, ни он не принадлежали к тому типу, из которого получаются лидеры. Даже хорошими рядовыми нас и то назвать было трудновато! Уж на этот-то счет у армии хватало доказательств! И тем не менее Уильяму предстояло вылететь через неделю на Старгейт и стать командиром множества мужчин и женщин, то-

гда как мой отряд спецназа должен был прибыть на орбиту вокруг Небес для доукомплектования и переобучения. И там мне тоже предстояло стать лидером!

Мы с ним тут же вылетели в Тресхолд, находившийся от нас чуть ли не на другом полушарии, и прибыли туда как раз к началу работы отдела кадров. Уильям пустился во все тяжкие, включая угрозы и подкуп, чтобы проникнуть к начальству и добиться, на худой конец, моего перевода помощником по административной части в его собственный отряд. В самом деле — какая разница, ведь все равно многие из тех людей, кем ему суждено начать командовать в Старгейте, еще даже не родились на свет!

Но логика к этому делу отношения не имела. Все упиралось в чисто протокольный вопрос. А ни одна армия в мире еще не упиралась рогами в протокол так упрямо, как наша. Да и тот, кто эти назначения подписал, вполне возможно, еще не успел родиться, а может быть, уже благополучно скончался.

Та последняя ночь, которую мы провели вместе, честно говоря, оказалась довольно паршивой. Мы долго ломали голову, а не сбежать ли нам: планету мы знали прилично, деньги у нас еще

оставались. Только планета эта все равно принадлежала армии. Ни в одном городе мы бы не чувствовали себя в безопасности, а заберись мы в дебри, нас бы там быстренько обнаружили — ведь существовать в джунглях без защитных полей нельзя, а отыскать их с воздуха — плевое дело.

Дезертиров, разумеется, приговаривают к смертной казни, и мы долго обсуждали шанс покончить жизнь таким странным способом, превратив двойное самоубийство в знак протеста и неповиновения. Но нам претила даже мысль отдать свои жизни этой армии без сопротивления. Уж лучше швырнуть их в рожу таурианам!

Наконец, измученные разговорами, гневом и слезами, мы провели остаток ночи и начало утра в любовных объятиях. Мне хочется надеяться, что таким способом нам все же удалось поддержать друг друга.

Когда Уильям проводил меня до дезинфекционного отсека за три часа до отлета, мы глядели друг на друга с тем чувством, с которым смотрят близкие люди на своих дорогих усопших. Ни один поэт из тех, кто живописал подобные прощания, не мог и вообразить, что врата Смерти способны захлопываться столь плотно и безнадежно. Ведь даже в том случае, если бы мы оба отправились,

скажем, на Землю с разрывом в несколько дней, то геометрия гиперпространственных прыжков такова, что наше прибытие туда состоялось бы с промежутком, равным десяткам, а может, и сотням лет!

А тут-то речь шла вовсе не о Земле. Между Сад-138 и Альфой-10 лежит пространство 150 000 световых лет. Говорят, что абсолютный масштаб расстояний ничего не значит в геометрии гиперпространственных прыжков, осуществляемых через черные дыры. Но если бы Уильям погиб во время обстрела нова-бомбами, то крохотная искорка Света, знаменующая его уход, тащилась бы через Вселенную пятнадцать тысяч столетий, прежде чем достигла Ориона или Земли. Такие масштабы расстояний и такие масштабы времени даже и представить-то невозможно.

Космопорт Небес, разумеется, расположен на экваторе, на острове, который тут называют Прощ, что значит Прощание. Это высокая скала с искусственно выровненной вершиной. Она торчит над лежащим к востоку заливом, где еще так недавно мы с Уильямом проводили ленивые дни, постясь и предаваясь медитации.

Уильям сказал, что вернется туда и поглядит на взлет челнока. Я же надеялась, что сяду у иллю-

минатора и увижу хотя бы остров.

Мне и в самом деле удалось добраться до окна, хотя нас и набилось в челнок, что сардин в банку. Но с уровня моря скалу не увидать, а когда двигатели взвыли и невидимая мощь вжала меня в подушки, глаза наполнились слезами, а на то, чтобы их вытереть, сил уже не осталось.

Глава 2

К счастью, у меня получилась шестичасовая передышка между посадкой на космической станции «Афина» и временем начала тренировки КМЖС. Этого должно было хватить на приведение в порядок нервишек, особенно ежели прибегнуть к помощи парочки успокоительных «колес». Я отправилась в свой крохотный бокс, достала и проглотила пилюли, а потом просто спокойно полежала на койке. Затем отыскала кают-компанию и долго любовалась вращающейся внизу планетой — зеленой, белой и голубой. На орбите совсем рядом с нами болталось еще одиннадцать кораблей, среди которых был один большой крейсер, надо думать, тот самый «Боливар», который доставит меня к Альфе-10.

Кают-компания была большая и почти пустая. Еще две женщины в незнакомой мне бежевой форме (предположительно из команды станции) сидели за столиком и болтали на странном, очень быстром языке «ангелочков». Я прислушивалась к ним, но мозг работал медленно и явно не поспевал за их беседой.

Пока я получала кофе, в зал вошел мужик,

одетый в зеленовато-коричневый камуфляж, точно такой, как у меня. В этой уютной комнате, выдержанной в «земных» тонах и обитой деревянными панелями, наши камуфляжи, как и камуфляжи женщин, не слишком-то годились для мимикрии.

Мужчина подошел ко мне и тоже взял чашку кофе.

— Вы капитан Поттер? Мэригей Поттер?

— Угадали. Вы с Беты?

— Нет, я работаю на станции, хотя и служу в армии.— Он протянул мне руку,— Майкл Даби. Можно и просто Майк. Полковник. Я ваш временный начальник, ответственный за переориентацию.

Мы отнесли наши чашки к столику.

— Вы, я полагаю, должны помочь мне понять расклад будущего, исходя из современного настоящего?

Он кивнул.

— Подготовить вас к взаимодействию с людьми, которыми вы будете командовать, а также с другими офицерами.

— К чему я никак не могу привыкнуть, так это к мысли, что буду кем-то командовать. Я ведь не солдат, полковник.

— Майк. На самом деле вы солдат куда лучший, нежели считаете. Я видел и ваше личное дело, и ваши психологические профили. Вы участвовали во многих схватках и все же умудрились сохранить здоровую психику. Даже те ужасные события на Земле и то не сумели сломать вас.

(Мы с Уильямом гостили на ферме моих родителей, когда на нее напали какие-то подонки. Они убили маму и отца.)

— Разве это есть в моем личном деле? Ведь тогда я уже не была солдатом, Мы оба уволились.

— Ну, там много чего есть.— Он поднес к губам свою чашку, продолжая внимательно всматриваться в меня поверх края чашки.— Не желаете ли узнать, что думал о вас ваш классный наставник в школе?

— Ну вы и тип, однако!

— Это в ваше время так говорили. Теперь говорят «тифус».

Я рассмеялась.

— Похоже на название болезни.

— А это и есть болезнь — Он вытащил из кармана говорящую записную книжку.— Последний раз вы были на Земле в две тысячи седьмом году. Вам там так не понравилось, что вы вторично завербовались в армию.

— А теперь там стало получше?

— Было хуже, потом лучше, потом еще лучше. Как всегда. Когда я отбыл оттуда в две тысячи триста восемнадцатом году, атмосфера была, во всяком случае, более миролюбивой.

— Тоже завербовались по новой?

— Только не совсем так, как сделали это вы. Я ведь еще десятилетним мальчонкой знал, кем буду. Теперь, впрочем, такое известно всем.

— Как? Вы уже тогда знали, что будете временным офицером по переориентации?

— Ага.— Он улыбнулся.— Я точно не знал, что это за штуковина такая, но ненавидел это дело сильнее, чем дьявол — ладан. Мне ведь пришлось пойти в специальную школу, чтобы овладеть языком — солдатским жаргоном. Причем у меня на это ушло целых четыре года — вдвое больше, чем у большинства солдат.

Думаю, что на Земле сейчас расквартировано куда больше наших войск. Конечно, усилен контроль над населением, но и жизнь стала безопаснее. Преступность и анархия, столь характерные для вашего времени, теперь стали достоянием истории. Большинство людей живут счастливой, наполненной жизнью.

— Гомосексуалы. Семей-то нет!

— О, у нас есть и семьи, и родители, только семьи складываются не наугад, не по воле случая. Чтобы сделать численность населения Земли стабильной, как только один человек умирает, его место тут же занимает продукт ускоренного созревания. Новорожденного отдают паре, члены которой выросли вместе и с самого детства знали, что они наделены талантом воспитания детей. Каждой такой паре разрешается брать на воспитание до четырех ребятишек.

— «Продукт ускоренного созревания» это что — дети из пробирки?

— Из инкубаторов. Никакой родовой травмы. Никакой неуверенности по части будущей судьбы. В армию теперь поступает исключительно разумное и трезвое пополнение.

— Ну и как же оно отнесется ко мне? Не будут ли эти люди недовольны тем, что им отдает приказания гетеросексуальная деревенщина? Так сказать, динозавр?

— Они изучали историю. Они не станут обвинять вас в том, что вы такая, какая есть. Но если вы попробуете вступить в сексуальную связь с одним из мужчин, могут начаться неприятности.

Я покачала головой:

— Этого не случится. Единственный мужчина,

которого я люблю, потерян для меня навеки.

Майк уставился в пол и прочистил горло. Неужели этот профессионал и в самом деле способен испытывать смущение?

— Уильям Манделла... Как бы мне хотелось, чтобы они этого не делали... чтобы обошлись без ненужной жестокости.

— Мы надеялись изменить назначение и прикомандировать меня к его подразделению.

— Из этого не вышло бы ничего хорошего. Парадокс, но куда денешься.— Майк двигал кофейную чашку, следя за игрой отражающихся на покрытии стола зайчиков.— Вы оба слишком долго пробыли рядовыми. И объективно, и субъективно. Так что начальство было просто вынуждено дать вам обоим офицерские звания. Но отдать вас под команду Уильяма было невозможно. Даже отбросив в сторону проблему гетеросексуальности, он все равно заботился бы о вашей безопасности больше, нежели о выполнении своего задания. Солдаты заметили бы это, и такая ситуация им определенно пришлась бы не по душе.

— А в вашем великолепном новом мире такого никогда не случается? Неужели ваши командиры не влюбляются в своих подчиненных?

— Конечно, такое случается. Бывает и у гетеро,

бывает и у гомо. На то она и любовь. Их разлучают, иногда даже наказывают, но чаще дело ограничивается выговором.— Майк жестом отмел в сторону эту дискуссию.— Все это теория. Если нет шума и грязи, то кому какое дело. Но в вашем с Уильямом случае ситуация могла бы стать источником постоянного раздражения.

— Большинство ваших солдат, как я понимаю, никогда в глаза не видывали гетеросексуалов?

— Никто не видел. Этот порок определяется еще в детстве и легко поддается излечению.

— Поразительно! Может, вы и меня полечите?

— Нет. Боюсь, это делается только в детском возрасте.— Майк расхохотался.— Извините, я не понял, что вы меня просто разыгрываете.

— А вы не думаете, что моя гетеросексуальность подорвет мой командирский авторитет?

— Нет. Как я уже говорил, солдаты знают, какими люди были раньше. Кроме того, подразумевается, что рядовым не положено анализировать чувства своих офицеров. Их дело маленькое — выполняй приказ. И еще им известно про КМЖС, и они скоро поймут, как великолепно вы подготовлены.

— Но я ведь не вхожу в число офицеров, которым положено брать на себя командные

функции. Я же административный состав.

— Однако если все, кто стоит над вами, будут убиты... Такое, знаете, тоже бывает.

— Вот тогда-то армия и поймет, какого маху она дала. Только поздно будет.

— Сами убедитесь, во что вы превратитесь после КМЖС.— Майк поглядел на часы.— А оно начнется уже через пару часов.

— Не угодно ли вам перед этим поужинать со мной?

— Хм... Нет. Я предполагаю, что ужинать вам не захочется. Перед КМЖС вас основательно прочистят. Так сказать, с обоих концов.

— Звучит впечатляюще.

— Это всех впечатляет. Кое-кому даже нравится.

— Вы меня к числу таких не относите?

Майк помолчал.

— Давайте об этом поговорим потом, когда все будет уже позади.

Глава 3

Сама прочистка оказалась не таким уж ужасным испытанием, поскольку еще до того, как она завершилась, меня успели накачать успокоительной наркотой. Так что я пошевелиться не могла — лежала, как бревно с глазами. Меня побрили, да так, что я стала совсем как новорожденная. Побрили и руки, и ноги. И только начали крепить на мне кучу всяких датчиков, как я ушла в отключку.

Когда же очнулась, то была голой и куда-то мчалась изо всех сил. Толпа таких же голых людей неслась за мной и моими друзьями, швыряя в нас на бегу камни. Тяжелый булыжник больно ударил меня под лопатку, я задохнулась и упала. Коренастый неандерталец схватил меня и дважды; стукнул чем-то по голове.

Я понимала, что все это иллюзия, сон, но одновременно знала, что мой обморок вполне реален. Когда через мгновение я очухалась, неандерталец с силой уже раздвигал мои ноги и готовился насиловать. Я вцепилась ему в глаза и откатилась в сторону. Он потянулся за мной с теми же намерениями, но моя рука уже нащупала его дубинку.

Я взмахнула ею, сжимая обеими руками, и раздробила неандертальцу череп. Оттуда брызнула кровь и полетели ошметки мозга. Он издох, колотя ногами по земле и содрогаясь. При каждом спазме сперма толчками выбрасывалась наружу. Господи, я же понимаю, реальность — вещь необходимая, но разве нельзя было избавить меня от кое-каких деталей?

А теперь я стояла в рядах фаланги, держа в руках щит и длинное-длинное копье. Перед нашим рядом стоял еще ряд мужчин, вооруженных более короткими копьями. Все стальные наконечники были под одним и тем же углом наклонены в сторону несущихся на нас коней, образуя стену сверкающего железа. Это было не самое трудное. Просто стой себе крепко, а там что бог пошлет — победу или смерть. По мере приближения детали легкого вооружения персов делались все более легко различимыми. Трое из этих воинов должны были оказаться поблизости от меня в том случае, если мы убьем их лошадей или если кони сами остановятся.

Лошадь, что скакала левее от меня, прорвалась. Та же, что была правее, попятилась и попыталась умчаться обратно. Той, которая шла прямо на меня, два копья вонзились в грудь, и, когда

она рухнула, древко моего копья переломилось. Лошадь билась, дергалась, разбрызгивая во все стороны кровь и издавая какое-то странное, ни на что не похожее тонкое ржание. При падении она придавила мужчину, стоявшего непосредственно передо мной. Выбитый из седла перс упал на мой щит и сшиб меня с ног в ту самую минуту, когда я пыталась вытащить из ножен мой короткий меч. Рукоять меча уткнулась в ребра, и я чуть было не поранилась, когда, вскочив на ноги, наконец обнажила его.

Перс потерял свой круглый щит, но его меч уже падал на меня, описывая широкую дугу. Я приняла удар клинка на край щита и, как меня учили, рубанула, целясь в незащищенную кисть руки и предплечье. Перс увернулся, но конец клинка задел ему локоть — видимо, удачно,— перерезал сухожилие или что-то в этом роде. Воин выронил меч и, пока он нашаривал его другой рукой, я полоснула его по лицу, нанеся страшную рану от глаза до рта. Он завопил, и лоскут кожи оторвался от лица, обнажив окровавленные кости и зубы. Я уже готовилась мощно ударить его сбоку прямо в открывшееся передо мной горло, но туг что-то больно ударило меня в спину, и окровавленный наконечник копья вышел из моей груди чуть по-

выше соска. Я рухнула на колени, умирая, но тут же почему-то удивилась, обнаружив, что у меня нет грудей. Я была мужчиной, вернее юношей.

Было темно и холодно, окоп провонял дерьмом и гниющей человеческой плотью. «Еще пара минут»,— пробормотал сержант театральным шепотом. Я услышала, как дважды булькнула фляжка. Потом сержант передал ее мне — со степлившимся джином. Мне удалось не закашляться, и я отдала ее следующему. В темноте я ощупала себя. Грудей опять не было, а поискав между ног, я получила весьма странное ощущение. Меня затрясло, но тут я услышала, как мой сосед начал отливать, и мне захотелось немедлен-; но последовать его примеру. Левой рукой я начала расстегивать пуговицы ширинки, а правой держала винтовку. Еле-еле я успела вынуть свой прибор, как горячая моча потекла прямо по пальцам. «Примкнуть штыки»,— прошептал сержант, и хотя я еще не кончила, но инстинкт все же победил:; левой рукой я нащупала защелку под мушкой моего «энфилда», а правой вытащила из-за спины висевший на поясе штык, который тут же с легким щелчком сел на ствол моей винтовки.

— Когда-нибудь я достану тебя даже в аду, сер-

жант Симмонс,— вполне миролюбиво сказал мой сосед.

— Это может случиться довольно скоро, Рец. Еще тридцать секунд.

Пулеметный расчет немцев находился от нас в восьмидесяти ярдах. Чуть-чуть правее меня. Там у них был еще по меньшей мере один очень хороший снайпер и, похоже, артиллерист-наблюдатель. Мы рассчитывали, что нас в 1 час 17 минут поддержат наши пушки, что и будет сигналом для начала атаки. Если артобстрел не начнется, что вполне вероятно, мы все равно пойдем: впереди два неполных взвода стрелков, за ними — гренадеры. Похоже, конечно, на самоубийство, но если сдрейфить — верная смерть.

Я вытерла руку о грязные засаленные брюки и сняла большим пальцем предохранитель. Обойма полная, патрон' заслан в магазин.

Поставила левую ногу на что-то вроде приступочки, правой уперлась покрепче в дно окопа. Колени дрожали, а задница судорожно сжималась, пытаясь предотвратить приступ медвежьей болезни. Я чувствовала, как застилают слезы глаза, как сохнет в глотке, как во рту крепнет металлический привкус. Но ведь это все не всамделишное! «Пошли!» — тихо скомандовал

сержант, и я перешагнула через край окопа, выстрелила с руки в общем направлении противника и бросилась бежать туда же, передергивая затвор и ощущая смутную гордость, что все еще не наложила в штаны.

Потом плюхнулась в грязь и стала прицельно стрелять, ориентируясь на звук пулеметных очередей, не видя мушки. Стрелять я перестала, когда второй взвод пробежал мимо нас. Какой-то гренадер упал рядом со мной, и хотя успел крикнуть мне «пошел!», но тут же застонал — пуля ударила в него. А я уже поднялась и бежала, в винтовке была новая обойма. Еще четыре в запасе. Тут меня ранило в ногу, и, сделав один чертовски болезненный шаг, я рухнула на землю.

Я ползла, стараясь не забить ствол грязью, затем скатилась в мелкую воронку, наполненную водой и разложившимися лохмотьями человеческой плоти. Услышала, как заработал еще один пулемет. Дышать в воронке было нечем. Я попыталась, подтянувшись на руках, поднять голову повыше, чтобы вдохнуть хоть немного чистого воздуха, но тут пуля ударила меня прямо в рот, кроша зубы.

Никакой хронологии не было. Отсюда я попала в туман, окутывавший Бридс-Хилл, где дралась

на стороне англичан в сражении при Банкер-Хилле[7], как его зовут американцы. Потом была палуба корабля, где мы отбивались от пиратов под горящими парусами. Еще потом — другой корабль, где, оглушенная артогнем, я пыталась сбить самолет камикадзе, камнем падавший на нас.

Я летала на бипланах с крыльями, обтянутыми брезентом, и на сверхскоростных истребителях. Я стреляла из лазеров и из луков, я уничтожала города простым нажатием кнопки. Я убивала людей пулями и кинжалом «боло», не говоря уж о закодированных десятитысячных десятичных дробях. И каждую секунду я знала, что это тренировка, но ощущала и ужас, и боль, и тоску, и ощущения эти длились минуты или часы в зависимости от обстоятельств. Я спала примерно столько же времени, сколько бодрствовала, но отдыха как такового не было вообще, так как во время сна мозг загружался историческими сведениями, уставами и прочими данными, относящимися к воинской службе.

Когда через три недели меня отключили, я

---

[7] Примечания: 7

Одно из первых крупных сражений в Войне за независимость. Произошло в окрестностях Бостона 17 июня 1775 г. Окончилось поражением американских повстанцев. *(Примеч. пер.)*

в буквальном смысле находилась в кататоническом состоянии. Впрочем, это была норма, и с помощью специальных психотропных лекарств меня вернули к действительности. Эти лекарства срабатывали в девяноста процентах случаев. Остальные десять из сотни погружались в небытие.

Глава 4

После КМЖС мы все получили по две недели для отдыха и реабилитации — к сожалению, на орбите, а не на Небесах. И пока мы исходили потом в офицерском спортзале, я познакомилась с командным составом нашего подразделения — такими же слабыми и нервными после пребывания в насыщенном кислородом жидком фтористом углероде, после всех этих пыток, членовредительства и запоминания наизусть целых томов.

Наши тела превратились в морщинистую массу плоти после первого же дня занятий, а вся цель первых упражнений заключалась в том, чтобы поднять руки над головой да еще попытаться встать и сесть без посторонней помощи. После сауны морщины стали исчезать, но разговаривать между собой мы могли только односложными фразами. Больше всего мы походили на огромных розовых мускулистых младенцев. Должно быть, все эти три недели нас брили или подвергали депиляции ежедневно или даже чаще.

Среди нас было трое мужчин, что оказалось

весьма поучительным. Голых мужиков я навидалась предостаточно, а вот полностью бритых — никогда. Догадываюсь, что мы все выглядели чем-то вроде учебных экспонатов, предназначенных для демонстрации особенностей человеческого тела. У Окаявы произошла эрекция, и Моралес долго подначивал его, однако, к моему облегчению, дальше дело не пошло. И все равно в общественном, так сказать, смысле ситуация была весьма своеобразная.

Наш командир — Анжела Гарсия — по абсолютному возрасту была на десять лет старше меня, хотя по календарю — на несколько столетий моложе. Она была резковата и казалась очень сдержанной и спокойной. Я с ней была немного знакома, правда, знакомство шапочное — она командовала взводом, хотя и не тем, в котором воевала я, во время нашего поражения на Тет-2. Обе ее ноги имели такой же новый вид, как моя рука. На Небеса мы прибыли одновременно, но отращивание новых ног требовало втрое большего времени, чем отращивание руки, а потому там мы не встретились. Мы с Уильямом выписались раньше, чем Гарсия смогла выходить в общую комнату отдыха.

Уильям появлялся во многих моих сновидени-

ях во время КМЖС в виде неясной фигуры где-то в толпе. Иногда там бывал и мой отец.

Мне сразу понравилась Шарна Тейлор — военный врач. Она ко всему относилась с насмешливым фатализмом и, пока находилась на Небесах, развлекалась до упора, нанимая одну за другой самых красивых девиц, охотно соглашавшихся помочь ей растратить весьма значительное состояние. Деньги у нее кончились за неделю до конца отпуска, и Шарне пришлось вернуться в Тресхолд, чтобы жить на армейском пайке и торчать от слабенькой наркоты, которую тут выдавали бесплатно. Ее трудно было назвать красивой — в результате страшного ранения она потеряла левую руку и грудь, а также левую часть лица. Все это Шарне вернули, но новые ткани не слишком хорошо сочетались со старыми.

Она относилась к этому просто, как и надлежало врачу, испытывая профессиональное восхищение перед чудесами, которые могла творить медицина: по календарному времени Шарна окончила медучилище 150 лет назад.

Ее КМЖС радикально отличалось от наших: она главным образом совершенствовалась в лечении раненых, а не в способах уничтожения людей. «Большая часть операций производится теперь

машинами, а не хирургами»,— сказала она мне, когда мы без всякого удовольствия пощипывали нечто, весьма отдаленно похожее на пищу, каковое, как считалось, должно способствовать нашему быстрейшему выздоровлению. «Я могу обрабатывать раны на поле боя, стараясь сохранить жизнь человека до тех пор, пока он не будет отдан на попечение машин. Однако большинство современных видов вооружения не оставляет почти ничего, что стоило бы спасать». Тут Шарна криво улыбнулась.

— Мы не знаем, каковы будут наши нынешние противники,— сказала я,— хотя и подозреваю, что им не потребуется такая уж значительная модернизация, чтобы превратить нас в пар.

Мы захихикали, но тут же резко оборвали смех.

— Интересно, чем они нас сейчас пичкают,— вдруг сказала Шарна.— Это не похоже на напиток счастья. Я чувствую, как у меня чешутся подушечки пальцев и обостряется периферийное зрение.

— Временное воздействие на подсознание для улучшения настроя?

— Будем надеяться, что временное. Надо будет тут кое с кем перекинуться словечком.

Шарна выяснила, что в нашей пище просто

содержалась добавка, вызывающая слабую эйфорию. Без этой добавки резкое прекращение КМЖС могло вызвать тяжелую депрессию. А я бы, подумала я, пожалуй, все же выбрала бы депрессию. Ведь в конце-то концов все мы тут обречены на гибель. Все, кроме одной, были участниками минимум одного сражения в войне, где средняя выживаемость в битве составляла примерно 34%.

Если даже очень верить в удачу, то все равно приходилось считаться с тем, что свои шансы выжить в будущей схватке мы уже почти исчерпали.

Космическая станция на ближайшие восемь дней была предоставлена в наше полное распоряжение. На десять офицеров приходилось тридцать человек обслуживающего персонала «Афины», и все это только для одной цели: вернуть нам силы. Постепенно налаживались дружеские отношения. Было очевидно, что в нескольких случаях они даже вышли за пределы просто дружеских. Чане Нгуен и Аурел-ло Моралес с первого дня почти не расставались и ходили как приклеенные.

Райза Дарни, Шарна и я, по логике вещей, были обречены образовать тесное дружеское

трио. Главным было то, что все три не занимали командных должностей. Райза по возрасту немного превосходила нас с Шарной, она имела докторскую степень по инженерным системам. Выглядела же Райза молодо и казалась крутой, хотя родилась и воспитывалась на Небесах. Конечно, напомнила я себе, по-настоящему-то она не рождалась. И еще она не имела боевых ранений.

КМЖС у Райзы было по профилю сходным с моим, только ей оно казалось увлекательным, а не страшным. Странно, но она даже чуточку стыдилась этого. Дело в том, что, будучи с детства взращенной на применении психотропных средств, привыкнув к этому и к вытекающим из такой ситуации проблемам, Райза никак не соотносила кровавые схватки, снившиеся ей, со своим жизненным опытом.

Обе — и Райза и Шарна — обожали всяческую похабень, а поэтому моя гетеросексуальность их дико интриговала, так что, пока мы валялись в койках в состоянии легкой наркотической эйфории, они вытянули из меня почти весь запас информации, имевшейся у меня по данному вопросу.

Когда я впервые завербовалась в армию, мне

пришлось подчиниться обычаю «трахаться по списочному составу». Так что я переспала с каждым рядовым в нашей роте уж никак не меньше одного раза. Хотя сам глагол «спать» в общем не подразумевает, что ты обязательно должна трахаться, но отказ партнеру считался неспортивным поведением. Ну а мужики они и есть мужики. Каждый считает своим мужским долгом влезть на бабу, даже если ему самому это дело до лампочки.

И на борту корабля, где обычай списочного состава переставал действовать, частая смена партнеров была делом обычным. Конечно, чаще всего я была с Уильямом, но ни я, ни он строгой верности друг другу не хранили, ибо у нашего поколения подобное поведение считалось по меньшей мере странным. Все мы были бесплодны, так что шансы на случайную беременность равнялись нулю.

Упоминание проблемы беременности чуть не довело Райзу и Шарну до рвоты. Ведь беременность — это такая штука, которая бывает только у животных. Шарна видела учебные фильмы, когда слушала курс истории медицины. Обо всех ужасающих подробностях данного процесса она шепотом сообщила нам. Мне пришлось сказать

им, что меня родили именно таким способом и что хотя я причинила тем самым своей матери уйму неприятностей, но она все же почему-то простила меня.

Райза совершенно серьезно возразила, что виновником всего все же был мой отец. И нам показалось, что это невероятно смешно.

Однажды утром, когда мы сидели с Райзой вдвоем, любуясь от нечего делать из окна кают-компании видом на Небеса, она вдруг заговорила со мной о том, что и без того казалось очевидным.

— Ты об этом не упоминала, но я пришла к выводу, что ты никогда не любила женщину.— Она нервно откашлялась.— Я хочу сказать, что ты не была с ней в половой связи. Свою мать, как я поняла, ты обожала.

— Нет.— Я не знала, как выбраться из этой запутанной ситуации.— В наши времена такое было редкостью. Я хочу сказать, что, конечно, видела девушек и женщин, которые... бывали вместе. Ну в том смысле, что...

— Что ж,— она похлопала меня по руке,— тогда знай.

— О да... Я хочу сказать, что поняла. Спасибо, но...

— Я хотела сказать тебе, знаешь ли, что мы с тобой равны по чину. Так что это было бы вполне допустимо...— И она нервно хихикнула.— Хотя следует признаться, что, если бы и другие армейские правила нарушались с таким энтузиазмом, как это, армия давно превратилась бы в собрание непослушного сброда.

Я не знала, что ей ответить. До тех пор, пока она не обратилась ко мне напрямик, я думала о подобной возможности как о чем-то в высшей степени абстрактном.

— Я все еще тоскую по Уильяму...

Райза кивнула, еще раз похлопала меня по руке и быстрыми шагами вышла из комнаты.

Конечно, кроме воспоминаний об Уильяме тут было еще кое-что. Например, я никак не могла зрительно представить себе Райзу и Шарну занимающимися сексом. Разумеется, мне приходилось видеть женскую любовь и на сцене, и по трехмерному «ящику», но я никогда не могла поставить себя на место этих женщин. Вот с мужиком могу, особенно с таким, как, например, Сид — Исидор Жульпа. Он такой тихий, вечно погруженный в себя, смуглый и прелестный. Однако он слишком уравновешен, чтобы впасть в сексуальное извращение, трахаясь со мной.

Я все еще не могла разобраться в происходящем — путалась между виртуальным миром, реальным и искусственно наведенными воспоминаниями.

Я твердо знала, что никогда не убивала кого-либо ножом или дубинкой, но мое собственное тело таило в себе воспоминания об этом, причем воспоминания более реальные, нежели просто картинка, воспроизведенная мозгом. Я все еще ощущала прикосновение к своим несуществующим пенису и мошонке, свою безгрудость, поскольку в большинстве боевых заготовок КМЖС были задействованы главным образом мужчины. Конечно, подобные ощущения должны казаться куда более странными и чужеродными, нежели те, которые возникают, когда ты ложишься в постель с другой женщиной. Когда я в течение целых двух суток дожидалась выписки Уильяма из госпиталя после его заключительных лечебных процедур и занималась бесконечным чтением чуть ли не все эти дни и ночи напролет, у меня возникла мысль: не прибегнуть ли мне к специальной наркоте, симулирующей лесбийские отношения и предназначенной именно для одиноких женщин?

Исходя по меньшей мере из двух соображе-

ний, я этого не сделала, а теперь уже поздно. Все наркотики, которые существуют на «Афине», принадлежат КМЖС. А сейчас они мне вот как пригодились бы. Мне трудно обойтись только словесной формулой «Я то-то и то-то потому, что мои сотоварищи выращены в другой системе ценностей», понимая при этом, что снисходительно поглядываю на них с высоты пьедестала собственной якобы нормальности.

Норма. А я ведь буду заперта в космической жестянке со ста тридцатью мужчинами и женщинами, для которых моя личная интимная жизнь является столь же экзотичной, как каннибализм. Столь экзотичной, что у них для этого нет даже названия. Впрочем, я уверена: что-что, а название-то они подберут очень скоро.

Глава 5

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА
подразделения спецназа Бета, направляемого для удара по Альфе-10

Командир	майор	Гарсия	Коммодор Сидоренко
1-й зам.	1-й л-т	Нгуен	
2-й зам.	1-й л-т	Жульпа	
3-й зам.	капитан	Поттер	адм. отд.
	2-й л-т	Дарни	техн. отд.
	2-й л-т	Тейлор	мед. часть

Должность	Звание	1-й взвод	2-й взвод	3-й взвод	4-й взвод
4-й зам.	2-й л-т	Садовый	Окаява	Матес	Моралес
5-й зам.	ст. серж.	Барон	Трой	Цурута	Хенкен
6-й зам.	серж.	Нейбер	Китамура	Йорзик	Вердо
7-й зам.	капр.	Рот	Гросс	Брюнер	Греф
	капр.	Зибен	Симеони	Риттер	Хенкель
	капр.	Корир	Садовый	Лодер	Катервуд
	капр.	Монтго-мери	Попов	Хаджос	Хамай
	капр.	Даниелс	Каханомоку	Миюзаки	Кзик
	капр.	Сон	Даниелс	Тейлор	Хопкинс
	капр.	Девитт	Шоландер	Уинден	Шпитц
	капр.	Гаммоуди	Аки-Буа	Бейват	Кейно
	капр.	Армстронг	Кариуки	Брир	Кетер
	капр.	Костадинова	Аджунва	Роба	Кеймо
	капр.	Макдональд	Балас	Резкова	Мэйфейр
	капр.	Зуберо	Фурнис	Копилаков	Гросс
	капр.	Миазаки	Рот	Пакратов	Лопец
	капр.	Риз	Шолес	Риз	Хенрикс
	капр.	Руссель	Рожса	Мурхауз	Лундквист
	капр.	Шили	Кзак	Кочмен	Бранд
	капр.	Акерман	Панкритов	Нести	О'Брайен
	капр.	Даррил	Гайнджи	Грапп	Хонг
	капр.	Бьонди	Стюарт М.	Бауман	Стюарт Дж.
	капр.	Энджел-Краммер	Мин		Мингсия

Вспомогательный персонал: 1-й л-т Отто (навиг.); 2-е л-ты: Венилл и Ван Дайкен (мед.), Дьюрак (психол.), Блейбки (рем.), Лаки (поряд.), Обспович (связь), Мади-сон (комп.); 1-е серж.: Мастенброк (мед.), Андерсон (мед.), Сжоки (мед.), Фрейзер (мед.), Хенне (психол.), Нил сон (рем.), Эндер (поряд.); шт. серж-ты: Краузе (мед.), Штейн-селлер (мед.), Хогсхед (мед.), Отто (мед.), Янг (рем.), Джингай (кухня), Мейер (комп.); серж-ты: Гоулд (мед.), Бондер (рем.), Краус (поряд.), Уайт (уборка); каплы: Фридрих (мед.), Хайслет (мед.), Полл (секс.), Норелиус (секс.), Гайендж (поряд.); ряд-е: Куртис (рем.), Сенифф (кухня), Харуф (поряд.).

Утверждаю:

командующий силами спецназа на Старгейте

12 мар. 2458

За командующего Ольга Торишева (заместитель)

Кают-компания относилась к типу так называемых пластичных помещений, то есть могла по соответствующему распоряжению принимать другие функциональные формы. Кто-то из экипажа «Афины» вручил мне выносной миниатюрный пульт управления — для выполнения первого поручения в качестве начальника административного отдела.

Когда взводные челноки выстроились снаружи станции для посадки, я нажала на пульте кнопку с надписью «Аудитория», и уютная деревянная обшивка стен превратилась в скромную краску цвета слоновой кости, мебель погрузилась в пол, а на ее месте появилось три ряда стульев, укрепленных на полого поднимающихся пандусах. Пульт задал вопрос: сколько кресел следует поставить на сцене. Я сказала, что шесть, потом пересчитала и поправилась — семь. Ведь с учетом торжественности мероприятия коммодор Сидоренко тоже будет присутствовать.

Наблюдая, как наше подразделение спецназа заполняет ряды стульев в аудитории, я одновременно попыталась отсортировать ветеранов от «ангелочков». Последних оказалось очень мало — всего четырнадцать из ста тридцати родились на Небесах. Объяснение было очевидно, но весьма тревожно.

Майор Гарсия подождала, пока заполнятся все местам потом помолчала еще пару минут, пристально вглядываясь в лица сидящих и, вероятно, проделывая ту же отборочную работу, которой только что занималась я сама. Затем она встала и представила аудитории коммодора и остальных офицеров, кончая мной. После чего тут же при-

ступила к делу.

— Я уверена, что вы уже успели нахвататься всяческих слухов. Так вот, один из них, безусловно, справедлив.— Тут она вытащила из кармана мундира карточку и поставила ее на пюпитр.— Сто шестнадцать из вас уже участвовали в боях. Все они были ранены и все побывали на Небесах. Для лечения и отдыха, разумеется.

Вы понимаете, конечно, что подобная концентрация ветеранов в подразделении — вещь весьма необычная. Армия высоко ценит опытных солдат и старается распределять свою элиту равномерно. В таком подразделении, как наше, обычно бывает около двадцати ветеранов. Разумеется, из сказанного следует, что перед нами стоит особенно сложное и опасное задание.

Мы будем атаковать самую старую из известных нам вражеских баз.— Тут Гарсия помолчала.— Тауриане впервые появились на портальной планете в одном гиперпространственном прыжке от Альфы-десять примерно лет двести назад. Мы атаковали ее дважды и все без толку.

Она не сказала, сколько человек пережили эти атаки. Но я-то знала, что таких не было вовсе.

— Если, как мы надеемся, тауриане в течение последних столетий не имели контакта со своей

родной планетой, то сейчас мы обладаем перед ними большими преимуществами технологического плана. Детали этих преимуществ не подлежат обсуждению до тех пор, пока мы не доберемся до нашего места назначения.

(Абсурдная, но с точки зрения соблюдения секретности стандартная предосторожность. Таурианский шпион имел не больше шансов замаскироваться и заявиться на наш корабль», нежели, скажем, лось. А подкупить кого-нибудь из наших они тоже не могли. Обе расы не обменивались друг с другом ничем, кроме реактивных снарядов.)

— Мы находимся в трех гиперпространственных прыжках от Альфы-десять, так что у нас будет одиннадцать месяцев, чтобы ознакомиться с новыми системами вооружения, благодаря которым мы... победим тауриан.— Гарсия позволила себе холодно улыбнуться.— К тому времени, когда мы до них доберемся, мы, вполне возможно, попадем в их четырехсотлетнее будущее. Примерно такой же промежуток времени отделяет разгром Великой Армады от первой атомной войны на Земле.

Разумеется, законы относительности отнюдь не дают каких-либо преимуществ одной расе

над другой. Вполне возможно, что тауриане на Альфе-десять к этому времени могли уже не раз принять гостей из будущего своей планеты, прибывших к ним с дарами своей технологии.

Солдаты сидели тихо, почтительно вбирая в себя те крохи информации, которые майор Гарсия сочла возможным им уделить. Готова спорить, многие из них прекрасно понимали, что им хотят представить картину в чересчур розовом свете. Возможно, это соображали даже некоторые «ангелочки». Майор выдала им еще несколько жизнерадостных общих мест, а потом распустила солдат по их временным кубрикам. Нам же — офицерам — было сказано, что мы встретимся с майором через два часа за ланчем.

Образовавшееся у меня свободное время я посвятила; визитам во взводные временные помещения, а также разговорам с сержантами, которые фактически командовали взводами в обычное время. Я уже познакомилась с их личными делами, но встречалась только с Кэт Вердо, вместе с которой когда-то лежала в терапии. Нам обеим сделали новые левые руки, и общие повседневные упражнения заключались в отработке приемов рукопашной, после чего мы долго извинялись друг перед другом за причиненную

весьма ощутимую боль. Кэт очень обрадовалась новой встрече и сказала, что обязательно позволила бы мне иногда побеждать себя, если б только знала, что я так лихо обгоню ее по званию.

Офицерская кают-компания тоже была «пластичной», чего я не знала. Раньше это было утилитарное помещение, служившее для коротких встреч, где специальные автоматы снабжали вас простейшей закусью и выпивкой. Теперь же эта комната была отделана темной древесиной и замысловатой мозаикой, на столах лежали льняные скатерти и стояла хрустальная посуда. Разумеется, древесина на ощупь была как две капли воды похожа на пластик, а льняное полотно — на бумагу. Но нельзя же иметь все, чего хочется, верно?

Девять офицеров явились в точно назначенный час, а майор вошла двумя минутами позже. Она поздоровалась с каждым из нас, а затем нажала на кнопку. Коки Сенифф и Джингай появились тут же, таща натуральную жратву и пару графинов вина. Ароматные, прекрасно поджаренные овощи, а также зони, видом напоминавшие крупных креветок.

— Давайте наслаждаться жизнью, пока можем,— сказала майор,— В самом недалеком буду-

щем нам предстоит вернуться к синтетической пище класса А из восстановленной органики.

Видимо, на «Афине» хватало места даже для такой роскоши, как гидропонные оранжереи и рыбные пруды.

Майор попросила нас представиться в том порядке, в котором мы сидели за столом. Я уже кое-что знала о каждом из офицеров, так как мой архив содержал основные данные по всему спецназу и подробные досье на офицеров и нижних чинов нашего подразделения. Все же кое-что оказалось сюрпризом. Я знала, что майор пережила пять сражений, но то, что она четыре раза побывала на Небесах — своеобразный рекорд,— было новостью. Знала, что первый заместитель майора — Чане Нгуен — был уроженцем Марса, но не имела представления, что он принадлежал к поколению детей первопоселенцев и был первым марсианином, записавшимся в армию. По этому поводу разгорелась своего рода дискуссия, так как сепаратисты на Марсе считали, будто Вечная война — дело сугубо земное. Но в те времена Земля была еще в состоянии перекрыть Марсу кислород. Теперь-то Красная планета самодостаточна, говорил Чане, но сам он там не был лет сто и не знает, какова там ситуация сегодня.

Лилиан Матес покинула Землю только двадцать лет назад (столько времени ей понадобилось для гиперпространственного прыжка), и она сказала, что сейчас вербовка на ' Марсе не производится. Судебный процесс по этому делу все еще тянется. Так что, возможно, Чане — единственный офицер-марсианин в армии.

У него странная манера двигаться и странная походка: осторожная и точная, будто он плывет по волнам невесомости. Мне он рассказал, что тренировался целый марсианский год, таская на себе все больший и больший груз. Только после этого он смог отправиться на Старгейт за своим первым назначением.

Все офицеры были и хорошо образованны, и прекрасно развиты физически, но только Сид — Исидор Жульпа — действительно мог похвастаться, что он и профессиональный ученый, и профессиональный спортсмен. Он чуть ли не целый сезон профессионально играл в бейсбол, но потом бросил, чтобы писать докторскую по социологии. Он получил должность младшего профессора как раз за день до того, как ему пришла повестка из армии. Кожа у Сила черна до синевы. Со своими точеными чертами лица он выглядел как какой-то жуткий африканский

бог. А на самом деле тих и застенчив — мой любимец.

Я разговаривала преимущественно с ним и с Шарной, болтая о чем угодно, кроме нашего ближайшего будущего. Когда все было съедено и выпито, пришли оба кока со своими тележками, убрали со стола, оставив лишь кофе и чай. Гарсия подождала, пока все нальют себе и пока рядовые покинут комнату.

— Конечно, мы не имеем ни малейшего представления о том, что нас ждет на Альфе-десять,— сказала майор.— Единственное, что нам удалось выяснить и чего вы, вероятно, не знаете, это то, как погиб второй десант спецназа.

Да, это что-то новенькое.

— Там было нечто вроде минного поля. Сетка из мощных водородных нова-бомб образовывала как бы пояс по экватору портальной планеты. Мы предполагаем, что этот пояс и сейчас еще там.

— А они не сумели вовремя обнаружить эти бомбы и избежать контакта с ними? — спросила Райза.

— Это была активная система. Бомбы буквально гонялись за кораблем. Четыре из них взорвались, догоняя корабль, в непосредственной близости, пятая — накрыла его. Беспилотный разведчик,

регистрировавший все происходящее, едва избежал той же судьбы. Одна бомба последовала за ним даже в первый гиперпространственный прыжок.

Мы теперь можем кое-что противопоставить этой системе. Нам будет предшествовать отряд «разумных» беспилотных разведчиков, которые одновременно взорвут все бомбы, формирующие этот пояс. На планете после этого станет жарковато, а наш подход к ней будет прикрыт.

— А что случилось с первым десантным кораблем, нам известно?

Гарсия покачала головой:

— Беспилотный разведчик не вернулся. Наверняка мы знаем только одно — они погибли как-то иначе.

— А это откуда известно?

— Альфа-десять хорошо видна с Земли. Она находится от Земли в восьмидесяти световых годах. Сто двадцать лет назад земляне уже обнаружили бы взрыв нова-бомбы, если бы таковой имел место. Можно предположить, что атака велась по стандартной программе, как и гласил приказ, и что десант был уничтожен. А возможно, имела место авария в пути.

Ясно и ежу: никаких сообщений на Землю или

на Старгейт десантники отправить не могли. Мы бы и теперь этого делать не стали. Боевые действия ведутся только на портальных планетах вблизи коллапсаров, а они по большей части безжизненны и пустынны — голый камень. Ну а для того чтобы превратить в пыль Старгейт, хватило бы и одной нова-бомбы, а уничтожить жизнь на Земле можно и тремя. Так разве можно давать врагу карту, пользуясь которой они могут туда добраться?

Глава 6

Большая часть учений в течение ближайших одиннадцати месяцев была связана с освоением самых примитивных видов оружия, почему, видимо, среди сюжетов КМЖС было так много эпизодов с луками, стрелами, копьями, ножами и всякой подобной всячиной. Оказывается, у нас теперь есть такая новинка — «силовое поле стазиса». Находясь под защитой его «пузыря», можно орудовать только простейшим оружием, так как оружие с энергетической подпиткой тут отказывает.

Больше того, внутри стазисного поля законы физики действуют плохо, а химии — вообще не срабатывают. Например, там ничто не может двигаться со скоростью более 16,3 м/сек., включая элементарные частицы света. Внутри поля видеть можно, но это не свет, а своего рода свечение. Если подвергнуться воздействию поля без специального скафандра, то тут же у человека наступает мозговой паралич — не действуют электрические цепи. Да и вообще через несколько секунд вы превращаетесь в глыбу льда. Поэтому нам выдавались скафандры, сделанные из чего-то

вроде прочной потрескивающей алюминиевой фольги. Они набиты всякими уникальными прибамбасами и аппаратурой для полной переработки отходов жизнедеятельности. Внутри стазиса можно жить вечно. Вернее, до того времени, пока вы не спятите там от тоски.

Но только одна-единственная дырочка в скафандре от булавочного укола... и вы умираете мгновенно.

По этой причине учения с применением примитивного оружия в стазисе категорически воспрещались. И если во время учений «якобы в пузыре» вы оставляли на скафандре партнера хоть крохотную царапину, вам предоставлялась возможность поразмыслить об этом печальном факте в течение суток, проведенных в строгом одиночном заключении. Правило распространялось даже на офицеров. Мое небрежное обращение с наконечником стрелы обошлось мне в бесконечно тянувшийся день пребывания в полной темноте.

В гимнастическом зале одновременно мог работать только один взвод. Поэтому сначала я тренировалась с любым составом в те часы, которые у меня оказывались свободными от выполнения моих прямых обязанностей, но по-

том я так перестроила свое расписание, чтобы работать постоянно с четвертым взводом. Мне нравился и командир взвода Аурелло Моралес, и его штабной сержант Карл Хенкен. Но больше всех мне нравилась Кэт Вердо.

Не помню той минуты, когда обычная дружба переросла в половое чувство. Не было ни тщательно обдуманного предложения, ни мгновенной вспышки страсти. С самого начала мы ощущали какое-то физическое сродство благодаря общим воспоминаниям о Тресхолде. Потом мы совершенно естественно стали партнерами по рукопашному бою, так как абсолютный возраст у нас был одинаковый, да и физическое состояние — тоже. Такие тренировки воспитывают чувство грубоватой интимности, а тот факт, что офицеры и младший комсостав пользуются отдельными душевыми, привел к интимности уже другого рода. Аурелло и Карл занимали одну кабинку, а мы с Кэт — другую. Сначала намыливали друг дружке спину, а потом перешли и к противоположной стороне тела.

Будучи просто сержантом, Кэт не располагала отдельной каютой. Она спала в уголке кубрика вместе с остальными женщинами своего взвода. Однажды ночью она постучалась в мою дверь вся

в слезах, вызванных той странной проблемой, с которой мы обе столкнулись. Дело в том, что наши новые руки иногда стали ощущаться как нечто чужое, не свое. Они повиновались командам, но так, будто были отдельными существами, привитыми к тебе. Ощущение чужеродности было сильнее попыток победить его умом. Я впустила Кэт, позволила ей выплакаться у себя на плече (том — здоровом), а потом разделила с ней свою узкую койку. Мы не делали ничего такого, чего не делали уже много раз в душевой, но теперь это уже была не просто шалость. И когда Кэт уснула, положив голову мне на грудь, я еще долго лежала без сна.

Я все еще любила Уильяма, но, если не произойдет чуда, я больше никогда его не увижу. То, что я чувствовала к Кэт, было куда больше простой дружбы. Ни по мнению Кэт, ни по взглядам других офицеров, в этом не было ничего извращенного или порочного. Да при этом — отсутствие даже самой маленькой надежды, что у меня может получиться что-то с Сидом или с кем-нибудь из других мужчин.

Когда я была еще девчонкой, то мы, бывало, напевали насмешливую и одновременно грустную песенку, звучавшую примерно так:

Если с милым своим не смогу я лежать,

Если мы с ним навеки в разлуке,

То придется, пожалуй, немилому дать,

А не то околеешь от скуки.

По-моему, этим все сказано.

Я отправилась к Элси Дьюрак — психологу нашего подразделения спецназа, который помог мне разобраться в кое-каких моих комплексах. Потом мы вместе с Кэт навестили Октавию Полл — консультанта по проблемам женского секса. Этот визит закончился смешной четырехсторонней дискуссией совместно с Данте Норелиусом — консультантом по сексу мужскому, результатом чего явилось некое механическое приспособление, над которым мы постоянно хихикали, но которым частенько пользовались, что делало для меня эти отношения более приемлемыми и близкими к норме.

Кэт смирилась с моим желанием держаться за прошлое и не обижалась, что я, лежа с ней, думаю об Уильяме. Она считала это извращением, но романтичным.

Я даже решила обсудить свою проблему с майором, но она подняла меня на смех и выгнала. На

борту корабля все, кто хочет знать, знают, и это было приятно, так как теперь я им не казалась такой страшной и чужой. Если бы я числилась во взводе Кэт или она находилась бы в прямом моем подчинении, ее бы автоматически перевели в другой взвод, что иногда делалось на моей памяти в таких случаях.

Логика подобных решений ясна, но она заставила меня подумать о самой Гарсии. Если бы она влюбилась в другую женщину на корабле, то способа вывести любовницу из непосредственного подчинения майора не существовало. Насколько я знаю, у нее никого и не было.

Кэт в известном смысле переехала ко мне. Может, кому-то это пришлось не по душе, но гораздо больше было таких, которые радовались, что их сержант не следит за ними ежечасно и ежеминутно. Обычно она оставалась со своим взводом до первого отключения света, а затем отправлялась по коридору к моей каютке, по пути встречая других солдат, спешивших по таким же делам. В космической жестянке таких вещей в секрете не удержишь, да никто особо и не пытается это делать.

В наших отношениях с Кэт присутствовал терпкий привкус обреченности — будто обреченные

на неминуемую гибель души стремятся слиться в одну, пользуясь истекающими днями жизни. Но ведь это относится ко всем любящим, если, конечно, они не принадлежат к типу людей, живущих по принципу «день прожит, и ладно». Если верить средним показателям, то только у тридцати четырех процентов из нас был шанс на будущее после Элефанта — так мы почти все называли Альфу-10, когда дело подошло ко второму гиперпространственному прыжку.

Уильям безропотно пытался объяснить мне физический смысл этого процесса в те времена, когда мы с ним готовились к нашему первому прыжку. Однако математика не давалась мне еще в колледже, а дифференциальное исчисление окончательно и навсегда пригвоздило меня к специализации на английской филологии. Что-то там связано с ускорением. Если вы падаете в коллапсар, то есть в черную дыру, как это бывает с другими материальными телами, то вы обречены. Но почему-то и вы, и другие окружающие вас люди могут падать туда целую вечность. А с точки зрения окружающего мира вы выныриваете из этой дыры в другом месте и в другое время и вроде бы сами за это время даже чихнуть не успели.

Что-то в этом роде. Хотя, как мне кажется, подобного эксперимента никто еще не проделывал. Итак, вы разгоняетесь в направлении воображаемого горизонта коллапсара, который заменяет ему поверхность, до заранее рассчитанной скорости, причем проделываете это под определенным углом, благодаря чему выскакиваете из совершенно другого коллапсара в скольких-то световых годах от точки вхождения — может, в пяти, а может, в пяти миллионах. Тут очень важно правильно рассчитать угол, ибо вернуться назад и все начать сначала никому не удастся.

(Мы надеялись, что именно это произошло с первым десантом спецназа на Элефант. Тогда, вполне возможно, они сейчас торчат где-нибудь в другом конце галактики, колонизируя симпатичную маленькую планетку. Учитывая подобную возможность, каждый крейсер располагает некоторым числом установок, имитирующих женскую матку, а также ясельным оборудованием, хотя наш майор смущенно закатывала глаза, описывая это хозяйство. Оно, говорила она, необходимо для укрепления морального уровня, но вряд ли находится в рабочем состоянии. Я еще подумала: а не придется ли в таком случае этим несчастным людям сжать крепче зубы и делать

детишек старым добрым способом?)

Поскольку мы отправились от Небес, нам нужно было сделать по меньшей мере два гиперпространственных прыжка, прежде чем мы обретем Элефант. На это требовалось два столетия объективного времени, ежели, конечно, считать, что подобная штука вообще существует. Для нас же это время уложится в одиннадцать исключительно тяжелых месяцев. Кроме тренировок со старинным оружием, солдатам приходилось осваивать боевые скафандры и специальные системы вооружения, которые прилагались к ним на тот случай, если поле стасиса откажется работать или если оно окажется беспомощным перед усовершенствованной технологией врага.

А тем временем я прилежно занималась своей административной работой. Какую-то часть ее составлял бухгалтерский учет, но на корабле, куда ничто не поступает снаружи и ничто не уходит, учет становится делом простым. Большая же часть моего времени шла на поддержание морального уровня бойцов.

К этому я была не слишком хорошо подготовлена, возможно даже, хуже кого угодно на борту. Их музыка казалась мне вовсе не похожей на музыку. Их игры, на мой взгляд, были лишены

смысла, даже когда они терпеливо пытались объяснить правила. Кино казалось мне чуть более интересным, особенно с антропологической точки зрения. Что же касается еды и напитков, то тут вкусы изменились сравнительно мало, зато сексуальная жизнь солдат была для меня полна загадок, несмотря на увлечение Кэт и даже оргазмы, которые я время от времени испытывала. Если мимо меня проходили мужчина и женщина, то меня в первую очередь интересовал мужчина. Так что хоть я и любила женщину, но как настоящей лесбиянке цена мне была грош.

Иногда это обстоятельство действовало на меня успокаивающе, как бы укрепляя связь с Уильямом и с моим прошлым вообще. Но чаще я еще острее ощущала свою непохожесть и невозможность полного слияния с этими людьми.

У меня было восемь добровольных помощников и один подчиненный — Кади Уайт. Вот его никак нельзя было назвать находкой. Думаю, что правила вербовки, разработанные на Земле и закрепленные в акте об элитных войсках, на Небесах начисто забыты. Я готова даже пойти дальше с учетом того, что никто на корабле не поймет, о чем я говорю, и заявить, что в его появлении на корабле было нечто такое, что мог

бы описать только великий Мильтон. Уайт был изгнан с Небес за невиданное высокомерие и потрясающую гордыню. Гордиться, правда, ему было совершенно нечем, за исключением мускулатуры и прекрасного лица. Что же касается ума, то его развитие остановилось у Уайта где-то на уровне хомячка. Выглядел он как греческий бог, но для меня это обстоятельство обернулось одним: каждый раз, когда я в нем нуждалась, Уайт болтался в гимнастическом зале, накачивая мускулы на тренажерах. Или в укромном местечке, где какой-нибудь временный возлюбленный, которому разговоры были ни к чему, трудился над его прямой кишкой. Но читать и писать Уайта все же научили, так что я вскоре сообразила, что могу заставить его не путаться у себя под ногами, засадив за оформление моих еженедельных отчетов о проделанной работе. Он мог мою заметку о том, что «эта неделя ничем не отличалась от предыдущей», превратить в эпическую поэму, исполненную невероятной тягомотины.

Я продолжала радоваться, что не вхожу в число строевых командиров. Вы без конца гоняете людей, готовя их к боевым операциям, затем набиваете их в космическую жестянку на одиннадцать месяцев... Для чего? Для новых боевых

учений! Кому такое понравится? Ясное дело, люди начинают огрызаться.

Мужики, конечно, еще хуже баб. Вернее сказать, если женщина срывается с нарезки, то дело обычно ограничивается яростной перебранкой и редко переходит в кулачную потасовку или в избиение ногами. Правда, у Кэт во взводе была парочка бабенок, являвшихся исключением из этого правила, так что дело дошло почти до смертоубийства. Прямо в столовой для рядовых.

Случилось это за несколько дней до нашего последнего гиперпространственного прыжка. К тому времени почти весь личный состав уже дошел до точки кипения. Сцепились Лейн Мэйфейр и Крошка Кеймо — огромная девка, способная уложить в рукопашной почти любого из наших мужиков. Лейн попыталась перерезать ей горло, напав сзади, а Крошка, сломав ей руку в локте, всерьез стала душить ее, надеясь убить раньше, чем сама истечет кровью. Все присутствовавшие разбежались по углам, но тут выбежал наш повар Джи-Джи, который и оглушил могучую Крошку тяжелой сковородкой.

Пока обе девушки находились еще в больничке, собрался военный суд. При наличии показаний более чем сорока свидетелей у майора Гарсии не

было выбора. Она приговорила Лейн Мэйфейр к смерти за попытку умышленного убийства. И сама сделала ей смертельный укол.

Мне пришлось стать свидетелем этого события, и прямо скажу: я не считаю его своим главным достижением в тот день. Мэйфейр была прикована к койке и, как мне кажется, находилась под воздействием легкого наркотика. Гарсия объяснила ей, почему суд вынес такой приговор, и спросила, не хочет ли Мэйфейр воспользоваться привилегией самой принять яд. Мэйфейр ничего не ответила, она только рыдала и трясла головой. Двое солдат схватили ее за плечи, а Гарсия взяла руку Мэйфейр и воткнула в нее иглу. Мэйфейр страшно побледнела, глаза ее закатились. Несколько секунд тело девушки сотрясали конвульсии. Потом она умерла.

Во время исполнения приговора Гарсия даже глазом не моргнула, но, когда все кончилось, она еле слышно прошептала, что будет у себя в каюте, если кому-то понадобится, и быстро ушла.

Мне досталось распоряжаться при ликвидации тела. Двое санитаров завернули его в простыню и положили на каталку. Мы выкатили ее в коридор, где уже выстроился весь личный состав. Все молчали. Я помогла санитарам внести тело в

воздушный шлюз. Оно уже начало коченеть, хотя еще и не вполне остыло.

Один из моих друзей прочел молитву на языке Мэйфейр. Инженер по моей команде довел давление в шлюзе до максимума, а затем открыл наружную дверь. Труп Мэйфейр стремительно вылетел в бесконечную одинокую могилу.

Потом я вернулась в больничку, где нашла безутешную Крошку. Они с Мэйфейр были любовниками еще со Старгейта. И вот все пошло наперекосяк, все потеряло смысл, но почему, почему, почему? Мой ответ был краток — попросила Шарну дать больной транквилизатор. И сама тоже проглотила одно «колесо».

Глава 7

Мы выбрались из коллапсара Элефанта буквально через минуту после вылета оттуда защитной фаланги — десяти скоростных «разумных» беспилотных устройств, вооруженных множеством боеголовок, запрограммированных на уничтожение минного поля портальной планеты, которое состояло из нова-бомб.

Тут нас ожидал первый сюрприз: никакого минного поля не было. Второй сюрприз заключался в том, что тауриан тоже не было. Их база показалась нам целой, но давно заброшенной, мертвой.

Мы решили разрушить ее водородной бомбой, но сначала послать туда один взвод на разведку. Гарсия приказала мне отправиться вместе с ним. Это был взвод Кэт. Что ж, вполне завлекательная совместная прогулочка, ежели допустить, что там нет никаких ловушек, начиненных бомбами, способными сдуть нас с поверхности планеты. Например, ловушкой может оказаться сама брошенная база.

Водородную бомбу нам предстояло тащить с собой. Моралес или я были обязаны взорвать ее

и в том случае, если взвод попадет в ситуацию, которая покажется нам безнадежной. То же самое могла сделать и Гарсия прямо с орбиты. Я считала, что у нее-то рука не дрогнет. А вот насчет себя и Моралеса у меня такой уверенности не было.

Но пока мы на складе натягивали свои боевые скафандры, на нас обрушился третий сюрприз. Самый главный. Я потом видела подлинную запись. Куб трехмерного видения, находившийся в рубке, вдруг засветился, и в нем возникло плоскостное изображение юноши в старинной форме. Изображение все время, пока юноша говорил, менялось от двухмерного к трехмерному и обратно.

— Хелло, корабль землян! Вы работаете все на той же частоте? И все еще говорите на том же языке?

Он радостно улыбнулся.

— Конечно, сначала вы не захотите мне ответить. Я бы на вашем месте и сам так поступил. Ведь исключить возможность ловушки нельзя. Поэтому мы решили воспользоваться длинными волнами. Я говорю с вами с совершенно другой портальной планеты, которая находится в двенадцати миллионах двухстах тридцати тысячах километрах от вас. Орбита этой планеты наклонена на ноль целых пятьдесят четыре сотых

радиана по отношению к коллапсару. Впрочем, вы, надо думать, уже вычислили это.

Я — потомок первых десантников, высадившихся в этих местах почти тысячу лет назад. Жду ваших вопросов.— Он поудобнее уселся в кресле, стоявшем в комнате с закругленными углами. Скрестил ноги, взял блокнот и стал листать его.

Мы немедленно получили изображение его портальной планеты, сделанное оптикой с большой разрешающей способностью. Планета невелика, как это часто бывает, холодна и лишена атмосферы за исключением территории самой базы. Это скорее городок, чем военная база, он совершенно очевидно выполняет функции маяка. Купола над городом не видно, надо думать, воздух удерживается каким-то силовым полем. Освещается искусственным солнцем, плавающим в нескольких километрах над поверхностью планеты.

На орбите висел старинный крейсер. Его подчеркнуто обтекаемое изящество вызвало у нас чувство неловкости и стыда за функциональную неуклюжесть нашей коробки. Кроме него, на орбите находилось еще два таурианских военных крейсера. Никаких видимых повреждений они не имели.

Когда мы вступили в этот контакт, в рубке находились пятеро наших офицеров. Напротив Гарсии сидел коммодор Сидоренко. Он был старше по званию, но сейчас командовала майор, так как дело касалось не корабля, а планеты. А планета — ее прерогатива.

Я чувствовала себя крайне неловко, так как явилась сюда прямо из отсека подготовки к десантированию. Все офицеры были в полной форме, а я — в так называемой контактной сетке боевого скафандра и выглядела так, будто меня голую покрыли тонким слоем серебряной краски.

Гарсия обратилась к сидящему в кресле юноше:

— Как ваше имя и какой у вас чин?

На то, чтобы вопрос дошел до него, потребовалось сорок секунд и еще столько же на получение ответа.

— Меня зовут Человек. Званий у нас нет. Здесь я нахожусь потому, что владею старым стандартным английским языком.

Разговор тянулся медленно. За это время вполне можно было сыграть партию в шахматы, не потеряв при этом ни одного произнесенного слова.

— Но ваши предки каким-то образом победили тауриан, не так ли?

— Нет. Тауриане взяли их в плен и поселили на этой планете. Потом, несколько поколений назад, произошла еще одна битва. После нее мы больше тауриан не видели и о них не слышали.

— Но ведь то сражение мы проиграли. Наш крейсер погиб вместе со всем отрядом спецназа.

— Об этом я ничего не знаю. Их планета находилась по другую сторону коллапсара, когда началось то сражение. Люди наблюдали только яркие вспышки света, искаженные перепадами гравитации. Мы всегда считали, что нападающими были роботы, так как после окончания битвы мы не имели сведений ни с той, ни с другой стороны. Мне жаль, что погибло так много людей.

— А что произошло с таурианами, которые оставались с вами? Они все еще живы?

— Нет. Их не было тогда, нет и теперь. А до сражения они время от времени появлялись.

— Но вон же...— начала было Гарсия.

— А, вы имеете в виду таурианские корабли, что на орбите? Они тут висят уже несколько сот лет. И наш крейсер тоже. У нас нет средств, с помощью которых можно было бы добраться до них. Наша колония экономически самодостаточна, но ведь это просто тюрьма.

— Я свяжусь с вами после того, как посоветуюсь

со своими офицерами.— Куб потемнел.

Гарсия развернула свое вертящееся кресло. То же сделал и Сидоренко, который заговорил впервые за все время.

— Не по душе мне это. Вполне возможно, что этот парень — просто запись.

Гарсия кивнула.

— Тогда из этого можно сделать ряд выводов. И первый — они о нас знают куда больше, чем мы о них.

— Это очевидно. Четыреста лет назад они, видимо, уже обладали средствами построить базу, чтобы поселить пленников. Не думаю, что мы бы не смогли создать подобную запись с участием тауриан, располагая двумя сотнями пленных и временем для научных изысканий.

— Я согласна, Поттер,— сказала Гарсия,— идите вниз и скажите четвертому взводу, что наши планы слегка меняются, но людям надлежит находиться в полной боевой готовности. Я думаю, что самое лучшее для нас — это отправиться к той планете и вступить с ними в физический контакт как можно скорее.

— Точно,— отозвался Сидоренко.— Мы потеряли элемент неожиданности, но никакой нужды торчать тут и снабжать их новой информацией,

которая позволит им внести изменения в стратегию, у нас нет. Разумеется, если полагать, что там есть тауриане.

— Приготовьте своих ребят к пятикратным перегрузкам,— отдала мне приказ Гарсия.— Вы должны добраться туда за несколько часов.

— За восемь,— уточнил Сидоренко.— Мы от вас отстанем примерно часов на десять.

— Нам висеть на орбите? — спросила я, впрочем не сомневаясь в ответе.

— Решайте сами. А теперь ступайте к челнокам.

Мы ретранслировали голографическое изображение базы вниз и разработали довольно простое стратегическое решение. Двадцать два бойца в боевых скафандрах, вооруженные до зубов, включая водородную нова-бомбу и поле стасиса, окружат базу и вежливо постучатся в дверь. В зависимости от ответа мы или зайдем попить чайку, или сровняем базу с землей.

Добраться туда будет не так уж трудно. Конечно, выдержать пятикратные перегрузки в течение четырех часов не может никто без специального оборудования. Поэтому нам надлежало наглухо закрыть свои боевые скафандры, накачаться снотворным и включить системы жидкостного

гидравлического обеспечения. Восемь часов глубокого сна, еще час на то, чтобы стряхнуть сонливость и снова стать солдатом. Или гостем, приглашенным на файв-о-клок.

Кэт и я обошли битком набитый солдатами боевой челнок, проверяя, все ли в порядке, хорошо ли прилажены скафандры и таймеры. Потом выбрали минутку, чтобы обняться перед тем, как занять свои места.

Я присоединила систему влагообмена к патрубку на бедре скафандра, и чувство страха исчезло тут же без следа. Тело как бы повисло в невесомости, им овладела приятная истома. Я позволила мягкому рыльцу штуцера обхватить ноздри и рот. Я все еще отчасти сохраняла сознание и понимала, что он начинает выжимать из моих легких весь запас воздуха, а вместо воздуха накачивает туда какую-то весьма плотную жидкость. Но если говорить об ощущениях, то было лишь одно — долгий, но очень постепенный оргазм. Я знала, что подобное ощущение нередко приходит к людям в момент, когда их истребитель внезапно начинает разваливаться на куски. Однако на войне есть множество куда худших способов помереть. И еще задолго до того, как бешеное ускорение вжало нас в кресла, я уже спала. Во

сне мне снилось, что я рыба и плаваю в теплом тяжелом море.

Глава 8

Химические препараты обладают свойством ослаблять память о том, как к тебе возвращалось сознание, что, надо думать, само по себе не так уж и плохо. Мои диафрагма и пищевод горели огнем и саднили от рвоты, с помощью которой организм очищался от жидкости. Кэт выглядела жутко, а я старалась не смотреть в зеркало, пока мы вытирались полотенцами, надевали контактные сетки, забирались в свои боевые скафандры и готовились к высадке.

Наша стратегия, какой бы она ни была на самом деле, по мере приближения к портальной планете казалась все менее соблазнительной. Два таурианских крейсера действительно принадлежали к устарелым моделям, но они в сотни раз превышали размерами нашу миноноску и поскольку были задействованы на синхронную орбиту, то так и висели над базой, и нам, чтобы добраться до базы, надо было обязательно пройти под их огнем. Нам, однако, разрешили приблизиться, не делая попыток сбить меткими залпами, что делало рассказ Человека более заслуживающим доверия.

Возможно, они понимали, что наше главное предназначение — вызвать на себя огонь базы и крейсеров. Если бы они нас аннигилировали, то «Боливар» наверняка применил бы другую стратегию.

Когда Моралес решил, что мы идем на посадку и приземлимся на полосе, примыкающей к базе почти вплотную, я пробормотала: «А не все ли равно, за что быть повешенным — за козленка или за овцу». Кэт, бывшая со мной в связке, спросила, кому это нужно — вешать овец. Я ответила, что объяснять долго. Так говаривал мой отец, но если он и объяснил мне смысл этой поговорки, то я его все равно позабыла.

Посадка сопровождалась диким грохотом, но оказалась на удивление мягкой. Мы переключили боевые скафандры с режима транспортировки и попробовали передвигаться по поверхности планеты, где сила тяжести составляла всего треть g.

— Сюда надо было послать Коя,— сказала Кэт. Так мы привыкли называть марсианина Чанса Нгуема.— Он бы чувствовал себя тут как дома.

Нам пришлось поторапливаться: люди стремились побыстрее занять боевые позиции. Кэт отправилась на другую сторону базы. Мне же

предстояло сопутствовать Моралесу в его миссии стучать в дверь. У офицеров есть свои привилегии — либо нарваться на пулю, либо на приглашение пожаловать к столу.

Здания базы выглядели так, будто ее сконструировал какой-то очень трудолюбивый и серьезный ребенок. Блоки без окон, выложенные в строгом геометрическом порядке. Все, кроме одного, выкрашены в песочный цвет. Мы направились к серебристому кубу штаба. Во всяком случае, на его двери большими буквами было написано «ШТАБ».

Сверкающая дверь со свистом взлетела вверх подобно готовому сейчас же обрушиться вниз ножу гильотины. Мы вошли в проем, стараясь без особого успеха сочетать быстроту с достоинством. Дверь, лязгнув, тут же опустилась. Этот «нож», он же дверь, отличала массивность, так что даже в вакууме мы услышали этот лязг благодаря вибрации пола, переданной подошвам наших сапог.

Раздался свист воздуха — его мы услышали уже по-настоящему, и минуту-другую спустя вторая дверь шлюза открылась сама собой. В нее мы прошли боком — мешали габариты наших боевых скафандров. Я думаю, мы могли бы прекрасно пройти и прямо, по дороге расширив дверной

проем. Могу сказать, что я даже совершенно серьезно рассматривала такую возможность, пока лезла боком — по-крабьи. Это лишило бы хозяев возможности пользоваться шлюзом до тех пор, пока ему не сделают изрядный ремонт.

Дальше была еще одна дверь — металлическая, предохраняющая от взрывной волны, толщиной в полметра. Медленно она распахнулась перед нами. За простым круглым столом сидели Человек и женщина, похожие друг на друга, как близнецы. На обоих были одинаковые голубые мундиры.

— Приветствую вас в Алькатрасе[8],— сказал Человек.— Это название берет начало от очень древнего анекдота,— Он жестом указал на четыре пустующих кресла.— Почему бы вам не снять скафандры и не расслабиться?

— Это было бы не слишком умно,— ответил Моралес.

— Вы же окружили базу. Даже если бы я захотел причинить вам вред, то вряд ли решился бы на такую глупость.

— Это ради вашей безопасности,— поспешила вмешаться я.— За четыреста лет вирусы могли

---

[8] Примечания: 8

Алькатрас — знаменитая тюрьма в Калифорнии.

подвергнуться сильнейшим мутациям. Вы сами не захотите дышать одним воздухом с нами.

— Ну, это не проблема,— ответила женщина.— Поверьте мне. Мои тела куда более эффективны, нежели ваши.

— Мои тела? — спросила я недоумевая.

— А, да ладно!

Она сделала жест рукой, который показался мне лишенным смысла. Две двери, находившиеся в разных концах комнаты, открылись одновременно. Из той, что была ближе к женщине, вышла процессия женщин. Все — точные копии сидевшей за столом. Из второй двери так же молча вышли копии Человека.

Их было штук по двадцать каждого сорта. Они посмотрели на нас одинаково пустыми глазами, а затем сказали хором:

— Мы ждали вас.

— И я — тоже! — В комнату вошла пара полуобнаженных тауриан.

Наши вооруженные лазерами пальцы мгновенно нацелились в их сторону. Выстрелов, однако, не последовало. Я отцепила от пояса метательный нож и метнула его. То же сделал и Моралес. Оба существа с легкостью уклонились от ножей. Скорость их движений была куда больше, чем

у людей.

Я приготовилась к смерти. Живых тауриан я не видела со времен кампании Йод-4, но во время КМЖС я билась по меньшей мере с четырьмя сотнями таких. В тех случаях, когда речь идет о возможности прикончить человека, вопрос о собственной гибели для них просто не существует. Однако эта парочка почему-то нападать не торопилась.

— Туг многое придется объяснять,— сказал один из тауриан тонким прерывающимся голоском. Его голосовое отверстие то расширялось, то сокращалось. Тела тауриан были лишь чуть прикрыты свободными мундирами, похожими на людские. Они скрывали только часть морщинистой оранжевой кожи, странные члены и ребристую муравьиную грудь.

Оба медленно в унисон мигали, что, возможно, было каким-то социальным или эмоциональным сигналом. Почти прозрачная мембрана, влажно блестя, прикрывала их фасеточные глаза. Дрожание складки мягкой кожи на месте носа лучше бы не сопровождало каждое мигание глаз.

— Война кончилась. Кончилась почти повсюду.

Снова заговорил Человек:

— Теперь люди и тауриане совместно используют Старгейт. На Земле есть представитель тауриан, на их планете — Дж'ардкух — Человек.

— Люди — такие же, как ты — распечатанные машиной?

— Я действительно рожден машиной, но она живая, называется матка. До тех пор, пока я и в самом деле не превратился в одного, мир наступить не мог. Ведь когда нас — очень непохожих друг на друга — миллиарды, идея мира вообще не может быть воспринята.

— И что же — сейчас на Земле все вот такие, как ты? — спросила я.— Означает ли это, что сохранился только один вид людей?

— Нет, кое-где во Вселенной еще существуют изолированные участки, где длится Вечная война. Там есть такие же, как вы,— ответила мне женщина.— А вообще-то существует лишь один Человек, так как я могу быть по желанию и мужчиной, и женщиной. И есть лишь один таурианин. Я создана (или создан) по образу и подобию реального человека — его звали Кхан. А я зовусь Человек.

Вот какая штука, значит, получилась: считалось, что мы сражаемся за спасение человеческой расы, а оказалось, что она уже заменена новой и

улучшенной моделью.

Где-то справа и слева от меня послышались звуки, напоминавшие отдаленный гром. Однако мой личный коммуникатор молчал.

— Ваши люди атакуют,— сказал Человек,— несмотря на то что я предупредил их о бессмысленности подобных действий.

— Дайте мне поговорить с ними! — закричал Моралес.

— Не получится,— ответила ему женщина.— Они собрались под полем стазиса сразу же, как только увидели, пользуясь вашими глазами, тауриан. В действие приведено их автоматическое оружие. Когда они поймут, что оно не работает, то попытаются прорваться сюда с помощью поля стазиса.

— Такое случалось и раньше? — спросила я.

— Не здесь. В других же местах бывало. Результаты неоднозначны.

— Ваше поле стасиса,— вмешался таурианин,— было нам хорошо известно уже сотню лет назад. Мы воспользовались его улучшенной моделью, чтобы помешать вашей стрельбе.

— Вы сказали, что результаты неоднозначны,— обратился к женщине Моралес.— Значит ли это, что иногда сражение выигрываем мы?

— Даже если вы убьете меня, это не будет победой. Теперь некого побеждать. Нет, единственная неопределенность заключается в том, какое число ваших людей выживет.

— Вполне возможно, что нам придется уничтожить ваш крейсер «Боливар»,— снова вмешался таурианин.— Насколько я понимаю, там следят за нашими переговорами. В настоящее время он находится в нескольких световых минутах от нас. Если они не выскажут намерения кооперироваться с нами, у нас не будет другого выбора.

Гарсия ответила через минуту. Ее изображение возникло за спиной таурианина.

— А почему бы нам не призвать вас действовать в духе дружбы и доброжелательности? Если ни один из наших людей не пострадает, то и с вами случится то же самое.

— Это не в моей власти,— отозвался Человек.— Ваше автоматическое оружие атакует. Мое — защищается. Я полагаю, что ни то ни другое не запрограммировано на милосердие.

Женщина продолжила:

— То, что ваши люди еще живы, ясно говорит о мирном характере наших намерений. Мы ведь могли бы деактиви-ровать прямо отсюда ваше поле стасиса.— Туг раздался мощный звуковой

удар, и стол Человека подпрыгнул на несколько дюймов.— И тогда большинство ваших погибло бы в одно мгновение.

Гарсия помолчала.

— Тогда объясните, почему вы этого не сделали.

— Одна из моих директив,— ответил ей Человек,— требует минимизировать число жертв среди вас. Существует программа диверсификации генофонда, подробные сведения о которой вы можете получить на Старгейте.

— Ладно,— решилась Гарсия.— Поскольку я не могу связаться со своими людьми напрямик, я разрешу вам де-активировать поле стасиса, но вам придется одновременно отключить свои автоматические средства защиты. Иначе все наши погибнут.

— Значит, вы предлагаете, чтобы вместо них погибли мы? — отозвался Человек,— Я и двое ваших представителей?

— Я прикажу своим немедленно прекратить огонь.

Весь этот разговор происходил с перерывом между фразами в двадцать секунд, следовательно, слово «немедленно» означало, что приказание будет выполнено в пределах этого лага.

Не произнеся ни слова, оба таурианина исчезли, а сорок человеческих дубликатов двумя цепочками покинули зал переговоров.

— Хорошо,— сказал Человек.— Возможно, нам удастся преодолеть этот двадцатисекундный лаг. Кто из вас двоих старше по званию?

— Я,— ответила я.

— Большинство моих индивидуальностей вернулись в подземное убежище. Я отключу ваше стазисное поле и наши оборонительные вооружения одновременно. Скажите своим сотоварищам, что они должны прекратить огонь немедленно. Если мы погибнем, то оборонительные установки включатся автоматически, а у ваших солдат уже не будет защиты в виде поля стасиса.

Я переключила коммуникатор на командную частоту, чтобы оказаться автоматически в прямом контакте с Кэт и сержантом Хенкеном, когда поле стазиса исчезнет.

— Мне это не нравится,— сказал Моралес.— Вы что же — можете включать и выключать вооружение с помощью мысленного приказа?

— Верно.

— Но мы же так не умеем! Когда Поттер отдаст свой приказ, сержантам потребуется какое-то время, чтобы понять его и начать действовать.

— Но ведь для этого нужно только повернуть выключатель, не так ли?

Раздался еще один громовой удар, и слева от меня на стене появилась паутина трещин. Человек поглядел на нее, но не выказал никаких эмоций.

— Значит, сначала полдюжины людей должны разобраться в приказе, а потом согласиться выполнить его?

Человек и женщина поглядели друг на друга и кивнули головами.

— Готово!

Крошечные — размером с ноготь большого пальца — лица Кэт и Карла возникли на экране коммуникатора рядом с таким же изображением Моралеса.

— Кэт! Карл! Немедленно отключите автоматы! Немедленно!

— Что происходит? — орал Карл.— Куда исчезло наше поле стазиса?

— Они его отключили. Война кончилась!

— Точно! — раздался голос Моралеса.— Прекратить огонь!

Кэт уже отдавала приказ своим отделениям, а Карл, все еще смотревший на нас с непомерным удивлением, наконец обратился к своим.

Поздно! Левая стена взорвалась, на ее месте

возник водопад кирпичей, известки и кусков металлической арматуры. Оба Человека превратились в кровавые лохмотья плоти, разлетевшиеся по комнате. Моралеса и меня сшибло с ног обломками стены. Мой скафандр где-то порвался, но сигнал тревоги звучал лишь секунд десять — столько времени потребовалось для автоматического устранения повреждения.

Вакуумная тишина. Светильник на противоположной стене потускнел, потом погас. Через дыру размером с доброе окно, проделанную нашим снарядом, можно было видеть залитое звездным светом безмолвное поле боя.

Три крошечных изображения на экранчике коммуникатора исчезли. Я снова переключилась на командную частоту.

— Кэт? Карл? Моралес?

Потом я включила фонарик на шлеме скафандра и увидела, что скафандр Моралеса распорот, а лохмотья легких и сердца торчат между ребрами — серые, покрытые уже высохшей кровью.

Я стала искать хоть какую-нибудь работающую частоту и услышала с десяток голосов, которые орали что-то невразумительное.

Значит, Кэт, скорее всего, убита. Карл — тоже. Или у них разбиты коммуникаторы.

Какие-то секунды ушли на обдумывание этой мысли. Я то надеялась, то тут же теряла надежду, прислушиваясь к звукам все еще длившегося сражения. И только тогда сообразила, что если я слышу этих капралов и рядовых, то и они должны услышать меня.

— Это Поттер,— сказала я. И заорала: — Капитан Поттер! — Оставаясь на той же частоте, я попыталась объяснить сложившуюся дикую ситуацию. Пятеро решили остаться снаружи, а остальные встретили меня под желтым светом, светившим с верхушки мощной черной двери, торчавшей из пола под углом сорок пять градусов, совсем как в нашем домашнем убежище от торнадо — где-то там, тысячи лет назад и сотни световых лет отсюда. Дверь скользнула вверх, и мы вошли внутрь, неся четыре боевых скафандра, чьи хозяева не отвечали нам, но, на наш взгляд, не были безнадежно мертвы.

Одной была Кэт. Я узнала ее сразу же, как только мы оказались на свету в закрывшемся воздушном шлюзе. Затылок ее шлема обожгло взрывом, но мне все же удалось разобрать надпись — «Вердо».

Выглядела она ужасно. Не хватало ноги и руки, оторванной у плеча. Они были ампутированы

самим скафандром, точно так же, как моя рука на Тет-2.

Выяснить, жива ли Кэт, было невозможно, так как индикатор, помещающийся на затылочной части шлема, сгорел. У скафандра был свой биометрический счетчик, но до него мог добраться только медик, а наш медик вместе со своим скафандром уже превратился в атомную пыль.

Человек проводил нас в большую комнату, в которой стояли койки и стулья. Там же находились еще трое Чело-веков, а тауриан не оказалось вовсе, что было с их стороны, пожалуй, весьма разумно. Я сняла свой скафандр и не умерла, так что и все остальные последовали моему примеру. Солдаты, перенесшие ампутацию, были оставлены в своих наглухо запечатанных скафандрах. Они или умерли, или погрузились в счастливое забытье. Если первое, то смерть наступила уже так давно, что везти их обратно бессмысленно, если же второе, то для них же будет лучше очнуться в хирургической палате «Боливара». Крейсер сейчас находился от нас в двух часах лёта, но мне они показались бесконечными.

Как оказалось, Кэт выжила, но я ее все равно потеряла благодаря релятивистским законам. Она и другие калеки были погружены, все еще

спящими, на другой крейсер и отправлены прямо на Небеса. Туда они добрались за один гиперпространственный прыжок, так как причины соблюдать секретность отсутствовали, а мы на «Боливаре» тоже одним прыжком достигли Старгейта. Когда я побывала тут в последний раз, то Старгейт был обыкновенной космической станцией. Теперь же он вырос раз в сто — огромный искусственный планетоид. Построенный тауриана-ми и Человеками.

Это мы теперь их всех так называем: Человеки.

Для тех, кто смотрит на него изнутри, Старгейт — громадный город, в сравнении с которым любой сохранившийся в моей памяти земной город казался карликом. Впрочем, говорят, что сейчас на Земле уже есть города, в которых живет по миллиарду тауриан, людей и Человеков.

Несколько недель мы провели здесь в размышлениях о том, какое решение нам следует принять, чтобы получше прожить остатки наших жизней. Первое, что я сделала, это навела справки об Уильяме. Чуда, однако, не произошло: его подразделение спецназа так и не вернулось с Сад-138. Правда, не вернулся и таурианский отряд, посланный для их уничтожения.

Меня совсем не устраивала перспектива болтаться в Старгейте, дожидаясь возвращения Уильяма. По самому благоприятному сценарию, их отряд мог прибыть сюда эдак лет через триста. Ждать Кэт тоже не было смысла. В самом лучшем случае она могла оказаться в Старгейте через тридцать пять лет. Она-то была бы еще молодой, но мне бы стукнуло все шестьдесят. И это еще при том условии, что ей захотелось бы выбрать Старгейт, а не воспользоваться правом остаться на Небесах.

Конечно, я могла бы сама попытаться разыскать ее на Небесах, но тогда бы она оказалась лет на тридцать пять старше меня. Ну а что, если наши космические трассы вообще разминутся?

Но один-единственный шанс у меня все же был. Была такая возможность обмануть проклятые законы относительности.

В списке возможных мест поселения ветеранов имелся Средний Палец — планета, вращающаяся вокруг Мицара. Номинально она предназначалась для гетеросексуалов: быть ли гетеро или гомо теперь было делом свободного выбора — Человеки могли сделать вас таким или этаким за какой-нибудь час.

Сначала я подумывала, не стать ли мне лесби-

янкой не только по выбору, но и по склонности. Но мне все еще нравились мужики. Мужики, а не Человеки. К тому же Средний Палец давал мне надежду получить того единственного мужика, которого я любила.

Пять ветеранов сообща купили старый крейсер, решив использовать его в качестве машины времени. Этот субсветовой челнок, как они его называли, должен был шмыгать туда и сюда между Мицаром и Алькором, так что каждая неделя корабельного времени становилась равной двум годам объективного. Я могла купить себе место в этой компании, закупив на свои ветеранские премиальные топливо из антивещества, необходимое для полетов. Добраться до Среднего Пальца можно было за два гиперпространственных прыжка, оставив весточку для Уильяма, и если он жив, то я могла бы соединиться с ним через несколько месяцев или лет.

Решение было столь легким, что его и решением назвать трудно. Так что я оставила ему весточку:

«11 октября 2878 г.

Уильям!

Все это будет в твоем досье, но ты можешь в него и не заглянуть, поэтому я позаботилась,

чтобы ты узнал.

Я жива, как видишь. Может, и ты вернешься. Найди тогда меня.

Я знаю, что ты у Сад-138 и не вернешься еще лет двести. Это не беда. Я лечу на планету под названием Средний Палец, это пятая планета системы Мицара. Два коллапсарных прыжка, десять месяцев субъективного времени. Средний Палец — это что-то вроде Ковентри для гетеросексуалов.

Не важно. Мы, я и еще пятеро "стариков" сложили наши накопления и купили у ИСООН крейсер. Мы используем его как машину времени. Итак, я в субсветовом челноке и жду тебя. Челнок уходит на пять световых лет от Среднего Пальца и возвращается обратно. Очень быстро. За десять лет я старею на месяц. Если ты вернешься в срок, мне будет всего двадцать восемь. Поспеши!

Мне никто не нужен, кроме тебя. И мне все равно, девяносто тебе лет или тридцать. Если я не смогу быть тебе женой, я буду твоей сиделкой.

Мэригей».

«Нью войс». Центрус. Средний Палец, 24-6 11.02.3143 «Первый ребенок в семье ветеранов» «...В прошлую пятницу у Мэригей Поттер-Манделла родился первенец (мальчик, вес 3,0 кг).

Считается, что Мэригей — второй старейший житель Среднего Пальца. Она родилась в 1977 году. Она прошла почти сквозь всю Вечную войну и еще 261 год ждала своего мужа, находясь в субсветовом челноке.

Ребенка, имя которому родители еще не дали, помогала принимать на дому друг семьи Поттеров-Манделла доктор Диана Алсевер-Мур».

Бесконечная свобода
© *Перевод А. Гришина*

И снова, через двадцать пять лет,
посвящаю Гей

Часть первая
КНИГА БЫТИЯ
Глава 1

Зима очень долго приходит на эту позабытую богом планету и остается тоже слишком надолго. Я смотрел, как внезапный порыв ветра гнал поперек серого озера полосу холодной пены, и уже не впервые в этот день думал о Земле. О двух теплых зимах в Сан-Диего, где я жил мальчишкой. Даже о гнилой зиме в Небраске. Они были, по крайней мере, короткими.

Возможно, мы слишком поторопились сказать «нет», когда великодушные зомби после войны предложили нам поселиться на Земле вместе с ними. А обосновавшись здесь, мы не смогли избавиться от них на самом деле.

От оконного стекла тянуло холодом. За моей спиной откашлялась Мэригей.

— Что это? — поинтересовалась она.

— Похоже, идет шторм. Я должен проверить переметы.

— Дети будут дома через час.

— Лучше я сделаю это сейчас, посуху, а то всем

нам придется торчать под дождем,— ответил я.— Или же под снегом.

— Может быть, и под снегом...

Она задумалась и все же не стала предлагать свою помощь. За двадцать лет она научилась безошибочно угадывать, когда я хотел побыть в одиночестве.

Я натянул шерстяной свитер, надел кепку и оставил дождевик на вешалке.

Когда я вышел под влажный упругий ветер, мне показалось, что он вовсе не предвещал приближения снегопада, Я взглянул на часы, и они сообщили о 90-процентной вероятности дождя; значит, вечером холодный фронт принесет снег с дождем, который перейдет в настоящий снег. Это делало собрание еще забавнее. Нам нужно было пройти пешком пару километров туда и обратно. В противном случае зомби могли бы заглянуть в записи о перевозках и увидеть, что все параноики собрались в одном доме.

У нас было восемь переметов, протянутых на десять метров от края пирса к сваям, которые я воткнул в тех местах, где вода была мне по грудь. Еще две сваи сбило штормом; я заменю их, когда придет весна. Через два года по реальному времени.

Это напоминало скорее сбор урожая, нежели рыбную ловлю. Черные рыбы настолько тупы, что готовы вцепиться во что угодно, а когда попадаются на крючок, то начинают биться и привлекают своих сородичей: «Что-то с этим парнем не так. О, смотрите, смотрите! Чья это голова на таком прекрасном блестящем крючке?!»

Выйдя на пирс, я увидел на востоке мощные не то дождевые, не то снеговые облака и поэтому постарался действовать быстрее. К каждому перемету было прикреплено по дюжине поводков с крючками, которые держались на метровой глубине благодаря привязанным небольшим пластмассовым поплавкам. Сейчас примерно половина поплавков ушла под воду, а значит, на крючках сидело с полсотни рыб. Я кое-что прикинул в уме и понял, что, наверно, как раз успею снять с крючка последнюю, когда Билл вернется из школы. Но шторм, определенно, приближался.

Я взял рабочие перчатки и передник с крюка, надел их и накинул первый линь на шкив, находившийся на уровне лица. Открыл встроенный морозильник — в стазис-поле, напоминавшем на вид лужицу ртути, отразилось мрачное небо — и подтащил к себе первую рыбину. Снял ее с крюка,

косарем отрубил голову и хвост, бросил рыбу в морозильник, а голову наживил на крюк. Затем взялся за следующего клиента.

Три рыбы оказались бесполезными мутантами; такие попадались нам уже более года. Шкура у них испещрена розовыми полосками, а вкусом они похожи на серную кислоту. Черная рыба на них не клюет, а я не могу использовать их даже в качестве удобрения: с тем же успехом можно посыпать почву солью.

Всего какой-нибудь час в день — полчаса, если помогали дети,— и мы добывали примерно треть всей рыбы, которую потребляла деревня. Сам я мало ее ел. А взамен мы получали зерно, бобы и спаржу, когда подходил их сезон.

Билл вышел из автобуса, как раз когда я возился с последним переметом. Я махнул рукой, чтобы он шел в дом: не было никакой необходимости обоим пачкаться рыбьими потрохами и кровью. А затем над противоположным берегом озера сверкнула молния, и я отпустил снасть обратно в воду. Повесил на место перчатки и передник и на секунду выключил стазис-поле, чтобы проверить радиус сферы.

И тут ударил ливень. Я постоял с минуту на крыльце, глядя, как полоса дождя, гонимого по-

рывом шквала, шипя несется по поверхности озера.

Внутри было тепло: Мэригей разожгла небольшой огонь в кухонном камине. Возле него уже сидел Билл со стаканом вина. Это все еще было внове для него.

— Ну, как дела?

На первых порах после возвращения из школы его акцент всегда казался странным. Там он не говорил по-английски, как и, по моим подозрениям, с большей частью своих друзей.

— А где твоя сестра? — Она была уже старшеклассницей, но ездила в том же автобусе.— Я плохо помню ее расписание.

— Она в библиотеке,— сообщила Мэригей,— и позвонит, если будет опаздывать.

Я взглянул на часы.

— Мы не можем слишком тянуть с обедом.— Собрание было назначено на полдевятого.

— Я знаю.— Она перешагнула через скамью, села между нами и вручила мне тарелку с хлебными соломками.— Это от Снелла, он проходил мимо сегодня утром.

Соломки были солеными и твердыми и приятно хрустели на зубах.

— Не забыть поблагодарить его вечером.

— Стариковская вечеринка? — полюбопытствовал Билл.

— Шестодень,— сказал я.— Мы пойдем пешком, так что, если хочешь, возьми флотер.

— Только не пейте слишком много,— предупредил он и приподнял свой стакан.— А мне хватит. У нас волейбол в спортзале.

— Выиграй разок за Чистяка[9].

— За кого?

— Так частенько говорила моя мать. Я не знаю, кто такой чистяк.

— Вероятно, профессия,— предположил Билл.— Моряк, скорняк, чистяк.

Он старался показать, будто его интересует сама по себе игра. Они играли голышом, в смешанных командах, и было это не столько спортом, сколько сексуальным ритуалом.

По окну забарабанили крупные капли дождя, смешанные со снежными хлопьями, подхваченные внезапным порывом ветра.

— Не думаю, что вам понравится такая прогулка,— заметил Билл.— Вы могли бы завезти меня в спортзал.

— Нет,— возразила Мэригей. Маршрут передви-

---

[9] Примечания: 9
Чистяк (угол, жаргон) — мошенник, жулик.

жения флотера не регистрировался; отмечалось лишь место стоянки: вероятно, для того, чтобы обеспечить связь,— Лучше ты завези нас к Чарли и Диане. Они не обидятся, если мы придем слишком рано.

— Премного благодарен. Мне удастся влупить.

Он имел в виду вовсе не волейбол. Когда он использовал наш древний жаргон, я никогда не мог угадать, что это было: выражение привязанности к родителям или насмешка над ними. Полагаю, что, когда мне был двадцать один год, я мог в разговорах с родителями пользоваться их языком и для того, и для другого.

Неподалеку остановился автобус. Я услышал, как Сара пробежала под дождем по дощатому настилу. Парадная дверь открылась, сразу же захлопнулась, и шаги простучали по лестнице на второй этаж: Сара кинулась переодеваться.

— Обед через десять минут,— крикнула ей Мэригей.

В ответ раздался раздраженный возглас.

— Завтра у нее начнутся месячные,— пояснил Билл.

— С каких это пор братья стали следить за этим? — поинтересовалась Мэригей.— Или даже мужья?

Он уставился в пол.

— Она утром что-то говорила об этом.

Наступила пауза.

— Если вечером появится кто-нибудь из Человеков...— нарушил я молчание.

— Они никогда не приходят. Но в любом случае я не скажу им, что вы отправились устраивать заговор.

— Это не заговор,— поправила Мэригей,— это план. В конце концов мы поставим их в известность. Но это абсолютно гуманно.

Мы не обсуждали наших намерений с ним или Сарой, но и не мешали им подслушивать.

— Я мог бы когда-нибудь в него включиться.

— Когда-нибудь,— согласился я.

Хотя и считал, что, скорее всего, нет. Пока что в этом деле участвовало только первое поколение: ветераны плюс их супруги. И лишь несколько из них родились на этой штуке, которую, когда нам предоставили выбор места жительства после войны, Человек называл «планета-сад».

Мы обычно называли «нашу» планету СП. Большинство ее обитателей появилось на свет спустя много поколений после жизни тех людей, которые знали об оскорбительном значении жеста, для которого использовался средний палец. А из

тех, кто знал, лишь немногие связывали жест с основным понятием эдипова комплекса. Но, прожив здесь всю зиму, почти все они, вероятно, стали именовать планету свойственными своему времени аналогами выражения «сучий потрох».

СП был предоставлен нам как приют и убежище — а также место воссоединения. Мы могли вести здесь существование простых людей, без вмешательства Человека. Если же вы потеряли друзей или возлюбленных в релятивистском лабиринте Вечной войны, то могли попытаться дождаться их в «Машине времени», разоруженном крейсере, мотавшемся взад-вперед между Мицаром и Алькором достаточно быстро для того, чтобы почти полностью остановить старение.

Конечно, вскоре выяснилось, что Человек намеревался следить за нами, так как мы представляли собой для него своего рода генетический страховой полис.

Если в их копирке, генетическом клише, через энное количество поколений произойдет какой-нибудь сбой, то они смогут использовать нас в качестве базисной линии для дальнейшего клонирования. (Я когда-то воспользовался словом «копирка» в разговоре с Биллом и начал было объяснять его, но оказалось, что он имел

представление о том, что такое «копировальная бумага». Примерно такое же, как и о наскальных рисунках пещерных людей.)

Но Человеки не были пассивными наблюдателями. Они были смотрителями зоопарка. И СП походил на зоопарк: искусственно упрощенная окружающая среда. Но содержатели зоопарка не строили его. Они лишь на него наткнулись.

Средний Палец, как и все планеты Вега-класса, найденные нами, был аномальным карикатурным миром. Он бросал вызов всем традиционным моделям возникновения и развития планет.

Слишком молодая яркая голубая звезда с единственной планетой земного типа, обладающей кислородно-водным химизмом. Орбита планеты проходит на расстоянии, позволяющем существовать жизни, если она сможет здесь возникнуть.

(Планетологи утверждают, что в звездной системе не может появиться планета земного типа, если в ней нет так же похожего на Юпитер гиганта. Но в этом случае такие звезды, как Вега и Мицар, ни при каких условиях не должны иметь своих Земель.)

На Среднем Пальце происходила смена времен года, но она обеспечивалась не наклоном оси планеты к своему солнцу, а формой ее орбиты

— вытянутым эллипсом. За период, превосходивший три земных года, сменялось шесть сезонов: весна, лето, осень, ранняя зима, глубокая зима и таяние. Конечно, чем дальше планета находилась от солнца, тем медленнее она двигалась, и поэтому холодные сезоны bski длинными, а теплые — короткими.

Большую часть поверхности планеты занимала субарктика и сухая тундра. Здесь, в зоне экватора, озера и реки покрывались льдом глубокой зимой. Ближе к полюсам озера круглый год были покрыты толстым слоем льда, на поверхности которого в теплые летние дни появлялись лужи талой воды. Две трети планеты были лишены жизни (если, конечно, не считать разносимых ветром спор и микроорганизмов).

Экология здесь была до смешного проста — менее сотни разновидностей местных растений, примерно столько же видов насекомых и еще каких-то созданий, тоже напоминавших членистоногих. Никаких местных млекопитающих лишь пара дюжин пород больших и малых тварей, которых можно условно называть рептилиями или амфибиями Только семь видов рыб и четыре водных моллюска.

Ничто из этого не развилось из чего-нибудь еще.

Здесь не встречалось никаких окаменелостей; просто потому, что для их образования прошло недостаточно времени: углеродный анализ говорил о том, что ни на поверхности, ни в верхнем слое почвы нет ничего старше десяти тысяч лет. Но образцы, взятые с глубины пятидесяти метров и далее, утверждали, что эта планета по возрасту близка к Земле.

Создавалось впечатление, будто кто-то притащил планету сюда, поставил на стоянку и засеял простыми формами жизни. Но откуда ее притащили, кто это сделал и кто оплатил перевозку? Ведь всей энергии, израсходованной людьми и тельцианами за время Вечной войны, пожалуй, не хватило бы на то, чтобы вытащить планету за пределы системы Мицара.

Меня несколько успокаивало, что для тельциан это тоже было тайной.

Но существовали и другие, не менее, если не более волнующие тайны. И главной среди них была та, что этот угол вселенной прежде — тысяч пять лет назад — был обитаем.

Цогот, ближайшая из тельцианских планет, была обнаружена и колонизирована во время Вечной войны. Там тельциане нашли руины огромного города — больше, чем Нью-Йорк или

Лондон,— полузанесенные блуждающими дюнами. Вокруг планеты носило останки множества космических кораблей, среди них оказалось и межзвездное судно.

От существ, построивших эту мощную цивилизацию, не осталось никакого следа. Никаких статуй, картин или чего-нибудь еще такого, что можно было бы воспринять в этом значении с точки зрения известных культур. Больше того, на планете не удалось найти никаких останков обитателей, даже одной-единственной кости, что было совсем уж трудно объяснить.

Тельциане назвали их болур: «потерянные».

Я обычно готовил по шестодням, если не преподавал, но Грейтоны принесли нам пару кроликов, а тушенный со жгучим перцем кролик был одним из фирменных блюд Мэригей. Детям оно нравилось больше, чем подавляющая часть земных кулинарных изобретений. Вообще-то они предпочитали безвкусную местную пищу — единственное, пожалуй, чем их кормили в школе. Мэригей говорила, что это естественное свойство, механизм выживания вица: даже на Земле дети стараются есть хорошо знакомую, привычную еду. У меня в детстве такого не было, но ведь мои родители были странными людьми, хиппи. Мы

ели страшно острые, просто огненные индийские блюда. Я впервые попробовал мясо, когда мне исполнилось двенадцать и закон Калифорнии заставил родителей послать меня в школу.

Обед прошел весело. Билл и Сара обсуждали сплетни о том, кто из их друзей с кем встречается и кто с кем спит. Сара наконец-то рассталась с Тейлором, с которым водилась целый год, и потому рассказ Билла о публичном скандале, связанном с этим парнем, был воспринят с полной благосклонностью. Ее сильно задело, когда он объявил себя гомосексуалистом. Но, побесившись несколько месяцев, он снова прибежал к ней и попросился назад. Она тогда велела ему трахать мальчиков. А теперь выяснилось, что он в большой тайне ото всех имел в Харди дружка, который сходил по нему с ума и в конце концов приехал в колледж, чтобы устроить шумную сцену. Тут разговор перешел к таким сексуальным проблемам, о которых мы, как правило, не упоминали за столом. Но времена меняются, а забавы остаются забавами.

Глава 2

Весь наш заговор возник из невинного, в общем-то, даже шутливого спора, который состоялся у меня с Чарли и Дианой несколько месяцев назад. Диана была моим отрядным врачом во время нашей последней кампании на Сад-138, в Большом Магеллановом Облаке, Чарли тогда же служил со мной старшим офицером и являлся моим заместителем, Диана принимала и Билла, и Сару. Диана и Чарли были нашими лучшими друзьями.

Большинство жителей нашей общины отменило на шестодень все дела, чтобы прийти к Ларсонам помогать строить сарай. Тереза была ветераном, прошедшим две кампании, но ее жена Эми была уроженкой Пакстона[10] (так назывался близлежащий поселок, видимо с учетом того, что подавляющее большинство его населения составляли ветераны), причем уже в третьем поколении, и, биологически, нашей ровесницей. Они имели двух клонированных дочерей-подростков. Одна из них сейчас находи-

---

[10] Примечания: 10
Город Мира.

лась в университете, ну а вторая, Суз, приветливо встречала нас и угощала кофе и чаем.

Горячее питье было очень кстати: для поздней весны было очень уж холодно. И очень грязно. На Среднем Пальце имелась система управления погодой, которая обычно работала надежно — по крайней мере, так считалось,— но за последние две недели у нас было слишком уж много дождей, а перемещение облаков, похоже, не помогало. Боги дождя были немилостливыми. А может быть, веселыми или невнимательными; кто их разберет, этих богов.

Первыми, как обычно, прибыли Кэт и Альдо Вердер-Симс. И как обычно, Кэт и Мэригей тепло расцеловались и обнялись, но лишь на мгновение — из уважения к своим мужьям.

Во время своей последней кампании Мэригей, как и я, оказалась в мире, который нисколько не походил на наш родной. Но в отличие от меня она переломила свое естество и сумела влюбиться в женщину, в Кэт. Они прожили вместе несколько месяцев, но во время последнего сражения Кэт получила тяжелое ранение и была отправлена прямиком на госпитальную планету Небеса.

Мэригей понимала, что это значит: законы теории относительности и коллапсарный прыжок

разделили их на многие годы, если не на века. И потому она прибыла сюда, чтобы ждать меня — а не Кэт — в «Машине времени». Вскоре после того, как мы встретились, она рассказала мне все о Кэт, и я не придал этому большого значения, расценив это просто как разумное приспособление к обстоятельствам. Вообще, к лесбийским связям я всегда относился куда проще, чем к мужеложству.

А потом, почти сразу же после рождения Сары, появилась не кто иная, как Кэт. На Небесах она познакомилась с Альдо, там же услышала о Среднем Пальце, и они оба загорелись желанием попасть туда. Человек легко мог это сделать; к тому же в то время переселение на эту планету очень поощрялось. Из записей на Старгейте она узнала, что Мэригей находилась там же, ну а пространственно-временная геометрия сработала безотказно. Появившись здесь, она была примерно на десять земных лет моложе, чем Мэригей и я. И оказалась очень красивой.

Мы отлично ладили между собой — я играл с Альдо в шахматы, мы все гуляли вместе,— но нужно было быть слепым, чтобы не замечать мечтательных взглядов, которыми порой обменивались между собой Кэт и Мэригей. Мы иногда

подшучивали по этому поводу, но эти шутки не заходили дальше определенного предела. Думаю, что Альдо был озабочен этим сильнее, чем я.

Сара пришла вместе с нами, а Билл должен был прийти вместе с Чарли и Дианой после окончания церковной службы. Нам, неверующим, приходилось расплачиваться за свою интеллектуальную свободу тем, что мы, глубоко увязая в грязи, выгружали генератор силового поля.

Мы позаимствовали генератор в поселке и таким образом привлекли к постройке сарая единственного Человека. Она так или иначе приехала бы сюда как инспектор по строительству после окончания работы.

Генератор оправдывал свой вес, хотя бы в сравнении с бюрократами такой же массы. Поле не могло поднимать металлические фермы; это было под силу только работающим вместе людям. Но как только элементы конструкции оказывались на своих местах, поле крепко и совершенно ровно держало их в нужном положении. Как мелкий божок, раздражавшийся из-за того, что вещи разложены не под нужными углами.

Я держал своих богов в мыслях. Чарли и Диана примкнули к новой церкви Духовного рационализма и втянули в это дело еще и Билла.

Вообще-то у них не было богов в традиционном значении этого понятия, и потому казалось достаточно разумным, что люди пытались внести немного поэзии и мистики в свою повседневную жизнь. Я думаю, что Мэригей тоже присоединилась бы к ним, если бы не мое совершенно автоматическое сопротивление религии.

У Лара По имелись угломерные инструменты, в том числе древний лазерный коллиматор, мало отличавшийся от того, которым мне приходилось пользоваться, когда я еще был студентом-физиком. Нам все равно приходилось месить грязь и забивать сваи, но, по крайней мере, мы точно знали, что эти сваи окажутся именно там, где нужно.

Из поселка также прислали тяжелый грузовик, полный волоконной мастики, которая лучше, чем цемент, подходила для этого климата и была легче в использовании. Она оставалась полужидкой до тех пор, пока не подвергалась обработке несильным ультразвуком двух определенных частот, после которой навсегда отвердевала. Так что сперва обязательно следовало удостовериться, что на ваших руках и одежде не осталось мастики, и только потом включать звуковой генератор.

Комплект балок и креплений был доставлен большим флотером из Центруса. Пакстон распределял эти вещи на основе таинственной формулы, в которой учитывалось количество трудоспособного населения, производительность труда и фазы лун. Вообще-то этой весной мы имели право получить два сарая, но строить захотели только Ларсоны.

К тому времени, когда мы разметили участок, подошло уже человек тридцать. У Терезы имелась табличка, в которой был подробно описан и даже хронометрирован порядок работ. Каждый из подошедших с подчеркнутой готовностью выслушивал свое задание от «сержант Ларсон, сэр» (хотя на самом деле она была майором, как и я).

Мы с Чарли вместе занимались системой охлаждения. Все мы за первые же годы, проведенные на этой планете, твердо усвоили, что любое стационарное здание крупнее садовой беседки должно круглый год находиться на ледяном основании. Если же заложить фундамент в вечную мерзлоту, то за время долгой суровой зимы его неминуемо разорвет. И поэтому мы полагаемся на климат и строим на льду или замороженной глине.

Это было нетрудное, но чрезвычайно мокрое занятие. Другая команда сбивала прямоугольную

опалубку вокруг цоколя стен будущего здания плюс несколько сантиметров внутрь и наружу. Макс Вестон при помощи пневматического молота (он был одним из немногих достаточно крупных парней, кому по силам было справиться с этим инструментом) примерно через каждый метр забивал по периметру строения металлические прутья гораздо ниже уровня промерзания. Они должны были послужить сараю якорем против ураганных ветров, благодаря которым сельское хозяйство здесь превратилось в захватывающую и очень азартную игру. (Спутники управления погодой не могли набрать достаточно энергии для того, чтобы изменять направление движения ураганов.)

Мы с Чарли возились в грязи, соединяя одну с другой пластмассовые трубы; из них должна была образоваться длинная извилистая змея, на которой и будет покоиться псевдофундамент здания. Работа была не бей лежачего: «приложите — капните клей», «приложите — капните клей», правда, через некоторое время мы оба слегка забалдели от паров клея. А тем временем команда, сбивавшая опалубку, уже поливала глину водой из шланга, чтобы грязь перед заморозкой стала достаточно эластичной и однородной.

Мы наконец закончили, подключили трубы к компрессору и врубили его. Тут и все побросали работу и принялись смотреть, как жидкая грязь постепенно густеет и твердеет.

В доме, конечно, было потеплее, но мы с Чарли были слишком грязными для того, чтобы со спокойной душой войти в чью угодно кухню; так что мы просто уселись на куче пеностальных балок и позволили Суз принести нам чай.

Я указал пальцем на прямоугольник в грязи.

— Довольно сложное поведение для стада лабораторных крыс.

Чарли все еще пребывал в легком обалдении от клея,

— А у нас есть крысы?

— Самовоспроизводящееся стадо лабораторных крыс.

Он кивнул и отхлебнул чаю.

— Ты слишком пессимистически смотришь на мир. Мы переживем их. Я глубоко верю в это.

— Ну, конечно, вера может двигать горами. Планетами.

Чарли не пытался отрицать очевидного: того, что мы и впрямь были животными в зверинце или лаборатории. Нам позволяли свободно размножаться на Среднем Пальце на тот случай,

если бы что-то пошло не так в великом эксперименте, который являл собой Человек: миллиарды генетически идентичных неиндивидуумов, сливающихся в единое сознание. Или миллиарды близнецов из пробирки, совместно использующих единую базу данных, если бы вы захотели выразиться поточнее.

Мы могли размножаться таким же образом; никакой закон нам в этом не препятствовал. Так что любой из нас мог иметь сына или дочь, идентичных любому из родителей или же получивших гены от обоих родителей. Особенно если, как в случае Терезы и Эми, какие-нибудь мелкие биологические особенности делали нормальное деторождение невозможным.

Но главная идея состояла в том, чтобы в массовом количестве продолжать стихийное соединение генов. На всякий случай, если бы что-нибудь с их совершенствованием пошло не так. Мы были их страховым полисом.

Люди начали прибывать на Средний Палец сразу же после окончания Вечной войны. Поселившихся здесь ветеранов, иммиграция которых из-за релятивистских эффектов растянулась на несколько веков, насчитывалось на сегодня тысячи две, что составляло, видимо, процентов

десять от всего населения планеты. Мы старались держаться вместе в маленьких городах наподобие Пакстона. Мы привыкли иметь дело друг с другом.

Чарли закурил сигарету с травкой и предложил мне; я отказался.

— Я думаю, что мы могли бы пережить их,— сказал я,— если они позволят нам выжить.

— Они нуждаются в нас. В нас, лабораторных крысах.

— Нет, они нуждаются только в наших гаметах. Которые они вполне могут заморозить в жидком гелии и хранить сколько угодно времени.

— Да, понимаю. Ты считаешь, что «после получения спермы и яйцеклеток экспериментальные животные будут забиты», как это написали бы в научном отчете. Уильям, как бы ты ни думал о них, они не жестокие и не глупые.

Человек вышла из дому, взяла в машине руководство и ушла с ним обратно в кухню. Конечно, они все были похожи один на другого, но чем старше становились, тем больше у каждого появлялось индивидуальных черт. Все красивые, высокие, смуглые, черноволосые, с широкими подбородками и лбами. Эта где-то лишилась мизинца на левой руке и по каким-то причинам не

стала выращивать его заново. Вероятно, решила, что это дело не стоит времени и боли. Многие из нас, ветеранов, помнили, какую пытку представляет собой выращивание заново утраченных конечностей и органов.

— Они не станут уничтожать нас,— продолжил я разговор, когда она скрылась из виду,— да им это и не понадобится. Как только у них наберется достаточно генетического материала, они смогут изолировать нас и стерилизовать. Тогда этот эксперимент сам собой сойдет на нет: просто одна естественная смерть за другой на протяжении вполне представимого промежутка времени.

— Какой ты сегодня веселый!

— Я всего лишь пыль на ветру,— Чарли медленно кивнул. Я родился на шесть сотен лет раньше, чем он, и мы пользовались совершенно разными идиомами.— Но это может случиться, если они увидят в нас политическую угрозу. У них теперь прекрасные отношения с тельцианами, ну а мы — это джокер, который может объявить себя какой угодно картой. И притом не имеем группового сознания, с которым можно было бы общаться.

— Ну и что ты хочешь делать? Может быть, драться с ними? Так мы теперь уже не летние цыплята.

— Надо говорить «весенние цыплята».

— Я знаю, Уильям. Ну а мы даже не летние цыплята.

Я чокнулся с ним своей чашкой.

— Твоя правда. И все равно мы еще не слишком стары для того, чтобы сражаться.

— И чем же? Твоими переметами и моими подпорками для помидоров?

— Они тоже не так уж сильно вооружены.

Но уже говоря это, я почувствовал внезапный холод. Поскольку Чарли принялся перечислять то оружие, которым, насколько нам было известно, располагали Человеки, а мне пришло в голову, что мы пребывали в переломном историческом периоде: последний раз в человеческой истории имелось достаточно ветеранов Вечной войны, еще не слишком постаревших для того, чтобы драться.

А коллективный разум Человека наверняка сделал тот же самый вывод.

Суз принесла нам еще чаю и вернулась, чтобы сообщить остальным, что наше небольшое озеро грязи накрепко заморозилось. Так что времени для паранойи больше не оставалось. Но семя было посеяно.

Мы развернули два листа теплоизоляционной

прокладки, а затем приступили к работе уже по собственно возведению сарая.

Настилать пол было совсем нетрудно: он состоял из прямоугольных пеностальных плит, каждая из которых весила примерно килограммов восемьдесят. Так что их было нетрудно укладывать вчетвером, а то и вдвоем. Плиты были пронумерованы от 1 до 40, и нам оставалось лишь поднимать да опускать их, выравнивая по разметке, которую мы, агностики, сделали до появления прихожан из церкви.

Эта часть работы оказалась несколько хаотической, так как все тридцать человек хотели работать одновременно. Но в конечном счете нам все же удалось организовать их.

Потом мы все уселись и смотрели, как заливали мастику. Опалубка, в которой замораживали глину, служила формой и для нее. По и Элой Каси при помощи длинных, похожих на метлы штук разравнивали серую массу, выливавшуюся из грузовика. Она и сама выровнялась бы, но мы знали по опыту, что могли сэкономить час-другой, участвуя в процессе. Когда набрался слой сантиметров в двадцать и выровнялся, Человек щелкнула выключателем, и мастика превратилась в подобие мрамора.

Теперь-то и началась тяжелая работа. При помощи подъемного крана и погрузчика это было бы сделать совсем несложно, но Человек гордился тем, что эти комплекты были разработаны именно для ручного совместного труда, и потому с ними никогда, за исключением, пожалуй, критических ситуаций, не поставлялась тяжелая техника.

(Наша ситуация была вообще-то полностью противоположна критической. В этом году Ларсонам было почти нечего хранить в новом сарае: урожай винограда был чуть ли не полностью загублен проливными дождями.)

Каждая четвертая плита имела со всех четырех углов квадратные пазы для установки стоек. Нужно было взять две стойки, соединить между собой горизонтальной потолочной балкой, не жалея залить клей в пазы и поднять П-образную конструкцию в вертикальное положение. А потом включается силовое поле, и сборка точно устанавливается на место.

После того, как первый фрагмент занял свое место, работа пошла гораздо легче, так как теперь можно было поднимать следующие пролеты при помощи веревок, переброшенных через первую конструкцию.

Затем на первые роли вышли проворные молодые люди, лишенные страха высоты. Наши Билл с Сарой, Мэтт Андерсон и Кэри Талое взобрались по стойкам — это было не так уж трудно, благодаря специальным опорам,— и, стоя на горизонтальных балках, стали принимать снизу и собирать треугольные стропила. Они поливали места стыковки клеем, складывали балки в треугольники, а затем поднимали полученные фермы до тех пор, пока силовое поле не подхватывало их и не устанавливало на место. Покончив с этим, они принялись за более легкую работу: раскладывали и склеивали между собой кровельные листы. Тем временем мы все, оставшиеся внизу, делали то же самое с листами обшивки стен, а затем раскатывали толстую теплоизоляционную прокладку и укладывали ее изнутри на место. Кое-какие сложности были с установкой оконных блоков, но Мэригей и Кэт, работая в паре — одна внутри, а другая снаружи,— быстро справились с ними.

Внутренние работы почти не потребовали времени: конструкция была модульной до мельчайших деталей; в полу, стенах, потолочных балках были отверстия, предназначенные для закрепления точно вымеренных элементов отделки и планировки: столов, различных емкостей

для хранения тех или иных припасов, стеллажей, полок. Я даже немного заревновал, ведь наша хозяйственная постройка представляла собой всего лишь кое-как сляпанную лачугу.

Элой Каси, любивший возиться с деревяшками, приволок стеллаж, рассчитанный на сотню бутылок, так что у Ларсонов появилась возможность каждый удачный год запасать впрок часть своей продукции. Почти все захватили кое-что для вечеринки; я принес три десятка размороженных и выпотрошенных рыб. Жареные, с пряным соусом, они были не так уж плохи, и Бертрамы сразу же притащили свою уличную жаровню и несколько охапок дров. Они разожгли костер, когда мы приступили к внутренним работам, и к тому времени, когда покончили с ними, в жаровне были прекрасные жаркие уголья. Помимо нашей рыбы имелись цыплята, кролик и крупные местные грибы.

Я был слишком грязным и усталым для того, чтобы чувствовать себя так, как принято на вечеринках. Но в доме была теплая вода для умывания; к тому же Эми извлекла несколько литров самогона, который она несколько месяцев настаивала на ягодах, чтобы смягчить вкус. Напиток просто обжигал нутро и изрядно взбодрил меня.

Те же любители, что и всегда, принесли музыкальные инструменты, и они довольно хорошо звучали в большом пустом сарае. Несколько человек, у которых осталось достаточно энергии, принялись танцевать на новом мраморном полу. Я ел рыбу, грибы, жареный лук и выпил столько самогона, что готов был и сам начать танцевать.

Человек вежливо отказалась от нашего угощения, измерила нагрузку в нескольких узловых точках и объявила сарай безопасным. А затем она отправилась домой, чтобы заниматься там... Бог весть, чем они там занимаются.

Чарли и Диана присоединились ко мне возле жаровни: я снимал с нее рыбу, а они раскладывали куски цыплят.

— Значит, ты хочешь драться с ними? — негромко сказала она. Я знал, что Чарли обязательно обсудит с нею наш разговор.— А зачем? Если даже ты убьешь их всех, что это даст?

— О, я не хочу убивать ни одного из них. Они люди, что бы там они о себе ни говорили. Но я работаю над одной штукой. Я расскажу о ней на собрании, когда мы подчистим недоделки.

— Мы? Ты и Мэригей?

— Конечно.— На самом деле я еще не обсуждал этого с нею, так как сама мысль только что

— между мастикой и стойками — пришла мне в голову.— Один за всех и все за одного.

— Странные вещи вы говорили в старину.

— Мы были странными людьми.— Я осторожно снял с решетки жареную рыбину и положил ее на теплую тарелку.— Но мы делали дела.

Мы с Мэригей долго разговаривали этой ночью и ранним утром. Она, почти так же, как и я, была сыта по горло Человеком и нашей односторонней «договоренностью», согласно которой мы являлись племенным стадом, пастбищем которого была эта никчемная арктическая планета. Такое положение позволяло нам выжить, но и только. Мы должны сделать больше, пока еще достаточно молоды.

Поначалу она просто загорелась моей идеей, но затем заколебалась из-за детей. Я был почти полностью уверен, что смогу уговорить их присоединиться к нашему плану. По крайней мере, Сару, думал я про себя.

Мэригей согласилась, что нам следует проработать некоторые детали и только потом рассказать о наших мыслях на собрании. И ничего не говорить детям, пока мы не обсудим все с другими ветеранами.

Я не спал почти до рассвета; в крови пела

революция. В течение нескольких недель мы пытались жить нормально, но то и дело бросали все занятия, чтобы взять из тайника записную книжку и внести в нее очередные мысли.

Оглядываясь назад, я думаю, что мы должны были больше доверять Биллу с Сарой и подключить их к этому делу с самого начала. Возможно, тогда наши мысли на этот счет были несколько помрачены острым ощущением тайны и предвкушением удовольствия от того впечатления, которое она произведет, когда будет обнародована: разорвавшейся бомбы.

Глава 3

К закату дождь со снегом сменился мягким снежком, так что мы позволили Биллу отправиться прямо на свой волейбол, а сами пошли к Чарли пешком. Селена, спутник СП, была в полной фазе и светила сквозь тучи мягким опалесцирующим светом, так что можно было идти без фонаря.

Чарли и Диана жили приблизительно в километре от озера, среди рощи вечнозеленых деревьев, поразительно напоминавших земные пальмы. Широкие листья деревьев обвисли под тяжестью снега, покрывавшего Средний Палец.

Нам попеняли, что мы явились слишком рано. Я помог Диане поставить самовары и заварить чай, а Мэригей вместе с Чарли принялась возиться на кухне.

(У нас с Дианой была тайная сексуальная история, о которой, впрочем, она сама даже не знала. По обычаю своего времени она, перед тем как попасть сюда, была лесбиянкой, ну а во время нашей кампании на Сад-138 однажды напилась и пришла ко мне специально для того, чтобы познакомиться с ощущениями от старомодного секса. Правда, она отключилась, успев только сообщить мне о своих намерениях, а наутро не помнила ничего о том, что произошло.)

Я взял металлический чайник с кипятком и залил им листья в двух горшках. Чай был одной из тех культур, которые хорошо прижились на этой планете. Кофе здесь был не лучше, чем армейская соя. Просто тут не было ни единого достаточно теплого места, где кофе можно было бы выращивать в естественных условиях.

— Твоей руке лучше,— заметила Диана, когда я поставил тяжелый чайник на место.

После того как я потянул руку, работая на крыше, ей пришлось наложить мне эластичную повязку и дать какие-то пилюли.

— Не поднимал ничего тяжелее, чем кусочек мела.

Она стукнула по кнопке таймера для чая.

— Ты пользуешься мелом?

— Когда мне не требуется голография. Это просто очаровывает детей.— Я преподавал высшую физику в средней школе и введение в математическую физику в колледже.

— Ну и как, есть в этом поколении гении?

— Есть один в колледже, Мэтью Андерсон. Мальчик Леоны. Конечно, в средней школе он у меня не учился.— Одаренные школьники занимались в классах, где занятия вели Человеки. Сейчас у них учился мой сын Билл,— А вообще-то большинство из них очень способные. Я лишь стараюсь разбудить их.

Чарли и Мэригей принесли на подносах сыр и фрукты, и Чарли вышел прихватить еще несколько поленьев для камина.

Их дом был спланирован куда лучше, чем наш и вообще большинство подобных жилищ. Внизу находилась одна большая круглая комната, в отдельном алькове помещалась кухня. Здание представляло собой металлический купол — половину топливного бака тельцианского военного корабля — с прорезанными дверями и окнами,

а его индустриальное назначение полностью маскировалось внутри деревянными панелями и занавесками. Наверху располагались спальни и библиотека, к которым вела винтовая лестница. Там же находился небольшой кабинет и лаборатория Дианы, но в основном она вела свою работу в городе, в больнице и университетской клинике.

Камин представлял собой приподнятый над полом между серединой комнаты и стеной кирпичный круг, над которым нависал широкий раструб дымохода. Так что огонь в нем походил на лагерный костер; это было самое подходящее место для совещания старейшин.

Именно ими и являлись наши собрания, хотя возраст участников очень сильно разнился: от тысячи с лишним лет до какой-нибудь сотни, в зависимости от того, в какое время они включились в Вечную войну. А их физический возраст колебался от сорока плюс-минус два-три года до пятидесяти с небольшим, конечно, в земных годах. Здешние годы были в три раза длиннее. Возможно, люди в конце концов определят возраст для поступления в школу в два года, наступления половой зрелости — около четырех, совершеннолетия — шесть. Но не мое поколение.

Когда я попал сюда, физически мне было тридцать два года, хотя, если вы отнимете от нынешней даты дату моего рождения и не станете учитывать релятивистское расширение времени и прыжки через коллапсары, то узнаете, что в земных годах мне тысяча сто шестьдесят восемь лет. Так что теперь мне было пятьдесят четыре — или «тридцать два плюс шесть», как говорили некоторые, пытаясь совместить обе системы летосчисления.

Парами и по четыре начали собираться ветераны. Обычно являлось около пятидесяти человек; из них примерно треть обитала на расстоянии пешей прогулки. Среди них была женщина-наблюдатель с голографической камерой; она приехала из столицы, Центруса. Наша группа ветеранов не имела никакого названия, не подчинялась никакой реальной центральной организации, но в архиве хранились записи этих неофициальных встреч, каждая размером со стеклянный шарик времен моего детства.

Одна копия записи хранилась в безопасном месте, а вторая находилась в кармане женщины с камерой. Каждая из них должна была самоуничтожиться в случае прикосновения кого-нибудь из Человеков или тельциан: снаружи шарики

были покрыты пленкой, распознающей структуру дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Дело было не в том, что здесь тайно обсуждались подрывные акции. Человек знал о настроениях большинства ветеранов, но, похоже, не обращал на них внимания. Что мы могли сделать?

По той же самой причине на каждую встречу теперь приходило все меньше и меньше ветеранов, причем многие из них являлись лишь для того, чтобы повидаться с друзьями. Какой прок мог быть от жалоб? Все равно ничего нельзя было изменить. К тому же даже не все были убеждены в необходимости перемен.

Они не имели ничего против того, чтобы быть частью «евгенической базы» (которую я называл человеческим зверинцем). Когда один Человек умирал, на смену ему путем клонирования сразу же создавали другого. Их генетический код никогда не менялся — зачем от лучшего искать хорошего? А наша обязанность состояла в том, чтобы продолжать делать младенцев старомодным способом, основывающимся на случайных мутациях и эволюции. Предполагаю, что, если бы у нас получилось что-нибудь получше, чем Человек, они начали бы использовать наш генетический материал вместо своего. Хотя, воз-

можно, сочли бы нас опасными конкурентами и уничтожили.

Но, несмотря ни на что, мы были «свободны». Человек помог нам запустить цивилизацию на этой планете и помогал поддерживать контакт с другими населенными мирами, включая и Землю. Любой из нас мог даже поселиться на Земле после выхода в отставку, если, конечно, был готов пройти стерилизацию — такую цену нужно было заплатить, чтобы стать одним из них.

Многие из ветеранов так и поступили, но меня Земля совершенно не манила. Один огромный город, полный Человеками и тельцианами. Чтобы избавиться от их общества, я был согласен терпеть эти бесконечные зимы.

Большинство людей более или менее смирилось с такой жизнью. Сегодня вечером я надеялся изменить это отношение. Мы с Мэригей набросали план, и я намеревался вынести его на обсуждение.

Примерно через полчаса вокруг огня собралось человек сорок, и я предположил, что остальные, испугавшись погоды, остались дома. Диана призвала всех к вниманию, постучав вилкой по стакану, и представила женщину из Центруса.

Ее звали Лори, и говорила она с отчетливым

акцентом Человека, который отличал большинство центранцев. (Все мы, ветераны, говорили по-английски — это был универсальный язык участников Вечной войны, которые родились в разные столетия на разных континентах или даже планетах. Некоторые из нас говорили на нем только на таких вот встречах, и это сказывалось на произношении и манере речи.)

Она была маленькой и стройной, а из-под ее футболки выглядывала искусно сделанная татуировка: змея с яблоком во рту.

— Я могу сообщить вам очень немного кроме того, что было в новостях,— сказала она.— В день встреч на планету высадилось и осталось здесь множество тельциан, видимо, какая-то делегация. Но они так и не показывались публично.

— Вот и прекрасно,— заявил Макс Вестон.— Я совершенно не расстроюсь, если никогда больше не увижу ни одного из этих ублюдков.

— Тогда не ездите в Центрус. Я ежедневно вижу там одного или двоих в их пузырях.

— Это очень смело,— признал Макс.— Рано или поздно кто-нибудь выстрелит в них.

— Может быть, у них как раз такая цель,— вмешался я.— Приманка, жертвенные ягнята. Чтобы выяснить, у кого есть оружие и хватает злости.

— Очень может быть,— сказала Лори.— Похоже, что они ничего не делают, а просто прогуливаются.

— Туристы,— бросил Мухаммед Тен.— Даже тельциане могут быть туристами.

— Трое живут там постоянно,— заметила Кэт.— Один мой друг устанавливал теплообменник в их квартире в Управлении межпланетных коммуникаций.

— Во всяком случае,— продолжала Лори,— эти тельциане приезжали всего на день, их посадили в затемненный флотер, который пригнали из Дворца Законов, там они провели четыре часа, а затем вернулись на челнок и отбыли. Их видела пара кладовщиков; если бы не это, люди могли вообще ничего не узнать.

— Интересно, зачем нужно устраивать всю эту таинственность? — сказал я.— Ведь и прежде здесь бывали их делегации.

— Я не знаю. Странной была и краткость визита, и то, что гостей было четверо. Зачем групповому сознанию понадобилось посылать больше чем одного представителя?

— Перестраховка,— предположил Чарли.— Будь их меньше, Макс мог бы столкнуться с ними и убить троих голыми руками.

Насколько нам было известно, «коллективное сознание» тельциан было ничуть не более таинственным, чем у Человеков. Никакой телепатии или чего-нибудь подобного; индивидуумы регулярно передавали свой опыт в общую память и сами приобщались к общим знаниям. Если индивидуум умирает прежде, чем подключится к Дереву Памяти, новая информация пропадает.

Это казалось жутковатым, так как все они физиологически были близнецами. Но и мы тоже смогли бы делать то же самое, если бы решились просверлить дырки в черепах и воткнуть туда розетки. Премного благодарен, но лучше не надо. Мне хватает и своего собственного разума.

— Ну а кроме этого,— закончила Лори,— в Центрусе мало что происходило. Предложение о силовом поле снова провалили, так что нам придется еще год разгребать снег лопатами.

Кое-кто из наших рассмеялся: Центрус с населением в каких-нибудь десять тысяч был недостаточно большим городом, чтобы позволить себе расход энергии для поддержания силового поля на протяжении всей зимы. Но тем не менее он был столицей планеты, и некоторые его жители желали иметь силовое поле, причем не столько для удобства, сколько в качестве символа своего

положения в обществе. Они считали, что единственный на планете космопорт и посещения иноземных гостей еще недостаточно обособляли их от всех остальных.

Насколько мне было известно, здесь, в Пакстоне, тельциан не было. Находиться здесь было для них просто опасно: среди наших многочисленных ветеранов было много непримиримых, таких как Макс. Лично я не верил в их враждебные намерения. Вечная война была колоссальным недоразумением, и, возможно, мы заблуждались сильнее, чем они.

Конечно, они были все такими же уродливыми, и противно пахли, и убили многих моих друзей. Но не тельциане приговорили нас к пожизненному заключению на этом айсберге. Это была идея Человека. И несмотря на то, что Человек состоял из нескольких миллиардов близнецов, все они были людьми по своей биологической природе.

Значительную часть времени на этих встречах занимал раздраженный пересказ тех жалоб, которые уже были отправлены по официальным каналам. Энергетическая система была ненадежна, и, чтобы людям не грозила гибель, ее было необходимо реконструировать до наступления глубокой зимы, а единственным откликом из

Центруса был перечень технических приоритетов муниципалитета, в котором мы стояли на одном из последних мест, далеко позади населенных пунктов, находившихся ближе к столице. (Мы жили, пожалуй, дальше всех — своего рода Аляска или Сибирь, если пользоваться сравнениями, которые сейчас почти ни для кого не имели смысла.)

Конечно, главной причиной этих секретных встреч было то, что Центрус на самом деле не оправдывал наших надежд и не обслуживал наши потребности. Правительство было человеческим, представители туда избирались пропорционально численности населения и профессионального состава. Но за реальными делами управления Человек постоянно надзирал и имел в них право вето.

А приоритеты у Человека были совсем не такими, как у нас. Они вовсе не ограничивались делами города и страны, хотя подчас вмешивались и в них. Я называл такую политику «преднамеренное видообразование». Примерно половина всех Человеков планеты жила в Центрусе, а большая часть тех из них, кого направляли в дыры, наподобие нашего Пакстона, обычно проводили там один длинный год, а за-

тем возвращались обратно. Таким образом, все полезное, что делал Центрус, приносило пользу Человеку. И одновременно косвенным образом ослабляло нас, жителей провинций.

Мне, конечно, приходилось работать с учителями-Человеками и несколько раз иметь дело с администраторами. И я долго не мог привыкнуть к тому, что они чрезвычайно похожи внешне и на первый взгляд одинаково ведут себя. Всегда спокойные, разумные, серьезные и ласковые. С капелькой жалости к нам.

Мы говорили о проблеме энергосистемы, о школьных проблемах, о фосфатной шахте, которую намеревались построить слишком близко к Пакстону (правда, ее строительство потребовало бы построить и грузовую монорельсовую дорогу, которая была нам нужна), и о других, более мелких вопросах. А потом я бросил свою бомбу.

— У меня есть скромное предложение.— Мэригей посмотрела на меня и улыбнулась.— Мы с Мэригей думаем, что все мы должны помочь Человеку и нашим тельцианским братьям в их благородном эксперименте.

Вслед за этими словами наступила полная тишина; лишь огонь потрескивал в очаге. Я понял, что фраза «скромное предложение» для большин-

ства из них, рожденных через тысячу лет после Свифта, ничего не значила.

— Ладно,— прервал паузу Чарли.— Что вы придумали?

— Они хотят изолировать людскую популяцию для того, чтобы иметь генетическую базу. Давайте используем эту изоляцию для мести. Я предлагаю захватить «Машину времени». Но мы не станем болтаться между Мицаром и Алькором. Мы заберемся как можно дальше, а затем благополучно возвратимся.

— Двадцать тысяч световых лет,— добавила Мэригей.— Туда и обратно будет сорок тысяч. Дадим им две тысячи поколений для их эксперимента.

— И останемся одни на две тысячи поколений,— закончил я.

— Сколько из нас вы сможете забрать? — спросила Кэт.

— «Машина времени» может взять сотни две человек, если ее набить битком,— ответила Мэригей.— Я провела там несколько лет в ожидании Уильяма, и это было не так уж тяжело. Думаю, что сто пятьдесят человек смогут с комфортом прожить там достаточно долго.

— Как долго? -г поинтересовался Чарли.

— Десять лет,— сказал я.— Реальных лет.

— Интересная мысль,— медленно произнесла Диана.— Но я сомневаюсь, что вам потребуется угонять это чертово корыто. Это музейный экспонат, пустующий уже целое поколение. Можно просто попросить его у Человека.

— Нам не нужно будет даже просить об этом. Человек уверяет, что право собственности на этот корабль просто-напросто юридическая фикция. Лично я заплатила одну триста двенадцатую часть его стоимости,— заявила Мэригей. На «временном челноке» побывало триста двенадцать ветеранов.

— Из богатства, искусственно созданного релятивистскими эффектами,— заметила Лори.— Ваше жалованье с процентами за то время, пока вы были на военной службе.

— Именно так. Все же это были деньги.— Мэригей повернулась к остальным.— А из вас никто не купил кусочек челнока?

Все дружно замотали головами, лишь Тереза Ларсон подняла руку.

— Они форменным образом ограбили нас,— сказала она.— У меня были миллиарды земных долларов, на которые я могла бы купить поместье на Ниле. Но на Среднем Пальце я не смогла бы купить за них и куска хлеба.

— Чтобы выступить в роли адвоката дьявола,— вмешался я,— замечу, что Человек предложил «взять на себя управление капиталами», если люди решат отказаться от них сами. А большинство людей не имели ни малейшей заинтересованности в деньгах после того, как они послужили их целям.

— В том числе и я,— добавила Мэригей.— И не отрицаю, что с готовностью позволила себя надуть. Они выкупили наши доли за деньга, которые мы могли тратить только на Земле. Тогда это были смешные, ничего не стоящие деньги в обмен на ничего не стоящий антиквариат.

— Это настоящий антиквариат,— согласился я.— Мэригей однажды возила меня на этот корабль. Но вам когда-нибудь случалось задуматься: зачем они поддерживают его в рабочем состоянии?

— Говори,— потребовала Диана.— Куда ты клонишь?

— Уж конечно, они берегут его не из сентиментальности. Я подозреваю, что они держат его как своего рода спасательную шлюпку для себя на тот случай, если дела пойдут худо.

— Так давайте помешаем им,— предложил Макс.— Свалим их туда штабелями и запустим об-

ратно к Земле. Или к их тельцианским друзьям.

Я не стал ему отвечать.

— Независимо от того, какие планы они строят насчет этого корабля, они не позволят нам так просто завладеть им. Он был построен три земных столетия назад, но все еще остается самым большим и мощным средством передвижения в этом углу вселенной. Даже без оружия крейсер третьего класса — это колоссальная мощь и совершеннейшая техника. Они больше не делают ничего, подобного ему. Он, вероятно, представляет собой не меньше одной десятой всех материальных ценностей в системе.

— Очень интересная мысль,— сказала Лори.— Но как вы намерены попасть туда? Оба орбитальных челнока, имеющихся на планете, находятся в Центрусе. Вам потребует-

ся угнать по меньшей мере один из них, прежде чем угонять «Машину времени».

— Это нужно обдумать получше,— признал я.— Мы должны создать ситуацию, в которой у них не будет иного выхода, кроме как разрешить нам занять корабль. Предположим, что мы похитили тех четырех тельциан и угрожаем убить их?

Она рассмеялась:

— Скорее всего они скажут: «Действуйте!» и

вызовут еще четверых.

— Не уверен в этом. Я подозреваю, что на самом деле они могут быть не более взаимозаменяемы, чем Человеки. Мы знаем лишь, что они сами так говорят. Если это так, то зачем же им нужно было посылать четверых? Вы же сами об этом говорили.

— Вы могли бы сначала спросить у них насчет корабля,— предположила Эми Ларсон.— Я хочу сказать, что они рассудительны. А если они откажут, то...

Присутствующие оживленно заговорили; кто-то громко рассмеялся. Эми была уроженкой Пакстона в третьем поколении, а не ветераном войны. И находилась она здесь потому, что была супругой Терезы.

— Ты росла с ними, Эми.— Диана говорила спокойно, сохраняя на лице нейтральное выражение,— Кое-кто из нас, стариков, не столь доверчив.

— Значит, мы улетим отсюда на десять лет или сорок тысяч лет, а затем вернемся,— сказал Лар По.— Предположим, что эксперимент Человека окажется успешным. Мы окажемся никому не нужными кроманьонцами.

— Еще хуже,— бодро откликнулся я.— Они,

вероятно, направят свое развитие по какому-нибудь совершенно новому пути. Мы можем оказаться у них в роли домашних животных. Или медуз. Но дело в том, что и вы, и я, и вообще большинство из нас, присутствующих или не присутствующих здесь, уже являемся таковыми. Ведь каждый раз, возвращаясь после очередной кампании, мы были вынуждены вновь браться за то же самое дело, пусть даже на Земле прошло всего лишь несколько десятков лет. Большинство наших друзей и родственников умирали или превращались, постарев, в совершенно незнакомых людей. Обычаи и законы оказывались чужими. А мы были непригодны почти ни для какого дела, кроме войны.

— А теперь ты хочешь сделать это еще раз, но добровольно? — прищурился Чарли.— Покинуть ту жизнь, которую создал сам для себя?

— Рыбак-учитель. От этого я вполне могу отказаться.

— У нас с Уильямом положение гораздо лучше, чем у большинства,— сказала Мэригей.— Наши дети уже большие, а мы все еще достаточно молоды для того, чтобы начать все сначала.

Эми мотнула головой. Биологически она была нашей ровесницей; у них с Терезой были две

дочери-подростка.

— Неужели вам неинтересно, какими вырастут ваши дети? Вы не хотите увидеть своих внуков?

— Мы надеемся, что они отправятся с нами,— ответила Мэригей.

— А если нет?

— Значит, нет,— вмешался я.— Многие дети уезжают из дома и начинают свою собственную жизнь.

— Но не многие родители,— возразила Эми.— Посмотрите, какую участь вы им предлагаете. Покинуть свой собственный мир, чтобы пойти следом за своими родителями.

— Как путешественники во времени. Как первопроходцы.

— Отвлекитесь на минутку от проблемы отцов и детей,— вмешался в разговор Чарли.— Неужели ты думаешь, что вам удастся завербовать сотню, а то и полторы, и при этом никто из них не отправится к ближайшему Человеку и не укажет на вас пальцем?

— Именно поэтому мы хотим, чтобы в этом пока что участвовали одни ветераны.

— Я просто не желаю видеть моего старейшего друга в тюрьме.

— А мы и так находимся в тюрьме, Чарли.—

Я махнул рукой вокруг себя.— Мы не видим решеток только потому, что они находятся за горизонтом.

Глава 4

Собрание закончилось в полночь, после того, как я призвал к голосованию. Шестнадцать человек поддержали нас, восемнадцать были против, а шестеро воздержались. Поддержка оказалась даже больше, чем я рассчитывал.

Мы шли домой, с удовольствием вдыхая ночной воздух, почти не разговаривая друг с другом. Снег сыпал с небес, приятно хрустел под ногами.

Мы вошли через черный ход и сразу же увидели Человека. Он сидел за обеденным столом, потягивая чай. У огня грел спину тельцианин. Моя рука автоматически дернулась за отсутствующим оружием.

— Уже поздно,— сказал я Человеку, не сводя взгляда с фасеточного рыбьего глаза тельцианина.

Тот помахал своей семипалой рукой; все четырнадцать суставов неприятно изогнулись.

— Мне нужно не откладывая поговорить с вами.

— Где дети?

— Я попросил их подняться наверх.

— Билл! Сара! — позвал я.— Что бы вы ни намеревались нам сказать, они имеют право это услышать.

Я повернулся к тельцианину.

— Вечер доброй удачи,— произнес я на его языке.

Мэригей повторила те же слова, правда, с лучшим произношением.

— Благодарю,— ответило существо по-английски,— но, боюсь, не для вас.

Оно было одето в черный плащ, который в сочетании с морщинистой оранжевой кожей составлял идеальный наряд для Хеллоуина. Плащ несколько маскировал иноплеменника, скрывая осиную талию и огромный таз.

— Наверно, я стал совсем стариком,— сказал я Человеку.— Лори походила на одну из нас.

— Она такая и есть. Она не знала, что мы все слышали.

На лестнице появились Билл и Сара в длинных ночных рубашках.

— Спускайтесь. Мы не собираемся говорить чего-нибудь такого, чего вам нельзя было бы услышать.

— Зато я собираюсь,— возразил Человек.— Возвращайтесь в постели.

Дети повиновались.

Неутешительно, но и неудивительно. Но они в любом случае могут подслушать.

— Это Антрес-девятьсот шесть,— представил Человек тельцианина,— атташе по культуре на Среднем Пальце.

— Хорошо,— кивнул я.

— Вас интересует, почему он здесь?

— Не особенно. Но валяйте, сообщите.

— Он пришел сюда потому, что тельцианские представители должны присутствовать на любых переговорах, связанных с возможными путешествиями к тельцианским планетам.

— Какое это имеет отношение к культуре? — поинтересовалась Мэригей.

— Прошу прощения?

— Это атташе по культуре,— пояснила она,— Какое он имеет отношение к нашему намерению позаимствовать временной челнок?

— Понятие «культура» включает в себя и туризм. А кража не есть заимствование.

— Наш маршрут не имеет к ним никакого отношения,— сказал я.— Мы намереваемся идти прямо, прочь из плоскости галактики, и так же

прямо вернуться обратно. Фактически это будет равнобедренный треугольник.

— Для этого вы должны были обратиться в соответствующие инстанции.

— Конечно. И начнем с вас, шериф.— Он запоздало прикрыл тыльную часть кисти руки, на которую было нанесено идентификационное клеймо.

— Вы могли начать с кого угодно. Мы коллективный разум.

— Но послали вы не любого. Вы послали единственного Человека в этом городе, который имеет оружие и занимается силовыми упражнениями.

— Вы оба солдаты.— Он приподнял полу куртки и показал нам большой пистолет.— Вы могли оказать сопротивление.

— Сопротивление чему? — спросила Мэригей.

— Требованию пойти со мной. Вы арестованы.

В Пакстоне слишком мало преступников, чтобы устраивать настоящую тюрьму, но помещение с замками на дверях, естественно, было. Я находился в белой комнате без окон, где имелся матрас на полу и унитаз. Рядом с унитазом на стене висел умывальник, а в противоположном конце комнаты стоял складной стол. Никакого сиденья. В стол была встроена клавиатура, но она не работала.

В комнате, как в баре, пахло разлитым алкоголем. Видимо, они по каким-то причинам использовали для дезинфекции спирт.

Я заглядывал в участок в прошлом году и знал, что тут есть только две камеры для задержанных. Так что мы с Мэригей явили собой прилив преступности. (Вообще-то серьезных преступников не оставляли здесь даже на ночь, а прямо отправляли в настоящую тюрьму в Вимберли.)

Какое-то время я потратил на поиски ошибок в своих расчетах, а потом сумел заставить себя поспать несколько часов, несмотря на то что освещение не выключалось.

Когда шериф открыл дверь, я увидел за его спиной солнечный свет; значит, было десять или одиннадцать часов. Он вручил мне белую картонную коробку, в которой оказались мьио, зубная щетка и другие туалетные мелочи.

— Душ в холле,— сообщил он.— Когда будете готовы, прошу вас к себе на чай.

С этими словами он повернулся и удалился.

Душевых кабины оказалось две. В одной уже находилась Мэригей.

— Сказал он тебе что-нибудь? — спросил я, повысив голос, чтобы перекрыть шум воды.

— Только отпер дверь и пригласил на чай. По-

чему мы не догадались поступать так с детьми?

— Теперь уже слишком поздно начинать.

Я принял душ, побрился, и мы вместе отправились в кабинет шерифа.

Пистолет висел на вешалке у него за спиной. Все бумаги на столе были небрежно сдвинуты в угол, а посредине стоял чайник, тарелка с крекерами и баночки с джемом и медом.

Мы сели, и он налил нам чаю. У него был усталый вид.

— Я всю ночь пребывал в Дереве.— За время, прошедшее с тех пор, как в Центрусе наступило утро, он мог связаться с сотнями или тысячами Человеков — И получил предварительное согласие.

— И на это потребовалась целая ночь? — удивился я.— Для коллективного разума вы общаетесь не слишком быстро.

На этот счет я уже не раз посмеивался над моими коллегами-Человеками в университете. (Вообще-то физика была хорошим примером ограниченности Человека: отдельный Человек мог воспользоваться запасом знаний моих коллег, но он или она все равно не смогли бы ничего как следует понять, если не изучали предварительно физику.)

— Значительную часть времени заняло ожидание вызванных индивидуумов. Помимо вашего... вашей проблемы, нужно было принять еще одно решение, имеющее к ней отношение. Чем больше листьев, тем больше Дерево.

Варенье оказалось из зеленики, кислой ягоды с пряным ароматом, которая сразу же мне понравилась; это оказалась одна из немногих вещей, которые произвели на меня приятное впечатление чуть ли не в первый же день после моего прибытия на Средний Палец. Я прилетел сюда глубокой зимой.

— Итак, вы решили повесить нас на городской площади? — бодро сказал я.— Или это будет простая тайная казнь?

— Если бы вас было необходимо убить, это уже бьгло бы сделано.— (Прекрасное чувство юмора.)

— Тогда что же явилось предметом обсуждения?

Он подлил себе чаю.

— Придется подождать. Мне потребуется одобрение Целого Дерева,— Это означало отправку сообщения на Землю и обратно, что должно бьгло занять по меньшей мере десять месяцев.— Но предварительное согласие состоит в том, чтобы отослать вас с моего благословения. Дать вам

временной челнок.

— Зато при этом,— подхватила Мэригей,— вы избавляетесь от полутора сотен опасных мятежников.

— И это еще не все. Уже сейчас каждый из вас представляет собой изумительный анахронизм. А только представьте себе, какую ценность вы обретете через сорок тысяч лет!

— Живые окаменелости,— сказал я.— Блестящая мысль.

Он на мгновение задумался: слово было незнакомым.

В знакомом ему мире не имелось никаких настоящих окаменелостей.

— Да, и в строении тела, и в образе мыслей. В том смысле, в каком я сам связан со своим родоначальником. Я должен сам подумать об этом.

Мне показалось, что он имел в виду то, что на их языке означало «коллективное *л*».

— Вы сказали, что принималось два решения,— заметила Мэригей.— Связанных между собой.

— Второе решение — это как бы зеркальное отражение вашего.— Он улыбнулся.— Вы знаете, я очень люблю людей. Меня всегда очень печалило, когда я видел, как вы живете исковерканной жизнью.

— Исковерканной... нашим индивидуализмом? — решил уточнить я.

— Именно так! Неспособностью слиться с Деревом и разделить свою жизнь с миллиардами других.

— Ну что ж, нам предоставили выбор, когда увольняли со службы. У меня было более двадцати лет, чтобы пожалеть о том, что я не присоединился к вам, но пока что я по-прежнему рад, что не сделал этого.

— Да, у вас был выбор, и некоторые ветераны приняли другое решение.

— И сколько же их было? — поинтересовалась Мэригей.

— Вообще-то меньше одного процента. Но Человек был тогда для вас новым и странным. Дело в том, что с тех пор, как вам предложили выбор, прошла уже сотня лет — почти триста земных лет. Население Среднего Пальца дошло за это время до двадцати с лишним тысяч, а этого более чем достаточно для того, чтобы поддержать жизнеспособную генетическую базу. Так что я хочу снова предложить людям выбор.

— Любой желающий сможет стать вами? — Я имел твердое убеждение, сходное с предчувствием, что детям следует остаться со мной.

— Нет, это могут быть только несколько особей из поколения, те, кто пройдет тест на пригодность. И они, конечно, не станут по-настоящему мною: их генетическая структура будет неудовлетворительной. Но все равно, они окажутся листьями Дерева.— Он улыбнулся, и выражение его лица не показалось мне снисходительным.— Для вас это звучит ужасно, не так ли? Вы называете нас «зомби».

— Мне представляется, вас уже и так достаточно на этой планете. Не считая десяти миллиардов, или сколько вас там, на Земле. Почему бы не предоставить нас самим себе? Ведь первоначальный план был именно таков.

— Эта идея совместима с первоначальным планом, только гуманнее, чем он. Вы не видите этого, потому что вы слишком старомодны.

— Ну что ж, по крайней мере, у нас есть десять месяцев, чтобы привыкнуть к мысли.— (Чтобы убедить Билла и Сару.)

— О, дело здесь не только в космическом корабле. Я могу забежать вперед: и если Целое Дерево не будет согласно, то воздействовать придется лишь на немногих людей. Но я знаю себя; я знаю Дерево. Никакой проблемы не будет.

— Но те, кто присоединится к вам, все же оста-

нутся человеческими особями? — спросила Мэригей.— Они смогут все так же жениться и иметь семьи?

На лице Человека появилось озадаченное выражение.

— Конечно нет.

— Но будут ли они хотя бы способны на это? — добавил я.

— О, нет. Они должны будут согласиться на стерилизацию,— Он потряс головой,— Вы не понимаете. Вы говорите, что меня больше чем достаточно. На самом деле это вас слишком много.

Глава 5

Прямо из тюрьмы я отправился в университет. Моя лекция начиналась в 14.00, а я любил приходить в «лавку» за час до занятий, чтобы еще разок просмотреть конспекты и иметь возможность поговорить со студентами, если бы у них появилось такое желание. К тому же в это время в преподавательской столовой подавали горячий ланч.

Именовать это заведение университетом было, конечно, проявлением мании величия, несмотря даже на то, что здесь давали дипломы по двум дюжинам специальностей. Оно представляло собой

десяток стоявших кружком бревенчатых домов, соединенных между собой крытыми переходами. Мой физический корпус состоял из двух лабораторий, двух маленьких аудиторий и аудитории побольше, которую мы делили с химиками и астрономами. На втором этаже (на самом деле это был всего лишь высокий чердак) находился склад учебных материалов и два небольших кабинета.

Я делил кабинет с Человеком и Джинн Сильвер. Джинн не была на собрании, потому что уехала в Центрус на свадьбу сына, но я был почти уверен, что она окажется на нашей стороне.

Она не испытывала ни малейшей любви к Человеку вообще и, в частности, к тому из них, с которым ей приходилось встречаться в этом кабинете.

Когда я, быстро выхлебав тарелку супа в столовой, вошел в кабинет, он находился там. Это было странно: занятия у него проходили с утра, и обычно он здесь не болтался.

Он смотрел в окно.

— Знаете,— сказал он без всяких предисловий,— мы ожидали, что вы будете одним из первых, кто сможет присоединиться к нам. А вовсе не первым, кто с нами расстанется.

— Именно так все и было — Я сел и уставился на

мой экран.— На какую-то микросекунду у меня возник такой соблазн. Но затем здравомыслие все же вернулось.

— Шутки в сторону. Вам нужно некоторое время, чтобы обдумать преимущества нашего общества.

— Я не шучу,— ответил я, подняв на него взгляд.— Для меня это было бы нечто вроде смерти.

— Смерть вашей индивидуальности.— Он произнес последнее слово очень медленно, с едва уловимым оттенком презрения.

— Вряд ли вы сможете по-настоящему понять это. Это свойство человеческого существа,

— Я человеческое существо.— С технической точки зрения это было правдой.— Если вы хотите иметь еще детей, то вы можете взять их.

Это был, конечно, неотразимый аргумент.

— Благодарю вас, двух вполне достаточно.— Я вызвал на экран компьютера директорию.

— Вы могли бы сберечь столько времени для исследований...

— Я не провожу исследований. Я всего лишь скромный рыбак, который пытается преподавать кинематику вращения. Если, конечно, ему дают возможность просмотреть записи.

— Прошу прощения.

В дверь негромко постучали.

— Мастер Манделла...

Барил Дэйн, с последнего курса.

— Заходите, Барил.

Он взглянул на Человека.

— Я не хочу отнимать у вас время. Только, ну... В общем, я слышал о вашей идее путешествия во времени. А любой может в него отправиться?

— Нам придется вести отбор среди добровольцев.— Он был не из лучших студентов, но я делал скидку на его домашние условия. Его мать была пьяницей, а отец жил в Филбине.— А тебе уже исполнилось шесть лет?

— В архимеде исполнится. Тринадцатого архимеда.

— Ты не опоздаешь,— До совершеннолетия ему оставалось еще шесть месяцев,— Нам понадобятся молодые люди. Что тебе удается лучше всего?

— Музыка. Я не помню, как это у вас, по-английски, называется... чозед-ренг.

— Арфа,— подсказал Человек, глядя в сторону.— Сорокачетырехструнная магнетогармоническая неоарфа.

Бог мой, я ненавидел ее стонущий звук.

— Посмотрим. Нам потребуются разнообразные

таланты.

Хотя, пожалуй, людская музыка будет пользоваться приоритетом.

— Благодарю вас, сэр.— Он кивнул и отступил, как будто я все еще оставался его учителем.

— Дети уже знают,— сказал Человек.— Я удивлен.

— Хорошие новости быстро расходятся.— Я выдвинул громко скрипнувший ящик, вынул стило и блокнот и притворился, что переписываю что-то с экрана.

В классной комнате было душно. Я немного приоткрыл окно и сел на стол. Все двенадцать студентов были на месте.

Симпатичная девочка за передней партой подняла руку.

— Скажите, мастер, на что это похоже — оказаться в тюрьме?

— Прата, за столько лет, проведенных в школе, ты должна была узнать все, что следует знать о тюрьме,— Ответом послужил легкий смешок.— Это просто-напросто комната без окон.

— Вы испугались, мастер? — Это Модеа, мой лучший ученик.

— Конечно. Человек нам неподотчетен. Меня могли запереть навсегда и заставить есть те по-

мои, которые и вы, и они называете едой.— Они снисходительно улыбнулись моей старомодности.— Или же могли казнить меня.

— Человек не стал бы этого делать, сэр.

— Полагаю, что вы знаете их лучше, чем я. Но шериф достаточно прозрачно намекнул, что это вполне в их силах.— Я поднял над головой свой конспект.— Давайте отвлечемся ненадолго от этой темы и вспомним, что нам известно о большом «I», моменте инерции.

Это была трудная тема. Кинематика вращательного движения не поддается интуитивному усвоению. Я не забыл, сколько неприятности имел с ней в недавнем прошлом, ближе ко Дню Ньютона. Дети ходили на уроки, записывали то, что я им говорил, но большинство из них делало это «на автопилоте». Потом они заучивали наизусть свои записи, надеясь со временем сложить из них единую картину. А некоторые и не надеялись. (Я подозревал, что трое совершенно безнадежны, и мне придется вскоре поговорить с ними.)

Урок кончился. Пока ученики одевались, Гол При высказал наконец общее беспокойство:

— Мастер Манделла, а если Человек позволит вам забрать космический корабль, то кто будет

нашим преподавателем? Учителем математической физики?

Я на мгновение задумался, взвешивая возможности.

— Вероятно, Человек, если такой специалист найдется в Пакстоне.— Лицо Гола слегка напряглось. Ему приходилось заниматься у моего соседа по кабинету.— Хотя я постараюсь поискать. В Центрусе есть множество людей, которые могли бы вести эти занятия, если, конечно, у них внезапно появится стремление жить на границе.

— А вы могли бы вести занятия на корабле? — спросила Прата.— Если мы тоже улетим?

Выражение ее лица было загадочным и несколько двусмысленным. Спокойно, парень: она лишь немного старше твоей дочери.

— Конечно. Это единственное, на что я способен.

Вообще-то мне могли поручить заготавливать рыбу для «Машины времени». Вероятно, она должна была стать основой рациона, а я хорошо умел пользоваться косарем.

Вернувшись домой после занятий, я не пошел прямо на причал. Не было никакой спешки. День был ясным и холодным, Мицар озарял небо голой энергетической синевой, похожей по цвету на

электрическую дугу. Я решил дождаться Билла из школы.

Я согрел чайник и просмотрел новости. Информация передавалась из Центруса, так что наша история стала известна, но была спрятана в разделе провинциальных новостей и имела перекрестные отсылки к рубрикам «ветераны» и «Земля». Ну и прекрасно. Я не хотел получить слишком много вопросов до тех пор, пока у нас не появятся ответы на них.

Я попросил включить любое произведение Бетховена и молча слушал, глядя на озеро и лес. Наверняка придет время, когда я буду считать сумасшедшими тех, кто решил променять эту жизнь на аскетическую строгость и однообразие бытия на космическом корабле.

Да, было время, когда я — мы — питали романтические иллюзии насчет жизни на границе. Мы прибыли сюда, когда Мэригей была беременна Биллом. Но с тех пор место сильно разрослось и стало подобием Центруса, только без его удобств. А более удаленных мест, где можно было бы жить, не было. Не существовало никакого демографического давления (по крайней мере, в том масштабе, о котором имело бы смысл говорить). И никаких культурных предпосылок, опираясь

на которые можно было бы обосновать переезд еще куда-нибудь.

Одной из бесполезных вещей, которые я запомнил со школы, был тезис Тернерар[11]. А он гласил, что американский характер был сформирован стремлением к границе, которая всегда удалялась и всегда сохраняла свою притягательную силу.

От этой мысли меня ненадолго бросило в дрожь. Не были ли наши помыслы проявлением этого самого стремления?

Временной версией мечты, погибшей задолго до моего рождения. Хотя она привела моего отца вместе со всем моим семейством — в микроавтобусе «фольксваген», чье ржавое тело было сплошь разрисовано цветами,— на побережье Тихого океана, а затем на север, на Аляску. Где мы обнаружили сляпанные на скорую руку в подражание пограничным факториям лавки, где подавали кофе латте и капуччино.

Вполне возможно, что из всего десятка миллиардов душ, населявших этот угол Галактики, только Мэригей и я имели какое-то призрачное осознание американского понятия границы. И Чарли, и Диана, и Макс были рождены в месте,

---

[11] Примечания: 11

Тернер, Фредерик Джексон (1861-1932) — американский историк.

которое все еще именовалось Америкой, но это было вовсе не то место, о котором рассуждал Фредерик Джексон Тернер, и его единственная «граница» проходила на расстоянии бесчисленных световых лет и столетий, где мужчины и женщины вели беспричинную борьбу с непостижимым врагом.

Появился Билл, мы надели передники и перчатки и отправились на причал. Обрабатывая первые два перемета, мы двигались в почти полном молчании, обмениваясь лишь необходимыми односложными словами. Билл казнил рыб с таким пылом, что дважды всадил косарь глубоко в деревянный стол.

— Ну как, тебе наговорили гадостей насчет родителей — тюремных пташек?

— Пташек? А, заключенных в тюрьму... Да они в основном считали, что это очень забавно. Похищение космического корабля и все такое прочее — как в кино.

— Похоже, что мы его все-таки получим.

— Наша историчка, Человек, сказала: она думает, что дадут. Они могут заменить этот корабль на более новый; пригнать его с Земли через коллапсар. И никакой реальной потери.— Он с силой рубанул лезвием по рыбе.— Для них.

Его намек был достаточно ясен.

— Но потеря может быть реальной для тебя. Если ты не отправишься с нами.

Он мгновение смотрел на корчившуюся безголовую рыбу, затем отрубил ей хвост и бросил ее в морозильник.

— Есть вещи, которые я не могу сказать по-английски. Возможно, в нем нет для этого слов.

— Продолжай.

— Ты сказал: «Может быть потеря для тебя». Или же ты мог сказать: «*Будет* потеря для тебя». Но ничего среднего между этими двумя значениями.

Я замер, держа леску в руках и пытаясь разобраться в грамматике.

— Я не понимаю. «Может» говорится, если речь идет о будущем, о чем-то находящемся под сомнением.

Он выплюнул фразу на стандартном языке:

— Ta meey a cha! «Meey» говорят, когда результат сомнителен, но решение принято. Не «ta loo a cha» или «ta lee a cha», означающее то же самое, что и ваше «может быть» или «будет».

— Я никогда не был силен в языках.

— Наверно, да. Но дело не в этом, не в этом, не в этом...— Он сердито стиснул челюсти, лицо

покраснело. Казнил еще одну рыбу и прицепил голову на крюк.— Независимо от того, какой будет результат, вы сделали это. Вы объявили всему миру: «Черт с ними, с Биллом и Сарой». Вы идете своим собственным путем. Позволит вам Человек или нет, но намерение у вас именно такое.

— Это очень резко.— Я закончил разделывать рыбину.— Вы можете отправиться с нами. Я хочу, чтобы вы были с нами.

— И что ты предлагаешь? Бросить все! Большое спасибо.

Я внутренне напрягся, чтобы говорить спокойно.

— Вы могли бы рассмотреть это как возможность.

— Возможность для вас. Мне через десять лет будет... что-то около тридцати чуть больше, или чуть меньше, а все, кого я знаю, кроме вас, будут мертвы уже сорок тысяч лет. Это не возможность. Это приговор! Почти смертный приговор.

— Для меня это граница. Единственная оставшаяся.

— Ковбои и индусы,— негромко сказал он, вновь принимаясь за рыбу. Я не стал добавлять «пакистанцы».

Я понимал, что нормальным был он, а не я,

даже по меркам моей собственной давно погибшей культуры. Мэригей, и я, и другие ветераны Вечной войны не раз перескакивали вперед во времени, обычно зная, что по возвращении единственными живыми нашими современниками будут те люди, вместе с которыми они совершили это путешествие.

И через двадцать лет после окончания войны это все еще являлось для меня важнейшим из понятий: настоящее — всего лишь иллюзия и, хотя жизнь продолжается, любая жизнь — это просто парок от дыхания на ветру. На следующий день этой посылке суждено было оказаться оспоренной, причем со стороны совершенно неожиданного оппонента.

Глава 6

Три раза в течение длинного года я должен был представать перед Дианой для одной примитивной медицинской процедуры. Ни один Человек и никто из людей, рожденных на протяжении нескольких последних столетий, не болел раком, но у некоторых из нас, ископаемых, не существовало генов, подавляющих это заболевание. И потому Диане периодически приходилось

заглядывать туда, где, как мы это называли, не светило солнце.

Стена ее кабинета, находившегося наверху, в куполе, поначалу сверкала металлом. В то время из-за полукруглой формы комнаты в ней была очень странная акустика. Диана могла что-то говорить тихим шепотом, стоя в дальнем конце комнаты, а вам казалось, будто она говорит прямо в ухо. Чарли, Макс и я вытащили несколько стоек и панелей из склада позади пожарного депо и сделали почти квадратную комнату. На стенах в милом беспорядке висели картины и голограммы, которые я старательно пытался изучать, пока она вводила зонд мне в прямую кишку.

— Твой маленький приятель вернулся,— сказала она.— Предраковые изменения. Я возьму образец, чтобы отослать на исследование.

Когда она вынимала зонд, я почувствовал странное ощущение — оно прошло очень быстро, но у меня перехватило дух — облегчение, легкую боль и дрожь, наподобие эротической.

— Ты знаешь порядок. Я дам тебе пилюлю, ничего не ешь двенадцать часов, потом примешь ее, и еще через два часа наполнишь желудок. Хлеб, картофельное пюре/— Она подошла к стальной лабораторной раковине, держа на вытянутых

руках змеевидный эндоскопический зонд.— Приведи себя в порядок и оденься, пока я займусь этим.

Она должна была отослать клетки моего организма в Центрус; там составят пилюлю, наполненную механическими микрофагами, запрограммированными на то, чтобы пообедать моим раком, а затем выключиться. Это было лишь мелкое неудобство и не шло ни в какое сравнение с лечением рака кожи: ее окрашивали каким-то составом, от которого кожа долго горела и зудела, как после сильного ожога.

Мэригей и я должны были постоянно обследоваться на предмет возникновения рака, как, впрочем, и все, кто в былые времена на госпитальной планете Небеса перенес замену какой-нибудь части тела. Теперь Человек сможет позлорадствовать.

Я присел возле стола, когда Диана уже закончила упаковывать пакет. Она тоже села и по памяти написала адрес.

— Я заказала пять штук; этого должно с головой хватить на десять лет. Исследование — это простая формальность: я была бы очень удивлена, если бы твой рак хоть как-то изменился по сравнению с первым анализом.

— Но тем не менее ты все равно будешь это проверять?

— Да. Я такая же сумасшедшая, как и ты.

Я рассмеялся, но она не поддержала меня. Она поставила локти на стол, оперлась подбородком о кулак и посмотрела на меня.

— Я никогда больше не буду беспокоить тебя по этому поводу, Уильям, но как твой доктор я должна сказать.

— Думаю, что я знаю, о чем ты будешь говорить.

— Скорее всего. Весь твой амбициозный план — это всего лишь сложный ответ на функциональное расстройство, вызванное постгравматическим стрессом. Я могла бы подобрать тебе таблетки...

— Все это ты уже предлагала мне в прошлом. Благодарю, но все же не надо. Я не верю в изгнание нечистой силы химическими методами.

— Чарли и я убегаем с вами по той же самой причине. Надеемся оставить позади наших призраков, чтобы отдохнуть. Но мы не оставляем детей.

— Мы тоже. Если только они сами не захотят остаться.

— Они захотят. И вам предстоит потерять их.

— У нас есть десять месяцев на то, чтобы убедить их.

Она кивнула:

— Конечно. Но если ты сможешь уговорить Билла лететь с нами, то я позволю тебе воткнуть, сам знаешь что, в мою задницу.

— Лучшие слова из всего, что я слышал за весь этот день.

Она улыбнулась и положила ладонь мне на руку.

— Пойдем вниз и выпьем по стаканчику вина.

Глава 7

Мы с Мэригей входили в группу из двенадцати людей плюс один Человек и один тельцианин, отправившуюся, чтобы осмотреть корабль и определить, что будет необходимо для рейса. Мы не могли просто повернуть ключ и отправиться в путь после того, как эти десять месяцев закончатся. Предполагалось, что Целое Дерево поддержит политику, смысл которой сводился к тезису «скатертью дорога», и большая часть предстоящего времени ожидания должна была уйти на приведение крейсера в порядок.

Поездка на орбиту оказалась интересной: в

последний раз я был в космосе, когда у нас еще не было детей. Мы поднимались вертикально вверх с постоянным незначительным ускорением. Насколько мне было известно, такое движение достигалось за счет расточительного расходования антивещества. Пилот Человек пожала плечами и сказала, что его вполне достаточно. Она не знала точно, откуда оно берется; возможно, из огромных запасов на «Машине времени».

Для космического корабля челнок был крошечным, размером с обычный школьный автобус. Со всех сторон имелись окна, даже сзади, так что мы могли следить за тем, как Центрус постепенно уменьшался в размерах до тех пор, пока не слился с окружающей местностью. А впереди, в темнеющем небе, самой яркой звездой стал космический корабль. К тому времени, когда нас окружила темнота, по его слегка удлиненной форме можно было уже уверенно понять, что это не звезда.

Когда мы были примерно в тысяче километров от корабля, челнок чуть заметно дернулся и начал замедлять движение. Обратное ускорение составило около двух *g*, и крутить головой, следя за приближением космического корабля, стало трудновато. Но ради этого зрелища стоило напрячь шею.

Вероятно, «Машина времени» была антиквариатом, но не по моим понятиям! Она была сконструирована и построена спустя более чем тысячелетие после того, как я закончил школу. Последний крейсер, на котором мне пришлось участвовать в войне, представлял собой громоздкое собрание хаотически перемешанных модулей, соединенных друг с другом сетью ферм, тросов и кабелей. «Машина времени» имела простую элегантную форму: два округленных цилиндра, соединенных торцами. От «нижнего» края переднего цилиндра отходила сделанная из тонкого, как кружево, металла юбка, предназначенная для защиты от гамма-излучения, порождаемого аннигиляционным двигателем, расположенным в «заднем» цилиндре.

Мы причалили почти неощутимо, дверь тамбура — лепестковая диафрагма — открылась, мои уши заложило, и я порадовался тому, что нам посоветовали надеть теплые свитеры.

Системы жизнеобеспечения судна работали на минимальном режиме. Воздух был затхлый и холодный, немного выше нуля — лишь бы не дать воде замерзнуть и избежать разрыва трубопроводов.

Давление тоже было пониженным; оно соот-

ветствовало высоте в три километра. Этого было вполне достаточно для того, чтобы вызвать головокружение. Но вскоре мы должны были к этому привыкнуть.

Цепляясь за захваты, мы неуклюже проползли через зону невесомости в подъемник, украшенный веселыми сценками из жизни Земли и Небес.

Пилотажная рубка и впрямь выглядела как часть космического корабля. Длинный пульт с четырьмя вращающимися стульями.

Когда мы вошли внутрь, пульт управления пробудился к жизни, одна за другой начали зажигаться лампочки, свидетельствующие о начале разогрева системы, и корабль заговорил с нами дружественным баритоном:

— Я ожидал вас. Добро пожаловать.

— Наш эксперт по сельскому хозяйству хочет, чтобы помещение было как можно скорее нагрето,— сказала Человек.— На какой режим времени можно рассчитывать?

— Около двух дней потребуется для гидропонных плантаций. Через пять дней можно будет начать посадки в почву. Конечно, в зависимости от культуры. Через восемь дней вода повсюду нагреется самое меньшее до десяти градусов.

— У тебя есть оранжерея, которую можно обогреть?

— Да, для рассады. Она в данное время почти готова к использованию.

Тереза взглянула на Человека.

— Почему бы паре из нас не остаться здесь и начать хоть какие-нибудь посадки. Было бы хорошо, если бы рассада появилась поскорее.

— Я с удовольствием помогу,— откликнулась Руби,— хотя мне необходимо вернуться к двадцать первому.

— И я тоже,— заявил Джастин.— Когда следующий полет?

— У нас нет жесткого расписания,— ответила Человек.— Через неделю, через десять дней.— Она громко чмокнула губами, что означало, что будет сейчас разговаривать с кораблем.— У тебя есть запас продовольствия для троих людей?

— На несколько лет, если они захотят питаться аварийным рационом. Могу также активизировать камбуз, и они смогут использовать замороженное продовольствие. Правда, оно очень старое.

Тереза громко поцеловала воздух.

— Так и поступай. Аварийный рацион оставим на безвыходные ситуации.

Я и сам не отказался бы присоединиться к ним, хотя и вовсе не был крестьянином по своим наклонностям. Все равно в том занятии, которое им предстояло, было нечто захватывающее. Примерно то же самое, что складывать веточки на чуть тлеющие уголья костра и осторожно дуть на них, пробуждая к жизни небольшой огонек, который вот-вот снова превратится в веселое пламя.

Но мне нужно было вести занятия и ловить рыбу. Возможно, через месяц, когда занятия закончатся, я смогу прилететь сюда и помочь в сельскохозяйственных работах.

Мэригей ущипнула меня за ягодицу.

— Даже и не думай об этом. У тебя занятия.

— Я знаю, я знаю.— Как же давно мы научились читать мысли друг друга?

Затем мы осмотрели голографическую проекцию машинного отделения, которое ни с чьей точки зрения не могло рассматриваться как помещение. Для удобства проведения технического обслуживания оно было снабжено цилиндрической стеной из тонкого алюминия. Конечно, во время работы двигателя там никто и никогда не бывал. Гамма-излучение в считанные секунды изжарило бы любого. В тех случаях, когда требовался неотложный ремонт, а двигатель нельзя

было выключить, машинная команда использовала дистанционно управляемых роботов.

Там находился огромный водный резервуар, вмещавший в себя целое озеро, и намного меньший по размерам пылающий шар антивещества: идеальная сфера, образованная крошечными голубыми искрами.

Я некоторое время рассматривал эту картинку, а корабль долдонил что-то о технических спецификациях двигателя, которые я вполне мог позже прочесть сам в документации. Этот блестящий шар был нашим билетом в новую жизнь, которая внезапно начала казаться реальной. Выйти на свободу в эту маленькую тюрьму...

Мне пришло в голову, что я стремился удрать не только от мягкой тирании Человека и тельцианин. Я бежал также от повседневной жизни, от сообщества и семьи, в которых сам уже становился представителем уходящего поколения. Я находился в опасной близости к превращению в старейшину племени и все же совершенно не был готов к этому, несмотря на то что по земному возрасту являлся самым старым человеком на планете. У меня еще хватало времени и энергии для того, чтобы принять участие в лишней паре приключений. Пусть даже пассивных приключе-

ний, таких как это.

Назовите это опасением превратиться в дедушку. Оказаться в положении наблюдателя и советчика. Я сбрил бороду много лет назад, когда в ней начали появляться белые заплаты. Я воочию представил себе, как она закрывает мне грудь, а я, откинувшись, полулежу в кресле-качалке на веранде...

Мэригей дернула меня за локоть.

— Привет! Кто-нибудь есть дома? — Она рассмеялась.— Корабль хочет, чтобы мы заглянули вниз.

Мы как червяки поползли обратно к лифту, а перед моим мысленным взором, словно наяву, представали делянки с зерном, овощами и фруктами, резервуары, полные рыбы и креветок.

Добравшись до осевого коридора, мы вышли из лифта и последовали за Человеком; она поплыла в невесомости вдоль прохода. Стенные росписи, украшавшие коридор, можно было безошибочно датировать прошлыми веками.

Мы давно отвыкли от такого способа передвижения, и нам пришлось довольно долго пихаться и цепляться друг за друга, прежде чем мы смогли расположиться в более или менее прямую цепочку.

«Нижний» цилиндр был по размеру точно таким же, как и тот, который мы только что покинули, но казался больше из-за отсутствия предметов привычного человеческого масштаба. Основное место занимали пять спасательных шлюпок — истребителей, переоборудованных для приема тридцати человек. Они могли ускоряться всего лишь до одной десятой скорости света (и, конечно, замедляться), но были оснащены гибернаторами — камерами для временного прекращения жизненных функций,— в которых люди могли пребывать в анабиозе, находясь в состоянии между жизнью и смертью, на протяжении нескольких столетий. Мицар и Алькор находились на расстоянии всего лишь трех световых лет, и потому, исходя из первоначального маршрута судна «туда и обратно», наибольшее время, которое пассажирам пришлось бы провести в гибернаторах, не превышало тридцати лет. А это, пожалуй, было все равно что ничего.

Я щелкнул языком, чтобы привлечь внимание корабля,

— Что является верхним пределом для плана полета, который я представил? На каком расстоянии находится точка возврата?

— Это не поддается определению,— последовал

ответ,— Каждая камера для анабиоза будет функционировать до тех пор, пока хватит ресурсов. Они основаны на эффектах сверхпроводимости и не требуют дополнительной энергии, по меньшей мере на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Я сомневаюсь, что звездная система простирается более чем на тысячу световых лет; вероятно, расстояние измеряется несколькими сотнями лет. Для того чтобы в нашем странствии преодолеть такую дистанцию, потребуется немногим более трех лет.

Было забавно, что машина выбрала такое романтическое слово, как «странствие». Похоже, она была хорошо запрограммирована на то, чтобы общаться с кучкой престарелых беглецов.

В куполообразном торце цилиндра был аккуратный склад модулей, оставшихся с тех пор, когда корабль был военным крейсером,— комплект для строительства на планете; там же располагалась спасательная шлюпка. Мы знали, что миры, подобные Земле, были широко распространены во вселенной. Если судно не смогло бы по каким-то причинам сделать коллапсарный скачок и вернуться домой, эти модули должны были дать людям шанс выстроить себе новый дом там, где они окажутся. Правда, мы не знали,

бывали ли такие случаи. По окончании войны мы недосчитались сорока трех крейсеров; некоторые из них были отправлены настолько далеко, что мы, скорее всего, никогда не сможем получить о них какие-нибудь известия. Мое собственное последнее назначение было в Большом Магеллановом Облаке, на расстоянии 150 000 световых лет.

Большая часть остального имущества, находившегося на складе, представляла собой запасные материалы и инструменты, предназначенные для восстановления практически любого повреждения в жилом цилиндре, но там, где мы проплывали, были видны только строительные инструменты, такие как кирки, лопаты и механические подъемники; некоторые предметы я просто не смог определить. Ну а если бы что-то случилось с двигателем или системой жизнеобеспечения, то ни для кого не осталось никакой другой работы, кроме ремонта,— до тех пор, пока повреждение не будет устранено. В противном случае мы должны были или сгореть, или замерзнуть.

(Те из нас, кто имел техническую и научную подготовку, должны были пройти ускоренное обучение на КМЖС — компьютерном моделирова-

нии жизненных ситуаций. Это было, конечно, не так хорошо, как реальные предметные занятия, но позволяло быстро получить много информации. К тому же возникала успокоительная мысль о том, что если с двигателем, расходовавшим больше энергии, чем было истрачено за время всех войн, ведшихся на протяжении земной истории, случится что-нибудь нехорошее, то человек, руководящий восстановительными работами, окажется, по существу, ходячим и говорящим техническим руководством, что в голове у него будут действительно яркие воспоминания о процедурах, которые были реально исполнены каким-то актером, скончавшимся несколько столетий тому назад.)

На обратном пути Человек с удовольствием демонстрировала свое искусство передвижения в невесомости. Она выписывала пируэты в воздухе, кувыркалась, кружилась, ходила колесом. Было приятно порой видеть у них людское поведение.

У нас оставалась еще пара часов до возвращения в Центрус, и мы имели возможность пошляться по кораблю и поразевать рты. Мы с Мэригей восстанавливали в памяти подробности ее жизни здесь, но это более походило на возвращение к позабытым воспоминаниям, чем на

исследование заброшенного города.

Когда мы вошли в последнюю каюту, которую она занимала, ожидая меня, Мэригей сказала, что не узнает помещения. Последний обитатель раскрасил стены яркими угловатыми графическими узорами. Когда там жила Мэригей, стены были окрашены в бледно-кобальтовую голубизну и покрыты ее картинами и рисунками. Она никогда прежде не рисовала помногу, но за годы, проведенные здесь в ожидании, стала настоящим художником.

Она подумывала о том, чтобы вернуться сюда сразу же после того, как дети выпорхнут из дома. А они скоро могли бы оказаться от дома на расстоянии многих и многих световых лет.

— Наверно, это печалит тебя? — спросил я.

— И да, и нет. Эти годы не были несчастливыми. Это была устойчивая часть моего мира. Тут можно было обзавестись близкими друзьями, а затем они сходили с корабля, и каждый раз, когда ты в очередной раз попадал на Средний Палец, они оказывались на шесть, или двенадцать, или восемнадцать лет старше, а потом умирали.— Она жестом указала на оставшиеся за стенами каюты мертвые сухие поля и неподвижную холодную воду в резервуарах.— В этом было постоянство. А

теперешний хаос немного беспокоит меня.

— Скоро мы все восстановим.

— Конечно.— Она уперла руки в бедра и еще раз оглядела комнату.— Мы сделаем ее лучше.

Глава 8

Конечно, дело заключалось не только в том, чтобы засучить рукава и покрасить все вокруг. Человек выделял нам один челнок каждые пять дней, так что мы должны были тщательно планировать, что, кого и когда доставлять наверх.

«Кого» был очень важный вопрос, подлежавший первоочередному решению. Нужно было заткнуть сто пятьдесят дыр, а для этого не годились только случайно выбранные люди. Мэригей, Чарли, Диана и я независимо друг от друга составили списки специальностей, которые нам потребуются, а затем собрались у нас дома, объединили их и добавили еще несколько позиций.

У нас было девятнадцать добровольцев из Пакстона — один изменил свое мнение после собрания,— и, выбрав дело для каждого, мы предали план гласности и предложили добровольцам со всей планеты заполнить оставшееся сто тридцать одно место.

Через неделю у нас было тысяча шестьсот добровольцев, в основном из Центруса. У нас четверых не было никакой возможности провести подробные беседы со всеми, и поэтому нам было необходимо прежде всего просеять заявления. Я взял себе двести тридцать восемь специалистов-техников, Диане достался сто один медик. Оставшихся мы распределили поровну.

Я хотел сначала отдать приоритет ветеранам, но Мэригей отговорила меня от этого. Они составляли больше половины добровольцев, но эта половина вовсе не обязательно была наиболее квалифицированной. Вероятность того, что значительная часть из них — прирожденные бунтовщики и нарушители спокойствия, была очень высока. А кому захочется оказаться с такими в одной коробке, да еще на целых десять лет?

Но как мы могли, опираясь на несколько фраз, угадать, кто из претендентов надежен, а кто нет? Те, кто писал что-нибудь наподобие: «Заберите меня отсюда; Человек сводит меня с ума!», чуть ли не дословно пересказывали мои собственные чувства, но те же самые слова могли говорить и о неспособности уживаться с другими, что сделает их плохими соседями в нашей передвижной тюрьме.

И Диана, и Мэригей изучили психологию в школе, но ни та ни другая не владели искусством проведения экспертизы по распознаванию скрытых психических патологий.

Мы отобрали четыреста заявлений и написали всем типовые письма, в которых подчеркивали отрицательные стороны нашей десятилетней прогулки. Изоляция, опасность, лишения. Абсолютная уверенность в том, что вернемся в совершенно незнакомый мир.

Почти девяносто процентов написали снова и сказали: ну и ладно, я и сам знаю обо всем этом. Мы отбросили тех, кто не ответил до контрольного срока, и наметили голографические беседы с остальными.

Мы хотели сначала разобраться со списком из двухсот пятидесяти человек, которых можно было рассматривать как дублеров на случай, если кто-нибудь из нас умрет или не вовремя получит насморк. Мы с Мэригей побеседовали с половиной из них, Чарли и Диана с другой половиной. Мы слегка склонялись в сторону супружеских пар или людей, состоявших в длительных отношениях друг с другом, но старались не отдавать предпочтение гомосексуалистам. Можно было, конечно, доказывать, что чем больше гомосексу-

алистов, тем лучше, так как они вряд ли сильно повлияют на прирост населения. Мы не могли обеспечить более дюжины, ну, от силы, двадцать детей.

Чарли и Диане потребовалось больше времени на собеседования, чем нам с Мэригей, так как Диана должна была вести регулярный прием в клинике, а у нас с Мэригей были двадцатидневные каникулы между семестрами.

Это значило также, что Билл и Сара находились дома, путались под ногами. Сара проводила много времени за самодельным ткацким станком, стараясь успеть закончить до начала занятий большой ковер. А великий проект Билла на эти двадцать дней состоял в том, чтобы отговорить нас от безумных устремлений.

— От чего вы намереваетесь убежать? — был его основной вопрос.— Ни ты, ни мамочка не сможете скрыться от этой проклятой войны, а мы из-за нее потеряем вас, несмотря на то что она закончилась уже несколько веков назад.

Мэригей и я доказывали, что мы ни от чего не убегали. Мы всего лишь прыгали в будущее. Многие из наших добровольцев были его возраста или немного старше; они тоже выросли с Человеками, но имели менее жизнерадостное

представление о них.

Примерно через две недели Билл и Сара, независимо друг от друга, произвели по нам прицельное бомбометание. Я с наслаждением возился в кухне, готовил поленту[12] с яйцами и последней сезонной зеленью, слушал Бетховена и радовался тому, что мне не нужно было беседовать с голографическими проекциями незнакомых людей. Билл по собственной инициативе накрыл на стол; мне следовало воспринять это как сигнал опасности.

Дети ели почти без слов, тогда как мы с Мэригей обсуждали проведенные за день беседы — главным образом говорили о тех претендентах, которым, скорее всего, придется отказать, или же, по крайней мере, провести повторные беседы, более подробные, чем понадобились для тех, чья пригодность выявилась с первого раза.

Билл очистил свою тарелку и отодвинул ее от себя.

— Я сегодня прошел тест.

Я сразу понял, о чем он собирался говорить, и похолодел, будто вся жизненная энергия внезапно покинула мое тело, будто в комнате воцарился космический холод.

---

[12] Примечания: 12

Полента — блюдо итальянской кухни, кукурузная каша, приготовленная по особому рецепту.

— Тест шерифа?

— Именно. Я собираюсь стать одним из них. Человеком.

— Ты ничего не говорил о...

— Вы удивлены? — Он смотрел на меня, как инопланетянин на автобус.

— Нет,— наконец выговорил я.— Я думал, что ты мог бы подождать нашего ухода.

«И не совершать столь открытого предательства» — эти слова крутились у меня на языке, но я сдержался.

— У тебя еще есть время, чтобы изменить решение,— сказала Мэригей.— Они не начнут программу до глубокой зимы.

— Это верно,— без воодушевления отозвался Билл.

Впечатление было такое, будто он уже находился на полпути к этому новому качеству.

Сара отложила нож и вилку.

— Я тоже решила,— сообщила она, не глядя на Билла.

— Ты еще слишком молода для этого теста,— сказал я, возможно, слишком твердым голосом.

— Нет, не это. Я решила отправиться с вами. Если для меня найдется место.

— Конечно найдется! — Независимо от того,

кого нам придется ради этого оставить здесь.

— Я думал, что ты тоже...— ошалело пробормотал Билл.

— Для этого у меня еще будет время.— Она с милой серьезностью посмотрела на мать.— Вы считаете, что, когда вернетесь, Человека уже давно не будет. А я думаю, что он останется, причем в улучшенной, развитой форме. Вот тогда я присоединюсь к нему и принесу ему все, что узнаю и увижу во время рейса.— Она перевела взгляд на меня и широко улыбнулась, показав милые ямочки на щеках.— Вы возьмете меня как шпиона другой стороны?

— Конечно возьмем.— Я посмотрел на Билла.— Мы должны взять одного-двух Человеков. Вот и отправимся всей семьей.

— Вы не понимаете. Вы ничего не понимаете.— Он встал.— Я тоже ухожу в новый мир. И ухожу завтра же.

— Ты уезжаешь? — спросила Мэригей.

— Навсегда, — ответил он. — Я не могу больше переносить все это. Я еду в Центрус.

Наступила продолжительная пауза.

— А как же дом? — наконец нарушил я молчание.— Рыба?

Имелось в виду, что, когда мы уедем, все это

перейдет к нему.

— Тебе придется найти кого-нибудь другого.— Он почти кричал.— Яне могу больше жить здесь!Я должен уйти и начать все сначала.

— И ты не можешь подождать, пока...— заговорил было я.

— Нет!— Он впился в меня взглядом, подбирая слова, но потом лишь потряс головой и выскочил из-за стола.

Мы молча смотрели, как он надел теплую одежду и вышел за дверь.

— Вы не удивлены,— констатировала Сара.

— Мы обсуждали это,— ответил я.— Он собирался жить в этом доме, ставить переметы...

— Черт с ней, с рыбой,— тихо сказала Мэригей.— Разве ты не видишь, что мы потеряли его? Потеряли его навсегда.

Она расплакалась лишь после того, как мы поднялись наверх.

А я ощущал лишь оцепенение. Я понял, что потерял его давным-давно. Куда легче перестать быть отцом, чем матерью.

Часть вторая
КНИГА ПЕРЕМЕН
Глава 1

Билл пробыл в Центрусе всего два дня, а потом вернулся, смущенный своей вспышкой. Убедить его отправиться с нами на космическом корабле пока что не было никакой возможности, но он не собирался возвращаться к своему намерению и решил, что будет заниматься рыбой столько времени, сколько потребуется.

Я не мог упрекать его в том, что он желал идти своим собственным путем. Каков отец, таков и сын. Мэригей была счастлива оттого, что он возвратился, но оставалась задумчивой и немного потрясенной. Сколько еще раз ей придется терять своего сына?

Мы сами поехали в столицу, и эта поездка вызвала странную ассоциацию с моим собственным детством.

С тех пор миновало невообразимо много времени. Когда мне было семь или восемь лет, мои родители-хиппи провели лето в коммуне на Аляске. (Тогда неизвестно от кого матерью был зачат

мой брат; мой отец, правда, всегда утверждал, что это его дело и сын похож на него!)

Это было хорошее лето, лучшее за все мое детство. Мы тряслись по Алканскому шоссе в нашем стареньком полупустом микроавтобусе «фольксваген», ночуя вблизи дороги или в маленьких канадских городах, попадавшихся по пути.

Когда мы добрались до Анкориджа, он показался нам огромным, и в течение нескольких лет после, рассказывая об этой поездке, мой отец цитировал путеводитель: «Если вы прилетите в Анкоридж из американского города любого размера, он покажется маленьким и странным. Если вы доберетесь до него на автомобиле или поездом через множество небольших поселений, то вы увидите перед собой процветающую столицу».

Я всегда помнил об этом, когда приезжал в Центрус, который был куда меньше, чем Анкоридж полторы тысячи лет тому назад. Моя жизнь приспособилась к деревенским масштабу и темпу, и потому первое впечатление от Центруса всегда было одинаковым — ошеломляюще быстрый ритм жизни и выстроившиеся на огромном протяжении высоченные дома. И каждый раз я мысленно делал глубокий вдох и вспоминал Нью-Йорк и Лондон, Париж и Женеву, не говоря

уже о Скайе и Атлантисе, невероятных городах, средоточиях удовольствий, которые высасывали наши деньги на Небесах. Центрус — это провинциальный городишко, который волею судеб оказался крупнейшим провинциальным городом в радиусе двадцати световых лет.

Я держал в голове эту мысль, когда мы отправились на совещание с администрацией Центруса — с таким же успехом можно было сказать о всемирной администрации — по поводу нашего графика подбора и подготовки экипажа «Машины времени».

Мы надеялись на то, что они просто утвердят тот план, который был разработан нами. Четырнадцать человек из нас потратили большую часть недели на споры о том, кто, что и когда должен делать. Худшее, чего я мог ожидать, это повторение всего этого процесса с учетом дополнительных требований Человека.

Мы поднялись в офис, расположенный в пентхаусе на крыше десятиэтажного здания Генеральной Администрации, и представили наш план четырем Человекам, двоим мужчинам и двум женщинам, и тельцианину, который мог принадлежать к любому из трех существовавших у них полов. Конечно же, оказалось, что это был

Антрес-906, атташе по культуре, которого мы, так сказать, принимали у себя в доме в ту ночь, когда я заработал первый привод в полицию.

Все пятеро принялись в молчании изучать трехстраничный график, а мы с Мэригей тем временем рассматривали в окна Центрус. Вообще-то тут было мало на что смотреть. Не считая примерно дюжины прямоугольных кварталов центра города, дома были значительно ниже деревьев; я знал, что внизу находится город приличного размера, но и жилье и деловые здания были скрыгты вечнозелеными кронами вплоть до посадочной площадки челноков на горизонте. Сами челноки рассмотреть было нельзя: оба прятались в пусковых трубах, которые торчали из туманной дымки, словно дымовые трубы архаичной фабрики.

На одной стене этой комнаты, где не было окна, висело десять картин, пять человеческих и пять тельцианских. На человеческих были изображены спокойные городские пейзажи в различные сезоны. Произведения тельциан представляли собой мотки пряжи и цветовые пятна, сталкивавшиеся между собой с такой силой, что, казалось, вибрировали. Я знал, что некоторые из них были окрашены телесными жидкостями. Вероятно,

тем, кто мог видеть в ультрафиолетовом диапазоне, они казались более привлекательными, чем нам.

По какому-то неуловимому сигналу все они одновременно положили перед собой копии графиков.

— Что касается плана, то у нас, в общем, нет возражений,— сказала женщина-Человек, сидевшая крайней слева. Тут она выдала отсутствие у себя (у них?) телепатии: взглянула на своих соседей. Те, в том числе и тельцианин, чуть наклонили головы в знак согласия.— В те дни, когда вам потребуются оба челнока, могут возникнуть неудобства, но мы сможем придумать, как обойтись без них.

— ...Что касается плана? — вопросительно повторила Мэригей.

— Нам следовало сказать вам об этом раньше,— ответила Человек,— но это должно быть очевидно. Мы будем настаивать на том, чтобы вы взяли с собой еще двоих пассажиров. Человека и тельцианина.

Конечно же. Мы были уверены, что нам навяжут Человека, и должны были догадаться и о тельцианине.

— С Человеком не будет трудностей,— сказал

я.— Он или она будут есть ту же пишу, что и мы. Но рацион на десять лет для тельцианина? — Я быстро прикинул в уме.— Это дополнительные шесть, а то и восемь тонн груза.

— Нет, с этим тоже не будет проблемы,— проскрипел Антрес-906.— Мой метаболизм можно перестроить для того, чтобы питаться вашей пищей, добавляя всего лишь несколько граммов особых веществ.

— Думаю, что вы сможете понять, насколько это важно для нас,— сказала Человек. Почему-то из всех четверых говорила она одна.

— Теперь, когда я думаю об этом, мне, конечно, ясно,— ответил я.— Обе ваши расы за сорок тысяч лет могут несколько измениться. Вы хотите иметь пару путешественников во времени как представителей базовых линий.

Мэригей медленно покачала головой, закусив нижнюю губу.

— Нам придется изменить порядок набора экипажа. Не хочу обидеть вас, Антрес, но у нас много таких ветеранов, которые не смогут вытерпеть вашего присутствия в течение десяти часов, а не то что десяти лет.

— В любом случае мы не сможем гарантировать вашу безопасность,— добавил я.— Многие

из нас были подвергнуты гипнотическому кодированию, которое приказывало убивать любое существо вашего вида, как только оно окажется в зоне досягаемости.

— Но они все прошли раскодирование,— сказала Человек.

Я подумал о Максе, которого мы планировали использовать в качестве помощника гражданского инженера.

— Боюсь, не у всех это прошло одинаково успешно.

— Все это понятно и простительно,— заявил Антрес.— Если эта часть эксперимента провалится, значит, она провалится.— Он перевернул последнюю страницу нашего сообщения и указал на схему грузового цилиндра.— Я могу устроить здесь небольшое жилое помещение. В таком случае ваши люди не смогут слишком часто или нечаянно видеть меня.

— Это осуществимо,— согласился я.— Пришлите нам список вещей, которые вам будут нужны, и мы включим их в погрузочную спецификацию.

Остальное, включая чашечку крепчайшего кофе и стакан какого-то спиртного, которые мы выпили в обществе Человеков, было просто светской формальностью. Тельцианин куда-то исчез

и возвратился через несколько минут со своим списком. Очевидно, он был подготовлен заранее.

Мы не говорили об этом ни слова, пока не покинули здание.

— Проклятье. Мы должны были догадаться об этом и опередить их.

— Должны были,— согласилась Мэригей.— А теперь мы должны вернуться обратно и объясняться с такими людьми, как Макс.

— Да, но тельцианина убьет не Макс, и не такой, как он. Это будет кто-нибудь, уверенный, что он покончил с войной. А однажды окажется, что это не так.

— Кто-то вроде тебя?

— Мне так не кажется. Черт возьми, я не покончил с войной. Билл утверждает, что именно поэтому я и убегаю.

— Давай не будем думать о детях,— Она обняла меня за талию и довольно сильно толкнула бедром,— Давай вернемся в гостиницу и активно не будем думать о них.

После приятного перерыва, во время которого мы не думали вообще ни о чем, оставшиеся полдня мы потратили на посещение магазинов. Покупки мы делали как для себя, так и для друзей и соседей. Никто в Пакстоне не имел больших

денег; наша экономика в основном базировалась на обмене, а каждый взрослый ежемесячно получал из Центруса чек на небольшую сумму. Это очень походило на универсальное пособие, которое нам выплачивали, когда мы в последний раз были на Земле.

Эта форма денежного обращения хорошо годилась для Среднего Пальца, так как здесь никто не стремился к роскоши. На Земле люди были почти одинаково бедны, но их окружали постоянные напоминания о недосягаемом богатстве. Здесь же все вели примерно одинаковую простую жизнь.

То и дело заглядывая в список, мы катили тележку по мощеному тротуару. Нам пришлось сделать с полдюжины остановок. Травы, струны для гитары, тростниковые язычки для кларнета, наждачная бумага и лак, кристаллы памяти, набор красок, килограмм марихуаны (Дориан любил ее, но у него была аллергия на растущие в наших местах разновидности конопли). Потом мы пили чай в кафе на тротуаре и разглядывали проходивших мимо людей. В том, чтобы смотреть на множество незнакомых лиц, была своя прелесть.

— Интересно, как все это будет выглядеть, когда мы вернемся?

— Даже не могу себе представить,— отозвался я,— ничего, кроме античных руин. Ты возвращаешься по истечении сорока тысячелетий человеческой истории и что видишь? Полагаю, что там даже не будет городов.

— Не знаю. Давай постараемся запомнить, как все это выглядит.

На улице перед нами один автомобиль въехал в зад другому. Обоими управляли Человеки; они вышли и молча осмотрели повреждение, которое оказалось совсем небольшим: просто вмятина в бампере. Они кивнули друг другу и возвратились на места.

— Ты думаешь, что это был несчастный случай? — поинтересовалась Мэригей.

— Что? О... Пожалуй, нет. Скорее всего.

Срежиссированный урок на тему «Как приятно нам жить на свете». Насколько хорошо Человек ладит сам с собой. Случайное происшествие такого рода прямо перед нами маловероятно: слишком уж маленькое здесь было движение.

Затем мы еще с час развлекались услугами массажистки и массажиста, после чего сели в автобус, идущий в Пак-стон.

По возвращении я совершил набег на библиотеку, чтобы выяснить, что мы делали сорок

тысяч лет назад. Оказалось, что «нас» тогда просто-напросто не было — Землю населяли немногочисленные поздние неандертальцы. Они умели высекать огонь при помощи кремня и делать несложные каменные инструменты. Никаких сведений о языке или искусстве, не считая примитивных петроглифов, обнаруженных в Австралии.

А что, если Человеки разовьют у себя свойства, столь же глубокие и важные, как язык и искусство? Они будут способны разделить их с нами лишь в той же степени, в которой мы можем «разговаривать» с собаками или снисходительно восхищаемся каракулями, «нарисованными» пятерней шимпанзе?

Мне казалось, что возможен лишь один из двух исходов: исчезновение расы или ее реальное полное изменение. Но и в том и в другом случае мы, сто пятьдесят беглецов, окажемся в полном одиночестве. Нам придется либо восстанавливать расу, либо доживать свой век в качестве бесполезного атавистического придатка.

Я намеревался держать это умозаключение при себе. Как будто никто другой до этого не додумался бы. И первым публично, или, по крайней мере, наполовину публично, об этом заговорил Альдо

Вердер-Симс.

Глава 2

— Мы будем казаться им столь же чужими, как тельциане кажутся нам,— заявил Альдо,— если, конечно, они смогут прожить сорок тысяч лет, в чем я лично сомневаюсь.

В первом разосланном нами информационном письме говорилось о «дискуссионной группе», но на самом деле это был коллектив, состоявший из тех людей, в которых мы с Мэригей видели наиболее активных участников проекта

и, вероятно, руководителей полета. Рано или поздно в нашей среде должно было возникнуть какое-нибудь подобие демократического процесса.

Помимо нас в группу входили Кэт с Альдо, Чарли с Дианой и Эми с Терезой. Имелся также и переменный состав: Макс Вестон (несмотря на его неисправимую ксенофобию), наша дочь Сара, Лар По, Мухаммед Тен и одна или две из его жен.

По был спорщиком, причем всегда возражал присущим ему одному вежливым способом. Стоило лишь высказать мнение, а потом одно удовольствие было наблюдать, как его мозговые

клетки начинают включаться в работу.

— Ты исходишь из постулата о непрерывном изменении,— сказал он Альдо,— но на самом деле Человек утверждает, что он совершенен и не имеет никакой потребности в эволюции. Он вполне может запретить себе всякое развитие даже на сорок тысяч лет.

— Но как же люди? — спросил Альдо.

По щелкнул пальцем в воздухе, как будто сбивал нашу расу с доски.

— Я не думаю, что мы переживем две тысячи поколений. Скорее всего, мы выступим против Человека и тельциан и будем уничтожены.

Мы сидели, как обычно, в нашей кухне-столовой. Эми и Тереза принесли два больших кувшина сладкого ежевичного вина, крепленного самогоном, и обсуждение пошло несколько живее, чем обычно.

— Вы оба недооцениваете человечество,— сказала Кэт.— Вероятнее всего, что Человек и тельциане застынут на одной ступени развития, а люди продолжат эволюцию независимо от них. Когда мы вернемся назад, то, может быть, сможем узнать только Человека. А наши собственные потомки превратятся во что-нибудь, недоступное пониманию.

— Все это неоправданный оптимизм,— заявила Мэригей.— Не можем ли мы вернуться к плану?

Сара, основываясь на наших с Мэригей набросках, начертила на большом листе бумаги аккуратную схему, в которой учитывалось все, что было необходимо сделать с этого дня до отлета. По крайней мере аккуратной она вышла из-под ее рук. В течение первого же часа собрания присутствовавшие внимательно изучили ее и всю исчеркали своими замечаниями и предложениями. Затем появились Ларсоны со своими кувшинами, и собрание утратило деловой характер, начались разговоры на общие темы. Но нам все равно было необходимо доработать план, чтобы составить твердый график подготовки к полету.

Вообще-то его следовало рассматривать как два разных графика, связанных между собой. Действительно, имелась непреодолимая граница, разделяющая деятельность до получения одобрения нашего плана и после его одобрения. На ближайшие девять месяцев мы были ограничены двумя полетами челнока в неделю, причем каждый второй из них следовало зарезервировать для доставки топлива — тонны воды и двух килограммов антивещества. Эти два килограмма,

вместе с аппаратурой для предохранения антиматерии от аннигиляции, составляли половину полезного груза челнока.

После получения одобрения плана с Земли мы могли рассчитывать на почти ежедневные полеты. Тогда один из челноков будет загружаться на земле, а второй — разгружаться на орбите. Мы могли как следует использовать время «до» для приведения в порядок экологии корабля и отладки систем управления, но не могли настаивать на том, чтобы поднять на орбиту значительную часть оборудования, а также людей, помимо команды, которая устраивала плантации и рыбоводные садки, и троих инженеров, ползавших от носа до кормы, проверяя «системы» (такие, как туалеты и запоры на дверях) и устраняя неполадки, в тех случаях, если под рукой оказывались запасные части.

Обосновать заправку корабля мы могли тем, что, даже если бы Целое Дерево отказало нам, огромному судну все равно пришлось бы совершить несколько полетов на Землю для доставки предметов роскоши и тому подобного. (Впрочем, не только на Землю, но и на Марс. Люди поселились там уже несколько веков тому назад, и теперь на Марсе можно было спокойно дышать

на открытом пространстве, разве что время от времени делая вдох-другой из воздушного баллона: атмосфера все еще оставалась изрядно разреженной. На Марсе развилось собственное искусство и даже появился свой антиквариат.) На Среднем Пальце имелось множество людей, не говоря уже о Человеках, которые были бы рады такому использованию «Машины времени». Картины, фортепьяно, фисташки...

Нам могли это позволить в качестве, так сказать, утешительного приза.

Учитывая, что могла возникнуть проблема неодобрения, мы все же продолжили планирование второго этапа. На погрузку всех людей и их личных вещей — по сотне килограммов на каждого — потребуется всего пятнадцать дней. Каждый мог подать запрос на дополнительную сотню килограммов, или даже больше, имущества, которое могло использоваться и другими. Масса не являлась таким уж критическим фактором, зато место было ограничено, а мы не хотели, чтобы корабль оказался заваленным лишним хламом.

Для того чтобы сто пятьдесят человек могли вести достаточно приятную жизнь на протяжении десятилетия, требовалось много всякой всячины,

но на борту уже имелась часть оснащения, например спортивный зал и театр. Были даже две музыкальные комнаты — акустически изолированные, чтобы не приводить соседей в ярость. (Мы пытались раздобыть настоящее антикварное фортепьяно, но на Среднем Пальце таких имелось только три, и поэтому нам пришлось согласиться на пару электронных. Хотя лично я не мог на слух уловить разницы в звучании.)

Из-за условий нашего небольшого передвижного города некоторые пожелания пришлось отвергнуть. Элой Каси хотел взять с собой двухтонный блок мрамора и все десять лет высекать на нем скульптурный отчет о рейсе. Я с удовольствием посмотрел бы на результат, но совершенно не желал жить, ежедневно слушая звон зубила о камень. В конце концов он согласился на двухметровое бревно в полметра диаметром.

Мы с Мэригей выступали в качестве судей первой инстанции при анализе всех подобных пожеланий, но никогда не забывали, что все, начиная с огромной скульптуры Элоя и кончая духовым оркестром, могло быть принято референдумом после получения согласия на наше путешествие от Целого Дерева.

Я объяснил Человеку, что нам может потре-

боваться несколько дополнительных полетов для доставки всяких излишеств, которые могут прийти нам в голову задним числом, в том случае, если большинство экипажа решит, что они нужны. Человеки, в общем, согласились с нами в своей сдержанной манере: им было интересно присутствовать при начале эксперимента, рассчитанного на сорок тысячелетий.

(Они зашли настолько далеко, что даже решили составить описание рейса и его целей на материалах, способных сохраниться на протяжении всех этих веков: восемь страниц текста и чертежей, выгравированных на платиновых пластинах, и еще двенадцать страниц, представляющих собой нечто наподобие Розеттского камня[13]. Начиналось это дополнение с основных формул физики и химии, определявших логику документа, затем шла грамматика, небольшой биологический раздел, и замыкалось все словарем, достаточно большим для того, чтобы описать проект в простых терминах. Они намеревались поместить пластины в стену искусственной пещеры на

[13] Примечания: 13

Розеттский камень — базальтовая плита с идентичными надписями на двух диалектах древнеегипетского языка и на древнегреческом языке. Обнаружение этой надписи позволило расшифровать древнеегипетскую иероглифическую письменность.

вершине самой высокой горы планеты, а копии разместить на вершине Эвереста на Земле и на горе Олимп на Марсе.)

То, что мы с Мэригей оказались предводителями проекта, было одновременно и естественным, и странным.

Да, мы породили эту идею, но по собственному военному опыту нам было известно, что мы оба не являемся прирожденными лидерами. Двадцать лет, на протяжении которых мы помогали нашему маленькому сообществу и растили детей, изменили нас. Но ведь в течение этих двадцати лет мы были «старейшими» людьми в мире. Было много людей более старых в чисто телесном значении возраста, но никто, кроме нас, не помнил, какой была жизнь до Вечной войны. Поэтому люди обращались к нам за советами главным образом из-за нашей символической зрелости.

Большинство кандидатов в путешествие, казалось, предполагало, что, когда подойдет время, я стану капитаном. А я спрашивал себя, насколько они удивятся, узнав, что я отказываюсь от этой должности в пользу Мэригей. Ей легче давалось офицерское положение.

К тому же она, будучи офицером, получила свою Кэт. А я за это время обрел всего лишь Чарли.

Собрание закончилось еще засветло. Вниз полетели первые тяжелые хлопья, обещавшие долгий снегопад. К утру земля должна была покрыться снежным покровом в полметра толщиной, а у людей был домашний скот, о котором необходимо было позаботиться, очаги, которые требовалось разжечь, дети, возвращающиеся из школы, за которых в такую погоду приходилось тревожиться.

Мэригей ушла в кухню, чтобы слушать музыку и готовить суп и булочки, а мы с Сарой сидели за столом в столовой и сводили воедино все пометки на ее столь красивой недавно таблице. Билл позвонил из таверны — там проходил бильярдный турнир, в котором он участвовал,— и сказал, что если вечером флотер никому не понадобится, то он хотел бы оставить его там и отправиться домой пешком. Снегопад был настолько сильным, что от фар не было никакого толку. Я сказал, что это хорошая идея, не уловив в его словах намека на то, что она должна оказаться куда лучше, чем я ожидал.

Вернувшись домой через час с лишним, он казался трезвым. Он вошел в сени и, смеясь, отряхнул снег с одежды. Я знал, что он ощущал: при таком снегопаде было практически невозможно пользоваться транспортом, но очень

приятно гулять. Снежинки с чуть слышным шорохом опускались наземь, легко прикасались к коже, ничем не напоминая убийственные удары поземки глубокой зимы. Конечно, на космическом корабле не могло быть ни того, ни другого, но отсутствие жестокой метели казалось более чем справедливой платой за недостаток такого снега.

Билл получил теплую булочку, кружку горячего сидра и сел рядом с нами.

— Выбили в первом же круге,— сообщил он.— Поймали меня на техническом старте.

Я сочувственно кивнул, хотя и не понимал до сих пор, чем технический старт отличается от права первого удара. Бильярд, в который они играли, очень сильно отличался от того, которым я порой развлекался в молодости на Земле.

Билл, нахмурившись, рассматривал схему, пытаясь читать ее вверх ногами.

— Они совершенно изуродовали твой красивый чертеж, сестричка,— заметил он.

— Он и был предназначен для того, чтобы его изуродовали,— безмятежно отозвалась Сара.— Мы нарисуем новый.

— Позвони им всем сегодня же вечером или хотя бы утром,— посоветовал я.— Пусть у них

будет еще какое-нибудь занятие, кроме разгребания снега.

— Ты приняла окончательное решение? — обратился Билл к Саре.— Собираешься участвовать в большом скачке? А когда вернешься, от меня не останется даже пыли.

— Таким было твое решение,— ответила она,— а мое иным.

Он дружелюбно кивнул.

— Я хотел сказать, что я могу понять, почему мама и папа...

— Мы уже обсуждали все это.

Я мог расслышать, как дом поскрипывает под тяжестью оседающего на него снега. Мэригей в кухне тоже не шевелилась; вероятно, прислушивалась.

— Ну, так обсудите еще раз,— посоветовал я.— С последнего разговора положение несколько изменилось.

— Ты о том, что вы возьмете одного из Человеков? И тельцианина?

— Ты можешь стать этим Человеком.

Он ответил мне долгим взглядом.

— Нет.

— Ведь не может быть никакой разницы в том, кто конкретно из них отправится с нами. Группо-

вое сознание, и все такое прочее.

— У Билла неправильные гены,— пояснила Сара,— А они захотят послать настоящего Человека.

Мне показалось, что эта вызывающая шуточка использовалась ею не в первый раз.

— А я все равно никуда не полетел бы. Это воняет самоубийством.

— Опасность совсем невелика,— ответил я.— Честно говоря, гораздо опаснее оставаться здесь.

— Это правда. Менее вероятно, что ты умрешь в течение десяти лет, чем то, что я — в течение сорока тысяч.

Я улыбнулся.

— Десять против десяти.

— Все равно это бегство. Вам надоела эта жизнь, и вы смертельно боитесь старости. А со мной не происходит ничего подобного.

— У тебя есть только двадцать один год жизни и всезнайство.

— Да, черт побери.

— Зато, чего ты не знаешь — это того, на что может быть похожа жизнь без таких отягчающих обстоятельств, как Человек или тельциане. Хотя, возможно, теперь, после промывания мозгов, тебе все ясно и понятно.

— Промывание мозгов? Ты еще никогда ничего об этом не говорил.

— Оно так же бросается в глаза, как и бородавка на носу. Но ты не замечаешь этого, точно так же, как и бородавки, потому что привык.

— К чему я привык, так это к непрерывному ворчанию! — взорвался Билл. Он встал.— Сара, ты сама можешь ответить на все подобные вопросы. Папа, вы с Сарой можете продолжать разговор, а я собираюсь пойти вздремнуть.

— Так кто из нас убегает?

— Я просто устал. На самом деле устал.

В кухонной двери показалась Мэригей.

— Может быть, ты хочешь немного супа?

— Я не голоден, мамочка. Съем его попозже.— Он взлетел по лестнице, перескакивая сразу через две ступеньки.

— Я знаю все ответы наизусть,— улыбнулась Сара,— так что, если ты захочешь еще раз попробовать убеждения...

— Но ведь это не тебя я теряю,— ответил я,— даже если ты и решила когда-нибудь в будущем перейти на сторону врага.— Сара опустила взгляд на свою схему и прорычала что-то по-тельциански.— Что это значит?

— Это часть их катехизиса. И означает нечто

вроде «Кто ничего не имеет, тот ничего не теряет».— Она подняла голову, и я увидел, что ее глаза сияли,— Это также означает: «Кто ничего не любит, тот ничего не теряет». Они используют то один, то другой вариант, по очереди.— Она медленно поднялась с места.— Я хочу поговорить с ним.

Когда я полтора часа спустя пошел спать, они все еще продолжали шептаться.

На следующее утро была очередь Билла готовить завтрак. Он в полном молчании поджарил кукурузные лепешки и сварил яйца. Когда он подал еду на стол, я начал было хвалить его, но он несколькими словами заставил меня умолкнуть.

— Я еду. Я еду с вами.

— Что?

— Я изменил свое решение.— Он посмотрел на Сару.— Или вынужден был изменить его. Сестра сказала, что в группе обеспечения аквакультуры найдется место еще для одного парня.

— А ты питаешь врожденную любовь к этому занятию,— заметил я.

— Во всяком случае, люблю рубить рыбам головы.— Он сел.— Это единственный шанс в жизни, в жизни многих поколений. А когда мы вернемся, я буду еще не слишком старым.

— Спасибо,— сказала Мэригей дрогнувшим голосом.

Билл кивнул. Сара улыбнулась.

Глава 3

На протяжении следующих нескольких месяцев мы жили неспокойной, но интересной жизнью. Проводили десять-двенадцать часов в неделю в библиотеке КМЖС — компьютерного моделирования жизненных ситуаций,— освежая в памяти или изучая заново тонкости существования в космическом полете. Мэригей некогда уже прошла этот курс: каждый, кому доводилось пользоваться временным челноком, должен был владеть основами знаний об управлении космическим кораблем.

С тех пор, как я в последний раз проходил переподготовку к космическому полету, все, естественно, стало много проще. При нормальных обстоятельствах один человек вполне мог управлять всем кораблем.

Мы проходили также обучение по различным специальностям. Для меня это было пилотирование челнока и управление системами анабиоза. И эти занятия заставили меня еще сильнее, чем

обычно, тосковать о лете.

Ранняя зима успела закончиться, на смену ей пришла и всерьез обосновалась на планете глубокая зима, и только тогда прибыло известие с Земли.

Некоторые любят глубокую зиму за ее строгую простоту. В это время редко идет снег. Крохотное солнце раз и навсегда определенным курсом взбиралось на небосвод. Температура по ночам опускалась до тридцати и сорока градусов ниже нуля, хотя до начала весны следовало ожидать морозов и куда сильнее — до шестидесяти пяти градусов.

Те, кому нравилась глубокая зима, не были рыбаками. Когда лед на озере стал достаточно прочным для того, чтобы по нему можно было безопасно ходить, я взял нагревательные цилиндры и отправился, чтобы проделать во льду девяносто шесть прорубей.

Каждый цилиндр представлял собой метровый отрезок дюралевой трубы, в толстые стенки которой были вмонтированы нагревательные элементы. Сверху цилиндр был обмотан теплоизоляционным материалом, выступавшим по сторонам, словно шляпка гвоздя,— благодаря такому расширению цилиндру не грозила

опасность провалиться сквозь лед и утонуть. Я расставлял их по дюжине в ряд на таком расстоянии, чтобы между каждой парой можно было без труда пропустить перемет, затем налаживал снасти и ждал. Часа через два цилиндр углублялся в лед и доходил нижним краем до воды, и я выключал на некоторое время энергию. Выжидал еще часок, а потом начиналась потеха.

Конечно, пока внутри лед таял, снаружи он быстро намерзал. Я брал увесистую кувалду и длинную пешню и колотил молотом по намерзшему льду, пока звонкий звук ударов не сменялся глухим потрескиванием. Затем я снимал крышку, вытаскивал из трубы тридцатикилограммовую ледяную глыбу и откатывал ее в сторону. Включал нагрев трубы посильнее, переходил к следующей лунке и повторял там все сначала.

Когда я расправлялся с двенадцатой трубой, первая нагревалась настолько, что я мог освободить ее из ледяной хватки. После этого я пешней разбивал корку льда, вновь образовавшуюся в проруби, вставлял трубу на место, закрывал ее крышкой, уменьшал нагрев до минимума и проделывал то же самое со следующей трубой, и так далее.

Вся эта канитель была нужна для того, чтобы

подогнать термодинамику под требования рыбьей психологии. Я должен был поддерживать температуру воды в проруби на уровне нуля, иначе рыба не будет клевать. Но если в лунке не будет чистой воды, хотя бы и из растопленного льда, то в ней неизбежно вновь намерзнет ледяная корка. В этом случае рыба будет клевать, но вытащить ее окажется невозможно, и улов пропадет даром.

Билл и Сара за день обработали половину лунок, мы с Мэригей на следующий день довели дело до конца. Когда мы уже под вечер вернулись домой, нас встретил изумительный аромат. Сара жарила цыплят в очаге и приготовила горячий глинтвейн из сидра со сладким вином.

В кухне никого не было. Мы с Мэригей налили себе по кружке и прошли в гостиную.

Там молча сидели наши дети, а с ними Человек. Я узнал его по росту, широким плечам и клейму на руке.

— Добрый вечер, шериф.

— Целое Дерево сказало: «Нет»,— сообщил он, не ответив на приветствие.

Я тяжело опустился на стул, выплеснув полкружки глинтвейна. Мэригей примостилась на подлокотнике дивана.

— И это все? — спросила она.— Только «нет», и

больше ничего?

В моем сознании осталась лишь одна, неотвязно повторявшаяся мысль:

— «Каркнул ворон "Никогда"».

— Есть еще некоторые детали.— Он извлек некий четырех- или пятистраничный документ, сложил листки вдвое и положил на кофейный столик.— Прежде всего Дерево выражает вам благодарность за проделанную работу и выплачивает каждому из ста пятидесяти добровольцев одну стопятидесятую долю стоимости корабля.

— Несомненно, в земных кредитах,— заметил я.

— Да... Но сюда же прибавляется и поездка на Землю, где вы сможете потратить эти деньги. Это на самом деле великое счастье, и оно может сделать жизнь каждого из вас легче и гораздо интереснее.

— И всех нас, сто пятьдесят людей, возьмут на борт?

— Нет.— Шериф улыбнулся.— Ведь можно отправиться и куда-нибудь помимо Земли.

— Кто из нас и сколько?

— Семнадцать, и вы в том числе. Во время полета все будут находиться в анабиозных камерах — из соображений безопасности.

— А Человеки будут управлять полетом и жизнеобеспечением? Сколько вас будет?

— Мне не сообщили. А сколько потребуется?

— Наверно, двадцать, если десять из них будут крестьянами. (Мы в своих расчетах не старались вычислить минимально необходимую численность экипажа.) Среди вас есть крестьяне?

— Я не знаю ни одного. Хотя мы очень быстро обучаемся.

— Надеюсь, что это так.— Настоящий крестьянин ответил бы совсем по-другому.

— Ты угостила шерифа сидром? — обратилась Мэригей к дочери.

— Я не могу задерживаться,— сказал шериф.— Я только хотел, чтобы вы двое узнали об этом до общего сообщения.

— Это было великодушно,— ответил я.— Спасибо.

Он поднялся и принялся одну за другой надевать на себя одежды.

— Я же знаю, что для вас это представляет особый интерес.— Он потряс головой.— Я был сильно удивлен. Мне казалось, что проект обещает одну только выгоду и никаких реальных потерь, и все мы здесь были, конечно, согласны с этим.— Он указал на столик.— Правда, это было

решением не только нашего Целого Дерева. Это очень любопытно.

Я проводил его на улицу. От крыльца к дороге вела траншея по пояс глубиной. Солнце снижалось, и морозный юз-дух сразу же высосал все тепло из моего тела. Два выдоха, и мои усы смерзлись в сосульки.

Всего два года до весны. Реальных года.

Когда я вернулся в дом, Мэригей уже почти дочитала злосчастные бумажки. Она с трудом сдерживала слезы.

— Что там написано?

Не отрывая взгляда от последнего листочка, она протянула мне первые три.

— Тельциане. Это проклятые богом тельциане.

На первой паре страниц, как я и ожидал, приводились экономические расчеты, в которых со скрупулезной справедливостью признавалось, что для отстранения нас от использования временного челнока не было оснований.

Но их групповое сознание соединилось с телышанским групповым сознанием, и тельциане однозначно сказали: «Нет». Это было слишком опасно — не для нас, а для них.

И они не могли объяснить почему.

— Они заявили, что «существуют вещи, о ко-

торых человек не имеет никакого понятия».— Я посмотрел на детей.— В данном случае, говоря «человек», они имели в виду нас.

— Это все, что они добавили,— сказала Мэригей,— Ничего похожего на настоящее объяснение — Она пощупала нижний край последнего листа.— Здесь что-то написано по-тельциански.— Эти существа составляли официальные документы при помощи письменности, похожей на наш брайлевский шрифт для слепых.— Кто-нибудь из вас может это прочесть?

— Это не так уж сложно,— сказала Сара. Она провела пальцем по строчкам.— Хотя нет. После школы я возьму это в библиотеку и там просмотрю.

— Спасибо,— сказал я.— Уверен, что это все прояснит.

— О папа. Иногда они вовсе не кажутся странными.— Сара поднялась.— Посмотрю на цыплят. Они, наверно, уже почти готовы.

Обед был прекрасным. Сара поджарила в фольге на угольях картофель и морковь с чесночным соусом и травами.

Но этот прекрасный обед оживляли только дети. Мы с Мэригей были для них плохой компанией. После обеда мы часа два смотрели в кубе

шоу фигурного катания, и я подогрел еще сидра.

И лишь наверху, когда мы собирались ложиться спать, Мэригей наконец расплакалась. Просто молча вытирала непрерывно катящиеся слезы.

— Думаю, что к этому следовало быть готовыми,— заметил я.— Правда, я и не думал о тельцианах. Человек обычно ведет себя разумно.

От холода мы укрылись простыней, одеялом и стеганым одеялом.

— Еще двадцать месяцев холодов,— промолвила Мэригей.

— Не для нас,— возразил я.

— Что ты хочешь сказать?

— К черту тельциан и их мистику. Возвращаемся к плану А.

— Плану А?

— Мы ограбим этих ублюдков.

В полдень Сара вернулась домой с расшифровкой тельцианского текста.

— Библиотекарша сказала, что это ритуальная фраза, нечто вроде финала молитвы: «Внутри чуждого неведомое, за его пределами непознаваемое». И еще сказала, что это лишь приблизительное содержание. В человеческом языке нет точного соответствия этим концепциям.

Я нашел ручку, попросил Сару медленно по-

вторить перевод и печатными буквами записал его на обороте листа. Дочь вошла в кухню, чтобы сделать себе бутерброд.

— Ну и что? — спросила она оттуда.— Что ты собираешься делать после этого?

— Ничего, кроме того, что было намечено сделать до четырех часов. Неужели ты думаешь, что я могу заниматься всем сразу? — Повинуясь неясному импульсу, я внес в дом все сельскохозяйственные и рыболовные орудия, имевшие режущие кромки или острые концы, и принялся чистить и точить их. Все это множество блестящих лезвий валялось на полу в гостиной.— Откладывал и откладывал это дело и дотянул до тех пор, пока не стало слишком холодно работать под навесом.

Я не ожидал, что кто-нибудь вернется домой так рано. Но Сара спокойно кивнула. Она выросла среди этих инструментов, и ей было трудно представить их в качестве оружия.

Мы поели в дружелюбном молчании, читая, а вокруг нас лежали топоры и остроги.

Сара доела бутерброд и посмотрела мне в лицо.

— Папа, я хочу лететь с вами.

Я был поражен:

— Что?

— На Землю. Ведь вы входите в эти семнадцать человек, не так ли?

— Да, твоя мать и я. Так было сказано в записке. Правда, там не говорилось, как будут выбирать пятнадцать остальных.

— Возможно, они позволят выбирать вам.

— Не исключено. Ты будешь в первой же строке моего списка.

— Спасибо, папа.— Она поцеловала меня в щеку, торопливо оделась и поспешила назад в школу.

Я подумал, удалось ли мне понять до конца то, что только что обнаружилось,— или же она где-то в глубине души уже знала это. Отцы и дочери не слишком хорошо понимают друг друга, даже когда в дело не замешаны инопланетные языки и секретные заговоры.

Конечно, нас с Мэригей выбрали потому, что мы являлись единственной парой живых людей, помнивших Землю, какой она была в двадцатом веке, до начала Вечной войны. Человека, конечно, не могли не интересовать наши впечатления. Я предположил, что остальные пятнадцать кандидатур, скорее всего, будут выбраны наугад, из людей, желающих совершить такое турне,— а их

набралось бы, пожалуй, с половину населения планеты.

Но турне, конечно, не суждено состояться. Корабль наверняка будет с постоянным ускорением направлен прямиком в никуда. С Сарой на борту, как это предусматривал первоначальный план.

Я развернул отредактированный план погрузки, который она вычертила заново, и придавил его углы солонкой, баночкой с перцем и парой ножей зловещего вида.

Он показался мне прямо-таки пугающим: сотни наименований различных грузов, которые было необходимо доставить в космопорт и оттуда поднять на орбиту. А раз полет должен пройти лишь на Землю и обратно, то они не станут связываться со всем этим. Следовательно, нам необходимо угнать «Машину времени», а затем так или иначе удержать контроль над ситуацией на время, достаточно продолжительное для того, чтобы успеть совершить множество полетов на челноках. Только для доставки людей потребуется десяток рейсов.

Мы, естественно, не собирались захватывать космопорт, размахивая вилами и серпами. Мы должны были каким-то образом добиться того, чтобы представлять собой реальную угрозу. Но

на Среднем Пальце было не много настоящего оружия, да и то почти полностью находилось в руках представителей властей, таких как шериф.

Я собрал инструменты, чтобы вынести их из дома. Оружие не всегда выглядит как оружие. Что у нас было? Но было ли у нас хоть что-нибудь, при помощи чего мы могли бы удержать их в руках в течение десяти дней, может быть, двух недель, пока челноки будут сновать туда и обратно?

Да, похоже, что было, внезапно понял я. Хотя, пожалуй, моя идея большинству могла показаться несколько безумной.

Глава 4

Новая ситуация потребовала нового планирования и координации. При этом помощь неожиданно пришла от наших противников: все семнадцать туристов, отправлявшихся на Землю, были из Пакстона и в той или иной степени принадлежали к верхушке первоначального заговора. А вот намеревались ли наши противники позволить нам возвратиться с Земли, не было ясно до конца. И вызывало сомнения.

До предполагаемого отъезда на Землю у нас было лишь двенадцать дней. Я разослал осталь-

ным копии документа, полученного от Дерева, и все мы ахали и гадали, не удастся ли нам получить согласие на нашу дальнюю поездку после переговоров с Человеком и тельцианином (так, по аналогии с человеческим, вполне можно было именовать их коллективное сознание) на Земле.

Разговаривая с нашими по голографическому кубу, я как бы случайно притрагивался средним пальцем к скуле; это был телефонный код, означавший: «Не обращайте внимания на мои слова, нас могут подслушивать». Большинство собеседников отвечало мне таким же жестом.

Ни единого слова о заговоре не было произнесено вслух или передано при помощи электроники. Я выдавал краткие и точные описания роли каждого человека, и эти записки следовало запоминать и сразу же уничтожать. Даже с Мэригей, сматывая переметы на льду и не имея кого-либо постороннего в поле зрения, мы ни разу не заговорили об этом.

Каждый из семнадцати встречался со многими из остальных. Мы разговаривали по поводу Земли и между прочим сообщали о новом плане бегства. Преобладающее мнение сводилось к тому, что, скорее всего, из этого ничего не выйдет, но у нас не было времени подготовить что-нибудь

более утонченное.

Мне было очень жаль, что я не мог ничего сказать Саре. Ее очень опечалила потеря шанса попасть на Землю; единственного в ее жизни шанса покинуть Средний Палец.

Я старался прятать улыбку, которая словно поселилась на моем лице. «Делай хоть что-нибудь, пусть даже это будет неправильно»,— частенько говорила моя мать. Мы наконец что-то делали.

На Среднем Пальце не было армии: лишь легко вооруженные немногочисленные полицейские силы для поддержания порядка. И оружия на планете тоже почти не было. Здесь даже не охотились при помощи чего-либо более смертоносного, чем крючок и леска.

Но и тут имелся один экземпляр оружия, которое было потенциально куда опаснее, чем все стрелковое вооружение, находившееся в распоряжении Человека. В Музее истории в Центрусе хранился боевой костюм, оставшийся со времен Вечной войны.

Даже освобожденный от ядерных и обычных взрывчатых веществ, даже с дезактивированным пальцевым лазером, он все равно оставался страшным оружием, благодаря броне и системе умножения силы. (Мы знали, что эта система

была в исправности, так как Человек иногда использовал боекостюм для различных работ по строительству и разрушению зданий.) Мужчина или женщина, кто бы ни облачился в этот костюм, становился подобным мифическому полубогу — или, для представителей моего поколения, супергерою из комиксов. Он мог одним прыжком вскочить на крышу высокого здания. Убить человека единственным ударом.

Пополнить энергию костюма можно было практически из любого источника. Его можно было подзарядить от аккумулятора флотера, а затем учинить небольшой погром или получить пару часов для поиска более эффективного источника энергии.

Мы не могли рассчитывать на то, что костюм заряжен и стоит там, дожидаясь, пока мы им воспользуемся,— хотя Чарли и доказывал, что это должно быть именно так. По этой самой причине в Центрусе не было никаких военных сил, чтобы держать нас в повиновении. Но если бы мы вступили в сражение с Человеком и победили, то каков был бы наш выигрыш — с его точки зрения? Они видели себя наставниками и партнерами, ведущими нас к истинной цивилизации. У Человека не было никакой потребности прини-

мать предосторожности против бессмысленных действий, не ведущих к полезному результату,

А мы должны были действовать так, чтобы наши намерения не укладывались в мыслительные схемы Человека.

Из всех, кого я знал, лишь Макс Вестон был достаточно крупным и физически сильным, чтобы наверняка справиться с шерифом. Для нападения на музей нам могло пригодиться его оружие. Конечно, нам следовало захватить его в последнюю минуту, непосредственно перед выездом в Центрус. Мы могли запереть его в его же собственной камере в участке или, возможно, взять заложником. (Я доказывал, что его не следовало убивать, как, впрочем, и любого другого, если этого можно было избежать. Макс с этим согласился, но, как мне показалось, слишком уж легко.)

Наше расписание было составлено Человеком. Десятого числа месяца коперник в полдень должен был прибыть экспресс-флотер, который за час доставит нас в Центрус. Там за вторую половину дня нам следовало пройти последний инструктаж, после которого предполагалось погружение в систему временного прекращения жизненных функций, а потом нас, как багаж, должны были доставить на «Машину времени».

Макс высказал вслух предположение, которое приходило в голову и мне, а также, возможно, многим другим: что они собирались прекратить наши жизненные функции вовсе не временно, а окончательно и бесповоротно. Потом отослать «Машину времени» к Солнцу, а когда она вернется без нас, то преподнести публике грустную сказочку, что мы все якобы померли от редкой земной болезни из-за недостатка иммунитета. Ну а Средний Палец таким образом избавится от семнадцати возмутителей спокойствия.

Это, несомненно, производило впечатление паранойи; я сомневался в том, что Человек видел в нас угрозу, которую следовало принимать во внимание, но даже если и видел, то в его распоряжении были куда менее сложные способы разделаться с нами. Но не стоило забывать и о том, что Человек часто добивался цели неожиданными способами. Полагаю, что это явилось следствием того, что он постоянно якшался с тельцианами.

Мы должны были очень точно рассчитать время и по порядку осуществить каждое из запланированных действий. Оружие шерифа позволит нам захватить боевой костюм, боекостюм откроет дорогу к челноку, а челнок доставит нас к

нашему главному оружию.

Но план провалится, если, например, оружие шерифа запрограммировано на то, чтобы действовать только в его руках,— такая технология возникла более тысячи лет назад,— или если боекостюм будет полностью разряжен, или если окажется, что челнок или «Машина времени» имеют блокировку, позволяющую перехватить управление ими с земли. В КМЖС, на котором мы обучались пилотированию — я челнока, а Мэригей космического корабля,— об этом не упоминалось; оба транспортных средства были вроде бы совершенно автономны. Но нельзя было исключить и того, что в наших учебных курсах было упущено несколько деталей.

Мы считали, что не следует появляться у ратуши одновременно. Наши действия упрощались тем, что флотер должен был высадить нас прямо у двери шерифа, и мы вполне могли навалиться на него кучей. Но по плану нам с Мэригей следовало прибыть пораньше и отвлечь шерифа, а после, при необходимости, помочь Максу.

Билл и Сара привезли нас туда к одиннадцати часам. Весь наш багаж состоял из одной сумки, в которой находились туалетные принадлежности, несколько смен одежды и пара длинных ножей.

Детям мы ничего не говорили. Билл пребывал в хорошем настроении и, не снижая скорости, гнал флотер по покрытым обледеневшим снегом улицам. Сара была подавлена и, похоже, изо всех сил сдерживала слезы. Она на самом деле хотела поехать с нами и, вероятно, считала, что мы приложили недостаточно усилий, чтобы добиться включения ее в список.

— Мы должны сказать им,— заметила Мэригей, когда мы подъехали к полицейскому участку.

— Что сказать? — насторожилась Сара.

— Ты не лишаешься поездки на Землю,— ответил я.— Мы не летим на Землю. Мы вернулись к первоначальному плану.

— Недели через две мы все будем на борту «Машины времени»,— пояснила Мэригей,— и отправимся в будущее, а не в прошлое.

— Я ничего не слышал,— медленно проговорил Билл. И добавил: — А вы не думаете, что они будут возражать против этого?

— Они пока еще ничего об этом не знают. Первым узнает шериф.

Билл поставил машину на тормоз и обернулся на водительском месте.

— Вы собираетесь захватить корабль силой?

— Вроде того,— ответила Мэригей.— Если все

пройдет по плану, то никто не пострадает.

— Могу я вам помочь? Я покрупнее вас.

— Не сейчас.— Но хорошо, что он это предложил.— Пока мы не попадем в Центрус, все должно выглядеть так, будто проходит по их плану.

— Только ведите себя так, как будто ничего не изменилось, мои дорогие,— добавила Мэригей.— Следите за новостями.

— Но...— пробормотала Сара,— но вы... вы не будете слишком рисковать?

— Мы будем осторожны,— успокоила ее Мэригей.

Сара, скорее всего, хотела сказать: «Не наделайте глупостей», но, боюсь, что мы уже перешагнули через этот порог.

Я поцеловал их обоих и открыл дверь. Мэригей тоже поцеловала детей; Билла она обнимала на секунду дольше.

— Скоро увидимся.

— Желаю удачи,— торопливо проговорил Билл.

Сара кивнула, прикусив нижнюю губу. Я закрыл дверь

флотера за Мэригей, и машина тронулась.

— Ну,— бездумно произнес я,— вот и все.

Мэригей кивнула, мы поднялись по обледе-

невшим ступенькам и вошли в двустворчатую дверь.

В кабинете шерифа не было; мы обнаружили его в приемной.

— Вы рановато приехали,— заметил он, взглянув на часы.

— Нас подбросил Билл,— объяснила Мэригей.— Ему нужно было в школу.

Он кивнул.

— Чай в кабинете.

Мэригей отправилась туда, а я прошел по коридору, как будто в туалет, главным образом для того, чтобы проверить камеры. Обе были открыты и запирались снаружи на простой механический замок. Обсуждая план действий, мы решили забрать оттуда клавиатуру прежде, чем мы посадим пленника под замок. Я не смог заставить ее работать, но, возможно, я просто не знал нужного кода.

Спустя несколько минут я присоединился к Мэригей, которая уже налила чай. Она взглядом указала на пустую вешалку позади стола шерифа. Вероятно, он держал пистолет под курткой, как и в ту ночь, когда пришел, чтобы арестовать нас.

Мы услышали, как дверь открылась и шериф поздоровался с Максом. Я прошел в приемную и

увидел, что они обменялись рукопожатием. Макс знал о кобуре с пистолетом.

Мой поступок был довольно очевидным, и, оглядываясь назад, я предполагаю, что если бы шериф был начеку, то ничего не вышло бы. Я делано споткнулся о ковер, выронил чашку с чаем и воскликнул:

— Вот дерьмо!

Как только шериф повернулся ко мне, Макс вывернул ему руку за спину и взял шею в замок. Шериф попытался ударить ногой назад, но Макс был готов к этому и легко блокировал удар. Тем временем я подскочил к шерифу и выхватил пистолет.

— Не задуши его, Макс!

Макс ослабил захват левой руки ровно настолько, чтобы позволить своему пленнику дышать, но, нажав правой рукой, заставил его опуститься на колени.

Шериф дважды натужно кашлянул.

— Что это значит?

— Попытайтесь понять,— ответил Макс.— Воспользуйтесь вашим коллективным сознанием.

Из кабинета вышла Мэригей с большим мотком клейкой ленты в руках.

— В камеру! Уильям... Возьми его на прицел!

Я небрежно держал пистолет, направив его в пол. Можно было уходить. Я взмахнул оружием.

— Держи его покрепче, Макс.

Шериф не сопротивлялся.

— У вас будут настоящие неприятности. Независимо от того, какой цели вы добиваетесь.

— А у вас они уже начались,— ответил я.— Настоящие неприятности. Но к тому времени, когда мы вернемся, это уже не будет иметь ровно никакого значения.

Макс завел пленника в ближайшую камеру и заставил опуститься на стул.

— Что? Вы думаете, что можете... Вы собираетесь захватить космический корабль?

— А эти ребята быстро соображают,— проворчал Макс.

Мэригей быстро обматывала шерифа вместе со стулом клейкой лентой.

— Мы не хотим причинить вам никакого вреда, шериф,— сказал я.— Ни вам, ни кому-либо в Центрусе. Мы только продолжаем осуществлять нашу идею — ту самую, которую вы одобрили.

К нему, похоже, возвращалось самообладание.

— Но ведь одобрение было предварительным. Мы тогда еще не получили мнения Целого Дерева.

— Вы поступаете так, как считаете нужным,— отрезала Мэригей.— И мы не обязаны подчиняться приказам с Земли.

— С Земли от тельциан,— уточнил Макс.

— Но это же непрактично,— заметил шериф. В его голосе уже отчетливо угадывалось раздражение.— Вас всего трое...

— Семнадцать,— поправил я.

— Пусть даже семнадцать. Вы не сможете украсть космический корабль и управлять им.

— У нас есть план. А пока что посидите и подождите нас.

В камеру вошло еще несколько человек. Они остановились в дверях.

— Похоже, помощь вам не требуется,— констатировала Джинн.

— Осмотрите участок: нет ли тут еще какого-нибудь оружия,— распорядился Макс.

— Больше нет,— сказал шериф, кивнув мне.— Только пистолет. На крайний случай.

— Вроде такого,— заметил Макс.

Он поднял руку, и я протянул ему пистолет. Он направил дуло на экран над клавиатурой и выстрелил. В маленькой комнате звук показался оглушительным. Я заранее прикрыл глаза рукой и потому не видел самого выстрела, но результат

претендовал на драматический эффект. Дыра в столе оказалась больше, чем уничтоженный экран.

— Что это бьшо, черт возьми? — воскликнул кто-то.

— Испытание.— Макс вернул мне оружие.— Действует.

— Но не хотите же вы украсть космический корабль с одним старым пистолетом!

— На самом деле нам нужно украсть всего лишь челнок,— ответила Мэригей.— Космический корабль будет делать то, что я ему прикажу.

— И у нас будет не только этот пистолет,— добавил Макс.

В двери показалась Кэт. Они с Мэригей кивнули друг дружке.

— Мы нашли кое-что для разгона толпы, Газовые гранаты и липучку.

— Вполне возможно, что в Центрусе именно это используют против нас,— сказал я.— Так что мы можем и сами запастись этими вещами.

— Маска была бы полезней,— заметил шериф.

— Какая маска?

— Противогаз. Он находится в верхнем правом ящике моего стола.— Он пожал плечами.— Вполне может пригодиться.

— Именно его мы не смогли открыть,— ответила Кэт.— Отпечатки пальцев?

Он кивнул.

— Там лежат еще и боеприпасы.— Он пошевелил большим пальцем.— Вы можете принести стол сюда или освободить меня.

— Это ловушка,— насупился Макс.— Он, наверно, хочет подать сигнал.

— Поступайте как знаете,— отозвался Человек.

— Но почему вы вдруг стали помогать нам? — спросила Мэригей.

— Во-первых, я на вашей стороне; я знаю вас с самого детства и понимаю, что все это для вас значит.— Он перевел взгляд на Макса.— А во-вторых, у вас есть оружие. И по крайней мере один из вас умеет им пользоваться.

Макс извлек большой карманный нож, со щелчком выкинул лезвие.

— Я мог бы отрезать ваш палец.— Он аккуратно разрезал ленту и освободил шерифа.— А теперь идите, только медленно.

В ящике оказались патроны, противогаз, а также наручники. Мы надели их на шерифа.

— Флотер прибыл,— сообщил По от двери.

— А водитель? — поинтересовалась Мэригей. По ответил, что его нет; там включено автоматиче-

ское управление.— Вы поедете с нами,— сказала она пленнику.— Как заложник.

— Если вы оставите меня запертым в камере, то я никак не смогу помешать вам,— ответил он.— Я предпочел бы такой вариант.

Макс схватил его за руку.

— А мы предпочли бы взять вас с собой.

— Подожди,— остановил его я.— Вы думаете, что они убьют нас?

— Да, как только увидят, что вы вооружены. И то, что я буду с вами, ничего не изменит.

— Вот еще одна причина, по которой мы вас так любим,— заметила Мэригей.— За то, что вы так заботитесь друг о друге.

— Но ведь не только Человек будет принимать это решение,— ответил он,— и не только в Центрусе. Тельцианам будет совершенно непонятно, какое значение может иметь жизнь одного из них.

— Вы позволяете тельцианам управлять своими полицейскими делами?

— Нет, но, поскольку дело касается космического корабля, оно перестает быть чисто полицейским. Все вопросы, касающиеся космоса, не решаются без участия тельциан.

— Тем больше оснований взять заложника,—

сказал Макс.

— Вы хоть слышите сами себя? — язвительно заметил шериф.— Кто из нас теперь не ценит жизнь?

— Только вашу,— возразил Макс и подтолкнул его к двери.

— Подожди,— вновь вмешался я.— Они же не станут вмешивать в дело тельцианам, пока не поймут, что нам нужно?

— Только люди и Человек,— подтвердил шериф.— Но для того, чтоб понять, что происходит, и вступить в контакт с тельцианами, потребуется немного времени.

— Да.— Я указал на дверь.— Уведи его отсюда и запри в камеру. Нам нужно посоветоваться.

Макс вернулся через минуту.

— Похоже, наступило время играть по-крупному,— сказал я.— Флотер пойдет по главной улице в космопорт. Я могу выскочить возле музея, а вы все отправитесь дальше. Вместе с шерифом вас будет как раз нужные семнадцать человек, на тот случай, если кто-нибудь решит пересчитать вас по дороге. Это даст нам небольшой запас времени. А потом вы сможете отключить флотер прежде, чем он доедет до места.

— Но тогда у тебя не будет под рукой акку-

муляторов флотера,— Мы намеревались воспользоваться ими в том случае, если боекостюм окажется разряженным.

— Почему же, будут,— воскликнул Макс.— Где-нибудь за километр от космопорта мы переведем флотер на ручное управление и опустим на землю. После того как мы высадим Уильяма, пройдет пять-семь минут. Дадим ему еще минуту-другую, чтобы ввязаться в историю. А затем развернем флотер и возвратимся к нему.

— С полицией на хвосте,— добавила Мэригей.

— Может быть, да, а может быть, и нет,— возразил я.— У вас на всякий случай будет оружие. Но у них нет такой полиции, как на Земле.— А может быть, и на Земле ее теперь тоже нет.— Невооруженные регулировщики уличного движения.

— Ты не хочешь взять оружие? — удивился Макс.

— Нет. Посуди сам: слезоточивый газ — это настоящая удача. Я пущу газ, войду внутрь в противогазе и с фомкой, и уже через считанные минуты окажусь в костюме. Черт возьми, да я встречу вас на дороге к космодрому.

Мэригей кивнула.

— Это может сработать. А если и нет, то, по крайней мере, тебе не придется убивать смотрителей.

Я смог уложить газовые гранаты и противогаз в портфель шерифа. Труднее было замаскировать фомку, но я догадался засунуть ее в штаны на бедро и зацепил крюк за ремень. Под пальто ничего не бьшо видно.

Мы все заняли места во флотере, и он двинулся вперед, поднявшись примерно на сотню метров. Снегопад усилился, так что даже земли почти не было видно. Мы надеялись, что в Центрусе такая же погода. Это затруднит действия для них, но не для нас. Лишь бы ветер не усилился. Снегопад не был помехой для челнока, но он не смог бы взлететь при сильном встречном ветре.

Это был неприятный час. Шериф не был единственным заложником; на самом деле судьбы всех нас зависели от результата целого ряда непредсказуемых событий. И никто не хотел говорить об этом сейчас, когда шериф находился рядом и слышал все разговоры.

Когда флотер снизился до уровня земли, приблизившись к границам города, мною овладело странное спокойствие. Конечно, впереди были какие-то опасности, но это был просто диетический супчик по сравнению с тем, что я помнил со времен войны.

Я не хотел думать о том, сколько лет назад это

со мной происходило, надеялся, что смотрители музея окажутся тихими городскими мальчиками и девочками — книжными детьми, незнакомыми с насилием. А может быть, это будут старики. Но в любом случае своим появлением я обеспечу их историей, которую они будут рассказывать детям и внукам. «Я был там, когда сумасшедшие ветераны угнали космический корабль». А возможно, она окажется другой: «В тот день к нам ворвался этот сумасшедший парень со слезоточивым газом. Я застрелил его». Но никто из нас не мог припомнить, чтобы смотрители музея были вооружены. Хотя не исключено, что они держали оружие где-нибудь не на виду. Возможно, мне следует волноваться еще и из-за чего-нибудь непредвиденного.

Мэригей положила палец на кнопку сброса программы, но нажимать ее не понадобилось. Флотер остановился перед светофором на перекрестке возле библиотеки. Я быстро чмокнул Мэригей в щеку и выскочил за дверь.

Снежинки опускались все так же медленно и вертикально — хорошо для челнока и, пожалуй, для меня, так как снегопад несколько задержит подмогу, которая наверняка кинется в музей по сигналу тревоги. Я пробирался через медли-

тельные уличные потоки, и встречные учтиво уступали мне дорогу; возможно, из-за моей хромоты: фомка сползла со своего места и теперь упиралась мне в подколенную ямку.

Мне пришло в голову, что музей мог оказаться закрытым, и это было бы хорошо. Я мог бы ворваться туда, и, хотя несомненно сработает сигнализация, мне придется в этом случае иметь дело только с полицией, а не со множеством зевак.

Нет, такая удача меня не ожидала. Когда я подошел к музею, оттуда кто-то выходил, пятясь задом и держа в руках большой накрытый поднос, вероятно с завтраком.

Я придержал тяжелую деревянную дверь, вошел внутрь и увидел, что не ошибся: смотритель — женщина-Человек двадцати с небольшим лет — жевала кусок пирога, а на тарелке перед ней лежали еще несколько кусков. Она что-то сказала мне на их языке; я не понял, так как рот у нее был набит. Думаю, что она пожелала мне доброго утра и предложила оставить здесь мое пальто и портфель.

У нее, как и у всех них, был широкий подбородок — хорошая цель для удара. Если она захочет заглянуть в портфель, останется только дать ей

апперкот. Я надеялся, что смогу одним ударом оглушить ее на минуту, после чего ей потребуется еще минута, чтобы собраться с мыслями.

Но этого не потребовалось. Проглотив то, что было у нее во рту, она спросила, что у меня в сумке. Я ответил по-английски, медленно произнося слова:

— Я и сам не знаю. Я приехал из Пакстона, и меня попросили передать портфель Человеку, руководящему экспозицией оружия.

— О, он не Человек; он один из вас. Джекоб Келлман, он пришел две-три минуты назад. Вы можете отнести это прямо к нему; комната А-четыре.

В маленьком здании было только два этажа по четыре комнаты на каждом.

Дверь с номером А-4 была закрыта. Я открыл ее; внутри никого не оказалось. Никакого замка. Я осторожно прикрыл ее, извлек из штанов фомку и пробежал мимо всех менее впечатляющих примеров бесчеловечности рода людского прямо к стеклянной витрине с боевым костюмом. Два взмаха фомки, и переднее стекло разлетелось вдребезги.

Я отбежал к двери и оказался там в тот самый момент, когда она открылась. Келлман оказался

седобородым мужчиной, по меньшей мере такого же возраста, как и я. Никакого оружия я у него не заметил. Меня хорошо натаскивали на различные приемы рукопашного боя, но я просто сильно толкнул его, и он упал, растянувшись, в коридоре. Я захлопнул дверь, подпер ее, за отсутствием замка, фомкой и поспешил назад к выставке.

Боевой костюм был более новой модели, чем тот, которым мне довелось пользоваться в последний раз, но я надеялся, что основные принципы его устройства не изменились. Засунув руку в потайное углубление между плечами, я нащупал там рычаг немедленного отпирания и потянул за него. Это не подействовало бы, окажись в костюме кто-нибудь живой, но, к счастью, желающих завладеть боекостюмом до меня в тот день не нашлось. Часть костюма, словно створка раковины, отошла в сторону, разбив еще одно стекло, а уверенное сопение гидравлики сказало мне, что костюм заряжен.

Кто-то колотил в дверь и что-то неразборчиво вопил. Я снял один ботинок и ногой в носке сдвинул в сторону осколки стекла, чтобы можно было стоять босиком, пока я раздеваюсь. Сбросил свитер, брюки и попробовал разорвать рубашку, но пуговицы оказались пришиты слишком хорошо.

Пока я возился с ними, дверь начала сотрясаться: кто-то более крупный, чем Келлман, ритмично бил в дверь плечом.

Я извлек из портфеля обе газовые гранаты, выдернул чеки и швырнул их в противоположный конец комнаты. Они взорвались с негромким хлопком, извергнув быстро расползающееся бурлящее непрозрачное облако, а я шагнул спиной вперед в костюм, засунул руки в рукава и стиснул оба кулака, подавая активизирующий системы сигнал. Я не стал терять время на прилаживание трубок для испражнений, и теперь предстояло терпеть либо позывы, если они появятся, либо результаты недостаточной терпеливости.

В течение невыносимо долгой секунды ничего не происходило. Я уже начал ощущать резкий запах слезоточивого газа. И в этот момент костюм с судорожным рывком сомкнулся вокруг меня.

Включились монитор и индикаторы систем, и я первым делом взглянул на нижний слева: показатель энергии находился на уровне 0,05. Индикаторы вооружения, как мы все и ожидали, оказались темными.

Двадцатая часть нормального заряда все же превращала меня в Голиафа, по крайней мере временно. Прохлада и запах машинного масла

говорили о том, что я дышал своим собственным воздухом. Я наклонился вперед, чтобы подобрать мою одежду, и с тяжелым грохотом упал ничком.

Конечно, прошло уже много времени с тех пор, как я в последний раз пользовался таким костюмом, и еще больше с тех пор, как надевал БР-устройство — безразмерное, один образец на всю армию. В нормальных условиях у меня был костюм, точно подогнанный под мои измерения.

Я сумел подняться на ноги и сложить одежду, за исключением ботинок, в передний «карман», и тут им удалось высадить дверь. И сразу же все, кто ворвался в комнату, начали кашлять и чихать. Из облака появилась одна фигура: женщина-Человек, накачанная, наподобие нашего шерифа, в очень похожей униформе и тоже с пистолетом. Она держала его обеими руками и тыкала дулом в мою сторону, но по ее лицу текли обильные слезы, и, я думаю, она вовсе не видела меня.

Эти люди меня совершенно не беспокоили. У меня за спиной находилась дверь запасного выхода. Я повернулся, качаясь, словно зомби из кинофильма 1950-х годов, и направился туда. Человек трижды выстрелила. Одна пуля сделала премиленькое отверстие в экспозиции ядерного

оружия, вторая разбила лампу на потолке. Третья, судя по всему, отрикошетила от моей спины: я слышал, как она звонко пропела сзади, но, конечно, ничего не почувствовал.

Человек наверняка знала о том, что костюм разоружен, но все равно остается чрезвычайно опасным, и мельком подумала: насколько храброй она окажется, если я вновь обернусь и затопаю к ней. Но для такой игры у меня не было времени.

Я толкнул запасную дверь — она слетела с петель,— а затем, изогнувшись, протиснулся в дверной проем. Костюм был в высоту почти восьми футов и мало годился для пребывания в помещениях.

Народ со страшным шумом рассылался в стороны. Человек или кто-то еще выстрелила в меня — матово-черный гигант в снегопаде является удобной мишенью. Повернув рукоятку на запястье, я сделал себя камуфляжно-зеленым, затем песочно-желтым, но в конце концов костюм все же окрасился в глянцево-белый цвет.

Я со всей возможной скоростью ковылял в сторону Главной улицы, дважды чуть не поскользнувшись на снегу. Ну же, подбадривал я себя, ведь ты пользовался такими штуками на за-

мороженных входных планетах при температуре всего на несколько градусов выше абсолютного нуля. Правда, не в последнее время.

По крайней мере, Главная улица была посыпана солью и песком, так что я смог бежать. Часть транспорта была на ручном управлении, и поток машин шумно обтекал меня, а я мчался по осевой. Многие машины от неожиданности опасно дергались в стороны. Цвет костюма я изменил на зеленый, чтобы водители могли, по крайней мере, замечать меня с большего расстояния.

Постепенно я вновь привыкал к возможностям своего неуклюжего облачения и прибавлял шагу, чувствуя себя все уверенней и уверенней. И когда, сразу же за городской чертой, повстречал флотер Мэригей, то делал уже миль двадцать в час.

Она открыла дверь со стороны водителя и высунулась наружу.

— Тебе нужна энергия?

— Еще нет.— Индикатор показывал ноль целых четыре сотых.— Назад в космопорт.

Она развернула машину, не обращая ни на кого внимания, так что грузовичок на автоуправлении рванулся в сторону и слетел прямо в снежное поле. Водители, пользовавшиеся ручным управлением, все как один затормозили; вероятно,

услышали какую-то полицейскую команду. Я с интересом заметил, что машинам на автоуправлении понадобилось больше времени, чтобы выполнить распоряжение.

Они, без сомнения, расчищали шоссе, чтобы добраться до меня. Я бежал следом за Мэригей со всей возможной скоростью, но вскоре потерял ее в белой сумятице.

Что они могли выставить против боекостюма? Мне предстояло выяснить это уже достаточно скоро.

На подходе к космопорту я сквозь снег увидел впереди яркие мигающие голубые огни. Флотер охраны преградил Мэригей путь.

Два охранника в форме, очевидно невооруженные, стояли перед водительской дверью и что-то кричали. Мэригей, улыбаясь, молча смотрела на них и даже бровью не повела, когда я прошел позади них.

Я поднял их машину за бампер, легко перевернул, и она с грохотом свалилась в кювет. Охранники наконец соизволили обратить на меня внимание и кинулись прочь, как будто перед ними явился сам дьявол.

Отсутствие радиосвязи заметно мешало. Я наклонился к окну флотера.

— Подгоняй машину к главному зданию, а я подойду туда и подключусь к аккумуляторам.

Она кивнула и тронула машину вперед. Мой запас энергии снизился до 0,01, и цифры на индикаторе замигали красным. Очень мило было бы сесть на мель всего в паре сотен метров от моей цели. Но в конце концов я всегда мог открыть костюм вручную. И побежать голышом по снегу.

Как только я двинулся вперед, костюм добавил к красному подмигиванию цифр на индикаторе назойливое бибиканье — вероятно, это было придумано для удобства слепых. Ноги начали сопротивляться моим командам, и чувствовал я себя так, будто шел по воде, а затем и по все более густой грязи.

Я подошел к флотеру, когда наши люди еще продолжали выгружаться из него. Макс стоял рядом, скрестив руки на груди, и держал пистолет напоказ.

Я открыл задний технический люк, прицепил кабели костюма к разъемам аккумуляторной ячейки и всмотрелся в грязную пластину возле контактов. Затем перекинул рычажок в положение «быстрая разгрузка» и стал наблюдать за сменой цифр на моем индикаторе.

Показатель поднялся до 0,24, а затем я услышал

густой звук тормозящего флотера и узнал, что они могли выставить против боевого костюма.

Два боевых костюма. Один человеческий и один тельцианский.

Если они вооружены, то я всего лишь мишень. Оружие боекостюма могло либо превратить меня в облачко пара, либо искрошить в котлетный фарш. Но они не хотели или не могли стрелять.

Флотер покачнулся, когда Человек вышел, а тот повторил мое первое действие, растянувшись во весь рост. Я подавил в себе желание сказать ему, что самый длинный путь начинается с одного, самого первого шага.

Оставшийся во флотере тельцианин шатнулся, стараясь удержать равновесие, и шлепнулся на спину. Ни у одного, ни у другого из них не было такой практики, как та, которою я получил только что. К тому же сотни часов обучения и реального использования, пусть даже и частично растворившиеся в туманах времени, могли стоить больше, чем их численное преимущество.

Человек поднялся на четвереньки. Я одним неизящным прыжком преодолел разделявшее нас расстояние и нанес ему сильный боковой удар по голове. Скорее всего, я не причинил обитателю костюма физической травмы, но костюм

вновь повалился набок и покатился в сторону.

Я схватил флотер за передний бампер (мой умножитель силы громко заскулил) и попытался размахнуться тяжелой машиной, чтобы ударить тельцианина. Но тот сумел увернуться, а я от усилия потерял равновесие и упал. Флотер поехал боком по заснеженному бетону, жужжа, словно рассерженное насекомое.

Тельцианин бросился на меня, но я оттолкнул его прочь. Я попытался восстановить в памяти все, что некогда знал о боевых костюмах тельциан — какая их слабость могла бы дать мне преимущество,— но весь заплесневелый материал из КМЖС относился к системам оружия, его дальнобойности и скорострельности, а оружие здесь, кажется, не применялось. Может быть, и к сожалению.

А затем на меня навалился Человек, с грохотом упав мне на плечи, словно толстый хулиган на детской площадке. Он попытался захватить голову моего костюма, и я отбросил его руки: он выбрал себе подходящую цель, ведь хотя мозг костюма был в другом месте, но там находились его глаза и уши.

Я неловким движением отшвырнул его прочь. Мои индикаторы вооружения были все такими

же темными, но я все же навел на противника пальцевый лазер. Когда из него не вырвалось огненное копье, предназначенное для того, чтобы вспороть доспехи противника, мне, как ни странно, стало легче. Мой недоразвитый инстинкт убийцы с возрастом не усилился.

Я вглядывался в снег, высматривая что-нибудь подходящее в качестве оружия, но тельцианин успел сориентироваться раньше. Он огрел меня поперек спины выдранной с корнем осветительной мачтой. Я рухнул и покатился в сугроб. Пока я поднимался, существо навалилось мне на спину и замахнулось обеими руками.

Мои визуальные датчики были забиты снегом, но я все же видел достаточно для того, чтобы нацелить пинок ему между ног. Такой выбор цели объяснялся скорее инстинктом, чем практическим смыслом — он годился скорее для человеческой драки без всяких средств защиты, чем для схватки с порождением иной расы, облаченным в специальный боевой скафандр,— но существо все же утратило равновесие, и я смог вырвать у него столб.

Боковым зрением я увидел бегущего ко мне Человека, резко развернулся и ударил его столбом где-то на уровне коленей. Он повалился на бок,

тяжело грянувшись о землю.

Я снова повернулся к тельцианину, но не увидел его. Это вовсе не значило, что он куда-то убежал или спрятался — мы, все трое, белые на белом, были невидимы в густом летящем снегу уже на расстоянии пятидесяти метров. Я включил инфракрасное зрение, которое могло бы помочь, если существо стояло спиной ко мне (теплообменник у них тоже находился сзади). Толку не было. Не помог и радар, который, впрочем, мог сработать только в том случае, если поглощающий радиоизлучение костюм окажется перед отражающей поверхностью.

Я повернулся обратно и увидел, что Человек все так же неподвижно лежит на снегу. Возможно, это была уловка, но не исключено, что я и на самом деле оглушил его, сбив с ног. Голова защищалась мягкими упругими амортизаторами, но сила есть сила, а он мог хлопнуться наземь достаточно тяжело для того, чтобы получить сотрясение. Я сделал вид, что пинаю его ногой — удар прошел на волосок от головы,— но он не отреагировал.

Куда, черт возьми, делся тельцианин? Его нигде не было видно. Я присел, чтобы поднять Человека, и в этот момент услышал со стороны

космопорта женский крик, приглушенный снегом, и два выстрела.

Я рванулся туда, но было уже слишком поздно. Флотер быстро шел вверх, уклоняясь в сторону от разбитого главного входа; Макс стоял с пистолетом и целился в машину, но не мог найти никакой уязвимой точки. Я подскочил, насколько позволяли мои усилители, взлетел вверх, наверно, метров на двадцать, почти прикоснулся к днищу и тяжело рухнул вниз так, что у меня клацнули зубы и лодыжки пронизала боль.

— Эта тварь утащила Джинн,— сказал Макс.— Он разбил стекло и схватил ее и Роберту.

Роберта сидела в снегу, потирая локоть.

— Ты в порядке? — Они оба вздрогнули, и я понял, что нечаянно усилил звук. Я тут же перевел регулятор.

— Мерзкая тварь чуть не выдернула мне руку. Но со мной все хорошо.

— Где остальные?

— Мы разделились,— объяснил Макс.— Мэригей и еще несколько человек едут на нашем флотере к челноку. А мы остались здесь с оружием; пытаемся отвлечь их.

— Что ж. Вам это удалось.— Я на мгновение задумался.— Больше нам здесь нечего делать.

Давайте догонять автобус.

Я подхватил Роберту, затем Макса и побежал на поле, держа их, как охапки хвороста. Автобуса не было видно, но в снегу ясно различалась его колея. Мы догнали его меньше чем за минуту, и мои пассажиры, похоже, были рады сменить средство передвижения.

Никаких признаков флотера с тельцианином и Джинн. Я мог бы услышать его, будь он на расстоянии пары километров.

Машина была переполнена. В ней находились еще двое людей, которых я не узнал, и четверо Человеков, очевидно, комиссия по нашим торжественным проводам.

— Они захватили Джинн,— сообщил я Мэригей.— Тельцианин уволок ее на своем флотере.

Она покачала головой.

— Джинн? — Они были дружны между собой.

— Мы ничего не можем поделать. Она исчезла.

— Они не причинят ей вреда,— сказал Макс.— Поехали!

— Верно,— согласилась Мэригей, но не тронула машину с места.

— Встретимся у челнока,— сказал я. В костюме я был слишком велик и тяжел для нее.

— Хорошо,— спокойно ответила Мэригей и,

нажав кнопку, закрыла дверь.

Машина тронулась, и я трусцой побежал за ней к пусковой трубе челнока и почти сразу же обогнал.

Я нажал кнопку двери подъемника трубы, и она открылась — пятно теплого желтого света. Тогда я открыл костюм и осторожно вышел в снег. Передний карман не сразу поддался моим усилиям, но ценой одного сломанного ногтя я все же открыл его, вынул одежду, нырнул в дверь и поспешно натянул промерзшие вещи на себя.

Флотер остановился перед моим пустым раскрытым костюмом, а я молча уговаривал их поспешить, поспешить... Кто знает, сколько времени потребуется кому-нибудь, чтобы сообразить выключить питание, оставить нас с бесполезным подъемником? Челнок мог быть автономным, но, чтобы им воспользоваться, мы должны были оказаться внутри.

Мэригей потратила несколько драгоценных секунд, объясняя четверым Человекам и двум людям, что им нужно уйти отсюда и спуститься в подземное укрытие. Хотя, скорее всего, они и сами об этом прекрасно знали. Пусковая труба поглощала гамма-излучение в течение первых секунд запуска, ну а когда челнок выходил на

волю, лучше было держаться от него подальше. Роберта держала палец на кнопке подъемника и с силой вдавила ее, как только Мэригей вбежала внутрь.

Рубильник никто не выключил. Подъемник прошел весь свой путь и, негромко щелкнув, остановился перед тамбуром челнока. Сразу же открылась лепестковая диафрагма — входной люк.

Рассесться по местам оказалось не так уж просто: гравитация действовала против нас. Карабкаясь по легкой, почти веревочной, лестнице, мы разместились в креслах, ориентированных снизу вверх. Во время посадки шерифу освободили руки и ноги, но снова связали, как только усадили в кресло и пристегнули ремнем безопасности. Он не пытался сопротивляться.

Я занял пилотское кресло и осмотрел приборную панель и те рукоятки, которыми следовало воспользоваться, чтобы покинуть поверхность планеты. Дело оказалось вовсе не сложным, так как я мог выбрать лишь одну из четырех стандартных орбит. Я повернул выключатель «Стыковка с "Машиной времени"» и был вынужден более или менее довериться судну.

Один из экранов засветился, и на нем появилась

Джинн. Фокус отодвинулся; стало ясно, что она находится во фло-тере, рядом с тельцианином.

Тельцианин указал на окно рядом с Джинн. Сквозь снег можно было с определенностью узнать лишь пару пусковых труб челноков.

— Вы можете стартовать,— проскрипел тельцианин.— Спустя три секунды после того, как вы оторветесь от земли, и я, и эта женщина будем убиты вашей радиацией.

— Давайте,— перебила его Джинн.— Стартуйте.

— Я не думаю, что вы так поступите,— заметил тельцианин,— Это было бы жестоко. Хладнокровное убийство.

Мэригей находилась рядом со мной, на месте второго пилота.

— Джинн...— начала было она.

— У вас нет выбора,— твердо сказала Джинн.— Чтобы удался следующий этап, вы должны сейчас показать, что... что готовы действовать.

Мы с Мэригей переглянулись, похолодев.

— Делайте то, что она говорит,— прошептал Макс.

Внезапно Джинн выбросила в сторону локоть и ударила тельцианина в горло. Ее запястья были связаны металлическими наручниками; она

накинула их на шею соседу и резко дернула вбок и вниз. Послышался отчетливый громкий хруст.

Она положила неподвижное тело себе на колени и передвинулась на водительское место. Мотор флотера громко взвыл, и ее изображение на экране расплылось.

— Дайте мне тридцать секунд! — крикнула она, заглушая звук двигателя.— Нет, двадцать — я укроюсь за главное здание. Черт с ними со всеми!

— Иди сюда! — сказала Мэригей.— Мы можем подождать!

Возможно, она не услышала. Но ответа не последовало, а ее изображение исчезло.

Вместо нее на экране появилось четкое изображение мужчины-Человека в серой форменной куртке.

— Если вы попытаетесь взлететь, мы собьем вас. Не губите понапрасну свои жизни и наш челнок.

— Даже если вы и в состоянии это сделать,— ответил я,— вы, скорее всего, не станете так поступать.— Я взглянул на часы; у Джинн было тридцать секунд, чтобы добраться до нас.— У вас нет ни противокосмического, ни противовоздушного оружия.

— Они есть у нас на орбите,— сообщил Человек.— Вы все погибнете.

— Вот засранец! — выругался я и полуобернулся, чтобы видеть остальных спутников.— Он блефует. Пытается потянуть время.

Лицо По было пепельно-серым.

— Даже если он говорит правду, мы зашли уже достаточно далеко. Давайте пойдем до конца.

— Он прав,— поддержала Тереза.— Вперед, и будь что будет.

Тридцать секунд истекли.

— Держитесь! — крикнул я и перебросил пусковую рукоятку.

Послышался громкий рев, за те одну-две секунды, которые потребовались для того, чтобы покинуть стартовую трубу, единица на датчике ускорения сменилась тройкой.

Обзорный экран показывал сливавшиеся в мелькающие полосы снеговые хлопья, которые внезапно исчезли под ярким светом солнца.

Челнок выверил направление движения для выхода на орбитальную траекторию. Густые, казавшиеся твердыми, снеговые тучи ушли вниз и в сторону. Цвет неба сгустился от кобальтового до индиго.

Я знал, что они вполне могли иметь оружие

на орбите. Пусть это будет даже антиквариат, оставшийся после Вечной войны; он все равно может исполнить свое предназначение.

Но этому я не мог противопоставить абсолютно ничего. Ни противоракетных маневров, ни контратак. Мною овладело своеобразное фаталистическое спокойствие, которое я помнил по боевым действиям: ты можешь пережить еще несколько следующих секунд, но все равно, чему быть, того не миновать. Я наклонил голову вперед, преодолевая ускорение, и заметил напряженную полуулыбку на лице Мэригей: она находилась в таком же состоянии, что и я.

Затем небо почернело, а мы все еще оставались живыми. Рев двигателей стал тише, а затем смолк совсем. Мы плыли в космосе в состоянии невесомости.

Я оглянулся назад.

— Все в порядке?

В ответ раздались недружные восклицания. Все вроде бы были здоровы, хотя вид у некоторых оказался неважным. Все приняли лекарства против тошноты, но ведь космический полет был не единственным стрессом, который им пришлось перенести за последнее время.

Мы следили, как «Машина времени» растет,

превращаясь из самой яркой звезды в не похожее на звезду искрящееся пятно, а затем в четкий контур, который с каждой минутой увеличивался и обретал все новые детали. Автоматизированная часть нашего полета заканчивалась: не слишком похожий на человеческий голос сообщил, что управление будет передано мне через десять секунд... Девять... И так далее.

Вообще-то мне передавалась скорее ответственность, а не управление; радар челнока все еще продолжал обследовать корпус космического корабля, определяя полагающийся коридор подхода к точке стыковки. Я держал правую руку на рукояти выключателя отмены: если что-то покажется мне неправильным, то ее нужно будет отпустить. Тогда несколько последних маневров будут проделаны в обратном порядке и челнок вернется приблизительно на ту же позицию в пространстве, которую занимал несколько минут назад.

Переходные тамбуры сошлись с успокоительным металлическим щелчком, и мои уши сразу же заложило: давление в челноке понизилось, сравнявшись с разреженной, но богатой кислородом атмосферой «Машины времени».

— Второй этап,— произнес я.— Посмотрим,

удастся ли он нам.

— Думаю, что удастся,— сказал шериф.— Самую трудную часть вы преодолели.

Я уставился на него.

— Вы никак не могли узнать наши планы. Никак.

— Именно так.

— Но вы знаете нас настолько хорошо... такие всезнайки... что точно вычислили, что мы собираемся делать?

— Я не стал бы утверждать это с такой определенностью. Но вы правы, меня предупреждали о возможности бунта, при котором не исключалось насилие, и рекомендовали не оказывать сопротивления.

— А дальнейшее? Что мы собираемся делать?

— Это тайна для меня, вернее, догадки. Меня просили не соединяться с Целым Деревом, и поэтому мне известно не слишком много.

— Но остальные знают. Или думают, что знают.

— Я и так сказал слишком много. Просто продолжайте следовать своему плану. Вы сможете все узнать по ходу действия.

— Вы все-таки можете что-нибудь знать,— тяжело проговорил Макс.

— Давайте действовать,— сказала Мэригей,— независимо от того, что они приготовили для нас, независимо от того, что они думают, что они знают, наш второй этап изменить нельзя.

— Ты ошибаешься,— возразил Макс.— Мы должны выяснить у этого ублюдка все,что возможно. Мы ничего не потеряем, если слегка нажмем на него.

— Но и ничего не выиграете,— ответил шериф.— Я рассказал вам все, что знал.

— Давайте проверим,— предложила Роберта.— Макс прав. Нам нечего терять.

— Потерять мы как раз можем много,— откликнулся я.— Ты говоришь точь-в-точь как те старики-сержанты, которые начинали учить меня. Это переговоры, а не война.

— Они грозили убить нас,— возразил По — Если это не война, то что-то очень похожее.

Мэригей пришла мне на помощь.

— Оставим это как вариант. А сейчас, я думаю, нам не следует причинять ему никакого вреда или оказывать чрезмерное давление.

— Только избить и связать его,— уточнила Роберта.

— Если нам все же понадобится выжать из него информацию,— гнула свое Мэригей,— то

мы сможем это сделать. Ну а сейчас мы должны действовать, а не разговаривать.— Она стиснула лицо ладонями.— Кроме того, они сейчас, скорее всего, имеют своего собственного заложника. Джинн не могла далеко уйти в этом флотере.

— Джинн убила одного из них,— сказал Макс.— Она уже труп.

— Заткнись, Макс,— негромко, но твердо сказала Мэригей.

— Если она еще жива, то служит препятствием для нас.

— Заткнись.

— Ты прошмандовка, коблуха![14] — заорал Макс.— Ты всегда...

— Моя жена не прошмандовка и не коблуха.— Я изо всех сил старался говорить ровным голосом.— Когда мы войдем в эту дверь, она станет твоим командиром.

— С этим у меня нет проблем. Я долго служил и ни разу не встречал командира, который трахался с людьми другого пола. И если вы думаете, что она не коблуха, то вы слепые, как черви.

— Макс,— спокойно сказала Мэригей,— в моем сердце была и двуполая любовь, и лесбийская

---

[14] Примечания: 14
Гомосексуалист-проститутка, пассивная лесбиянка (угол, жаргон).

любовь, и пустота, как сейчас. На этом челноке командует Уильям, а ты не подчиняешься приказам.

— Ты права,— тускло отозвался Макс и добавил, повернувшись ко мне: — Я потерял голову и приношу извинения. Слишком много всего произошло, и слишком быстро. А я не был солдатом с тех пор, как появились на свет мои дети.

— Я тоже,— ответил я, но не стал развивать тему.— А теперь пошли.

Мы ожидали, что за дверью переходного тамбура будет темно и прохладно: покидая судно в последний раз, мы оставили его в режиме минимального расхода энергии для поддержания систем корабля. Но искусственное солнце ярко светило; в теплом воздухе пахло травой — значит, на плантациях росли посадки.

А на погрузочной аппарели нас ожидал тельцианин. Безоружный. Он сделал свой приветственный жест, обняв себя за плечи.

— Вы знаете меня,— сказал он.— Антрес-девятьсот шесть. Уильям Манделла, вы руководитель?

Я посмотрел ему за спину, на ухоженные плантации.

— Что это, черт возьми, значит?

— Я говорю сейчас только с руководителем.

Это вы?

— Нет.— Я положил руку на плечо Мэригей. Она тоже замерла в изумлении.— Моя жена.

— Мэригей Поттер. Пойдемте со мной в рубку.

— Они готовы к полету,— сказал Макс у меня за спиной.— Прямо на Землю.

Нам говорили, что потребуется несколько недель, чтобы сельскохозяйственные «угодья», входящие в систему жизнеобеспечения, дошли до эксплуатационного состояния, и лишь после этого нас уложат в анабиозные камеры. Но, похоже, сейчас мы направлялись прямиком туда.

— Сколько здесь народу, Антрес? — спросила Мэригей.

— Больше никого.

— Для этого потребовалось много работы.

— Пойдемте со мной,— повторил тельцианин, не отвечая на вопросы.

Мэригей последовала за ним к лифту, а я направился за ними. Мы оба неуклюже цеплялись за сети для передвижения в невесомости. Антрес управлялся с ними гораздо более ловко, но подлаживался под нашу скорость передвижения.

Мы поднялись на командирский уровень и направились в рубку. Главный экран был включен и показывал немолодого мужчину-Человека, воз-

можно, того самого, с которым мы разговаривали в Центрусе.

Мэригей села в капитанское кресло и пристегнулась.

— Есть ли еще смертные случаи? — без предисловий спросил Человек.

— Я хочу спросить то же самое у вас. Джинн Сильвер?

— Она убила одного из нас.

— Тельцианин — это не «один из нас», если вы относите себя к людям. Она жива?

— Жива и находится в заключении. Я думаю, что мы смогли предугадать значительную часть вашего плана. Не могли бы вы теперь рассказать его полностью?

Мэригей взглянула на меня, а я пожал плечами.

Тогда она медленно и спокойно заговорила:

— Наш план заключается в следующем. Этот корабль не отправится к Земле. Мы требуем разрешения использовать «Машину времени» в соответствии с нашим первоначальным требованием.

— Вы не сможете сделать это без нашей помощи. Сорок рейсов челнока. А как вы поступите, если мы откажемся?

Она сглотнула слюну.

— Мы отправим всех обратно на том челноке, который находится в нашем распоряжении. После этого мой муж и я направим «Машину времени» к поверхности планеты и врежемся в нее около южного полюса.

— Значит, вы думаете, что мы дадим вам судно под угрозой вашего самоубийства?

— Но оно не принесет радости и вам. Пар, который образуется при взрыве антивещества, покроет весь Средний Палец непроницаемым облачным покровом. Ни в этом году, ни в следующем не будет ни весны, ни лета.

— Весь третий год,— добавил я,— будет бушевать непрерывная снежная буря, а затем последует потоп.

— Мы не можем допустить этого, — задумчиво сказал Человек.— Что ж. Мы принимаем ваши требования.

Мы с Мэригей переглянулись.

— На самом деле?

— Вы не оставили нам выбора.— Зажглись два цифровых экрана данных.— График погрузки, который вы видите здесь, был составлен по вашим первоначальным предложениям.

— Значит, все это шло по плану? — удивилась

Мэригей.— Вашему плану.

— Мы постарались подготовиться к критической ситуации,— ответил он,— на тот случай, если вы не оставите нам иной возможности.

Мэригей рассмеялась.

— Вы не могли просто позволить нам улететь.

— Конечно нет. Ведь Целое Дерево запретило это.

— Погодите,— вновь вмешался я.— Вы не повинуетесь Целому Дереву?

— Почему же? Это вы пошли вразрез с его решением. А мы лишь выбрали разумный образ действий. В ответ на вашу угрозу массового убийства.

— А Целое Дерево предвидело такой поворот событий?

— О, нет.— Впервые Человек позволил себе чуть заметно улыбнуться.— Жители Земли не знают вас настолько хорошо, как мы, живущие рядом с вами.

Шериф попытался объяснить, что ему было известно и что он мог домыслить по поводу их плана. Это было похоже на теологический спор в какой-нибудь религии.

— Целое Дерево не является непогрешимым,— сказал он.— Оно представляет собой огромное и

хорошо осведомленное согласие. Ну а в данном случае тем не менее оказалось... Это было похоже на голосование по какому-нибудь вопросу тысячи людей, из которых только двое или трое на самом деле понимают суть дела.

Мы все сидели за большим столом в столовой и пили плохой чай, сделанный из концентрата.

— Но вот чего я не понимаю,— протянул Чарли.— Мне кажется, что такие вещи должны случаться довольно часто.

Он сидел прямо напротив шерифа и сейчас пристально уставился на него, опершись подбородком о ладонь.

— Нет, это был особый случай.— Шериф неловко передернул плечами.— Человек на Земле считает, что знает людей. Они всю жизнь живут и работают бок о бок. Но те люди совсем не того сорта, что вы. Они или их предки решили поселиться на Земле, несмотря даже на то, что при этом окажутся частью ничтожного меньшинства, существующего вне господствующей культуры Человека.

— Торговля своей независимостью ради комфорта,— вставил я.— Иллюзии независимости.

— Не так просто. Да, они живут в более комфортных условиях, чем вы — или мы,— но важнее

то, что они всей душой стремились вернуться домой. А те люди, кто выбрал Средний Палец, отвернулись от своего дома.

Значит, когда Человек на Земле думает о людях, получается очень сложная и пестрая картина. Если бы вы взяли сто пятьдесят земных людей и закинули их на сорок тысяч лет в будущее... это было бы жестоко. Примерно то же самое, что отобрать ребенка у родителей и бросить его одного в чужой стране.

— До чего хорошо,— съязвил Чарли.— Решение Целого Дерева было основано на беспокойстве о нашем счастье.

— Беспокойстве о вашем душевном здоровье,— поправил шериф.

— И огромная стоимость предприятия не была решающим фактором?

— Решающим не была.— Он сделал широкий жест рукой.— Это судно имеет значительную стоимость в масштабах нашей экономики. Но в земных масштабах оно представляет собой очень незначительную ценность. Тысячи таких кораблей дрейфуют, пустые, по околосолнечным орбитам. И если бы такой проект предложили люди Земли, то его осуществление могло бы пройти без всяких трудностей.

— Но они никогда не предложат,— сказал я.— Они домоседы.

Шериф пожал плечами.

— Сколько людей на Среднем Пальце считают вас сумасшедшими?

— Полагаю, что больше половины.— Из тридцати тысяч обитателей планеты вызвались лишь тысяча шестьсот добровольцев.— Например, так считает младшая половина нашей семьи.

Он неспешно кивнул.

— Но разве они не хотят отправиться с вами?

— Хотят. Особенно Билл, несмотря на то что уверен, будто мы свихнулись.

— Я понимаю его,— сказал он.— Я такой же.

— Что?

— Мы просили вас взять Человека и тельцианина,— впервые заговорил тельцианин.— Мы и есть эти двое,— скрипуче прорычал он.

Часть третья
КНИГА ИСХОДА
Глава 1

Наш график отводил на погрузку пятнадцать дней, но в нем предполагалось, что все оборудование и имущество, заранее собранные, будут лежать в ожидании подъема на орбиту. Но вместо этого у наших спутников оказалось две недели, чтобы перестроить свою жизнь с учетом того, что экспедиция была незаконной.

Мы лишились двенадцати из ста пятидесяти человек первоначального состава. Заменить их оказалось не так просто, как воззвать к добровольцам; ведь все они были отобраны из общего числа после личных бесед и с учетом некоторых требований демографического характера и ассортимента профессий.

Мы могли через сорок тысяч лет вернуться на безлюдную планету и хотели, чтобы у наших потомков остался шанс заново создать цивилизацию.

Мы не обладали также лишним временем для поисков кандидатов и не могли манипулировать

графиком полетов челнока. Рапорт о нашем мятеже наверняка уже отправился на Землю, и через десять месяцев должен был поступить какой-то ответ. Если в их распоряжении были тысячи кораблей, то хотя бы несколько из них могли оказаться быстроходнее, чем «Машина времени». Намного быстроходнее.

Ста пятидесяти человек было достаточно для создания демократической структуры. Мы разработали ее еще пару месяцев тому назад. Она предусматривала выборный Совет пяти, каждый член которого будет в течение года исполнять обязанности мэра; по истечении срока на его место должен быть избран другой.

Исходя из сложившегося положения, мы действовали как можно быстрее, стараясь при этом лишь избегать упущений и обходиться без нарушения законов. К счастью, среди тех, кто решил остаться дома, не оказалось никого из наших выборных, так что немногочисленная бюрократия не пострадала. А за эти две недели нам, похоже, предстояло принять больше решений, чем в будущем, на борту корабля, за пару лет.

Но это было не просто поселение, но и космический корабль, и капитан его обладал особыми полномочиями, большими, чем у мэра и даже у

совета. На должность капитана были выдвинуты я, Мэригей и Анита Шидховска, которая вместе со мной участвовала в кампании на Сад-138. Анита отказалась в нашу пользу, а я отказался в пользу Мэригей. Никто против этого не возражал. И Анита и я были избраны в совет. В него вошли также Ченс Дилейни, Стивен Функ и Мухаммед Тен. Называлось также имя Дианы Ал-север-Мур, но она сняла свою кандидатуру, заявив, что она единственный врач на корабле и у нее вряд ли найдется время для развлечений.

Только на то, чтобы доставить всех на борт корабля, потребовалось двадцать дней. Наблюдая за тем, как челноки в последний раз отчаливали от «Машины времени», я задумался, пришел ли кому-нибудь, кроме меня, в голову старомодный даже в дни моей юности образ большого пассажирского судна, отваливающего от высокого пирса и выходящего из безопасной гавани в неизведанную океанскую даль.

Предполагалось, что последний челнок доставит на борт наших детей. Но одного из них не хватало. Сара подплыла к нам и без слов вручила мне листок бумаги.

«Я люблю вас, но никогда не намеревался идти с вами. Сара уговорила меня притвориться, будто

я решился на это, чтобы мы прекратили пустую трату времени на препирательства. Это было нечестно, но, я думаю, следует согласиться, что это оказалось наилучшим выходом.

Я в Центрусе. Не пытайтесь найти меня.

Если бы я не был лоялен к вам, то я мог бы прекратить все в тот же день, когда мы высадили вас у полицейского участка. Но, полагаю, что все мы должны сходить сума по-своему.

Желаю счастливо провести сорок тысяч лет.

С любовью, Билл».

Кровь отлила от лица Мэригей. Я вручил ей письмо, но она, конечно, еще раньше поняла, что в нем было написано.

Я чувствовал потерю, но также и странное облегчение. К тому же это не оказалось для меня полной неожиданностью: видимо, на уровне подсознания я знал, что что-то идет не так.

Вероятно, у Мэригей тоже было подобное ощущение. Она взглянула на записку, а затем засунула ее под другие бумаги в планшет, который носила на поясе, откашлялась и заговорила со вновь прибывшими. Ее голос почти не дрожал.

— Сейчас вам отведены вот эти каюты. Если кому-нибудь что-то не по вкусу, то потом можно будет поменяться. Но сейчас сложите туда ваши

вещи и приходите в зал собраний. Кто-нибудь ощущает симптомы космической болезни?

Руку поднял лишь один крупный мужчина, чья кожа уже обрела зеленоватый оттенок.

— Я провожу вас к доктору,— предложил я.— У нее есть кое-что получше, чем пилюли.

На самом деле я просто хотел отвести его в клинику — так мы называли медицинский отсек — прежде, чем он начнет блевать.

На корабле имелось десять каналов связи, и Мэригей предоставила каждому по десять минут для последних прощаний. Мало кто использовал это время полностью. Через час с небольшим все сошлись в зале собраний перед экраном, на котором была видна Мэригей в капитанском кресле. Каждый из ста сорока восьми человек пытался поудобнее «улечься» на «полу» (в невесомости оба этих понятия, естественно, были условными) перед экраном.

Мэригей смотрела на нас с экрана, держа палец на вмонтированной в пульт красной кнопке.

— Все готовы? — спросила она.

Толпа нестройно закричала: «Да», и с почти военной точностью наше путешествие началось. (Я спросил себя, сколько народу знало или хотя бы догадывалось, что к красной кнопке не был при-

соединен ни один провод. Это была всего лишь шутка инженера. Корабль должен был двинуться в путь, руководствуясь заложенной программой, а его электронный мозг определял время старта с точностью до миллионной доли секунды.)

Ускорение нарастало очень медленно. Я плыл примерно в футе над полом, затем медленно опустился на пол и еще секунд через десять-двенадцать обрел небольшой вес. Послышался негромкий гул, которому предстояло являться фоном наших жизней в течение десяти лет: крохотное проявление той невообразимо могучей силы, которая вышвырнет нас прочь из галактики.

Я поднялся и сразу же упал. Такое происходило со многими людьми, пробывшими несколько дней, а тем более недель в невесомости. Сара взяла меня за руку, и мы, смеясь, неуверенно встали рядом. Потом я осторожно присел и снова встал, преодолев боль в протестовавших против непривычной нагрузки мышцах и суставах.

Вокруг около сотни людей осторожно переступали с ноги на ногу. Остальные сидели или лежали; у некоторых можно было заметить признаки беспокойства или даже паники.

Их предупредили, каких ощущений следует

ожидать, сообщили, что на первых порах даже дыхание потребует некоторых усилий. Те из нас, кому пришлось в течение последних месяцев мотаться на орбиту и с орбиты, успели привыкнуть к этому. Но то, о чем вам рассказали и что вы ощущаете на деле, всегда сильно разнится.

Мэригей переключила изображение на панораму планеты. Сначала она просто вращалась под нами: несколько тонких облачков на фоне неровного белого снежного покрова. Люди оживленно заговорили между собой, послышались сочувственные вздохи.

Но уже спустя несколько минут, когда наше движение стало заметным, разговоры прекратились. Люди молча сидели и смотрели на экран, погрузившись в свои мысли; возможно, это была какая-то разновидность гипнотического транса.

Вот на краю экрана появился один изогнутый горизонт, а затем, на противоположной стороне, другой. Они неуклонно сближались, и спустя пятнадцать — двадцать минут планета обратилась в большой шар и продолжала уменьшаться.

Мэригей, пошатываясь, спустилась по лестнице и села рядом со мной.

— Прощай, прощай,— шептала она, и я повторял это слово вслед за нею. Но, думаю, что, говоря

это, она прощалась прежде всего с нашим сыном. А я же прощался с планетой и со временем.

По мере того как планета уменьшалась, удаляясь, я чувствовал некое странное прозрение, порожденное наукой и математикой. Я знал, что пройдет месяц — 34,7 дня,— прежде чем мы разгонимся до одной десятой скорости света и официально вступим в царство теории относительности. И пройдут еще месяцы до того, как релятивистские эффекты станут заметны при взгляде на звезды.

Но на самом деле мы уже вступили в это царство. Огромная сила, которая заставила палубу судна обратиться в пол, уже изгибала пространство и время. Правда, наши разумы и тела не были достаточно тонко организованы для того, чтобы непосредственно ощутить это. Но ускорение уже медленно уносило нас прочь от мирской иллюзии, которую мы именовали действительностью.

Большая часть вещества и энергии во вселенной, благодаря своим огромным массам или скоростям, живет в царстве теории относительности. Мы должны были вскоре присоединиться к этому обществу.

Глава 2

Изображение Среднею Пальца находилось в центре экрана еще около двух дней, постепенно уменьшаясь. Затем оно превратилось в яркую звезду, вскоре исчезнувшую в ярком сиянии Мицара. Но уже к концу первого дня, чтобы глядеть на светило, нам даже не требовались светофильтры: Мицар был лишь самой яркой из звезд на небе, и только.

Люди постепенно приступали к своим делам. Они знали, что многие из их занятий были надуманными — корабль при необходимости мог вести полет самостоятельно. Даже уход за сельскохозяйственными культурами, входившими в систему жизнеобеспечения, в основном контролировался его электронным мозгом.

Порой я испытывал беспокойство от того, что корабль был разумным и обладал самосознанием. Он мог сильно упростить свое существование, отказавшись от поддержания жизни своих пассажиров.

Ну а мы, в свою очередь, могли отстранить корабль от управления полетом. В этом случае капитанство Мэригей, являвшееся сейчас в зна-

чительной степени символическим, стало бы реальным и тяжелым бременем. Действительно, «Машиной времени» можно было управлять без ее мозга, но это было бы устрашающей авантюрой.

Пятнадцать детей, имевшихся на борту, нуждались в родителях и преподавателях, и благодаря этому некоторые из нас получили реальное занятие. Я преподавал физические науки; кроме того, среди моих обязанностей имелась и должность «отец», хотя в основном эта моя функция сводилась к тому, чтобы как можно реже попадаться на глаза Саре.

Все, у кого не было детей, участвовали в различных долговременных проектах. Многие, конечно, были заняты созданием и препарированием сценариев нашего поведения через сорок тысяч лет. Я относился к этим занятиям без большого энтузиазма. Мне казалось, что единственной стоящей моделью будущего была tabula rasa, чистый лист, с которого мы начнем, когда по возвращении не обнаружим никаких признаков присутствия человечества. В противном случае мы окажемся неандертальцами, зарабатывающими на жизнь невнятными сагами о звездных скитаниях.

(Шериф, естественно, склонялся к сценарию,

согласно которому за сорок тысяч лет человечество не должно было измениться практически ни в чем; лишь шире распространиться по физической вселенной. С какой стати Человек мог пожелать измениться? Мне же казалось более вероятным, что Человек, отказываясь допускать изменения своей природы, неминуемо скатится к полному одичанию, повинуясь закону нарастания энтропии.)

Несколько человек писали историю нашего рейса. Я замечал, что они с жадностью ожидали каких-нибудь неприятностей. Отсутствие новостей является дурной новостью для историков. Другие изучали социальную динамику нашей небольшой группы, что, вероятно, заслуживало внимания. Социология с уникально уменьшенным набором переменных.

Многие принялись писать романы, сочинять музыку или иными способами пробовать силы в искусстве. Каси сразу же принялся терзать свое бревно, а Алиса Бертрам на второй же день объявила о прослушивании актеров для пьесы, над которой она работала; причем актерам предстояло участвовать и в написании самого произведения. Сара одной из первых явилась на пробу и была выбрана. Она хотела, чтобы

я тоже попробовал свои силы, но заучивание многостраничных диалогов всегда казалось мне разновидностью моральной пытки, и я отказался.

Конечно, мое положение в совете могло избавить меня от многих подобных волнений. Но с началом рейса количество наших дел резко убавилось.

С возникновением искусственной тяжести корабль полностью преобразился. Во время орбитального дрейфа полы были всего лишь досадными препятствиями, из-за которых по судну приходилось передвигаться сложными извилистыми маршрутами. Положение «Машины времени» в пространстве воспринималось как горизонтальное, у нее имелись нос и корма, как у водного судна. Но теперь появилось ускорение, и корма превратилась в «низ». С начала полета прошло не больше часа, а Диане уже пришлось лечить первый перелом: Эми, прожившая при невесомости несколько месяцев, по привычке решила проплыть вниз по лестнице.

Когда это произошло, я понял, что у нас нет инспектора по технике безопасности. Таким образом я обрел новое занятие, но решил еще и завести себе помощника, искушенного в граж-

данском строительстве. Людей, владевших этой специальностью, оказалось трое, и одна из них была Кэт. Полагаю, я остановил свой выбор на ней, чтобы не казалось, будто я ее избегаю.

Нельзя сказать, чтобы я питал к Кэт дурные чувства, хотя никогда не чувствовал себя полностью свободно в общении с нею. Конечно, она была рождена, если можно так назвать процесс ее появления на свет, на девять столетий позже, чем я, и произошло это в мире, где гетеросексуальность воспринималась как серьезное несчастье и являлась такой редкостью, что большинство людей даже и не сталкивались с этим проявлением человеческого естества. Но ведь такая же психология была от рождения присуща и Чарли с Дианой, нашим лучшим друзьям.

Правда, некоторые из них были более склонны к гетеросексуальности, чем остальные; связи Чарли с парнями были очень немногочисленными. Я подумал, какова в этом отношении Кэт, оставившая мужа на планете. (Хотя сам этот факт был не таким уж и дурным: Альдо все равно не годился ни на что, кроме игры в шахматы и го.)

Кэт приняла предложение с энтузиазмом. Согласно нашим планам, ее основной работе предстояло начаться лишь через десять лет, когда

мы (если все удастся) должны будем закатать рукава и приняться за строительство нового мира.

Мы решили изучить корабль с точки зрения техники безопасности сверху донизу. На верхнем этаже предметов для беспокойства было немного; там находились грузовые помещения и системы управления. Из всех обитателей корабля там регулярно бывали лишь Мэригей да ее помощники Джеррод Уэстон и Мухаммед Тен. Пять спасательных шлюпок не запирались. Я предположил, что народ мог бы забираться туда в поисках уединения, и поэтому, проверяя шлюпки, мы все время помнили о такой возможности.

Внутри их не было почти ничего, кроме противопере-грузочных кресел и анабиозных капсулей. Кресла из мягкого, очень упругого материала казались вполне безопасными, а что касается капсулей, то я решил, что туда никто не решится полезть без крайней необходимости; разве что какой-нибудь парочке захочется испытать сексуальную близость в темном гробу, встроенном в сложную механическую систему. Кэт на это сказала, что у меня большое воображение.

На четвертом этаже находилась большая часть наших сельскохозяйственных угодий, и поэтому там, теоретически, можно было утонуть. Все

водоемы были сравнительно неглубокими, и ни один из взрослых не смог бы погрузиться туда глубже, чем по шейку, зато дети большей частью были еще достаточно малы для того, чтобы подвергаться потенциальному риску. Все семейства с детьми жили на первом этаже, но, конечно, дети будут бродить повсюду. Тут я увидел табличку «Не кормить рыбу», и мне в голову пришла идея. Я нашел Уолдо Эвереста. Он подтвердил, что рыба каждый день в определенные часы получает отмеренное количество пищи, и согласился с моим планом сделать детей ответственными за проведение кормления. Таким образом, рыбоводные садки становились их рабочим местом и теряли привлекательный ореол «манящей беды».

Это выражение я впервые услышал от Кэт и нашел, что оно хорошо описывает некоторых людей.

Здесь же находились три мелководных рисовых чеки, в которых также обитали тысячи лангустов. Они, правда, выросли еще недостаточно для того, чтобы годиться в пищу. Около половины всей площади оранжереи отводилось для быстрорастущего зерна, служившего кормом для рыбы. Атмосфера этого этажа нравилась мне больше всего: запах моря, смешивавшийся со

свежим ароматом растущей зелени.

Нет, здесь, пожалуй, не было опасностей для жизни, помимо рыбоводных садков и оборудования для уборки урожая. Правда, здесь находился тот самый лестничный пролет, свалившись в который Эми сломала руку, но он вовсе не являлся местом повышенного риска.

Подъемник находился в некотором отдалении от лестницы, на расстоянии 120 метров, но туда нельзя было пройти прямо. Узкая дорожка прихотливо петляла между различными гидропонными плантациями. Поэтому мы просто обошли сельскохозяйственную зону по тротуару перед жилыми кварталами. На этом этаже была размешена примерно половина жилых помещений; они были такими же по размеру, как и остальные, но несколько отличались планировкой.

Квартирка, в которой жили мы с Мэригей, находилась совсем рядом с лифтом. Такое местоположение объяснялось не только привилегиями, присущими нашим званиям, но и практической необходимостью: ходовая рубка располагалась прямо наверху. Я пригласил Кэт выпить чаю. В смысле анализа с точки зрения техники безопасности наша квартира ни в чем не уступала

любой другой.

По сравнению с военными казармами квартиры казались довольно просторными. Первоначальная планировка позволяла судну перевозить двести пять человек, каждому из которых выделялась комнатка площадью в четыре квадратных метра. Так что сто пятьдесят человек чувствовали себя здесь достаточно свободно. Двадцать восемь пар запланировали родить во время рейса ребенка, а некоторые из них даже двоих, но и в этом случае нам не угрожала перенаселенность.

После нашего большого дома в Пакстоне с окнами, глядевшими с одной стороны на лес и с другой стороны на широкое озеро, здесь возникало ощущение, напоминавшее клаустрофобию. На стене нашей спальни я поместил голографическую имитацию окна с видом на озеро, но потом мне показалось, что его следовало все же убрать. На вид оно казалось реальным, но подспудное ощущение фальши все же оставалось.

— Пожарная опасность,— сказал я, включая чайник.— По меньшей мере опасность загорания.

Конфорки представляли собой индукционные нагреватели, так что для того, чтобы с ними что-нибудь случилось, следовало очень сильно

постараться.

— Зато у вас есть ножи и прочая утварь,— заметила Кэт.

В ее каюте, по пожеланию хозяйки, кухонного оборудования не было. Зато мы с Мэригей взяли с собой достаточно посуда, чтобы готовить и кормить шесть человек, а также изрядный запас прекрасных специй и трав. Мы ввели для пробы правило, согласно которому каждый мог до определенного часа прийти в общую кухню, узнать, какие продукты сегодня будут использоваться, и попросить приготовить из них что-то особое или же есть то же самое, что и все остальные.

— Говорят, что ванная — это самая опасная комната в доме,— сказала она.— Но в наших жилищах по этому поводу можно не волноваться.

В каютах были только тесные туалеты с унитазом и маленькой раковиной. На каждом этаже были отдельные душевые; душевые были и около бассейна на общем этаже.

Из заварного чайника пошел пар, я налил чай в две чашки, сел рядом с Кэт на диван и обвел комнату критическим взглядом.

— Здесь действительно мало поводов д ля беспокойства. Ты когда-нибудь думала о том, какие травмы чаще всего происходят в домашних

условиях: падения, порезы, ожоги, отравления ядовитыми веществами... Как правило, причиной всего этого являются такие вещи, которых здесь у нас нет.

Она кивнула.

— Зато у нас есть опасности, каких не существует в обычных домах. Например, попадания метеоритов, неполадки в системе жизнеобеспечения, да и сама мысль о том, что мы сидим на нескольких тоннах антивещества...

— Я учту это.— Минуту-другую мы молча прихлебывали чай, и пауза уже становилась неловкой.— Ты полетела... полетела только из-за Мэригей?

Она взглянула мне в глаза.

— Частично и из-за этого. Частично, потому что знала, что Альдо не полетит. Это был самый безболезненный способ расторжения брака.— Она поставила чашку на стол.— К тому же мне понравилась мысль о побеге, о поисках нового мира. Ты же знаешь, что в наше время в нас еще не закладывали нужных обществу свойств. Я присоединилась к тем, кто решил посмотреть новые миры. Средний Палец стал слишком уж маленьким.— Она криво улыбнулась.— Но Альдо по-настоящему полюбил его. Он влюбился в

ферму.

— А ты и здесь время от времени занимаешься сельским хозяйством.

— Упражняюсь. К тому же я успела выучить, где у овощей вершки, а где корешки.

— Я рад, что ты летишь.

— Рад...— Вообще-то это был вопрос.— Альдо решил, что я отправилась вслед за Мэригей. Он говорил с тобой об этом?

— Не так конкретно.— (Зато сделал множество неуклюжих намеков.)

— Мы... да... я люблю ее.— Кэт пыталась скрыть дрожь в голосе.— Но я... мы... Это было шестнадцать лет назад. А сейчас мы просто соседи, близкие соседи. И с меня этого довольно.

— Я понимаю.

— Не думаю. Я не думаю, что мужчины вообще могут это понять.— Она взяла чашку обеими руками, как будто хотела согреть их.— Возможно, это несправедливо. Я ни разу в жизни не встречала мужчину, который испытывал бы сексуальное влечение к женщинам, пока не оказалась на Небесах. Мне было около двадцати пяти лет. Но нормальные мужчины и мальчишки, среди которых я выросла, должны были трахаться друг с другом. Если этого не было, то и в отношениях не

было ничего серьезного. У девушек и женщин все шло по-другому. Можно было любить кого-то или не любить. Ну а сексуальные отношения здесь значили вовсе не так много.

— Я не хочу казаться ревнивым мужем,— сказал я.— Я знаю, что вы с Мэригей все еще любите друг друга. Это очевидно каждому, кто даст себе труд обратить на вас внимание.

— Тогда не будем волноваться по этому поводу. То, что Альдо исчез из моей жизни, вовсе не значит, что я кинусь в ее объятия. Возможно, в чьи-нибудь еще. Но запомни, что я так же гетеросексуальна, как и ты.

— Я в этом уверен.— Я уже задавался этим вопросом: была ли эффективной и постоянной та технология, которую Человек применял в этом отношении. Я доверял Кэт, но продолжал думать об этом.— Еще чаю?

— Нет, нам пора идти дальше.— Она улыбнулась.— А то про нас начнут сплетничать.

На третьем, общем, этаже имелись проблемы с безопасностью, которые не были очевидными при невесомости. Старое дырявое ковровое покрытие в кафетерии, казалось, так и предвкушало, что люди с занятыми руками будут спотыкаться о прорехи. Заменить его, конечно,

было нечем. Мы отогнули угол и решили после осмотра, что голая металлическая палуба куда лучше, а пересохший клей совсем нетрудно счистить. Через несколько дней мне нужно будет собрать бригаду для этого занятия.

Мы проверили большую часть оборудования тренажерного зала: механизмы для силовых упражнений, для имитации гребли, лыжные и велосипедные тренажеры. Осмотрели кольца, канаты, параллельные брусья и решили, что если кто-то получит здесь травму, то это будет еще не скоро.

В бассейне уже плескалось много народу, в том числе и девять детей. Я знал, что корабль наблюдает за купающимися днем и ночью. На общем этаже жили лишь два человека, умелые пловцы Лючио и Елена Моне. Дверь их квартиры выходила прямо к бассейну. Один из обитателей всегда находился дома и в том случае, если бы корабль объявил тревогу, мог бы в считанные секунды оказаться у бассейна.

Первый и второй этажи представляли собой близкое подобие четвертого: 95 процентов площади занимала ферма, окруженная жилыми кварталами. Правда, здесь было меньше воды, и единственную опасность представлял собой

устричный садок, настолько мелкий, что утонуть в нем можно было только лежа. (Я возражал против разведения устриц — им до первого урожая требовалось расти целых шесть месяцев,— но люди, которые могли смотреть на этих моллюсков, не испытывая тошноты, взяли верх.) В отличие от четвертого этажа все квартиры здесь были одноэтажными, так что тут не было даже лестниц, из-за которых можно было беспокоиться.

Область под первым этажом являлась самой опасной частью корабля, но она находилась вне юрисдикции инспектора по технике и его верного помощника, гражданского инженера. Там, невидимо для нас, пылали семь тонн антивещества, сдерживаемые мощным силовым полем. Если бы с полем что-нибудь случилось, то у всех нас оказалась бы в запасе примерно одна наносекунда, чтобы подготовиться к новому образу существования в форме вечно несущихся по вселенной потоков гамма-лучей.

Кэт вызвалась воплотить в жизнь великий проект уничтожения ковра, и я уступил ей лидерство в этом деле, хотя и успел сам настроиться на него.

В течение десяти месяцев я находился в центре всех событий — споров, координации действий,

принятия решений,— а теперь оказался всего лишь одним из множества пассажиров. Для утешения у меня имелся определенный ранг, вернее, почетное звание, и эфемерное подобие работы, но больше не было ответственности. Я должен был привыкнуть смотреть на то, как дело делают другие.

Глава 3

Теоретически Мэригей все время находилась при исполнении служебных обязанностей, но фактически она лишь ежедневно несла восьмичасовую вахту в ходовой рубке. Две другие вахты принадлежали Джерроду и Мухаммеду.

Их присутствие в рубке имело скорее психологическое или, может быть, политическое значение, чем вызывалось реальной необходимостью. Корабль всегда знал, где все трое находились, ну а если бы потребовалось принять какое-нибудь безотлагательное решение, то он сделал бы это без консультации с людьми. Тем более что человеческая мысль была слишком медлительной для критических ситуаций. Большинство из нас, пассажиров, об этом отлично знало, и все равно, сознание того, что полет контролируют люди,

действовало успокаивающе.

Мэригей нравилось рассматривать пульт управления, сложный лабиринт табло, циферблатов, кнопок, верньеров и тому подобного, которыми была тесно утыкана четырехметровая панель с двухметровыми крыльями по сторонам. Она знала, для чего предназначался каждый прибор, досконально научилась пользоваться средствами управления за время обучения на КМЖС, так же как я выучился водить челнок, но, несомненно, было полезно все время закреплять эти знания в реальных условиях.

(Однажды вечером я спросил ее, сколько звонков и свистков, по ее мнению, находятся на всей восьмиметровой приборной панели. Она закрыла глаза и после почти пяти минут сосредоточенного размышления ответила: «Одна тысяча двести тридцать восемь».)

Она выбрала себе вахту от 04.00 до 12.00, так что мы всегда встречались во время ланча. Обычно мы что-то готовили на скорую руку у себя, предпочитая не спускаться в «зверинец» — так по старой памяти наших солдатских столовых очень скоро стали называть кафетерий. Иногда у нас бывала компания. Прежде, на СП, по вторникам к нам почти всегда на ланч приходили Чарли и Диана,

и мы не видели никаких причин отказываться от этого ритуала.

К исходу второй недели я сварил луковый суп с картофелем; в первый, но не в последний раз — в течение нескольких месяцев предстояло потреблять только те овощи, которые Тереза со своей командой смогли вырастить в невесомости. Так что около полугода не следовало надеяться ни на помидоры, ни на салат.

Первым заявился Чарли, и мы сразу же сели за нашу отложенную шахматную партию, но успели сделать по одному ходу, как вместе вошли Мэригей и Диана.

Мэригей взглянула на доску.

— Вам не кажется, что с шахмат нужно время от времени стирать пыль?

— Как ваша практика, доктор? — осведомился я, целуя Диану в щеку.

— Боже мой, лучше бы тебе не знать. Я провела все утро за обследованием прямой кишки одного из твоих любимцев.

— Элой? — Я знал, что у него возникла проблема.

Она погрозила мне пальцем.

— Это тайна. И вообще, в медицинской литературе пациентов именуют по инициалам:

«Больной Э».

Элой Макэби был странный человек с неприятным характером, который почти каждый день приставал ко мне с какой-нибудь жалобой или предложением. И поскольку он был кормильцем кур, ему всегда приходилось уделять время. (Рыба и куры были единственными животными, которых мы смогли взять на корабль, с учетом невесомости. Рыбе все равно, есть у нее верх и низ или же нет, а куры слишком тупы для того, чтобы обращать на это внимание.)

— Но на самом деле вы должны об этом знать. Вы оба,— сказала она Мэригей после того, как они уселись за стол.— У нас объявилась небольшая эпидемия.

Я прибавил нагрев под кастрюлькой с супом.

— Вирус?

— Если бы так... С вирусом было бы нетрудно справиться.— Мэригей налила ей кофе.— Благодарю. Это депрессия. За последние три дня ко мне обратилось двадцать с лишним человек.

— Это и впрямь похоже на эпидемию,— заметил Чарли.

— Да, люди перенимают такое настроение друг от друга. И это может быть опасно: возможны и самоубийства.

— Но мы ожидали подобного. И были готовы,— сказала Мэригей.

— Но не так скоро и не в таком массовом масштабе,— Она пожала плечами.— И все же я не взволнована этим. Только озадачена.

Я разлил суп по тарелкам.

— А у заболевших есть что-нибудь общее?

— Естественно, в основном это люди, не имеющие постоянных рабочих мест, не занятые повседневными необходимыми делами.— Она вынула из кармана крохотный компьютер-ноутбук и нажала несколько клавиш.— Мне только что пришло в голову... Среди них нет ни одного ветерана.

— И это тоже не слишком удивительно,— сказал Чарли.— По крайней мере, мы знаем, что значит быть запертыми вместе на несколько лет кряду.

— Да,— ответил я,— но не на десять лет. Скоро ты увидишь и некоторых из нас.

— Хороший суп,— сказала Мэригей,— Не знаю... Мне становится здесь с каждым днем все уютнее, когда я стала привыкать...

— Билл,— добавил я.

— Да. Полеты на кораблях были не самой плохой частью войны. Это все равно что «неделя в

добром старом доме», как мы часто говорили. К тому же теперь можно не волноваться по поводу тельциан.

— Один у нас есть,— уточнила Диана.— Но он пока что и впрямь не причиняет никаких хлопот.

— Закрылся у себя.— Я видел его, пожалуй, не больше пяти раз.

— Ему должно быть одиноко,— заметила Мэригей.— Отделенный от своего коллективного сознания...

— Кто знает, что происходит в их головах?

— Шеях,— поправила Диана. Как и полагалось медику, она ознакомилась с анатомией нашего спутника, относившегося к иной расе.

Я тоже имел о ней представление.

— Это просто такое выражение.— Чмокнув губами, я обратился к кораблю.— Поставь еще Моцарта.

Почти сразу же послышались мягкие звуки струн лютни, к которым постепенно присоединились деревянные духовые.

— Он был немец? — осведомилась Диана.

Я кивнул.

— Возможно, из Пруссии.

— В наше время его все еще играли. Хотя это

звучит странновато для моего уха.

Я снова обратился к кораблю.

— Какая часть твоей музыки относится к периоду до конца двадцатого столетия?

— По времени звучания приблизительно семь процентов. По наименованиям приблизительно пять процентов.

— Вот так-то! Я могу слушать только одну из каждых двадцати записей.

— Тебе следует все же ознакомиться и с музыкой других эпох,— посоветовал Чарли.— Классицизм и романтизм время от времени возрождаются.

Я кивнул, но, хотя и не стал возражать, остался при своем мнении. У меня уже было немало возможностей послушать музыку, созданную с перерывами в несколько столетий.

— Возможно, нам следует перераспределить обязанности. Дать впавшим в депрессию какие-то существенные занятия.

— Это может помочь. Но не хотелось бы, чтобы это оказалось слишком уж очевидным.

— Наверняка это будет наилучшим выходом,— заметила Мэригей.— Поместить людей с неустойчивой психикой на все ключевые позиции.

— Или погрузить их в анабиоз,— бросил Чар-

ли.— Это закроет вопрос на ближайшие сорок тысяч лет.

— Не думай, что я еще не слышала подобных предложений.

— А не могли бы мы просто сообщить всем о возникновении такой проблемы? — вслух подумал я.— Они взрослые разумные люди...

— Вообще-то двое из пациентов дети. Но я думаю, что так поступать не стоит: это вызвало бы еще большее беспокойство и новые случаи депрессии.

— Вообще-то основная проблема заключается в том, что депрессия и связанное с нею беспокойство являются не только поведенческим, но и биохимическим расстройством. Но пытаться покончить с этой временной, надеюсь, проблемой при помощи изменения мозговой химии людей было бы последним делом. Через некоторое время в пространстве окажется корабль с полным трюмом наркоманов. И мы четверо будем в их числе.

— Безумец ведет безумцев,— протянул Чарли.

— Корабль дураков,— проворчала Мэригей.

Я поцеловал воздух, призывая корабль к вниманию.

— Ты мог бы довести задание до конца в том

случае, если все пассажиры сойдут с ума?

— Некоторые из вас уже сошли с ума, хотя, возможно, мои стандарты слишком высоки. Да, если капитан отдаст приказание, я могу заблокировать средства управления и вести полет по заданному плану без вмешательства человека.

— А если капитан тоже сойдет с ума? — поинтересовалась Мэригей.— И оба помощника капитана?

— Вы знаете ответ на это, капитан.

— Я знаю,— ровным голосом подтвердила Мэригей и отхлебнула глоток вина.— И знаете что? От этого ответа я чувствую себя подавленной.

Глава 4

На следующий день произошло событие, которое произвело на нас куда более сильное угнетающее впечатление, чем проявившиеся случаи депрессии.

Я находился в своем кабинете на общем этаже, где занимался одной из своих синекур: обобщал пожелания народа по поводу дневного и вечернего киносеансов. Большинство названий я никогда не слышал. Два человека попросили показать «Эта ночь нам запомнится» и «Титаник», что,

конечно, должно необыкновенно поднять дух зрителей. Космические айсберги. Пока что о них еще никто не заговаривал.

Полуоткрытая дверь распахнулась, и на пороге появился тельцианин. Я каркнул ему приветствие и взглянул на часы. Еще пять минут, и я убежал бы на ланч.

— Я не знал, к кому обратиться с этой проблемой: к вам, к капитану или к шерифу.— (Зачем ему мог понадобиться шериф?) — Вы оказались ближе всех.

— Что у вас за проблема?

Существо изобразило нечто вроде танца, что говорило о крайней степени волнения.

— Один из людей пытался убить меня.

— Помилуй бог! — Я вскочил с места.— Кто это?

— Его именуют Чарльтон.

Ну конечно, это Кэл.

— Ладно. Я сейчас вызову шерифа, и мы найдем его.

— Он находится в моей каюте. Мертвый.

— Вы убили его?

— Конечно. А вы поступили бы по-другому?

Я связался с Мэригей и шерифом и велел им немедленно спуститься ко мне.

— При этом были какие-нибудь свидетели?

— Нет. Он был один. Сказал, что хочет поговорить со мной.

— Что ж, его должен был видеть корабль.

Тельцианин, почти как человек, покачал головой.

— Насколько мне известно, корабль не контролирует мое жилище.

Я чмокнул губами и спросил об этом у корабля. Электронный мозг подтвердил предположение существа.

— Правильно. Помещение, отведенное тельцианину, является частью грузового трюма. В моей программе не был предусмотрен визуальный контроль складов.

— Ты видел недавно Кэла Чарльтона, направлявшегося туда?

— Чарльтон вошел в лифт в одиннадцать тридцать две, и кабина спустилась на складской этаж.

— Он был вооружен?

— Я не могу сказать ничего определенного.

— Он пытался убить меня топором,— сказал тельцианин.— Я услышал звон разбитого стекла, и сразу же вбежал он. Он взял топор на пожарном щите около моей квартиры.

— Корабль, ты можешь подтвердить?

— Нет. Если бы он взял инструмент с пожарного щита, то я узнал бы об этом.

Это был интересный факт, заслуживающий внимания.

— Значит, вы отобрали у него топор?

— Это было легко. Я услышал звон стекла и правильно истолковал его. Отступил за дверь. Он не увидел меня.

— Значит, вы убили его топором.

— Не совсем так. Полагаю, что я сломал ему шею.— Существо изобразило очень убедительный удар, словно взятый из арсенала карате.

— Ну, это... могло бы быть и хуже.

— А потом, чтобы избежать лишнего риска, я взял топор и отделил его голову от тела.— Существо сделало жест, аналогичный нашему пожатию плечами,— Где находится мозг.

Не полагается говорить плохо о мертвых, но нам повезло, что тельцианин не убил кого-нибудь из тех, кого хоть кто-то любил. В молодости Кэл был неприятным парнем, от которого можно было ожидать любой пакости, и хотя в последние годы он, казалось, подуспокоился, все же частенько что-нибудь выкидывал. Он был женат три раза, и никогда подолгу. Задним умом было ясно,

что нам не следовало брать его с собой, и если бы он не оказался в курсе дела с самого начала, то, вероятно, даже несмотря на множество полезных талантов, его не отобрали бы.

Как выяснилось, он был одним из пациентов Дианы, но, осмотрев его вещи, мы обнаружили, что он принял только одну пилюлю из тех, что она дала ему. Двумя днями позже он попытался убить Антреса-906.

Если бы все на борту любили Кэла, то вслед за убийством состоялся бы и суд Линча. Но в данном случае совет согласился с мнением шерифа о том, что это был, однозначно, случай самообороны, и решение не вызвало никакого публичного недовольства. Поэтому нам удалось избежать такой затруднительной проблемы, как суд над представителем иной расы. Ни один тельцианин никогда не совершал преступлений на СП. Антрес-906 уверял, что у тельциан не существовало никакого эквивалента человеческой юридической системе. Мне же казалось, что это существо и на самом деле не могло постичь, что такое суд. Если в вашей расе не имеется индивидуальных личностей, то в чем могут состоять преступление и наказание? А также моральные принципы личности и общественная этика?

Во всяком случае, Антрес-906 и так уже, по собственному выбору, находился в своего рода экзистенциальном одиночном заключении. Независимо от того, что слово «выбор» означает для тельцианина. Я думаю, что в обычном состоянии они имеют свой эквивалент Целого Дерева и без вопросов выполняют его приказы.

В одиночном заключении, но тем не менее не один. В течение нескольких дней после убийства рядом с ним постоянно находился кто-нибудь из членов совета, вооруженный винтовкой с транквилизатором — чтобы защитить его в случае каких-нибудь эксцессов. Мне никогда еще не приходилось проводить столько времени в обществе тельциан, а Антрес-906 был не прочь поговорить.

Однажды я взял с собой тот самый полученный с Земли пятистраничный документ, в котором сообщалось, что мы приговорены к пожизненному заключению на Среднем Пальце. Мне хотелось спросить Антреса о значении таинственной последней строчки: «Внутри чуждого неведомое, за его пределами непознаваемое».

— Я этого не понимаю,— сказал я,— но, судя по всему, это должно быть какое-то обобщенное утверждение по поводу реального мира.

Тельцианин почти человеческим жестом потер шею; я знал, что это означало задумчивость.

— Нет. Ни в коей мере.— Он пару раз легко провел длинным пальцем по рельефным письменам.

— Наши языки очень сильно различаются между собой, а письменный язык содержит тончайшие смысловые и формальные значения. Ваш перевод неполон, потому что...— Он еще раз погладил строчку.

— Я не понимаю человеческих шуток, но мне кажется, что это нечто наподобие шутки. Когда вы говорите что-то одно, а подразумеваете совсем другое.

— А какие слова использовали бы вы?

— Слова? Те слова, что вы произнесли, достаточно точны. Они мне знакомы: это изречение, связанное с тем, что вы могли бы назвать нашей религией. Но когда мы используем эти слова, то не применяем таких грамматических форм, как в данном случае, и это заставляет меня вспомнить о ваших шутках. Слово «непознаваемое» здесь применено в такой форме, какая на нашем языке должна рифмоваться со словами «неименуемые» или «безымянные». А это, в свою очередь, нечто наподобие судьбы или бога, выражаясь челове-

ческим языком.

— Вы хотите сказать, что эти фразы должны означать нечто смешное?

— Ни в коем случае, по крайней мере не в этой грамматической форме.— Он вернул мне бумагу.— Как правило, это выражение употребляется для того, чтобы подчеркнуть сложность вселенной.

— Это достаточно разумно.

— Но эта формулировка не предполагает обобщения. Фраза, как я полагаю, обращена к вам, к ста сорока восьми особям человеческого вида. Или, возможно, даже ко всей человеческой расе. Это... замечание? Нет, вспомнил: предупреждение.

Я снова прочел английский текст.

— Предупреждение о том, что мы направляемся навстречу непознаваемому?

— Может быть и другой вариант: непознаваемое направляется к вам. Неименуемое.

Я задумался.

— В таком случае здесь могли иметь в виду даже последствия релятивистских эффектов. Фраза становится все более таинственной.

Существо прокаркало на своем языке слог, означающий отрицание.

— Не для нас.

Глава 5

Сначала это были просто мелочи. Ни малейшего намека на тенденцию.

Обитатели одного из устричных садков вдруг перестали расти. В других прудиках все шло благополучно.

У меня это вызвало чисто академический интерес, так как я однажды — очень давно, даже в исторических масштабах — попробовал устриц и решил, что одного раза мне хватит на всю жизнь. Но, как бывший рыбовод, я помог Хуану и Шаунте провести анализы окружающей среды. Нам не удалось обнаружить в этом водоеме ни единой молекулы вещества, хоть как-то отличавшей его от других садков. Не похоже было также, чтобы что-то нехорошее случилось с устрицами. Они были в полном порядке, если не считать того, что отказывались становиться крупнее ногтя большого пальца среднего человека.

В конце концов мы решили пожертвовать садком и возможным урожаем устриц и сварили около десяти литров совершенно безвкусного, на мой взгляд, супа. Затем мы осушили садок,

простерилизовали его и повторно запустили в него споры.

Все кинофильмы и голографические записи, названия которых начинались с английской буквы С, куда-то запропастились. У нас не было ни «Casablanca», ни «Citizen Капе». Но загадочное явление «не знало» о значении артикля. Такие фильмы, как «The Cat Women from Mars» и «A Cunt for All Seasons», остались на своих местах, и кое-что из древней культуры все же сохранилось.

Мелочи.

Терморегулятор в детском бассейне отказался работать. Один день он прекрасно нагревал воду, а на следующий день отказывался это делать. Лючио и Елена отсоединили прибор, осмотрели и поставили на место; затем то же самое повторил Мэтью Андерсон, который понимал и чувствовал приборы, пожалуй, лучше, чем людей. Но терморегулятор так и не удалось наладить, а потом Елена вообще отсоединила его от системы после того, как однажды утром сунула руку в воду и чуть не ошпарилась. Дети, казалось, не возражали против холодной воды, лишь стали немного больше шуметь.

Что-то произошло с полом гандбольной площадки. Он стал липким, и двигаться по нему было

все равно, что бегать по наполовину засохшему клею. Мы отциклевали пол и заново покрыли его, но лак был тот же самый, и вскоре после того, как пол высох, он опять начал липнуть.

На это можно бьшо не обращать внимания — неудачно выбранный материал, и ничего больше,— но это был тот же самый лак, который мы использовали для всех дерево-подобных поверхностей корабля, а липким он стал только в одном месте. Было мнение, что это происходит потому, что игроки в гандбол потеют. А те, кто занимается на силовых тренажерах, не потеют, что ли?

Затем случилось еще одно мелкое происшествие, которому вообще невозможно было найти какого-нибудь разумного объяснения. Это могла быть только сложная, но бессмысленная шутка: в одном из маленьких отсеков продовольственного склада полностью исчез воздух.

Раздраженный Рудковский сразу же сообщил мне о том, что у него на складе завелась «чертовщина», и я отправился вниз посмотреть, что случилось. Отсек был простой кладовой для хранения зерна и гарантированно не имел отношения к вакууму.

На двери не было никакого замка, но, когда Рудковский, высокий сильный толстяк, потянул

за ручку, дверь не открылась. Другой повар пришел ему на помощь, вдвоем они сдвинули дверь с места, и она внезапно распахнулась; послышался характерный звук воздуха, врывающегося в безвоздушное помещение. На следующий день повторилось то же самое, и он решил поставить в известность совет.

Мы извлекли из кладовки все, что в ней было, и самым внимательнейшим образом осмотрели стены, пол и потолок. К нам присоединился и Антрес-906, обладавший другими органами чувств. Единственный способ удалить воздух из этого помещения состоял в том, чтобы откачать его оттуда, но никто из нас не смог найти какого-нибудь отверстия.

— Это страшно,— такова была единственная реакция тельцианина. Ну а мы пока что чувствовали скорее раздражение, а не страх. Но все же решили оставшуюся половину дня и всю ночь следить за помещением. К нему никто не подходил, но на следующее утро воздуха в нем снова не оказалось.

Чтобы исключить всякую возможность розыгрыша, я отстоял в карауле еще одну ночь, разгоняя сон каким-то странным напитком, носившим громкое имя кофе. Воздух опять исчез.

Сохранить происходившее в тайне не удалось, и реакция у разных людей была очень разной. Особо спокойные, а также скептики считали, что не стоит обращать внимание на такую ерунду. Кладовая была маленькой, и ежедневная потеря воздуха из нее составляла даже менее одного процента от расхода на запланированную утечку. Если больше не открывать дверь, то мы не будем терять и этих крох.

Многие были испуганы, и я склонялся к тому, что бояться стоило. Так как мы не знали, каким образом воздух исчезал из крохотной каморки, то разве могли мы быть уверенными в том, что точно так же воздух не исчезнет из целой каюты... целого этажа... целого корабля!

Терезу Ларсон и ее единоверцев прямо-таки распирало от гордости: наконец-то произошло нечто такое, что ни ученые, ни инженеры не могли объяснить. Нечто мистическое, служащее некоей цели, которую бог, когда Ей заблагорассудится (в религии Терезы бог был женского рода), укажет. Я спросил Терезу, не хочет ли она провести ночь в кладовой зерна, чтобы проверить, угодна ли богу ее вера, но она терпеливо объяснила ошибку моей логики. Если человек захочет «проверить» бога, что есть прямая противоположность вере,

то Она, несомненно, покарает строптивца.

Я промолчал в ответ на эту благоглупость. Я любил Терезу, она была, вероятно, лучшим знатоком сельского хозяйства на корабле, но ее восприятие всего, что не касалось возделанных грядок и гидропонных плантаций, страдало изрядной экзальтированностью.

А большинство народа находилось в том же состоянии, что и я. Происходило что-то серьезное, чего мы пока что не понимали. И на сегодня единственным практическим решением было закрыть и запереть кладовую и хранить зерно в другом месте, пока мы будем разбираться со всеми этими вещами.

Наиболее тревожной оказалась реакция Антреса-906. Он попросил разрешения с помощью нескольких инженеров провести полную проверку систем на спасательных шлюпках. Они вскоре понадобятся нам, заявил он.

Антрес-906 сначала обратился ко мне. Окажись на его месте человек, я отказал бы ему: мы и так уже находились на пороге паники, и вовсе не следовало подбрасывать лишних дров в огонь страхов. Но логика и эмоции тельциан сильно отличаются от наших, и поэтому я повел его к Мэригей, чтобы решение принял капитан.

Мэригей отказалась отдать специальный приказ о проверке: такие работы проводились по графику, а в случае внеочередного обследования экипаж мог бы подумать, что командиры тоже ударились в панику. Но если такая проверка будет проведена негласно и без привлечения внимания, как самое обычное рядовое дело, то вреда она, конечно, принести не сможет. К тому же Мэригей сочувствовала Антресу-906 в его изоляции. Человеку, запертому в космическом корабле с сотней тельциан, тоже нужно было бы прощать многие странности.

Но когда она попросила тельцианина, чтобы он подробнее обосновал свое убеждение о необходимости проверки, ответ прозвучал зловеще:

— Недавно Уильям спросил меня о значении одной фразы в документе. Том, который вы получили с Земли. «Внутри чуждого неведомое, за его пределами непознаваемое».

Существо исполнило свой танец, выдававший сильнейшее волнение.

— Мы находимся внутри чуждого. А ваша безвоздушная кладовая представляет собой неведомое.

— Подождите,— вмешался я.— Вы хотите сказать, что это поучение из вашей религии — своею

рода пророчество?

— Нет, ни в коем случае.— Он снова заплясал.— Пророчества — это глупости. А эти слова — формулировка постулата.

Мэригей задумчиво посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что нам следует готовиться к встрече с непознаваемым?

Существо потерло шею, а затем, после паузы, прорычало согласие с ее словами. И все это время оно продолжало приплясывать.

Часть четвертая
КНИГА МЕРТВЫХ
Глава 1

Чтобы добраться до нас, непознаваемому потребовалось два месяца. Мы с Мэригей спали, и корабль разбудил нас веселым звоном колокольчиков.

— Извините, что пришлось побеспокоить вас.

Мэригей села в кровати и включила свет.

— Я тебе нужна? — спросила она, потирая глаза.— Что случилось?

— Мне нужны вы оба. Мы теряем топливо.

— Топливо?

— Это началось менее минуты назад. Масса антивещества стабильно уменьшается. Пока я докладываю, мы потеряли приблизительно полпроцента.

— Боже мой! — воскликнул я.— Это что, утечка?

(А если это так, то почему мы еще сидим здесь, разговариваем и вообще существуем?)

— Утечки в физическом проявлении нет. Хотя все равно топливо каким-то образом исчезает.

Корабль издал густой жужжащий звук, означавший, что он думает. А думал его электронный мозг настолько быстро, что был в состоянии решить большинство проблем в не уловимом ухом промежутке между слогами обычного разговора.

— Я могу с уверенностью утверждать, что утечки нет. Если бы она была, то антипротоны удалялись бы от нас с ускорением один g. Я распылил воду за кормой, и никакой реакции не последовало.

Я не знал, было это хорошо или плохо.

— Ты послал сообщение на Средний Палец?

— Да. Но если это явление будет продолжаться с такой же скоростью, то антивещество иссякнет намного раньше, чем там его получат.

Конечно, нас отделяло от планеты уже более четырех световых дней.

— Доведи заряд всех топливных ячеек до максимума.

— Я сделал это, пока мы разговаривали.

— Как долго...— медленно заговорила Мэригей,— как долго мы сможем продержаться на вспомогательных источниках энергии?

— Приблизительно пять дней, при обычной норме расхода. Несколько недель, если мы отключим большую часть систем жизнеобеспечения и

соберем всех на один этаж.

— Мы все еще продолжаем терять топливо?

— Да. Скорость его исчезновения, кажется, увеличивается. Если эта динамика сохранится, то мы останемся без топлива через двадцать восемь минут.

— Будем давать общую тревогу? — спросил я у Мэригей.

— Пока еще нет. У нас и без этого достаточно поводов для беспокойства.

— Корабль, есть ли у тебя какие-нибудь соображения по поводу того, куда может деваться топливо, и можем ли мы вернуть его?

— Нет. Происходящее не соответствует законам известной мне физики. Можно усмотреть аналогию с ремеровской моделью замещения виртуальных частиц при фазовом переходе, но она ни разу еще не получила экспериментального подтверждения.

Мне, пожалуй, стоило когда-нибудь в будущем познакомиться с этой теорией.

— Подожди! — прервала корабельный мозг Мэригей.— Спасательные шлюпки. Их антивещество тоже испаряется?

— Пока нет. Но его невозможно переместить.

— Я не имею в виду перегрузку топлива из

шлюпок в корабль,— сказала Мэригей, обращаясь ко мне.— Я думаю о том, как бы убраться отсюда к чертям, прежде чем случится что-нибудь похуже.

— Очень разумно,— одобрил корабль.

Мы быстро оделись и помчались на первый этаж. С наблюдательного поста мы смогли увидеть на экране сокращающуюся сферу антивещества. В нем не происходило никаких резких внешних изменений: все тот же шар, состоящий из голубых искр, но он на глазах становился все меньше и меньше и наконец мигнул и погас.

Ускорение прекратилось; тут же автоматически развернулись тросы для передвижения в невесомости. Послышались сигнальные звонки, не слишком резкие, но достаточно громкие для того, чтобы разбудить большинство спящих. Из-за дверей некоторых кают мы слышали более громкие сигналы — для тех, кто слишком крепко спит.

Мы уже пять раз устраивали тренировки по пребыванию в невесомости, причем дважды без предупреждения, так что и в этот раз больших волнений не бьшо. Одетые и полуодетые люди выплывали из своих жилищ и по-обезьяньи карабкались в зал для собраний, находившийся на

общем этаже.

Элой Каси, скульптор, был полностью одет; к его рабочему фартуку пристали деревянные стружки.

— Чертовски дурацкое время для того, чтобы устроить тренировку, Манделла. Я пытаюсь работать.

— Хотел бы я, чтобы это была тренировка, Элой,— ответил я, проплывая мимо.

— Что-что?

— У нас нет энергии. Нет антивещества. Нет выбора.

Эти же самые шесть слов составили весь наш доклад собравшейся компании. Корабль уточнил численные и временные данные событий.

— Мы могли бы запереться в спасательные шлюпки и удрать отсюда подобру-поздорову,— сказала Мэригей.— Каждая секунда нашей задержки здесь — это лишние двадцать четыре тысячи километров обратного пути.

— Наша скорость составляет восемь процентов от скорости света,— сообщил я.— Спасательные шлюпки имеют неизменную тягу, которая сообщает им ускорение семь целых и шесть десятых сантиметра в секунду за секунду. Нам понадобится десять лет, чтобы замедлить движение до нуля,

и еще четырнадцать, чтобы вернуться на СП.

— Но зачем так торопиться с этим? — спросила Алиса Бертрам.— Ведь антивещество может вернуться таким же загадочным образом, каким и исчезло.

— Ну, предположим, что так случится,— сказал Стивен Функ, подплывая ко мне поближе.— И вы намерены удовлетвориться благополучным исходом? А что, если еще пару месяцев все будет нормально, а потом топливо исчезнет уже навсегда? Вы хотите рискнуть провести десять тысяч лет в анабиозе?

В дверь вплыл Антрес-906. Я взглянул на него, и он кивнул головой, как будто хотел сказать: «Кто знает?»

— Я согласен со Стивом,— сказал я.— Будем голосовать? Кто хочет, не откладывая, убраться отсюда?

Чуть больше половины людей подняли руки.

— Подождите минутку,— вмешалась Тереза Ларсон.— Я еще не успела выпить мой проклятый кофе, а вы уже хотите, чтобы я, не продрав глаза, решала, стоит ли покинуть все это и броситься в космос?

Никто не вложил столько сил в возрождение корабля, как она.

— Мне очень жаль, Тереза. Но я наблюдал за исчезновением антивещества и не вижу иного выхода.

— Возможно, это испытание нашей веры, Уильям. Хотя ты ничего не хочешь знать об этом.

— Да, для меня это не аргумент. К тому же я не считаю, что антивещество может вернуться на свое место только потому, что мы действительно искренне хотим этого.

— Спасательные шлюпки — это просто герметичные фобы,— проскулил Элой Макэби.— Сколько народу не выходит из анабиоза? Каждый третий? Четвертый?

— Норма выживания в системе временного прекращения жизненных функций составляет более восьмидесяти процентов,— ответил я.— Норма выживания здесь, на борту судна, может оказаться нулевой.

Диана подплыла и зависла у меня за плечом.

— Чем меньше времени мы проведем в анабиозе, тем вероятнее, что удастся выжить. Тереза, тебе никто не помешает выпить свой кофе. А потом возвращайся сюда и врубайся в суть дела. Я как можно быстрее займусь подготовкой людей.

— Мы больше не ускоряемся,— сказала Эми Ларсон.— Мы можем позволить себе выждать и

обдумать события.

— Ладно, висите здесь и думайте,— резко заявила Диана.— Я хочу выбраться отсюда прежде, чем случится что-нибудь еще, например, полное исчезновение воздуха.

— Если даже кто-то захочет остаться здесь до последней минуты,— заметил я,— то не следует рассчитывать, что Диана будет ждать вместе с ними.

— Они смогут приготовиться и сами, без доктора или другой няньки,— откликнулась Диана.— Но если что-нибудь пойдет не так, как надо, они просто умрут.

— Во сне,— добавила Тереза.

— Не знаю. Возможно, пробуждение так затянется, что человек задохнется. Никто еще не возвращался, чтобы сообщить, что происходит в случае повреждения системы временного прекращения жизненных функций.

На минуту наступила враждебная тишина, и в этот момент в зале появилась Мэригей. В руках у нее был блокнот.

— Я хочу узнать имена людей, желающих отправиться на первой и второй шлюпках. Это шестьдесят человек. Вы можете взять с собой не более трех килограммов личных вещей. Первая

группа, сбор в десять часов.— И, повернувшись к Диане: — Сколько времени потребуется на подготовку?

— Очистка организма происходит молниеносно. Поэтому лекарство лучше принимать, уже сидя на унитазе.— Несколько человек нервно рассмеялись.— Я говорю серьезно. После этого потребуется минут пять, чтобы подсоединить биодатчики и прочее. Те из нас, кому приходилось участвовать в боях с высокими перегрузками, успевали проделать это за минуту. Но мы утратили навык.

— К тому же стали немного старше. Значит, вторая группа будет готова к полудню?

— Это разумно. Никому до тех пор не есть и не пить ничего, кроме воды. Не принимайте никаких лекарств, если только я не порекомендую их вам.

Блокнот пошел по рукам.

— Как только я получу шестьдесят имен,— сказала Мэригей,— те, кто записался, смогут идти. Тогда мы начнем набирать шлюпки три и четыре. Сколько людей категорически против того, чтобы покинуть корабль?

Руки подняли человек двадцать; часть из них сделали это довольно нерешительно. Думаю, что

некоторые поступили так, не желая идти против желания своих супругов. А возможно, потому, что не желали расставаться с ними.

— Пойдемте со мной и Уильямом в кафетерий.

Машина, в которой кипяток протекает сквозь смутно напоминающий кофе-порошок, больше не заработает. Хоть какой-то плюс.

Мэригей поцеловала воздух, обращаясь к кораблю.

— Насколько велик шанс, что эти люди выживут?

— Я не могу рассчитать это, капитан. Я не знаю, куда делось антивещество, и поэтому не знаю, какова вероятность того, что оно вновь появится.

— Как долго они смогут прожить, если оно не появится?

— Если двадцать человек останутся в этом помещении и будут держать его изолированным, то смогут жить много лет. Правда, моя вода начнет замерзать через несколько недель, и один человек должен будет отправиться к бассейну и наколоть льда. Воды в бассейне хватит на десять лет, если люди будут только пить ее и не тратить на умывание. Положение с продовольствием более сложное. Еще до исхода первого года им придется обратиться к людоедству. Конечно, при

выбраковке одной персоны количество потребителей пищи уменьшится на одного человека, а из среднего тела должно выйти приблизительно три сотни порций. Поэтому последний оставшийся пробудет в живых одну тысячу шестьдесят четыре дня после того, как первый будет убит, при том условии, что он или она остается в состоянии полного сохранения жизненных функций.

Мэригей на мгновение замолчала, улыбаясь.

— Подумайте над этим.— Она оттолкнулась от стола и поплыла к двери.

Я менее изящно последовал за ней.

Около двери кафетерия находился телефон для связи с ходовой рубкой. Я поднял трубку и сказал, не дожидаясь никаких сигналов:

— Корабль, у тебя есть чувство юмора?

— Только в тех случаях, когда я могу провести различие между неразумными и разумными действиями и решениями. Данное решение было неразумным.

— Что ты намерен делать после того, как экипаж покинет тебя?

— Ждать. У меня нет другого выбора.

— Ждать чего?

— Возвращения антивещества.

— Ты на самом деле считаешь, что оно вер-

нется?

— Я «на самом деле» не считаю, что оно исчезло. Я понятия не имею, где оно находится. Но, независимо от того, какие силы заставили его пропасть, они должны быть ограничены физическими законами сохранения материи.

— Значит, ты не будешь удивлен, если оно появится вновь?

— Я никогда не удивляюсь.

— И если оно вернется на место?..

— Тогда и я вернусь к Среднему Пальцу, на мою стационарную орбиту. С некоторыми новыми данными для вас, физиков.

Меня уже давно никто не называл физиком. Я учитель, рыбовод и вакуумный сварщик.

— Я буду тосковать без тебя, корабль.

— Я понимаю,— ответил электронный мозг и издал звук, похожий на покашливание,— В вашей партии с Чарльзом вам нужно перевести ферзевую ладью на аш-шесть. Затем пожертвуйте вашего последнего коня за пешку и давайте мат чернопольным слоном.

— Спасибо. Я постараюсь это запомнить.

— Мне будет не хватать всех вас,— продолжал корабль без моего вопроса.— У меня есть много информации, которую я могу анализировать,

обобщать и строить модели. Этого занятия мне хватит надолго. Но все это не то же самое, что постоянное хаотическое поступление информации от вас.

— До свидания, корабль.

— До свидания, Уильям.

Я ухватился за канат, ведущий к лифту, и пополз по нему, перебирая руками. Я чувствовал себя спортсменом.

У меня возникло ощущение, что в моей эмоциональной сфере произошли какие-то изменения, похожие на те, что совершались перед неизбежным сражением. Нечто, неподвластное мне, внезапно поставило меня в положение, в котором у меня было четыре шанса из пяти уцелеть и один — погибнуть. Вместо предчувствий я ощущал своеобразное спокойствие и даже нетерпение: давайте, так или иначе, покончим с этим.

Бьшо ли у меня три килограмма вещей, которые я хотел бы взять с собой обратно на СП? Старый альбом репродукций картин Лувра — я выбрал его из груды земных предметов, когда отправлялся со Старгейта на Средний Палец,— это был настоящий тысячелетний антиквариат. Он не весил и килограмма. У меня еще были с собой удобные ботинки на тот случай, если через

сорок тысяч лет в мире не останется никаких сапожников. Но там сейчас прошло всего лишь двадцать четыре года, и, наверно, Хершель Уйатг еще доживает свой век.

Почему-то я подумал: кто может ловить рыбу на мои переметы? Наверняка не Билл. Он, вероятно, в настоящее время находился в Центрусе, полностью объединившись с Человеком. Черт возьми, он мог даже улететь на Землю.

Мы могли никогда больше не увидеть его снова. Теперь эта мысль вызвала у меня совсем не то ощущение, что прежде. Я потряс головой; с моих ресниц сорвались четыре крошечные слезинки и поплыли в разные стороны.

Мы с Мэригей, остальные члены совета, а также Диана с Чарли ждали до конца. Последний челнок был почти наполовину пуст: тринадцать человек решили остаться.

Их предводительницей была Тереза Ларсон. Она решила остаться на «Машине времени», хотя ее «жена» Эми уже спала на боргу второй шлюпки. Их дочь Стел оставалась с Терезой, а вторая дочь находилась на СП.

— Для меня не существует никакой проблемы выбора,— сказала Тереза.— Бог послала нас в это паломничество, чтобы вернуться и начать все

сначала. Она прервала наше движение вперед, чтобы испытать нашу веру.

— Вы не сможете начать снова,— заметила Диана.— У вас есть десять тысяч замороженных доз спермы и яйцеклеток, но никто из вас не знает, как их размораживать и соединять.

— Мы будем делать младенцев старым способом,— бодро заявила Тереза.— Кроме того, у нас есть еще много времени, чтобы научиться всему этому. Мы освоим твое искусство.

— Нет, не освоите. Вы умрете с голоду или замерзнете здесь. Это не бог забрал антивещество, и оно не вернется на место.

Тереза улыбнулась.

— Ты говоришь это, только основываясь на своей вере. А известно тебе не больше, чем мне. И моя вера так же хороша, как и твоя.

Как я хотел бы вбить ей в башку немного здравого смысла! Я даже подумал о том, чтобы перестрелять их всех усыпляющими патронами и в бессознательном состоянии погрузить в шлюпку. Но почти весь совет оказался против этого, а Диана не была уверена в том, что она сможет должным образом уложить людей в систему временного прекращения жизненных функций без их собственной осознанной помощи.

— Я буду молиться за вас всех,— сказала Тереза.— Надеюсь, что вы все уцелеете и обретете хорошую жизнь дома.

— Спасибо.— Мэригей посмотрела на часы.— А теперь возвращайся к своим людям и сообщи, что в девять ноль-ноль корабль закроет эту дверь и разгерметизирует отсек. Мы сможем взять кого-нибудь, любого из вас, до восьми ноль-ноль. После этого вы должны будете остаться здесь и... будете предоставлены собственной участи.

— Я хочу пойти с тобой,— сказала Диана,— Попробовать использовать еще один, последний шанс, чтоб образумить их.

— Нет,— отрезала Тереза.— Мы слушали всех вас, и корабль дважды повторил свои аргументы. Мэригей, я передам им твои слова. Мы ценим ваше беспокойство.

Она повернулась и выплыла за дверь.

В этой части корабля имелся лишь один туалет, приспособленный для использования в условиях невесомости. Из него вышел бледный, как снег, Стивен Функ.

— Ваша очередь, Уильям.

Препарат, который выдала нам Диана, был на вкус похож на мед, в который добавили скипидара. А эффект от него был такой, словно кишки

промывали кипятком из брандспойта.

Когда я в юности изучал антропологию, то прочел про африканское племя, которое круглый год питалось хлебом, молоком и сыром. Один раз в год они забивали корову, чтобы объесться жиром, так как считали, что понос — это дар богов, священное очищение. Это снадобье понравилось бы им. Даже я испытал благоговение. Честно говоря, я ощущал себя одной большой полой трубой.

Покончив с очищением, я выплыл наружу.

— Можешь позабавиться, Чарли. Это потрясающее впечатление.

Диана помогла мне присоединить биодатчики и различные трубки, густо покрытые смазкой, помогавшей расслабить мускулатуру. Весь этот процесс оказался гораздо проще, нежели в тот раз, когда я возвращался после своего последнего сражения. Видимо, им удалось за последние столетия узнать что-то новенькое.

Я почувствовал бедром левой ноги, возле паха, не то удар, не то шлепок, и нога сразу начала неметь сверху вниз. Я знал, что это последний акт, подсоединение шунта, через который моя кровь вытесняется полимерным кровезаменителем.

— Подожди,— послышался голос Мэригей. Она наклонилась над гробом, взяла мое лицо обеими

руками и поцеловала меня,— Увидимся утром, любимый.

Не зная, что сказать ей в ответ, я лишь кивнул, уже погружаясь в сон.

Глава 2

Я не успел узнать, что пять человек из компании Терезы в последний момент изменили свои взгляды и присоединились к нам, так как уже находился в странном месте, которое мне предстояло занимать в течение следующих двадцати четырех лет.

Все пять шлюпок были выброшены из «Машины времени» одновременно, так что у них был шанс попасть домой с разницей всего в несколько дней или недель. Различие в силе тяги, выражающееся в седьмом или восьмом знаке после запятой, могло за двадцать четыре года обернуться изрядным временным промежутком.

Наши скорлупки сориентировали курсы на Средний Палец и в течение десяти лет терпеливо гасили скорость. В некоторой точке мы на какой-то момент оказались абсолютно неподвижными относительно своей планеты. Затем в течение семи лет мы ускорялись к ней, время от времени

корректируя направление полета, а следующие семь лет опять тормозились.

Конечно, я не чувствовал ничего этого. Время прошло быстро — слишком быстро для того, чтобы можно было считать его за почти половину моей жизни,— но я все же мог сказать, что оно, время, было. Как казалось мне впоследствии, я не бодрствовал и не спал, а свободно плавал в некоем море воспоминаний и фантазий.

На протяжении многих лет — или дней длиной в год — мною владело ощущение, что вся моя жизнь, начиная с кампании на Альфе-0, а может быть, на Йод-4, или Тет-2, или Сад-138, была прожита за ничтожный промежуток времени между смертельным ранением и гибелью: все миллиарды нейронов с высочайшим напряжением использовали последнюю микросекунду своего существования, пробегая конечное, но все же неимоверно большое множество комбинаций возможностей. Я не смогу жить вечно, но и не умру по-настоящему, пока нейроны продолжают действовать и искать.

Пробуждение оказалось подобно смерти — все, что было реальным на протяжении столь длительного времени, медленно проваливалось в слепоту, глухоту, в холодное окоченение, которое

было истинным состоянием моего тела в течение десятилетий.

Меня раз за разом многократно рвало сухим воздухом.

Когда мой живот и легкие утомились от этого, мне в рот через трубку брызнуло что-то приятное и прохладное. Я попробовал открыть глаза, но влажные тампоны мягко, но непреклонно держали их закрытыми.

Два нежных жала биодатчиков покинули мое тело, и первым движением моих членов — вернее, члена — в ответ на поступление теплой крови оказалась немедленная эрекция. Но в течение еще некоторого времени я не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Правда, пальцы рук и ног с восхитительным потрескиванием двигались, возвращаясь к жизни.

Диана сняла тампоны с моих глаз и сухими пальцами разлепила веки.

— Привет! Есть кто-нибудь дома?

Я сглотнул первую слюну и слабо кашлянул.

— С Мэригей все хорошо? — Мой голос напоминал карканье.

— Отдыхает. Я разбудила ее несколько минут назад. Ты второй.

— Где мы? На месте?

— Да. Когда ты сможешь сидеть, то увидишь внизу добрый старый СП; с виду холодный, как закоченевшая неделю назад кошка.— Я напрягся, но смог лишь на несколько дюймов приподнять голову.— Не надрывайся. Просто отдохни немного. Когда проголодаешься, сможешь съесть немного древнего бульона.

— Сколько шлюпок?

— Я не знаю, как связаться с ними. Когда Мэригей встанет, она или ты сможете вызвать их. Я вижу одну.

— Сколько людей? Все вышли из анабиоза?

— Одна погибла, Леона; я оставила ее замороженной. Могут быть повреждения у остальных, но они все пробуждаются.

Я проспал пару часов и затем проснулся от негромкого мурлыканья голоса Мэригей, разговаривавшей по радиотелефону. Я сел в моем гробу, и Диана принесла мне немного бульону. Мне показалось, что он состоял из морковного отвара и соли.

Диана отперла боковую стенку. Моя одежда находилась на том же самом месте, где я ее оставил; она постарела на двадцать четыре года, но не вышла из моды в нашем кругу. Мне, правда, пришлось на полпути прервать одевание и

несколько раз сглотнуть, преодолевая тошноту от невесомости. Это было не так уж плохо. Я хорошо помнил свой первый полет, еще в аспирантуре, когда я вышел из строя на пару дней. А теперь я лишь глотал и глотал, пока суп не вспомнил, что ему полагается находиться в желудке, закончил одеваться и всплыл, чтобы присоединиться к Мэригей.

Она сидела в пилотском кресле; вернее, висела над ним. Я пристегнулся к соседнему креслу.

— Любимая.

Она плохо выглядела, лицо было измученным и отечным. Сам я выглядел не лучше. Она наклонилась и поцеловала меня; от нее пахло морковью.

— Дела не слишком хороши,— сказала она.— Наше судно потеряло след «четверки» уже несколько лет тому назад. «Двойка» почему-то отстала больше чем на неделю.

— Наше судно думает, что «четверка» погибла?

— Оно не уверено в этом.— Она пожевала нижнюю губу.— Но похоже на то. Элой и Снеллы. Я не проверяла по списку, кто там еще.

— Кэт на «двойке»,— зачем-то сказал я.

— Там, по-видимому, все в порядке.— Она тщательно прицелилась и ткнула пальцем в кнопку.— У нас есть другая небольшая проблема.

Не могу связаться с Центрусом.

— С космопортом?

— И с космопортом тоже. Как и со всем остальным.

— Может быть, что-то случилось с радио?

— Я разговаривала с двумя другими шлюпками. Но они рядом. Может быть, дело в недостатке мощности?

— Может быть.— Я так не думал. Если радио работало вообще, то оно должно было вытянуть и очень слабые сигналы, хотя бы уловить их.— Пробовала визуальный поиск?

Она резко дернула головой.

— Оптическое оборудование на «четверке». У нас сперма, яйцеклетки и лопаты.

Конечно, масса груза являлась критическим фактором, и все оборудование для строительства на планете было распределено по пяти шлюпкам с минимальным дублированием, чтобы потеря одного судна не послужила причиной гибели всех остальных.

— Когда я включила радио, то поймала что-то вроде несущей частоты. Судно думает, что это один из спутников на средне-низкой орбите. Должен возвратиться через час или около того.

Мы двигались по довольно высокой геостаци-

онарной орбите.

Я смотрел на холодный белый шар СП и вспоминал теплую Калифорнию. Если бы мы двадцать с чем-то лет тому назад — теперь уже сорок с чем-то — улетели со Старгейта на Землю, то теперь находились бы в тепле и безопасности. И никакие дети не приносили бы нам волнений и огорчений.

Кого-то сзади начало громко рвать. Я схватил пылесос, закрепленный сзади на спинке кресла второго пилота, и ударил по выключателю.

Быстро двигаться не так уж плохо. Это был Ченс Дилейни. Он казался скорее обескураженным, нежели больным.

— Извини,— пробормотал он.— Оно никак не хочет пролезть в горло.

— Выпей воды через некоторое время,— ответил я, ловя пылесосом мелкие капли.

Как будто я был специалистом по выводу людей из анабиоза.

Я посвятил его в курс дела.

— Помилуй бог! Неужели «Люди матери-Земли» пришли к власти?

Так называлась секта Терезы.

— Нет. Даже если бы им это и удалось, Человек все равно не позволил бы все прикрыть.

В течение наступившего часа восстала ото сна оставшаяся часть совета — Мухаммед, Стив и Анита. Мэригей и я уже выглядели более нормально: отечность почти спала, кожа обретала более-менее обычный цвет.

— Ну вот,— сказала Мэригей и ткнула пальцем в экран радара,— я вижу то же самое. Да, конечно, это челнок.

— Что ж, а я его пилот. Давайте встретимся с ним, состыкуемся и посмотрим, что случилось внизу.

Мы не могли просто приземлить спасательные шлюпки, словно челноки-переростки. Вернее, мы могли, но при этом излучение убило бы всех людей или животных, оказавшихся вне защитных укрытий, в радиусе нескольких километров.

— Давайте подождем еще пару часов, пока все проснутся. На тот случай, если придется воспользоваться противоперегрузочными кушетками.

— Вы можете разглядеть его? — спросила Анита.

— Не отсюда. Но челнок на орбите; сигнал достаточно силен.

— Только один? — поинтересовался Стив.

— Похоже на то. Если второй тоже находится на орбите, то он не передает.— Она, цепляясь за ка-

нат, возвратилась туда, где плавали мы все.— Мы должны для безопасности выстроить все три наши судна в цепь и приближаться к нему строем.

— Совершенно верно,— согласился я.

Имея дело с гамма-лучами, нужно соблюдать большую осторожность, даже в космосе. Если все три шлюпки пойдут параллельными курсами, то пассажиры окажутся в безопасности.

— Есть кто-нибудь на борту челнока? — спросил Ченс.

— Мне никто не ответил. Хотя они не могли не заметить нашего приближения. Каждая из наших шлюпок светится ярче Алькора. Может быть, что-то не в порядке с нашим радио. Но я так не думаю. Я нашла несущую частоту, и это именно та частота, которой они должны были бы пользоваться.

Мэригей вздохнула и покачала головой.

— Лучше будем надеяться, что это радио,— негромко сказала она.— Я не могу поймать вообще ничего, ни на одной волне. Словно...

— Но ведь прошло только двадцать четыре года,— поспешно перебил ее Стив.

— Недостаточно для того, чтобы все вымерли,— закончила мысль Анита.

— Я полагаю, что для этого требуется не так

уж много времени,— возразил Ченс.— Если как следует взяться за дело.

— Знаете,— вмешался я,— возможно, что они все уехали с планеты.

— На чем? — Стив сердито ткнул в сторону обзорного экрана.— Мы забрали единственное судно.

— Человек сказал, что в районе Земли они летают тысячами. Это было бы грандиозное предприятие, но при необходимости они могли бы эвакуировать Средний Палец меньше чем за год.

— Какая-нибудь экологическая катастрофа,— предположила Мэригей.— Все эти мутации, ненормальная погода...

— Или еще одна война,— возразил Ченс.— Не с тельцианами. Вероятно, там есть и кто-то похуже.

— Мы достаточно скоро все узнаем,— сказал я.— Они, вероятно, оставили какое-нибудь послание. Или груды костей.

Глава 3

Для того чтобы подвести все три шлюпки в непосредственную близость к челноку, висевшему в трехстах километрах над поверхностью

планеты, сориентировать орбиты и уравнять скорости, потребовалось десять часов. Я забрался в просторный безразмерный космический скафандр, неуклюже обнял Мэригей и перелетел на реактивной тяге от тамбура к тамбуру.

Табло, закрепленное внутри шлема, сообщило, что юз-дух в челноке хороший, температура низкая, но не опасная для жизни. Так что я выбрался из скафандра и вызвал еще двоих, Я решил позвать на поддержку Чарли и шерифа, на тот случай, если здесь окажется нечто такое, что Человек мог бы понять лучше, чем мы. Я позвал бы и Антреса-906, если бы его можно было легко втиснуть в скафандр. Вдруг тельциане оставили здесь написанные брайлевским шрифтом записки наподобие: «Смерть подонкам-людям» или что-нибудь еще в этом роде.

Я спросил челнок, что произошло, но не получил никакого ответа. Это не было удивительно: для того, чтобы держаться на низкой стационарной орбите, не требуется много ума. Но при нормальных условиях мой вопрос был бы немедленно транслирован электронному мозгу на планете, и ответил бы мне уже он.

Я был готов к ужасному зрелищу наподобие скелетов, привязанных к противоперегрузоч-

ным сиденьям. Но в ракетке не было никаких признаков человеческой жизни, если не считать нескольких рабочих комбинезонов, свободно висевших в воздухе. Судя по всему, челнок был выслан на орбиту под управлением автопилота.

После того как Чарли и шериф перебрались ко мне, мы собрали и сложили на место комбинезоны, привязались к сиденьям, и я нажал раскрытой ладонью на кнопку с цифрой «один», под которой располагалась табличка «Возвращение в Центрус». (Вот итог всех этих бесчисленных недель, проведенных в анабиозе.) Челнок выждал одиннадцать минут, а затем начал снижаться.

Мы приблизились к маленькому космопорту с востока, оставив под собой пригороды Вендлер и Гринмаунт. Была ранняя весна; снег еще полностью покрывал землю. Солнце уже стояло высоко над горизонтом, но ни из одной трубы не поднимался дым. В поле зрения не было ни одного флотера, ни единой живой души.

В космопорте имелись только две посадочные полосы. Они тянулись строго с востока на запад и были далеко, возле горизонта, обнесены высокими оградами. Ограды были выстроены не из опасения крушения, хотя, конечно, оно когда-нибудь могло произойти. Их главной задачей

бышо защищать людей, которые могли оказаться поблизости, от гамма-излучения двигателей челнока.

Обширное поле было пустым. Никто не смотрел на приземлившийся челнок из диспетчерской башни. Никто не примчался во флотере, чтобы изумленно приветствовать нас. Я открыл люк; из челнока вниз спустилась легкая лестница.

Тяготение оказывало на нас двоякое действие: оно и успокаивало, и утомляло. Наши костюмы оказались недостаточно теплыми для влажного холода, и к тому времени, когда мы преодолели километр, отделявший нас от главного здания, все дрожали — даже генетически совершенный шериф.

Внутри было почти так же холодно, но, по крайней мере, не дуло.

Помещения стояли пустыми и пыльными. Насколько мы могли видеть, в здании не было никакой энергии. Имелся небольшой беспорядок, который, правда, ограничивался только несколькими кучками рассыпанных бумаг и выдвинутыми ящиками столов. Никаких признаков паники или насилия — и никаких отталкивающих свидетельств массового бедствия в виде разбросанных останков тел.

И никаких надписей, начертанных дрожащей рукой на пыльной поверхности стола: «Берегитесь, конец близок», или чего-нибудь наподобие этого. Складывалось впечатление, будто все отправились на ланч и почему-то поголовно задержались на нем.

Но они отправились на ланч голыми.

По всем коридорам, за всеми рабочими столами были навалены кучи и кучки одежды, как будто каждый человек останавливался там, где был, раздевался и уходил прочь. Смятые за много лет силой притяжения, жесткие от пыли, одежды большей частью все же были узнаваемы. Деловые костюмы, и комбинезоны рабочих, и несколько комплектов униформы. Вся верхняя одежда и белье, сложенные поверх обуви.

— Это...— На сей раз много повидавший Чарли не мог подыскать подходящих слов.

— Страшно,— закончил я.— Интересно, такая картина только здесь или повсюду?

— Я думаю, что повсюду,— откликнулся шериф, присев на корточки. Он выпрямился, держа в руках безвкусное бриллиантовое кольцо, судя по всему, земной антиквариат.— Здесь не было никаких уборщиков.

Несмотря на полнейшую загадочность обна-

руженного нами, мы все были голодны и нашли кафетерий.

Мы не стали связываться с холодильником и морозильником, но нашли кладовую с несколькими коробками консервированных фруктов, мяса и рыбы. Быстро перекусив, мы разделились и отправились на поиски свидетельств, каких-нибудь улик, которые дали бы возможность понять, как давно планета опустела, что здесь случилось.

Шериф нашел пожелтевшую газету, датированную 14 Галилея 128 года.

— Как это можно было предположить,— сказал он.— Тот самый день, когда мы отправились обратно, с учетом относительности.

— Значит, они исчезли в то же время, когда и наше антивещество.

Мои часы принялись бибикать, напоминая мне, что флотилия Мэригей вот-вот пройдет над нашими головами. Втроем мы с большим трудом смогли общими усилиями открыть дверь аварийного выхода.

Небо было затянуто дымкой, а то мы разглядели бы наши спасательные шлюпки как три расположенных рядом белых пятнышка, проплывающих по небу.

Мы поговорили в течение нескольких минут, но сумели мало что рассказать. Основное содержание нашего разговора можно было бы выразить тезисом: «Две необъяснимые вещи, случившиеся одновременно, с большой долей вероятности имеют одну и ту же причину».

Мэригей сказала, что они продолжат визуальное наблюдение с орбиты. У них не было никакого серьезного оборудования для этого, но на «тройке» обнаружился мощный бинокль. Оттуда смогли разглядеть и наш челнок, и полосу, которую он пропахал в снегу при приземлении, и второй челнок, укрытый засыпанным снегом брезентом.

Спасательные шлюпки должны были приземляться на своих маршевых двигателях, так что им следовало выбрать место, где в округе на несколько километров не было никого живого — в противном случае все, кто окажется в весьма значительном радиусе, неминуемо погибнут. Ведь гамма-излучение нашего челнока составляло менее одного процента от излучения больших судов.

Но, судя по тому, что мы видели, с этим не должно быть проблемы.

Если бы живые люди обнаружились в городе,

нам предстояло бы выехать в сельскую местность и найти достаточно большую и ровную площадку, пригодную для того, чтобы послужить заменой космопорту. Я помнил пару ферм, которые без всякого внутреннего протеста готов был использовать для этой цели; просто в память о былом.

В раздевалке цокольного этажа нам удалось найти зимнюю одежду: легчайшие ярко-оранжевые рабочие комбинезоны. Они оказались маслянистыми на ощупь. Я знал, что это не следы смазки, а просто некий неизвестный мне полимер, образующий вакуумную прослойку менее миллиметра толщиной между слоями костюма, но он придавал одежде ощущение засаленности.

Продолжая против всякой логики надеяться на невозможное, мы вошли в служебный гараж, но аккумуляторы всех машин оказались мертвы. Правда, шериф вспомнил об одной аварийной машине, которую мы и нашли снаружи. Предназначенная для работы в ситуациях, когда энергия была недоступна, она имела маленький плутониевый реактор.

Этот транспортер оказался неизящной угловатой штуковиной, ярко-желтой коробкой, предназначенной для борьбы с пожарами, спасательных

работ в отдаленных местностях и оказания прямо на месте неотложной медицинской помощи. Внутри он был достаточно просторен для того, чтобы разместить шесть коек для больных и оставить проход для врачей и медсестер.

Попасть в машину оказалось нелегко: двери были покрыты многолетним слоем льда. Мы разыскали в гараже пару больших отверток и тяжелых гаечных ключей и пробили себе путь внутрь.

Когда дверь открылась, в машине зажегся свет, что было хорошим признаком. Мы включили на полную мощность антиобледенитель и осмотрелись кругом — удобная передвижная база, которую можно будет использовать и сейчас, и после высадки остальной части нашей группы, пока хватит плутония.

Цифры на табло расхода энергии сообщали, что машина располагает топливом на 11 245 часов. Я задумался над тем, как правильно интерпретировать эти данные; ведь, скорее всего, транспортер, поднимаясь по крутому склону горы, расходовал больше энергии, чем стоя здесь с включенным освещением салона.

Когда ветровое стекло обрело полную прозрачность, шериф сел на место водителя. Мы с

Чарли пристегнулись к жестким стульям у него за спиной.

— Пароль спасательных машин обычно был «пять-шесть-семь»,— сообщил шериф,— Если это не сработает, нам нужно будет придумать, как отменить блокировку.— Он пробежал пальцами по вспомогательной клавиатуре и был вознагражден приятным перезвоном.

— Запрос? — спросил механический голос.

— Ручное управление,— ответил шериф.

— Включено. Двигайтесь с осторожностью.

Водитель передвинул рукоять на движение вперед; электрический двигатель заскулил все громче и громче, набирая обороты, пока все шесть колес с обрадовавшим нас хрустом не вырвались из ледового капкана. Машина сдвинулась с места, шериф по широкой дуге плавно повернул в сторону ворот космопорта и повел транспортер к городу.

Шины из губчатого металла звучно шуршали по покрытой толстым настом дороге. Мои часы подали сигнал, и мы остановились, чтобы я мог выйти наружу и доложить Мэригей о достигнутых результатах.

С этой стороны города не имелось никаких предместий: строительство в направлении кос-

мопорта было строжайшим образом запрещено. Тем не менее, миновав пятикилометровую зону отчуждения, мы сразу же попали в город.

Это была, пожалуй, самая интересная часть Центруса. Здесь находились старейшие постройки планеты, приземистые глинобитные лачуги с выложенными из бревенчатых рам дверными и оконными проемами. Над ними возвышались двух- и трехэтажные кирпичные здания следующего поколения.

Открытая дверь одного из древних домов болталась на одной петле и, по-видимому, была готова оторваться. Мы остановили машину и вышли, чтобы зайти внутрь. Я услышал, как шериф расстегнул свою кобуру. «Что, черт возьми, он ожидает здесь найти?» — удивилась какая-то часть моего сознания. А другая часть была спокойна.

Тусклый свет, проникавший сквозь грязные оконные стекла, показал ужасное зрелище: весь пол был усыпан костями. Шериф пнул несколько штук, а затем присел на корточки, чтобы осмотреть их повнимательнее.

— Это останки не Человека и не людей,— сказал он, подняв длинную кость. Задумчиво перебрал еще несколько и уверенно сообщил: — Собаки

и кошки.

— Дом с открытой дверью зимой оказался для них единственным убежищем,— согласился я.

— И здесь же был единственный источник пищи,— добавил Чарли.— Они ели друг друга.

Мы привезли сюда собак и кошек, зная, что они на протяжении большей части года будут полностью зависеть от нас. Они служили милым напоминанием о той цепи жизни, которая началась на Земле.

И закончилась здесь? Я почувствовал желание как можно скорее попасть в город.

— Здесь мы ничего не узнаем.— Шериф, видимо, чувствовал то же самое; он резко выпрямился и обтер руки о маслянистые штаны комбинезона.— Едем дальше.

Интересно, что с того момента, как челнок сошел с орбиты, направляясь к планете, все инстинктивно согласились с моей руководящей ролью, но теперь на водительском месте и в буквальном, и в фигуральном смысле находился шериф.

К тому времени, когда солнце поднялось к зениту, мы выехали на Главную улицу, забитую брошенными машинами. Дорога и тротуары, не знавшие ремонта на протяжении многих лет,

находились в ужасном состоянии. Нас подбрасывало на рытвинах и кочках, образовавшихся за эти годы от промерзания дороги.

Автомобили и флотеры не были брошены у обочин; они скопились кучами, главным образом у перекрестков. В пределах города автоматическое управление обычно отключается, так что, когда водители исчезли, машины продолжали двигаться, пока не сталкивались с чем-то тяжелым.

Большая часть окон домов была не занавешена. Это также не ободряло. Кто же уезжает надолго, не задернув занавески в своем жилище? Полагаю, что те же самые люди, которые бросают свои флотеры посреди улицы.

— Почему бы нам не остановиться и не проверить наугад какой-нибудь дом, который не окажется завален собачьими костями? — сказал Чарли.

Судя по виду, он чувствовал себя так же, как и я; было самое время выйти из этой пляшущей на волнах лодки.

Шериф кивнул и прижал машину к тротуару; видимо, на тот случай, если движение внезапно возобновится. Мы вооружились нашими отвертками, чтобы взламывать замки, вышли и направились к ближайшему трехэтажному

жилому дому.

Первая квартира справа оказалась незапертой.

— Здесь жил Человек,— сказал шериф; его голос дрогнул.

Большинство из нас не имело обыкновения запирать свои дома.

В жилище царила строгая атмосфера функциональности и крайней простоты. Несколько предметов деревянной мебели без каких-либо мягких сидений. В одной комнате стояли пять дощатых кроватей (вернее, топчанов) с деревянными чурбаками, которые они использовали вместо подушек.

Я не впервые задумался: не были ли у них где-нибудь припрятаны подушки для занятий сексом. На этих досках было бы очень неудобно лежать на спине, а тем более стоять на коленях. А остальные полторы пары наблюдали, пока одна пара предавалась соитию? Взрослые всегда поселялись вместе группами по пятеро, а дети жили отдельно, в интернате.

Может быть, они занимались сексом все вместе каждый третий день. У них не было разницы между гомо- и гетеросексуальностью.

Квартира была полностью лишена украшений, как и тельцианская ячейка. Предметы искусства

предназначались для общественных мест, где ими могли любоваться все. А Человеки не хранили сувениров и не собирали коллекций.

На всех горизонтальных поверхностях лежал однородный слой пыли, и мы с Чарли, оба, начали чихать. У шерифа, похоже, ген, связанный с этим процессом, отсутствовал.

— Возможно, нам удастся больше узнать в жилище людей,— предположил я.— Больше беспорядка, больше улик.

— Наверняка,— согласился шериф.— Это может быть любая из соседних квартир.

Население Человеков было равномерно распределено по городу; очень великодушный жест с их стороны.

Соседняя дверь оказалась заперта, как и остальные семь в подъезде. Вскрыть замки отвертками нам не удалось.

— Вы могли бы прострелить замок,— предложил Чарли.

— Это слишком опасно. К тому же у меня только двадцать патронов.

— Вообще-то,— заметил я,— вы, вне всякого сомнения, найдете их неисчерпаемый запас в полицейском участке.

— Лучше выйдем наружу и выбьем окно,—

предложил шериф.

Мы отправились на разрушенную улицу, и он поднял обломок покрытия величиной с кулак. Он обладал довольно хорошим броском для того, кому никогда не доводилось заниматься бейсболом. Камень отскочил обратно, но на стекле появились несколько трещин. Мы с Чарли последовали его примеру. После множества ударов окно почти побелело от бесчисленных трещин, но все еще держалось.

— Ну что ж...— протянул шериф.

Он достал свой пистолет, направил его в центр окна и выстрелил. Шум от выстрела оказался удивительно громким; эхо далеко раскатилось по улице. В стекле появилась дыра с кулак величиной. Он прицелился на метр правее, выстрелил еще раз, и на этот раз большая часть стекла с приятным звоном посыпалась вниз.

Подошло время для очередного радиоконтакта, так что мы отдыхали несколько минут, пока я давал Мэригей отчет о наших невеселых наблюдениях. Мы согласились, что им следует отложить приземление до тех пор, пока нам не удастся узнать хоть немного побольше. Кроме того, те члены экипажа, которые последними возвратились к жизни, были все еще слабоваты для

того, чтобы безопасно перенести такую нагрузку, как приземление.

Мы не стали вынимать куски стекла, которые остались торчать в раме. Я мог пролезть внутрь и отпереть окно, чтобы оно превратилось в достаточно большой, хотя и неудобный, вход. Шериф и Чарли подсадили меня, а затем мы тянули и толкали друг друга, пока все трое не оказались внутри. Тогда после этого я сообразил, что мог просто подойти к входной двери и отпереть ее.

В квартире был беспорядок еще до того, как мы принялись ее обстреливать. Вся комната, куда мы попали, была завалена грудами книг, по большей части с печатями университетской библиотеки. Теперь они были просрочены на восемь лет Среднего Пальца.

Я увидел висевший на стене диплом и почувствовал легкое удивление — женщина, жившая здесь, Роберта Мор, была математическим физиком и как-то раз приезжала в Пакстон, чтобы побеседовать с парой моих студентов по поводу выполнения дипломной работы в Центрусе. Мы тогда завтракали вчетвером...

— Мир тесен,— заметил Чарли, когда я сообщил об этом.

Шериф возразил, что дело не только в этом и

вряд ли могло получиться так, что один из нас оказался знаком со взятым наугад обитателем этого квартала, если бы мы оба не преподавали одну и ту же науку, а дом не находился бы в окрестностях университета.

Я мог бы поспорить с его логикой, но за прожитые годы научился находить более приятные способы пустого времяпрепровождения.

Повсюду пыль и паутина. На стенах четыре большие картины маслом — на мой вкус, не очень хорошие. Одна, украшенная почти в центре пробоиной от пули, была подписана: «Тете Роб с любовью». Вероятно, эта подпись объясняла наличие всех четырех картин.

Хаос в комнате казался естественным. Если убрать пыль и паутину, то получилось бы типичное логово ученого, живущего в одиночестве.

Судя по всему, когда произошло то, что произошло, она находилась в кухне. Там стоял небольшой деревянный обеденный столик с двумя стульями; на одном из них громоздилась высокая стопка книг и журналов.

Одна тарелка с неопознаваемыми остатками пищи могла, возможно, послужить уликой. Кухня, в отличие от кабинета хозяйки, была очень опрятна, вся посуда, за исключением одной та-

релки, вымыта и убрана. Посреди стола стояла фарфоровая ваза, из которой торчали несколько хрупких коричневых палок. Независимо от того, что произошло, это случилось посреди ее трапезы, и у нее не оказалось времени или желания доесть пищу и убрать за собой. Рядом не было брошенной одежды, но человек, живущий один, не обязан одеваться к обеду.

Ее одежда оказалась разложена на кровати, которая была аккуратно застелена покрытым густой пылью покрывалом бордового цвета. Точно посреди противоположных стен висели еще две картины, написанные тем же самым художником. В комоде имелось три ящика: блузки, юбки и брюки, нижнее белье, все аккуратно сложенное. В шкафу лежали два пустых чемодана.

— Видно, что она не упаковывала вещи,— констатировал Чарли.

— У нее не было на это времени. Позвольте, я кое-что проверю.

Я возвратился в кухню и нашел вилку, которой она ела, на полу справа от стула.

— Посмотрите-ка сюда.— Я поднял вилку, к остриям которой пристал довольно крупный кусок засохшей еды.— Я не думаю, что она вообще хоть что-нибудь предвидела. Она просто исчезла,

выронив вилку, в тот момент, когда подносила ее ко рту.

— С нашим топливом было не так,— заметил шериф.— Если мы все еще продолжаем думать об общей причине.

— Ты физик,— повернулся ко мне Чарли.— Что может заставить материальные предметы исчезнуть?

— Коллапсарный переход. Но они вновь появляются где-то еще.— Я помотал головой.— Материя не исчезает. Предмет может откуда-то пропасть, но при этом он просто изменит свое положение или состояние. Частица и античастица уничтожают друг друга, но они все же остаются «там» в произведенных при аннигиляции фотонах. Даже вещи, поглощенные сингулярностью, центром черной дыры, на самом деле не исчезают, і

— А вдруг это было устроено ради нас? — предположил шериф.

— Что? Каким образом?

— Я не имею ни малейшего понятия, каким образом. Но, похоже, единственным объяснением может служить физическая возможность происшедшего. И у нас, видимо, будет достаточно времени, чтобы постараться это выяснить.

— Давайте сыграем шутку с этими ренега-

тами,— провозгласил Чарли с подчеркнутым центрусским акцентом,— пускай все сделают так, чтобы казалось, будто четырнадцатого галилея сто двадцать восьмого года все напрочь исчезли. Все разденемся, покидаем одежду, где стояли, и голыми спрячемся в укромных местах. А сами тем временем откачаем топливо из «Машины времени» и заставим их вернуться.

— А потом ка-ак выпрыгнем! — добавил я.

Шерифа наши упражнения в остроумии обидели.

— Я не утверждаю, что это разумно. Я только говорю, что пока никакая версия не подходит к обнаруженным фактам.

— Так давайте поищем другие факты.— Я сделал широкий жест рукой.— Как мы будем выходить: через окно или воспользуемся дверью?

Глава 4

До сумерек я говорил с Мэригей еще полдюжины раз. Там, на орбите, они, передавая друг другу бинокль, рассматривали планету и не видели никаких признаков жизни, кроме тех следов, которые мы оставили в снегу. Правда, их удавалось разглядеть только лучшим наблюдателям,

которые знали, что они хотят увидеть: бинокль был всего лишь пятнадцатикратным. Так что, теоретически, спрятаться от наших наблюдателей могли тысячи людей.

Но в свете того, что мы нашли и чего не нашли, в это было трудно поверить. Все подводило к одному и тому же невероятному выводу: в 12.28 дня 14 галилея 128 года все люди, Человеки и тельциане без следа растворились в воздухе.

Гипотеза о точном времени случившегося основывалась на одном-единственном факте: положении стрелок сломанных механических часов, обнаруженных на полу мастерской кого-то из людей, полной подобными диковинками. Одежда хозяина валялась совсем рядом с часами.

Когда мы добрались до центра города, уже начинало темнеть, так что мы решили отложить его обследование до завтра, чтобы в нашем распоряжении был целый световой день. К тому же все мы устали как собаки. Наших сил хватило только на то, чтобы держать глаза открытыми, пока мы ужинали случайно обнаруженными под подтаявшим снегом консервами. В кухне Роберты был шкафчике вином, но мы не взяли оттуда ничего: это казалось все равно что обокрасть исчезнувшего.

Мы с Чарли устроились на ночлег на каталках (установленные по-другому, они превращались в операционные столы), расположенных в корме машины. Нам удалось даже найти несколько надувных подушек. Шериф улегся на полу, подложив под голову деревянный чурбак, который он нашел на улице.

Он проснулся на рассвете, очевидно, от холода и разбудил нас, включив обогреватель. Мы сидели несколько минут в отупении, сожалея об отсутствии чая или кофе, которые могли бы так хорошо дополнить нашу холодную копченую рыбу и нарезанные ломтиками фрукты. Конечно, мы могли ворваться в какой-нибудь дом или склад, найти там посуду и чай, а затем разжечь огонь. Это было бы легко в Пакстоне, где в каждом доме имелся настоящий камин, топившийся дровами. В Центрусе вместо каминов было центральное отопление и законы о борьбе с загрязнением воздуха.

Мне внезапно очень захотелось возвратиться в Пакстон. Частично из любопытства, а частично из-за иррациональной надежды на то, что зловещее бедствие не распространилось настолько далеко, что мой дом находится на том же самом месте, где я расстался с ним два месяца

или двадцать четыре года назад. Что там живет Билл, раскаивающийся, но не изменившийся в остальном.

Мы видели, как по небу с запада на восток проплыла троица наших судов; тусклые золотые звезды на полутемном небосклоне. Я включил радио, но не стал передавать. Они тоже молчали; очевидно, все еще спали.

Я надеялся на это. Здесь и сейчас могло случиться все, что угодно.

Шериф хотел прежде всего отправиться в полицейское управление. Это было единственное здание в Центрусе, которое он по-настоящему хорошо знал, и если на официальном уровне делалось хоть какое-то предупреждение о бедствии, то там мы непременно нашли бы его текст. Мы не возражали. Мне, правда, больше хотелось посетить центр связи, где имелась коммуникационная линия с Землей, но это могло подождать.

Полицейское управление занимало половину Дворца Законов, четырехэтажного, казавшегося монолитным здания с зеркальными стенами. Восточная половина принадлежала судейским службам, западная — полицейским. Мы подъехали к западной двери и вошли внутрь.

Внутри было довольно темно, и мы с минуту

стояли неподвижно, чтобы дать глазам возможность привыкнуть к полумраку. Стеклянная стена лишь в минимальной степени поляризовала свет, но та серость, которая пока что проникала сквозь него, была лишь пародией на освещение.

Бронированная дверь была приоткрыта, так что ни пистолет шерифа, ни наши потенциально смертоносные отвертки не понадобились. Мы дошли до длинного стола-барьера, я посветил на него карманным фонарем и обнаружил регистрационный журнал.

Последняя запись в нем гласила: «Двенадцать двадцать пять. Нарушение правил стоянки транспорта». Гражданская одежда и ботинки перед столом, униформа сержанта позади. В 12.28 они, вероятно, спорили по поводу штрафа. Сержант желал, чтобы его жертва исчезла куда-нибудь и он смог бы пойти на ланч. Что ж, его желание сбылось.

Шериф провел нас через весь просторный зал, мимо многочисленных служебных кабинок. Часть из них представляла собой простые серые или зеленые коробки, другие оживляли картины и голограммы. В одной из клеток я заметил на обильно украшавших ее искусственных цветах первые отблески дневного света.

Мы направились в зал заседаний, где по утрам собирался весь личный состав. Там проводился инструктаж на ближайший день и выяснялись все вопросы. Если бы на доске оказалась надпись: «12.28 — СНЯТЬ ОДЕЖДУ И ОТПРАВИТЬСЯ НА ПОСАДКУ В АВТОБУС», то по крайней мере часть тайны прояснилась бы.

В зале заседаний было приблизительно шестьдесят складных стульев, выстроившихся стройными рядами перед возвышением с большой классной доской. На ней все еще можно было безошибочно прочесть последние записи. Это были главным образом группы цифр, о которых шериф сказал, что это коды для обозначения заданий и состава групп. Сообщение «Сегодня дни рождения: Локни и Ньюсом», скорее всего, не содержало никакого зловещего подтекста.

Мы принялись за поиск патронов для пистолета, но в большинстве рабочих кабин или вовсе не имелось оружия, или находились какие-то новомодные варианты, ни на что не пригодные при отсутствии энергии.

В конце концов мы наткнулись на оружейную комнату с полуоткрытой дверью, состоявшей из двух половинок, верхняя из которых служила окошечком. Я спросил шерифа, продолжают ли

они называть такие двери голландскими, а тот ответил, что нет, это называется секционная дверь. (У меня все время возникали трудности с их языком, потому что в нем было очень много слов, идентичных английским, но не имевших с ними ничего общего, кроме звучания.)

Боеприпасов там было столько, что мы все втроем не смогли бы увезти их на тачке. Мы с Чарли взяли по тяжелой коробке, хотя я спрашивал себя, во что, черт возьми, он собирался стрелять в этом мире.

Всего шериф взял четыре коробки. Когда мы несли их обратно в нашу санитарную машину, он дал уклончивый ответ на мой невысказанный вопрос.

— Знаете,— сказал он,— это похоже на результат применения действия какого-то идеального оружия. Убивает всех людей и оставляет нетронутыми неодушевленные предметы.

— У нас в двадцатом веке было нечто подобное,— заметил я.— Нейтронная бомба.

— Она заставляла тела исчезать?

— Нет, об этом вам пришлось бы позаботиться самому. Я даже думаю, что ее излучение должно было на некоторое время сохранять трупы. Она никогда не применялась.

— Неужели?

— А вы-то, наверно, думали, что они должны быть в каждом полицейском участке.

Чарли рассмеялся.

— Это сильно все упростило бы. Они были предназначены для уничтожения целых городов.

— Целых городов с людьми? — Он помотал головой.— И после этого вы считаете странными нас?

Мы вышли наружу как раз перед тем, как из-за горизонта появилась флотилия Мэригей. Моя жена сообщила, что они намереваются уже на следующем витке начать сход с орбиты, так что мы решили найти какой-нибудь по-настоящему массивный заслон между нами и космодромом.

Они решили не дожидаться отставших. Слишком уж много происходило сверхъестественного. Исчезновение антивещества было не более и не менее странным явлением, чем то, что мы увидели на планете, и мы знали, что топливо точно так же могло пропасть здесь и оставить их пленниками орбиты.

Глава 5

Я был уверен, что приземление будет зрелищем неземной красоты. Мне уже приходилось наблюдать действие аннигиляционных двигателей с безопасного или, может быть, почти безопасного расстояния. Это был жуткий лиловый бриллиант, сиявший ярче солнца.

Мы не знали точно, какой толщины должен быть экран и из какого материала состоять, чтобы он смог обезопасить нас от излучения, и поэтому в назначенное время дисциплинированно спустились во второе отделение подвала Дворца Законов.

В свете фонарика мы увидели аккуратно расставленные коробки с документами и стены, вдоль которых тянулись стеллажи со старыми юридическими книгами, доставленными с Земли; в основном на английском языке. Дальше, за запертыми железными решетчатыми воротами, виднелась и другая стена, стеллажи вдоль которой были уставлены сотнями винных бутылок. Судя по этикеткам, возраст некоторых из них превышал сорок лет Среднего Пальца или сто двадцать земных.

Я резко дернул замок, и он со щелчком открылся. Я вынул наугад три бутылки, на каждого из нас. Шериф заметил, что он не пьет вина, на что я сказал ему, что я не намереваюсь больше стрелять, но тем не менее тащил его проклятые патроны.

В это время послышались три удара звуковой волны; они прозвучали довольно громко даже в нашем подземелье и сразу же сменились протяжным басистым звуком, словно рвали толстую материю. Я со всех ног помчался наверх.

Моей энергии хватило лишь на лестницу. Оказавшись наверху, я, измученный непривычным физическим упражнением, перешел на легкую рысцу, пересек мертвый зал и вывалился наружу.

Стоя посреди Главной улицы, я мог видеть на горизонте три золотые иглы — следы в атмосфере пролетевших спасательных шлюпок.

Я с трудом разобрал слова Мэригей сквозь рев статических разрядов от вторичной радиации.

— Приземление прошло хорошо,— сказала она.— Некоторые вещи оказались плохо закреплены и теперь валяются на полу разбитые.

— Как скоро вы сможете начать выгружаться? — заорал я.

— Ты можешь не кричать так. Динамик находится прямо передо мной. Возможно, через час. А до тех пор не подходите слишком близко.

Мы потратили отпущенное время, загружая в санитарную машину девяносто меховых курток, найденных в гардеробе полицейского управления,— лучше иметь слишком теплую одежду, чем слишком холодную. Я также добежал до находившегося неподалеку магазина и притащил оттуда несколько коробок с продуктами.

Запасов еды в городе должно было хватить нам на ближайшие несколько лет — если, конечно, все пропавшие не вернутся так же внезапно, голые и голодные. И обмочившиеся от страха. Если возможно одно волшебство такого сорта — или два, считая случай с антивеществом,— то какого еще волшебства можно ожидать назавтра?

Шериф, похоже, обдумывал то же, что и я. Он почти все время молчал, но, когда мы закончили загружать одежду, продовольствие и еще несколько бутылок вина — по одной на десять человек было все-таки маловато,— заговорил:

— Нужно поговорить с Антресом-девятьсот шесть.

— О чем?

— Об этом. Я никогда не мог понять тельциан-

ского юмора. Но мне кажется, что это было бы как раз в их духе: продемонстрировать новый научный принцип при помощи грандиозного розыгрыша, пусть даже самого дурного тона.

— Куда уж дурнее. Уничтожение целой планеты.

— Мы не знаем наверняка, что люди мертвы. Пока мы не имеем тел, следует все еще говорить о «бесследном исчезновении».

Я не мог понять, говорил он серьезно или иронически, играя в полицейского. Возможно, посещение управления полиции большого города сказалось на нем каким-то непонятным образом.

В одном из множества помеченных только цифрами закрытых ящиков нашего транспортера мы нашли дистанционный радиометр. При дневном свете работает автономно, не требуя дополнительных источников энергии. Я направил его в сторону приземлившихся шлюпок, и стрелка чуть заметно дернулась, далеко не дойдя до красного сектора, на котором красовалась крупная надпись: «ПОКИНЬТЕ РАЙОН».

— Ну что? Можно ехать?

— Закон обратных квадратов,— сказал я.— На расстоянии в полкилометра мы, возможно, окажемся изжаренными.

Конечно, я лишь предполагал, так как не знал свойств вторичной радиации, возникшей в данном случае. Я щелкнул тумблером радио.

— Мэригей, ты уже спросила судно, через сколько времени вам можно будет выгружаться?

— Секундочку.— Я слышал невнятное бормотание, перебиваемое треском статических разрядов.— Оно говорит, что через пятьдесят восемь минут.

— Отлично. Мы встретим вас примерно в это время.— Я кивнул Чарли и шерифу.— Можно двигаться, только не забывать поглядывать на радиометр.

Возвращаться было намного легче, чем ехать в город. Мы перебрались через кювет, а затем не спеша потащились по ровной сырой земле параллельно разбитой дороге. Возле двухкилометровой отметки мы в течение пятнадцати минут ждали, глядя, как стрелка прибора медленно отползала вниз.

Что делать с девятью десятками или полутора сотнями людей? Обеспечение продовольствием не представляло проблемы. Не было трудностей и с жильем: достаточно сломать любой замок и войти внутрь. Пожалуй, могли возникнуть сложности с водой.

Шериф предложил университетский городок. В нем были спальни, а посредине протекала река. Можно было даже попытаться наладить на скорую руку и электричество, подумал я. Когда-то мне бросилось в глаза совсем рядом с университетским городком целое поле, уставленное солнечными батареями. Как сейчас помню, тогда я долго пытался угадать их назначение: исследования, обучение студентов, а может быть, резервное электроснабжение.

Наша санитарная машина только-только вползла на посадочную площадку, как погрузочная рампа на шлюпке Мэригей опустилась. Люди, покачиваясь, помогая друг другу, группами по пятеро — столько вмещал подъемник — осторожно спускались из отсека анабиозных камер и рубки управления.

Когда Мэригей в последней группе спустилась на землю, я вздохнул полной грудью и впервые понял, какое напряжение я испытывал с того момента, когда мы допустили возможность для них застрять на орбите. Я пошел ей навстречу, мы встретились посреди рампы, и я стиснул ее в объятиях.

Одновременно прошла выгрузка и из двух других шлюпок. Люди копошились вокруг машины,

примеряли куртки, увлеченно болтали друг с другом, давая выход владевшему всеми напряжению и радуясь воссоединению: ведь хотя, по субъективным ощущениям, прошла лишь пара месяцев, но и двадцать четыре года были, так или иначе, столь же реальны.

Конечно, все уже знали, что мы нашли — или не нашли — на поверхности планеты, и были полны предчувствиями и вопросами. Я уклонился от них, отведя Мэригей в сторону для «совещания». После того как все оказались на земле и облачились в теплую одежду, я поднялся на рампу и замахал обеими руками над головой, призывая к вниманию.

— Мы решили временно поселиться в университете. Пока что эта санитарная машина — единственное у нас действующее средство передвижения. Она может забрать лишь десять, от силы двенадцать человек. Так что давайте сейчас перейдем в закрытое помещение, чтобы хотя бы укрыться от ветра.

Мы отобрали для первого рейса десять самых крупных и сильных мужчин, которые могли без особого труда взломать двери спальных комнат. Мы же с Чарли повели оставшихся в тот кафетерий, где нашли первую после высадки на

планету пищу. Они молча шли между жуткими грудами старой одежды, которая производила впечатление останков тел, поваленных наземь внезапным бедствием, наподобие того, что произошло в Помпее[15].

Еда, даже пролежавшие много лет консервированные фрукты, взбодрила их. Они ели, а Чарли и я отвечали на вопросы о том, что мы видели в городе.

Алиса Бертрам спросила, когда можно будет приступить к полевым работам. Я совершенно ничего об этом не знал, но и без меня нашлось много знатоков, у каждого из которых было свое мнение. Никто из жителей Центруса не был крестьянином, зато крестьяне из Пакстона были незнакомы с местными условиями. Тем не менее было очевидно, что проблема заключается вовсе не в том, чтобы просто возобновить обработку полей, заброшенных предыдущими арендаторами. Сельское хозяйство здесь было специализированным и велось по интенсивной технологии. Нам следовало придумать, как пахать землю и

[15] Примечания: 15

Помпея — город в Южной Италии, на берегу Неаполитанского залива. Находившийся в древности на этом месте одноименный город древних римлян был в 79 г. н. э. полностью засыпан вулканическим пеплом при внезапном извержении Везувия. При этом погибли почти все жители города и окрестностей.

орошать плантации без помощи электричества.

Лар По, тоже не имевший ни наклонностей к крестьянскому труду, ни опыта в этом деле, не слушал спор, а серьезно доказывал, что наилучший шанс для выживания должно нам дать переселение в Пакстон, где при условии, что будем напряженно трудиться, мы сможем получить урожай, достаточный для того, чтобы прокормиться. Хотя для этого понадобится долгая прогулка.

— У нас впереди масса времени для экспериментов,— напомнил я.— Мы, вероятно, сможем прожить здесь весь срок, отпущенный нашему поколению, убирая мусор и подъедая корабельные рационы.

Хотя несколько недель на корабельных рационах заставят кого угодно обратиться к сельскому хозяйству. Это было, несомненно, частью плана.

Шериф возвратился с долгожданными новостями: они нашли над рекой спальный корпус, который даже не потребовалось взламывать. Комнаты запирались на электронные замки, и после того, как пропала энергия, все двери открылись.

Я направил Чарли осмотреться и набросать график работ. Нам было необходимо как можно

скорее наладить водоснабжение и временные уборные, а затем организовывать поисковые партии, чтобы определиться с количеством и местоположением запасов в городе.

Ну а мы с Мэригей намеревались отправиться в центр города и поискать там в Управлении межпланетных коммуникаций какие-нибудь дополнительные фрагменты для нашей мозаики.

Глава 6

Как и Дворец Законов, здание центра связи в середине дня было не заперто. Шериф высадил нас возле входа, мы вошли внутрь — и были поражены, обнаружив за дверью искусственный свет! Здание не зависело от городской энергетической системы, и, независимо от того, какой источник в нем использовался, свет все еще горел.

Прямая радиосвязь с Землей не имела смысла, так как до нее было 88 световых лет. Но обмен сообщениями при помощи коллапсарного скачка занимал всего лишь десять месяцев, и где-нибудь обязательно должен был иметься журнал регистрации поступивших и отправленных депеш.

Был также Мицар на расстоянии каких-нибудь трех световых лет. На тамошней тельцианской

планете Цогот имелась колония Человека, и мы могли услышать что-нибудь от них или, по крайней мере, вызвать их и через шесть лет услышать ответ.

Для того чтобы воспользоваться системой межпланетной связи, недостаточно было взять в руки микрофон и щелкнуть выключателем. Необходимо было знать, какой взять микрофон и какими выключателями в каком порядке щелкать. Конечно, ни один из приборов не имел английских подписей, а мы с Мэригей знали стандартный язык лишь в объеме, необходимом для бытового разговора.

Мне пришлось воспользоваться рацией и попросить шерифа приехать и перевести нам надписи на пультах. Правда, сначала он должен был загрузить в центре города продовольствие, доставить его в занятое нами общежитие, а лишь затем, во время следующей поездки, завернуть к нам.

За время ожидания мы довольно подробно изучили здание. В главном зале имелось два пульта, надписи на которых мы перевели как «прием» и «передача» (хотя слова были настолько похожи, что мы могли ошибиться в обоих случаях). Каждый пульт был разделен на три консоли: Земля,

Цогот и что-то еще, вероятно, «другие абоненты». Возле цоготской консоли стояли человеческие стулья и тельци-анские сиденья.

Шериф приехал в обществе Марка Талоса, который до полета работал на телефонной станции Центруса и довольно хорошо знал стандартный язык.

— Они не поддерживают непрерывный канал связи с Землей,— сказал Марк.— Это было бы бессмысленно, а может быть, и просто невозможно. Но существует одна частота, за которой они все же следят и все время ведут запись. Это нечто вроде архива. Важные сообщения в обе стороны направляются через коллапсарную антенну — беспилотный корабль-передатчик, мотающийся туда и сюда,— ну а по этому каналу мы в основном узнаем о том, что случилось на Земле восемьдесят восемь и больше лет тому назад.

Он склонился над пультом и внимательно осмотрел его.

— А-а, вот оно, монитор один.— Он щелкнул выключателем.

Откуда-то послышался высокий голос, быстро тараторивший что-то на том языке, который Человеки называли стандартным.

— Значит, вот это, рядом, монитор два?

— Не совсем так. Скорее один-а.— Он выключил первый монитор и включил первый-а. Никакой реакции.— Я думаю, что это предназначено для связи с коллапсарной антенной и, возможно, пилотируемыми кораблями, находящимися между планетой и коллапсаром. Хотя, пожалуй, такое устройство полезнее было бы расположить в космопорте.

— Мы можем послать сообщение на Землю? — спросила Мэригей.

— Наверняка. Но вы... мы все изрядно состаримся к тому времени, когда оно попадет туда.— Он ткнул пальцем в сторону кресла.— Просто сядьте туда и нажмите красную кнопку, под которой написано «hin/han». А когда закончите, нажмите еще раз.

— Дайте я сначала приготовлю текст.— Она взяла меня за руку,— Мы все его прочтем и убедимся, что ничего важного не пропущено.

— Думаю, что все это должно их изрядно заинтересовать,— предположил Марк.

— Неужели? — делано удивился я.— Тогда где же они? — Я взглянул на шерифа,— Может ли быть, чтобы наше население занимало столь незначительное место в картине мира землян? Похоже на то: население целой планеты внезап-

но исчезло, а они даже не потрудились послать корабль, чтобы узнать, в чем дело!

— Ну они еще могли не заметить перерыва в радиосвязи...

— Конечно, восемьдесят восемь лет, и все такое. Но, прах побери! Неужели они не считают, что двадцатичетырехлетнее молчание, отсутствие даже срочных сообщений через коллапсарную антенну может быть поводом для беспокойства? Мы каждый год посылали по нескольку штук.

— Я не могу говорить за них...

— А я-то думал о вас, как о ё..ном групповом сознании!

— Уильям!..— предостерегающе воскликнула Мэригей.

Губы шерифа сжались в твердую линию; я хорошо знал это выражение.

— Мы не можем утверждать, что они не отреагировали. Если они прибыли сюда и нашли то же самое, что и мы, то им вовсе не обязательно было оставаться здесь. С какой стати? По плану до нашего возвращения должно было пройти еще сорок тысяч лет.

— Вы правы, прошу прощения.— Но эта мысль продолжала все так же беспокоить меня.— Однако они не могли прибыть сюда, осмотреть

планету и вернуться, не оставив никаких следов.

— Мы не можем утверждать, что они не оставили следов,— почти слово в слово повторила за шерифом Мэригей,— Возможно, их удастся найти где-то на космодроме.

— А может быть, здесь.

— Если это так, то следы не бросаются в глаза,— заметил Марк. Он перешел к следующей консоли.— Хотите попробовать Цогот?

— Да, давайте сделаем это, пока шериф здесь. Он знает тельциан лучше, чем мы.

Он щелкнул несколькими выключателями и недовольно покачал головой. Повернул регулятор громкости, и комнату заполнил белый шум.

— Вот и вся их передача,— сказал он.

— Испорченная линия? — спросил я, уже почти точно зная, что услышу в ответ.

— Техника в порядке,— медленно ответил он.— Это включенный микрофон на том конце линии.

— Значит, там случилось то же самое,— проговорил шериф и тут же поправил сам себя: — Могло случиться.

— Запись идет непрерывно? — поинтересовался я.

— Да. Если мы обнаружим перерыв спустя три года после того самого дня, это окажется непрере-

каемым подтверждением. Я могу проверить.— Он убавил громкость и принялся что-то переключать на пульте. Затем отодвинул тельцианскую клавиатуру и поставил на ее место человеческую,

— Думаю, что смогу перемотать туда, куда нужно,— На маленьком экране высветилась дата и время — приблизительно восемь лет СП назад, и Марк снова включил звук. Тельцианская болтовня стала быстрее, звук стал выше — воспроизведение шло с повышенной скоростью,— а потом внезапно все прекратилось.— Бац! Примерно то же самое время.

— Там, здесь и где еще? — почти по слогам сказал я.— Может быть, с Земли сюда никто не прилетал потому, что там никого нет.

Глава 7

На следующей неделе мы были слишком загружены практическими вопросами, чтобы позволить себе тратить время и силы на разгадку тайны. В нашем коллективе сохранилась та же самая система управления, и поэтому я оказался практически полностью занят проблемой превращения этой части заброшенного университетского городка в живое поселение.

Многие хотели засучить рукава, взять лопаты и немедленно приняться за вспашку и посадку, но наши первостепенные потребности были другими: энергия, вода и санитария. Не повредили бы и еще одно или два действующих транспортных средства, но во время первых поездок по городу мы ничего не обнаружили.

Солнечная электростанция, которую университет построил неподалеку от городка, была, судя по всему, учебная, а не исследовательская. Она не работала, но, видимо, только потому, что не была полностью собрана после курса обучения для следующего, бог знает какого по счету, поколения будущих инженеров. Я взял с собой механика и инженера, нам удалось найти чертежи, и после этого мы смогли задень привести электростанцию в рабочее состояние, а затем потратили еще два дня, чтобы тщательно и осторожно разобрать ее на части.

Затем мы перенесли части в общежитие, подняли на крышу, собрали там и принялись заряжать аккумуляторы. Люди были не слишком счастливы оттого, что электричество уходило в батареи, вместо того чтобы давать им свет и тепло, но сначала главное. (Мои родители любили повто-

рять: «Власть — народу»[16], но в данном случае приходилось идти и на непопулярные решения.)

Таким образом, у нас оказалось два действующих грузовичка — вероятно, их следовало бы называть мусоровозками,— и мы смогли совершить набег на склад слесарных инструментов и оборудования и хранилище запасных частей для электронных приборов: все это было нам необходимо для того, чтобы наладить подачу воды в спальный корпус. Мы брали воду из реки, по возможности очищали ее и закачивали в разборный плавательный бассейн на крыше, который служил нам вместо водонапорной башни. Такая конструкция позволила устроить самотечное водоснабжение кухни и первого этажа. Там была даже горячая вода; для этого нам лишь понадобилось подобрать нужные сгоны и подключить водопроводные трубы к водонагревателю. Пока еще ни в одном туалете не использовалась обычная водяная канализация, наиболее гигиеничная, но требующая огромного расхода энергии. Для того чтобы перейти к старым добрым смывным бачкам, которые я помнил с раннего детства, воды было слишком мало; кроме того, я все рав-

[16] Примечания: 16

«...Власть — народу...» («...Power to the people») — известная песня Дж. Леннона (1975).

но не знал, что делать с фекальными водами. Я помнил, что для очистки сточных вод строились большие предприятия, но имел очень смутное представление о том, что и как они делали. Так что мы продолжали использовать простейшие уборные с выгребными ямами, которые описывались в армейских уставах с самых древнейших времен, а Тен продолжал поиски более оптимального решения.

Четвертое судно, спасательная шлюпка номер два, прибыло на орбиту через двенадцать дней и благополучно совершило посадку. Все его пассажиры поселились в комнатах второго этажа, за исключением Кэт. Эми Ларсон по-настоящему нуждалась в сочувствии и близости: тосковала по Терезе и чувствовала себя виновной в том, что бросила на корабле свою спутницу жизни и их дочь. Кэт прилетела на Средний Палец как гетеросексуальная женщина, но всю предшествовавшую этому жизнь она была лесбиянкой. Так что она поселилась с Эми в соседней с нами комнате, что, впрочем, не тревожило меня. А интересно, был бы я так спокоен, если бы за стеной жила не бывшая любовница, а бывший любовник моей жены? Вероятно, та связь относилась к длительному периоду их жизней (соответство-

вавшему всего лишь году реального времени), который принадлежал им одним и который я никогда не смог бы разделить с ними,— тому периоду, когда я был стерт с доски, считался мертвым.

Конечно, все ветераны первого поколения, бывшие гомосексуалистами, прошли психологическую перекодировку и превратились в гетеросексуалов — это было одним из основных условий при отправке на Средний Палец, ведь все мы должны были принять участие в формировании генетического «запасника». Хотя по Терезе было хорошо видно, насколько это кодирование было эффективным. И, как мне известно, у Чарли была, по крайней мере, одна связь с парнем; возможно, просто для того, чтобы вспомнить старину. Мальчики будут девочками, а девочки будут мальчиками, как мы говаривали в пору моего невинного детства.

Марк продолжал поиски новой информации в Центре космической связи, но так и не смог ничего откопать. Он тратил целые дни, обшаривая космопорт, но там также не было никаких сведений о коллапсарных сообщениях с Земли, пришедших непосредственно перед бедствием или после него. Эти сообщения, очевидно, дер-

жались в тайне от простонародья, и даже шериф понятия не имел, где они могли находиться. Конечно, если бы нам удалось найти записи сообщений с Земли и в них пустой период протяженностью в десять месяцев, начиная с Дня, это еще ничего не доказало бы. На планете было некому принять послание.

(Честно говоря, мы могли получать сообщения с Земли каждый час, через коллапсар, и ничего не знать об этом. Корабль-передатчик появлялся в системе со скоростью, многократно превышавшей скорость убегания для Мицара, так как коллапсар, использовавшийся для этого, обращался вокруг звезды по достаточно малой орбите. Он проносился мимо СП на пятидесятикратной, а то и стократной планетарной скорости убегания, посылал импульсное сообщение и исчезал неведомо куда. А поскольку корабль — коллапсарная антенна — был совсем крохотным, может быть, с кулак величиной, так что кораблем его можно было называть только условно, то обнаружить его появление было попросту невозможно, если не знать частот, которые он использует.)

Люди возбужденно обсуждали возможность экспедиции к Земле. У спасательных шлюпок оставалось еще вполне достаточно топлива для

коллапсарного скачка туда и обратно. Если на Земле все еще имелись люди, Человек и тельциане, то они могли бы оказаться в состоянии помочь нам понять, что случилось. Ну а если там никого не окажется, то мы, скорее всего, ничего не потеряем, а лишь получим новые данные.

Люди рассуждали так или примерно так. Я был согласен с этим мнением, но некоторые не были настолько уверены в том, что наши связи с Землей полностью разорваны. Если там никого не осталось, если в День оттуда тоже исчезли все жители, то мы все равно продолжали бы получать от них ранее отправленные послания еще в течение шестидесяти четырех земных лет. А когда передачи кончатся, мы уже успеем как следует вновь обосноваться на СП, так что прекращение связи будет ударом, но жизнь от этого не прекратится.

Ну а если сейчас, пока мы еще не успели оправиться после нокдауна от первого бедствия, выяснится, что мы одни во вселенной и все так же беззащитны перед той силой, которая вырвала из бытия всех остальных, это может превозмочь тот предел выносливости, который мы имеем и как индивидуумы, и как цивилизация. Так что теоретические споры продолжались.

Но даже и сейчас наше положение как «цивилизации» было не слишком прочным. Если последняя наша шлюпка на самом деле пропала, то у нас насчитывалось сто с небольшим людей, и из них только четверо детей. (Двое из девяти человек, не выдержавших анабиоза, были младше двенадцати лет.) Мы должны были начинать оптом и в розницу делать младенцев и приступать к оплодотворению части из тех тысяч яйцеклеток, которые хранились в замороженном виде на наших судах.

Такая перспектива не вызвала большого энтузиазма. Многие отнеслись к ней так же, как и мы с Мэригей: мы это уже сделали! В перечне многочисленных вариантов, которые мы видели перед собой, вступив в средний возраст,— наподобие дикого плана угона «Машины времени» — создание второй семьи заняло бы одно из последних мест.

Сара относилась к числу тех женщин — они составляли четверть от их общего числа,— которые были достаточно молоды для естественного материнства, но она еще не была морально готова к этому; даже если бы кто-то из имевшихся в наличии мужчин предложил ей заняться изготовлением детей. Но ни один пока что этого

не сделал.

Шериф предложил вырастить большую группу детей по обычаю Человека, в условиях интерната, где они не будут знать родителей, а только воспитателей. Я видел в этом проекте некоторые достоинства; прежде всего они выражались в том, что большая часть этих детей и на самом деле не будет иметь живых родителей, и если бы не ассоциации с Человеком, то, думаю, мы, скорее всего, согласились бы с этим предложением. Но оно вызвало в той или иной мере чувство внутреннего протеста: ведь интернаты и дети без родителей были частью тех самых вещей, от которых мы стремились сбежать, и неужели теперь мы сами, своими руками, начнем их создавать заново?

Оппоненты могли, впрочем, изменить свое мнение, когда под ногами у каждого станет ползать по четверо или пятеро отпрысков. Совет остановился на компромиссном решении, которое оказалось возможным лишь благодаря тому, что у нас были такие люди, как Руби и Роберта, безумно мечтавшие о детях, но не способные иметь их из-за бесплодия. Они вызвались надзирать за интернатом. Каждый год — три раза в год — им предстояло оплодотворять восемь или десять яйцеклеток из судовых запасов, выраща-

вать плоды в инкубаторе и принимать «роды». Им также предстояло заботиться о нежеланных младенцах, если это случится, которые появились бы на свет традиционным путем.

Антресу-906 было, вероятно, хуже, чем всем остальным, хотя, конечно, никто из нас не разбирался достаточно хорошо в эмоциональном состоянии тельциан. Насколько Антресу-906 было известно, он (а может быть, она или оно — в их языке не было родов) являлся последним оставшимся в живых представителем своей расы. С половыми различиями у них дело тоже обстояло как-то непонятно, но они не могли воспроизводить свой род без обмена генетическим материалом — пережиток древнего прошлого, так как уже на протяжении нескольких тысячелетий все тельциане были генетически идентичны.

Люди все чаще замечали, как это существо ходит вокруг работающих, стараясь быть полезным, но пока что положение напоминало ситуацию, сложившуюся на борту «Машины времени». Тельцианин, в общем-то, не имел никаких навыков; он являлся знатоком языка, на котором говорил только он сам, и дипломатом, представлявшим самого себя. Как и шериф, тельцианин мог вливаться в Дерево, и, в частности, они могли

соединяться с сознанием друг друга, но обладали практически одинаковым опытом.

Во всех документальных свидетельствах, обнаруженных нами, не оказалось ни малейшего намека на надвигающуюся опасность или даже появление проблемы, но после Дня информация перестала поступать. Последнее коллапсарное сообщение с Земли, поступившее за три недели до Дня, также не содержало никаких предупреждений о грядущем бедствии, ни для Человека, ни для тельциан.

Антрес-906 неизменно высказывался в пользу полета на Землю или Кисос — номинально, родная планета тельциан — и даже вызвался совершить коллапсарный скачок в одиночку и возвратиться с сообщением. Мэригей и я полагали, что это намерение было совершенно искренним, а мы, я думаю, знали Антреса-906 лучше, чем кто бы то ни было, за исключением одного шерифа. Но большинство считало, что момент взлета окажется последним мгновением, когда мы сможем видеть судно или тельцианина (правда, кое-кто говорил, что стоит лишиться космического корабля, чтобы избавиться наконец от последнего уцелевшего врага).

Отправиться, чтобы выяснить, что случилось

с Землей — с Антресом-906 или без него,— было много желающих. Мы оставили лист бумаги на столике для меню в столовой и получили тридцать два имени добровольцев.

В их числе были Мэригей, Сара и я.

Совет решил, что следует отобрать двадцать пять не слишком необходимых людей и из этого числа выбрать двенадцать путешественников. (Когда я доказывал, что не отношусь к необходимым людям, то получил на огорчение мало возражений.) Шериф и Антрес-906 должны были отправиться как наблюдатели с уникальными точками зрения.

Но эти четырнадцать человек все равно не могли покинуть планету до наступления глубокой зимы, когда у нас будет сравнительно меньше работы. Экспедиция могла слетать на Землю, осмотреться там и вернуться обратно до наступления весны.

Когда определиться с составом экспедиции? Стивен и Мухаммед — они оба записались — доказывали, что нужно поскорее назвать имена и покончить с этим делом. Я приводил доводы за то, что следует дождаться последней минуты, якобы сделать выбор более случайным и дать людям немного драматических переживаний, которые

не имели бы отношения к ежедневной борьбе за выживание. Вообще-то мои побуждения в значительной мере диктовались законами статистики. Полтора года — это довольно большой срок, в течение которого кто-то из двадцати пяти может под влиянием обстоятельств изменить свое мнение, или умереть, или по какой-то иной причине стать непригодным для путешествия, что может в значительной степени затруднить наш выбор.

Мы с Мэригей решили, что полетим только в том случае, если в экспедицию выберут нас обоих. Сара заявила, что если выберут ее, то она полетит, и точка. Она говорила об этом извиняющимся тоном, но оставалась непреклонной, и я втайне гордился ею, ее независимостью, которой она не желала поступиться, несмотря даже на боязнь расставания с нами.

Совет согласился подождать, и мы возвратились к работе по созданию в Центрусе приемлемых условий жизни. Самой тревожной была проблема обеспечения энергией. Мы всегда имели ее если не в неограниченном количестве, то, во всяком случае, с хорошим запасом: над планетой уже более столетия висели три спутника, которые улавливали солнечную энергию, превращали ее в микроволны и транслировали вниз.

Но у спутника планеты, обращающейся сравнительно недалеко от двойной звезды и имеющей две большие луны, не могло быть устойчивой стационарной орбиты, так что, оказавшись без присмотра, все три спутника разбрелись куда глаза глядят. Рано или поздно мы, конечно, должны были оказаться в состоянии найти их, вернуть на место и заставить работать или же построить и вывести на орбиту новые, но пока что в индустриальном отношении наша планета находилась ближе к девятнадцатому столетию, чем к двадцать первому. И конечно, мы не забывали о том, что каждая из космических шлюпок, мирно стоявших в космопорте, обладала запасом энергии, которого нам хватило бы на несколько десятков лет, но мы не знали, как научиться медленно и безопасно выпускать ее.

Вообще-то существовала одна крикливая группа, возглавляемая Полом Грейтоном, которая желала немедленно отправить шлюпки на орбиту — прежде чем что-нибудь случится с их силовыми установками и все мы, вместе со значительным куском планеты, в течение нескольких миллисекунд превратимся в радиоактивный пар. Я понимал его тревогу и не мог полностью отрицать ее основательность, невзирая даже на

то, что силовые поля, удерживавшие антивещество на месте, не могли дать сбоя, пока законы физики элементарных частиц сохраняли свою силу в этом мире. Но нельзя же было забывать и о том, что физика элементарных частиц не предсказывала и тога, что антивещество сможет по собственному желанию за неполный час удрать из этих самых ловушек.

Перевод судов на орбиту требовал начать постоянные полеты челнока, а я нисколько не возражал против дополнительной практики. Но остальная часть совета единодушно отклонила предложение Грейтона. На большинство людей вид космических кораблей на горизонте действовал успокоительно, как символ наличия выбора, возможности действия.

Глава 8

Нам удалось запустить два многоцелевых сельскохозяйственных трактора, и я с удовольствием передал полную власть для решения этого комплекса проблем Аните Шидховске, которая прежде пользовалась колоссальным авторитетом среди пакстонских фермеров.

У нас был чересчур широкий выбор. Если бы

мы приземлились на случайно подвернувшейся землеподобной планете, то эта проблема не возникла бы: на спасательных шлюпках в условиях, гарантирующих полную сохранность в течение многих десятилетий, хранилось множество семян супервыносливых сортов восьми основных видов овощей. Но чтобы добиться высочайшей выносливости, селекционерам пришлось в значительной степени пожертвовать такими качествами, как вкус и урожайность.

Ни одно из земных растений на Среднем Пальце не пережило восьми тяжелых зим, но в запасе имелось множество семян, значительная часть которых неизбежно окажется жизнеспособной; это не считая коллекции из сотен сортов и разновидностей, хранившейся в глубоко замороженном состоянии в университете. После долгих раздумий, достойных царя Соломона, Анита решила посадить сверхвыносливые сорта в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить нас на весь следующий год, а затем на пробу засеять множество достаточно крупных делянок традиционными зерновыми культурами — здесь из-за возраста семян существовал риск неурожая. Ну и напоследок надлежало обработать еще несколько акров прямо в университетском

городке для троих экс-фермеров, которые прямо-таки подпрыгивали от зуда: им не терпелось наложить лапы на экзотические растения из университетской коллекции, которые прежде было почти невозможно получить.

Я возобновил уроки по примерно тому же расписанию, которому следовал на борту «Машины времени»,— правда, к радости учеников, занятия стали чаще. Мне с горечью пришлось выкинуть вводный курс, так как двое самых младших моих учеников умерли, не выдержав анабиоза, а взамен добавить курс вычислительной математики, так как ее преподаватель Грейс Лани тоже погибла. Это оказалось нелегко. Проводить вычисления самому намного проще, чем обучать этому, а мои ученики обладали лишь зачатками знаний. В результате у меня почти не оставалось времени для хозяйственных работ.

Спустя месяц мы решились съездить в Пакстон. Для этого пришлось на два дня забрать оба наших грузовика: радиус действия каждого составлял порядка тысячи километров, и поэтому один кузов пришлось почти полностью загрузить аккумуляторами.

Совет великодушно решил, что вылазку должен возглавить один из членов совета, и мне

досталась короткая соломинка. В качестве своего помощника и второго водителя я выбрал Сару. Как и большинство, она была очень любопытна. Молодая и сильная, она вполне должна была справиться с управлением машиной — конечно, мы собирались вести наши грузовики вручную — и оказать существенную помощь при замене тяжелых аккумуляторных батарей. Мэригей одобрила это решение, хотя она, несомненно, желала бы сама поехать со мной. Сара быстро отдалялась от нас, но эта экспедиция относилась к одной из тех областей, в которых наши интересы совпадали.

Грузоподъемность машин составляла три тонны, так что мы могли привезти кое-что оттуда. Я поручил Саре собрать народ, мы сели с листом бумаги и принялись размышлять.

Это напоминало в миниатюре процесс выбора груза для «Машины времени». Чисто сентиментальных пожеланий оказалось не так уж много, так как большую часть милых сердцу сувениров наши спутники взяли с собой в космическое странствие и либо привезли обратно с собой, либо оставили на борту. К тому же мы были ограничены временем и собственными силами — например, было целесообразно посетить ка-

бинет Дианы и забрать оттуда тридцать одну медицинскую карту — столько из нас были в прошлом ее пациентами, но я вовсе не собирался рыться в жилище Елены Моне в поисках комплекта для крокета.

Среди решений, принятых нами, были и достаточно спорные: мы исходили из имеющегося времени, веса вещей, наших нужд, индивидуальных и общественных потребностей. Так, мы намеревались привезти Стэну Шанку его печь для обжига керамики, несмотря даже на то, что она весила полтонны и была, в общем-то, далеко не единственной на планете. Но он внимательно обыскал Центрус, и те девять печей, которые ему удалось найти, оказались непоправимо испорчены: все они были покинуты хозяевами во включенном состоянии.

Мы с Сарой ничего не добавили к списку. Но, впрочем, у машин имелся небольшой резерв грузоподъемности.

Мы выехали с первыми лучами солнца, по хорошей погоде. Поездка, для которой обычно требовалось восемь часов, заняла на этот раз двадцать. В основном мы неторопливо ползли по обочинам дороги, почти не пытаясь выезжать на бугристое крошево, в которое превратилась

мостовая.

Прибыв на место, мы сразу же направились через весь город в наше старое жилище. Билл намеревался поселиться там как временный жилец, до тех пор пока не найдется кто-нибудь еще, умеющий и желающий заняться рыболовством и получить при этом хороший старый дом.

Мы прошли прямо в кухню и разожгли огонь. Я оставил Сару следить за очагом, а сам отправился к озеру принести пару ведер воды. Для этого мне пришлось расколоть лед.

В бочке у края причала все еще было включено стазис-поле: для его полдержания не требовалось внешних источников энергии. Хранилище было на четверть полно рыбой. Я вернулся в кухню за клещами и достал несколько штук. Конечно, они все это время хранились при абсолютном нуле, но все равно успеют оттаять к завтраку.

Мы поставили воду на огонь, выпили старого вина — я выменял его у Харраса каких-нибудь пять месяцев тому назад,— а когда вода достаточно нагрелась, взял свечу и ушел в холодную гостиную, чтобы немного почитать, пока Сара будет мыться. Сам я вырос в нудистской коммуне, потом, во время службы в армии, много лет пользовался общими для всех душевыми, так что

нисколько не стеснялся мыться в чьем угодно присутствии; так же к этому вопросу относилась и Мэригей. Ну а наши дети, конечно, оказались скромниками.

Было ясно, что, когда наступил День, Билл все еще жил здесь, и жил не один. Я увидел кучку его одежды в гостиной там, где он сидел на кушетке, рядом с кучкой женской одежды. Зрелище одежды сына потрясло меня; голова закружилась, и я вынужден был на ощупь найти кресло.

Когда я почувствовал, что вновь способен держаться на ногах, то, движимый любопытством и неясным чувством вины, поднялся наверх. Да, на его незастеленной кровати спали двое людей. Я глядел на постель и думал, кто она была и имели ли они время или желание полюбить друг друга.

Вымывшись, Сара тоже вошла в комнату и молча застыла при виде одежды брата. Она нашла свежие (если можно было воспользоваться этим словом) простыни и поднялась наверх, чтобы спать в своей комнате, но я долго слышал, как она ворочалась на кровати. Я сделал себе логово на полу у очага: спать одному в нашей старой спальне у меня не было ни малейшего желания.

Утром я поджарил в камине рыбу и сварил кастрюлю риса, о котором трудно было сказать, что

он пролежал несколько десятков лет. После этого мы вышли, чтобы взяться за порученные дела. Перед фургоном была установлена пара топографических камер. На этом настоял Стивен Функ, он был убежден, что когда-нибудь эта съемка будет представлять собой ценный исторический материал. И людям, вероятно, будет любопытно увидеть, на что похожи их дома и сады, пустовавшие в течение восьми лет.

Вряд ли большинство из них обрадует это зрелище, так как лишь немногие выращивали одни только местные растения. Существовала очень толковая агротехника посадки земных растений и ухода за ними, но лишь малая часть их была в состоянии без присмотра перенести даже одну суровую зиму. Местные формы не пострадали, особенно большие и мелкие зеленые грибы, нечто среднее между растениями и знакомыми нам грибами, казавшиеся довольно уродливыми даже в лесу, где они росли до нашего появления. Эти грибы самого разного размера — одни по колено, а другие и в человеческий рост — заполонили все лужайки. Город походил на сказку, какая могла привидеться в кошмарном сне.

Мы собрали требуемые записи, вещи и несколько редких специализированных инструментов.

Печь Стэна, как он и уверял, разбиралась на десять частей, но и после этого ее погрузка потребовала отчаянных усилий. К концу дня мы, уставшие донельзя и угнетенные всем увиденным, были готовы к отъезду. Но следовало дождаться рассвета.

Я приготовил тушеный рис с консервированными фруктами, мы сели у огня, ели и слишком много пили.

— Земля, наверно, покажется тебе такой же? — задумчиво спросила Сара.— Только хуже.

— Не знаю,— ответил я,— это было так давно. Я думаю, что уже привык к мысли о том, что очень мало что смогу узнать там.

Я подбросил пару поленьев в огонь и под лил вина в кувшин.

— Наверно, я рассказывал тебе про парня из двадцать второго века?

— Давным-давно. Я почти все забыла.

— Он прибыл на Старгейт в то время, когда я сидел там, дожидаясь, пока Чарли, Диану и Аниту переделают в гетеросексуалов. Он был один, возможно, единственный оставшийся в живых после какого-то сражения. Хотя об этом мне доподлинно ничего не известно.

— Ты предполагал, что он будет душевно опу-

стошен?

— Именно так. Но не это заинтересовало меня.— Вино было прохладным и терпким.— Он вернулся на Землю в двадцать четвертом веке. Рожденный в две тысячи сто втором году, он был уволен из армии в две тысячи трехсотых. Как и мы с твоей матерью, он не смог перенести тех изменений, которые произошли в земном обществе, и вновь •завербовался, лишь бы избавиться от необходимости смотреть на все это. Но то, что он описывал, казалось по рассказам намного лучше, чем тот мир, в котором он родился. К тому времени прошло уже полвека после нашего с Мэригей отлета на войну, и положение на Земле стало намного хуже, чем было при нас. Преобладающей причиной смертей в Соединенных Штатах в то время являлись убийства, а большинство убийств происходило во время разрешенных законом дуэлей. Люди разрешали споры, разрешали деловые проблемы и даже играли в азартные игры при помощи оружия — я ставлю все, что имею, ты ставишь все, что имеешь, мы сражаемся насмерть, и победитель получает все.

— И ему нравилась такая жизнь?

— Он любил ее! И после всех своих тренировок,

с великолепной подготовкой для рукопашного боя и умением владеть разнообразнейшим оружием, с боевым опытом, он рассчитывал, что станет очень богатым человеком. Но Земля больше не походила на знакомый ему мир. В нем имелась каста воинов, люди вступали в нее с самого рождения — их биологически проектировали для этого — и оставались до самого конца. Они попадали в армию еще детьми и никогда больше не расставались с нею, никогда не смешивались с мирными обывателями — именно мирными. Земля стала планетой послушных ягнят, живших общинами. Никто не имел и не желал иметь больше, чем кто-либо другой; никто даже не говорил плохо ни о ком другом.

Мало этого. Они сознавали, что их гармония создана искусственно, путем биологической и социальной инженерии, и были довольны этим. И тот факт, что от их имени на сотне планет проходит ужасная война, просто еще больше укреплял логическое заключение о том, что их собственная повседневная жизнь должна быть еще более безмятежной и цивилизованной,

— И он удрал обратно в армию?

— Не сразу. Он знал, насколько ему повезло, что он вернулся живым и невредимым, и не стремил-

ся повторно испытывать судьбу. Он не мог жить с овцами и поэтому решил уйти от них: нашел малонаселенную местность, где можно было попробовать прокормиться собственным трудом на земле. Но они не захотели позволить ему этого! Не пожелали оставить его в одиночестве. Он не мог никуда спрятаться от них, и каждый день они посылали кого-нибудь нового, чтобы попытаться уговорить его прийти к ним в хлев. Он дрался с пришельцами, или, по крайней мере, нападал на них — они не сопротивлялись — и даже убил нескольких человек. Но каждый раз на следующий день появлялся новый посланец, исполненный жалости и беспокойства за него. А спустя месяц или два его посетил армейский вербовщик. Он ушел на следующий же день.

Некоторое время мы сидели, молча глядя на огонь.

— Ты думаешь, что не смог бы приспособиться к ним?

— Речь идет не о том, чтобы приспособиться. Я никогда не смог бы стать таким, как они. Не смог бы жить в их мире.

— И я тоже,— сказала она.— По твоему рассказу, тот мир похож на мир Человека.

— Да, видимо, так и есть.— На тот самый мир,

от которого я удрал на Средний Палец.— Это был, вероятно, первый шаг. И даже несмотря на это, мы продолжали воевать с тельцианами еще добрую тысячу лет.

Сара взяла наши тарелки и ложки и отправилась в кухню. Было заметно, что она неуверенно держится на ногах.

— Я надеюсь все же, что он окажется другим, если я... если нас выберут.

— Конечно. Все изменяется.

Правда, я не был уверен, что этот постулат сохраняет силу и после того, как Человек завладел миром. Зачем тогда нужен весь этот беспорядок с совершенствованием рода?

Она кивнула и побрела наверх, в свою спальню. Я вымыл посуду, хотя в этом, пожалуй, не было особого смысла. Вряд ли, пока я жив, здесь вновь появятся обитатели.

Я расстелил свою постель перед очагом, предварительно запихнув в него здоровенное полено, которое должно было гореть всю ночь, лег и уставился в огонь, но не мог заснуть. Возможно, я выпил лишнего; такое со мной иногда случается.

Почему-то меня преследовали миражи войны. Не только воспоминания о кампаниях и той паре стычек, в которые пришлось вступить мимохо-

дом. Я зашел и дальше, во времена обучения, к порожденным тренажерами вымышленным битвам, в ходе которых я убивал фантомы при помощи самых разнообразных средств, начиная от камня и кончая нова-бомбой. Я подумал было о том, чтобы выпить еще вина: может быть, это поможет прогнать видения. Но назавтра мне предстояло вести машину и просидеть за рулем по меньшей мере половину долгого дня.

Сара с полузакрытыми глазами, посапывая, спустилась вниз со своей подушкой и одеялами.

— Холодно,— сказала она. Затем устроилась рядом со мной — точно так же она ложилась под боком, когда была маленькая,— и уже через минуту начала чуть слышно похрапывать.

Знакомый теплый запах дочери прогнал демонов, и я тоже заснул.

Глава 9

Через некоторое время после нашей поездки другие предприняли экспедиции в Торнхилл, Лейклэнд и на Черный берег, чтобы так же, как и мы, подобрать там остатки утраченного прошлого. Никаких новых данных, которые помогли бы понять суть происшедшего, найти не удалось,

зато общежитие приобрело более домашний вид и заполнилось вещами, которые они привезли с собой.

К концу весны мы начали расширяться, хотя скорее этот процесс напоминал медленное деление амебы. В городе все еще не было никаких централизованных предприятий коммунального хозяйства и не предвиделось еще в течение значительного времени, так что отделявшимся пришлось воспроизвести в миниатюре все то оборудование для производства энергии, водоснабжения и тому подобного, которое было создано в университетском городке.

Девять человек переехали в центр города, в здание, носившее гордое название «Обитель муз», где прежде жили художники, музыканты и писатели. Там до сих пор находились материалы для их занятий, хотя, конечно, кое-что погибло от холода.

Бренда Десой, любовница Элоя Каси, взяла с собой незавершенную маленькую скульптуру, которую Элой дал ей перед тем, как мы покинули «Машину времени»; она хотела сделать инсталляцию на основе этой работы. Кроме того, она знала, что Элой в молодости однажды провел в «Обители муз» глубокую зиму, обучаясь скульп-

турному мастерству и занимаясь творчеством. Она нашла еще восемь человек, которые тоже хотели переехать туда и начать снова заниматься искусством и музыкой.

Не последовало никаких возражений; честно говоря, большинство из нас бьшо готово отнести Бренду туда на руках, лишь бы избавиться от нее. В космопорте мы нашли целый склад, полный панелями солнечных батарей и вспомогательным оборудованием, так что с электроснабжением здания проблем возникнуть не могло. Этта Беренджер смонтировала солнечную электростанцию на крыше «Обители муз» за несколько дней. Она также сконструировала для деятелей искусства утепленную уборную в изящной беседке, соединенной со зданием крытым переходом, хотя возможность выкопать выгребную яму предоставила им самим.

Благодаря образованию нового поселения в общежитии освободилось шесть комнат. Мы перетасовали людей так, чтобы полностью освободить западный конец здания для интерната Руби и Роберты и для тех семей, которые сами растили детей. Для детей было хорошо находиться с другими детьми, ну а для детей и для взрослых было просто изумительно, что западное крыло

имело единственную дверь — несокрушимую противопожарную дверь,— за которую дети не могли выйти без сопровождения.

Этта, Чарли и я вместе с разными специалистами, которых мы время от времени призывали на помощь, каждый день тратили по нескольку часов на разработку планов оживления Центруса. Мы могли начать с маленьких колоний наподобие «Обители муз», чтобы в конечном счете вновь превратить наше поселение в настоящий город.

Это бьшо бы не слишком сложно сделать на Земле или какой-нибудь другой планете с более ласковой природой. Но многомесячные периоды яростного мороза резко усложняли дело. Даже сохранение зданий от разрушения и то составляло проблему. В Пакстоне мы помогали электрическому отоплению каминами и печами, но там у нас были специальные посадки «топливных» деревьев — быстрорастущих местных деревьев, у которых ежегодно отпиливали изрядные куски стволов на топливо. Центрус тоже был окружен холмами, заросшими местными деревьями, но их губчатая «древесина» плохо горела, а если бы мы принялись за массовые вырубки, то вызвали бы эрозию почвы и, вероятно, наводнение во время весеннего таяния снегов.

Окончательно разрешить эту проблему можно бьшо бы, отыскав и вернув на орбиту один из энергетических спутников. Но сделать это к ближайшей зиме мы явно не успевали. Дело бьшо не только в том, что с окончанием лета резко холодало, главной бедой было одновременное уменьшение выработки электроэнергии солнечными электростанциями. Мы превращались в жертвы не только пресловутого закона обратных квадратов — когда солнце удалится вдвое дальше, мы будем получать в четыре раза меньше энергии,— но и нарастающего количества пасмурных дней. В прошлом значительную часть облаков разгоняли спутники управления погодой.

Поэтому единственным выходом были дровяные печи. В Лейклэнде было достаточно леса для того, чтобы обогревать нас на протяжении нескольких десятков зим. Обычно топливные деревья на плантациях держали «обезглавленными», так что они никогда не вырастали выше человеческого роста. Ну а теперь, после восьми сезонов без вырубки, эти плантации превратились в густые джунгли возобновляемого топлива.

Под навесом рядом с химической фабрикой неподалеку от Центруса мы нашли сотни стальных барабанов емкостью по 100 и 250 литров,

оказавшихся идеальными для изготовления печей-буржуек. Я неплохо умел сваривать металл и за час смог научить двоих парней прорезать в барабанах нужные отверстия. Алиса Бертрам тоже владела искусством сварки, и мы с ней вдвоем приделали к печам металлические трубы. А потом в общежитии и в «Обители муз» народ принялся импровизировать, выводя трубы в окна или пробивая отверстия в стенах.

На заготовку древесины мы отправили половину нашего автопарка: один трактор и один грузовик. Чтобы получить гарантию безопасности, нам нужно было доставить 850 бревен.

Когда же пошли в рост наши первые посевы, все вздохнули с облегчением. Клонированные цыплята выросли и начали нести яйца. Художники забрали себе две пары, чтобы оживить свое существование в «Обители муз» в течение приближавшейся зимы. Мы в общежитии переоборудовали под курятник зал на первом этаже с киноэкраном и большим голографическим кубом.

Так что тем, кто намеревался посмотреть на большом экране кинофильм или голографическую запись, предстояло делить это удовольствие с цыплятами. Я думал, что у нас еще в течение

довольно длительного времени не возникнет желания развлекаться видеопередачами. Жизнь показала, что это мнение оказалось глубоко ошибочным: во время долгих скучных зимних вечеров люди были готовы смотреть все, что угодно, даже любоваться своими соседями, прогуливавшимися перед камерой в одном из соседних помещений.

Оборудованный большими окнами спортивный зал наверху превратился в оранжерею, где мы собирались сажать рассаду. Там же можно было выращивать зелень для кухни в течение зимы, для чего Анита установила три дровяные печи и дополнительное освещение.

Что касается одной из главных зимних проблем — необходимости бегать по снегу и сидеть с голой задницей в сарайчике при температуре в пятьдесят градусов ниже нуля,— то для нее нашлось пусть не столь изящное, но кардинальное решение. Даже на этой широте имелся слой вечной мерзлоты. Он начинался на глубине примерно семи метров (это не настолько глубоко, чтобы начало сказываться глубинное тепло), и все, что попадало туда, спустя несколько часов должно было замерзнуть и остаться замороженным во веки веков. У нас не было ни землеройного обору-

дования, ни энергии, достаточной для того, чтобы вырыть яму достаточно глубокую и вместительную для экскрементов колонии, состоявшей из ста с лишним человек и предрасположенной к дальнейшему росту. Но в каких-нибудь десяти километрах от города находился медный рудник, где удалось найти взрывчатку и проходческий лазер, с помощью которых удалось выполнить эту работу.

А у тех, кто поселился в городе, не оставалось иного выбора, кроме как пользоваться выгребной ямой, но ведь искусство всегда требует жертв. А сидя на корточках в промороженном нужнике, творец неизбежно должен был всем своим существом вступить в тесный контакт с природой.

Глава 10

Я усиленно трудился над проектом восстановления города, вкладывая в эту работу все свои силы. Пожалуй, я еще никогда не отдавался с такой полнотой какому-либо занятию, не считая разве что боя. Тем же самым занималась и Мэригей. В воздухе ощущался отчетливый привкус отчаяния. Об экспедиции на Землю мы вовсе не разговаривали до самого дня жеребьевки.

В полдень все собрались в кафетерии общежития. Там на столе был установлен стеклянный шар — в прошлом аквариум для рыбок,— в котором лежали тридцать две одинаково сложенные бумажки. Мори Дартмаут, самый маленький из умевших твердо стоять на ногах детей, сидел на столе рядом с аквариумом и одну за другой доставал бумажки, а я зачитывал имена. Сара оказалась второй; она отблагодарила меня радостным визгом. На третьей бумажке было имя Дианы; она обняла Сару. Мэригей была восьмой; она просто кивнула.

Двенадцать имен были названы, а моя бумажка все так же лежала в аквариуме. Я не хотел смотреть на Мэригей, зато к ней обратилось много других глаз. Она откашлялась, но раньше нее заговорил Пик Маран.

— Мэригей,— начал он,— все знают, что вы не полетите без Уильяма, а я не полечу без Нормы.— Похоже, возникала спорная ситуация.

— И что вы предлагаете? — насупилась Мэригей.— У нас нет монетки.

— Нет,— отозвался Пик. Ему пришлось несколько секунд соображать, что она имела в виду: он был уроженцем Среднего Пальца в третьем поколении и никогда не видел денег в любой

неэлектронной форме.— Давайте вытряхнем все из шара и положим туда наши имена... нет, имена Уильяма и Нормы. А потом Мори вынет одно из них.

Мори улыбнулся и захлопал в ладошки.

Так что я победил, или мы победили, и в комнате сгустилась атмосфера затаенной ревности. Многие из тех, кто не включил себя в тот список, из которого сейчас отбирали по жребию окончательный состав экспедиции, были бы рады попытать счастья и отправиться в небольшой вояж сейчас, когда на носу уже была глубокая зима.

Подготовка к полету была завершена еще месяцем раньше. Мы решили использовать шлюпку номер два, которую окрестили «Меркурий». Все оборудование для освоения и колонизации планет было выгружено: если Земля окажется пустой, то мы должны были просто возвратиться с этой новостью и предоставить следующим за нами поколениям решать, заселять или не заселять ее заново.

Но все же мы подготовились к другим непредвиденным обстоятельствам. На каждой шлюпке имелся боевой костюм, и мы забрали с собой все четыре. Мы также взяли генератор стазис-поля,

но решили не обременять себя нова-бомбой или каким-то другим столь же драматическим оружием. Если случится что-нибудь серьезное, то мы все равно превратимся — в самом лучшем случае — в котлетный фарш.

Боевые костюмы были не такими уж мощными, так как этот их вариант должен был приспосабливаться к самым различным размерам и сноровке владельцев, и мы даже поспорили, не оставить ли их на СП. Я доказывал, что, когда выпадет случай, мы можем решить не использовать их. Но, между прочим, когда-то в незапамятные времена один мой армейский соратник пел, что, мол, в такую шальную погоду нельзя доверяться волнам. Или еще что-то в том же роде.

Часть пятая
КНИГА АПОКРИФОВ
Глава 1

В каком-то индейском племени или племенах не существовало никакого ритуала прощания: уходящий человек просто поворачивался спиной к остающимся и удалялся. Разумные были люди. Мы потратили целый день, нанося визиты, прощаясь со всеми и каждым, так как никого нельзя было пропустить.

Помимо этого, я пообщался с половиной обитателей колонии как мэр, так как, похоже, каждый отвечал за это или за то и считал своим долгом представить мне доклад о своей работе и план деятельности на время моего отсутствия. Кэт, которая должна была исполнять обязанности мэра, пока мы будем в космосе, во время всех этих обсуждений сидела рядом со мной.

На следующий день ее обязанностью также было удостовериться, что все благополучно укрылись в подвале от потока радиации, который должен был обрушиться на землю после того, как Мэригей нажмет кнопку. Точно в полдень

она сообщила по радио, что все, кроме нее, находятся в укрытии. После нажатия кнопки в ее распоряжении оставалась еще минута, а последние двадцать секунд электронный мозг шлюпки отсчитывал вслух.

В первый момент на нас навалилась сокрушительная тяжесть четырехкратного ускорения; вскоре оно уменьшилось до двух g. Затем мы описали по орбите вокруг планеты полуокружность в состоянии невесомости, после чего судно с устойчивым ускорением в одно g устремилось к коллапсару Мицара.

Полтора дня постоянного ускорения. Мы кое-как питались и вели какие-то светские беседы, а Мицар тем временем все приближался, пока наконец мы не оказались гораздо ближе к молодой голубой звезде, чем нам хотелось бы находиться.

На фоне приглушенного светофильтрами изображения огромной звезды коллапсар сначала казался черным следом от булавки, затем превратился в точку, затем в быстро растущий шар, а затем возникло странное чувство головокружения, и мы внезапно оказались в темном глубоком космосе.

Теперь нам предстояло пять месяцев лететь до Земли. Мы залезли в свои «гробы» (у Сары из-за

спешки — она очень стеснялась своей наготы — это получилось довольно неловко), присоединили все необходимые трубки и датчики и стали ждать, когда придет сон. Я успел еще услышать, как судно негромко сообщает кому-то о неверном подсоединении, говорит, что нужно переделать, а затем вселенная сжалась в точку и исчезла, и я вновь оказался в тихой дреме анабиоза.

Я говорил с Дианой по поводу эмоционального или экзистенциального дискомфорта, который испытывал во время последнего пребывания в системе временного прекращения жизненных функций, и она сказала, что, насколько ей известно, никаких медицинских средств борьбы с этим явлением не существует. Да и что можно сделать, когда обмен веществ у тебя идет во много раз медленнее, чем у секвойи, которая живет пять тысяч лет? Только попытаться думать о чем-нибудь приятном, укладываясь в ящик.

Я последовал совету, и похоже, что это сработало. Большинство из нас видело из своих «гробов» обзорный экран, а я заблаговременно составил программу показа на нем различных умиротворяющих изображений. Так что, дожидаясь остывания, мы смотрели картины импрессионистов и спокойные фотографии безмятежной

природы. Я же задался очередным вопросом: а осталась ли на Земле хоть какая-нибудь природа? Ни Человек, ни тельциане не испытывали сентиментальных чувств к таким вещам; они находили красоту в абстракциях.

Так я провел в этих размышлениях и мечтах пять месяцев, которые иногда воспринимались как пять минут. Я побывал во множестве тихих пасторальных уголков; в основном это были мои представления о тех местах, о которых мне приходилось только читать или видеть на картинах: даже коммуна хиппи, в которой я вырос, располагалась в городском предместье. Я играл в аккуратно наманикюренных парках, представляя себе джунгли. И теперь возвратился к этим детским мечтам.

Это бьшо интересно. Сновидения не возвращали меня на Средний Палец, где мать-природа и я всегда находились в тесном соприкосновении противоборства. Полагаю, в этом не бьшо никакого покоя.

Выход из анабиоза оказался труднее и неприятнее, чем это было в последних случаях, когда мне помогала Диана. Я был растерян и не владел своим телом. Пальцы не хотели работать, голова не могла понять, по или против часовой стрелки

следует извлекать введенные в тело трубки. Когда я наконец освободился, меня пронесло поносом с кровью, хотя никаких внутренних повреждений у меня, похоже, не было.

Я направился на помощь Мэригей; она находилась в соседней с моей камере и уже возилась, пытаясь освободиться и отстегнуть ремни. Ей удалось обойтись без крови. Мы оделись, и она подошла проверить, как себя чувствует Сара, а я тем временем осматривал остальных.

Первая, к кому я подошел, была Райи Хайклауд — наш доморощенный медик. Вообще-то прежде, в нормальной жизни, она была библиотекарем, но Диана целую неделю энергично обучала ее пользоваться стандартной судовой аптечкой.

Антрес-906 уже пришел в сознание и кивнул мне, когда я заглянул в его ящик. Это было хорошо. Если бы с существом иной расы что-нибудь случилось, то ему и нам пришлось бы положиться на скрупулезность составителей руководства по оказанию первой помощи, в которой имелось приложение о хворях тельциан.

Джекоб Пайерсон оказался накрепко замороженным и не подавал никаких признаков жизни. Он, вероятно, был мертв уже в течение пяти месяцев. Это заставило меня почувствовать смутную

вину перед ним за то, что я не любил его и не хотел с ним работать.

Все остальные начинали понемногу шевелиться. Мы не могли узнать, в каком они находятся состоянии, до тех пор, пока они не очнутся и не заговорят. Функциональные расстройства после отключения от жизни могли проявляться в весьма причудливых формах: например, Чарли, как обнаружилось на СП, после анабиоза потерял способность ощущать запах цветов, хотя мог обонять другие вещи. (Мы с Мэригей шутили между собой по поводу таких расстройств, когда нужно было оправдать свою забывчивость: должно быть, я забыл или она забыла это во время анабиоза.)

Состояние Сары было удовлетворительным; правда, ей нужно было привести себя в порядок, но принять помощь от матери она отказалась наотрез: кто угодно, только не она.

Мы сразу же включили экран. Земля на первый взгляд казалась в порядке; по крайней мере, выглядела так, как мы того ожидали. Примерно треть того, что мы видели между облаками, была, судя по всему, городами — невыразительными серыми пятнами, почти полностью занимавшими просторы Северной Африки и Южной Европы.

Я выпил немного воды, и она осталась во мне,

хотя я почти зримо представлял себе, как она холодной сферической глыбой плавает в моем животе. Я сосредоточился на этом ощущении и не сразу заметил, что Мэригей тихо плачет, размазывая слезы по лицу.

Я подумал, что она жалеет Пайерсона, начал было говорить ей какие-то успокоительные слова.

— То же самое,— с трудом выдавила она в ответ на мои утешения.— Ничего. Точно так же, как на Среднем Пальце.

— Может быть, они...— Из моей головы вдруг исчезли все мысли. Они мертвы или исчезли. Все десять миллиардов.

Антрес-906 выбрался из ящика и подплыл ко мне сзади.

— Ничего другого нельзя было ожидать,— сказал он,— с тех пор, как мы выяснили, что они за все это время ни разу не посетили Центрус.— Он издал странный звук, похожий на воркование осипшего голубя.— Я должен обратиться к Целому Дереву.

Мэригей несколько секунд тупо смотрела на него.

— И где же ваше Дерево?

Существо совсем человеческим движением вскинуло голову.

— Везде, конечно. Там, где есть телефон.

— Да, прошу вас.— Она отстегнула ремни и всплыла над креслом.— Давай пока что поможем людям подняться и сделаем один виток. Посмотрим, что там есть.

Мы «похоронили» Джекоба Пайерсона в космосе. Он исповедовал какую-то разновидность мусульманства, так что Мухаммед Тен сказал несколько слов прежде, чем Мэригей нажала кнопку, открывавшую люк вакуум-отсека, и остатки воздуха мягко вытолкнули тело в пустоту. Это бьшо, можно сказать, замедленной кремацией, так как мы находились на достаточно низкой орбите и труп через некоторое время должен был неминуемо сгореть от трения об атмосферу.

Мы приземлились на старинном космодроме мыса Кеннеди, в самой дальней его части, где находилась площадка, предназначенная специально для таких, как мы, совершающих посадку, сопровождающуюся губительным ливнем гамма-лучей. Вскоре к нашему кораблю подкатился специальный бронированный транспортер и замер в отдалении, ожидая, пока мы выйдем.

Спустя тридцать минут радиометр сообщил, что мы можем покинуть корабль. Воздух был

душным, теплым и казался тяжелым от запаха соли. Пока мы неуверенно сходили по рампе, с мангровых болот налетел ветер и принялся теребить нашу одежду. Внизу пахло обгоревшим металлом; вспучившаяся было от неимоверного жара посадочная площадка терпеливо выравнивалась, остывая.

— Как тихо...— сказала Алиса.

— В этом углу всегда было тихо,— отозвался По,— не считая запусков и приземлений. Я боюсь, что и весь космодром окажется таким же. Как и наш.

Металлическое покрытие все еще дышало жаром. И возможно, продолжало понемногу испускать альфа-частицы. И все равно, воздух был изумительным; я так жадно дышал, что впал в легкую эйфорию.

— Кто вы? — раздался металлический голос транспортера. Он говорил на стандартном языке.— Откуда вы прибыли?

— Говори по-английски,— по-английски же ответила Мэригей.— Мы группа жителей Среднего Пальца, планеты системы Мицара.

— Прибыли для торговли?

— Возможно. Доставь нас к людям.

В борту машины распахнулась двустворчатая

дверь.

— Я могу доставить вас в космопорт. Мне не разрешается передвигаться по дорогам без колес.

Мы вошли внутрь, и четыре больших окна сразу же стали прозрачными. Как только мы уселись, двери закрылись, машина попятилась, развернулась и, покачиваясь, перебирая двенадцатью членистыми ногами, быстро направилась в дальний конец посадочной полосы.

— Почему у тебя нет колес? — спросил я, заикаясь от судорожного покачивания машины.

— У меня есть колеса. Я не надевал их в течение весьма длительного времени.

— Есть ли люди в космопорте? — обратился к машине Мухаммед.

— Я не знаю. Я никогда не был внутри.

— А есть ли вообще люди в мире? — вновь задал я вопрос.

— Это не тот вопрос, на который я способен ответить.— Машина остановилась настолько резко, что Матт и я, сидевшие непристегнутыми, чуть не вылетели из кресел. Двери резко открылись.— При выходе из салона не забывайте свои вещи. Соблюдайте осторожность на территории космодрома. Желаю хорошо провести время.

Главное здание космопорта представляло со-

бой огромную конструкцию без единой прямой линии: сплошные параболы и цепочки, похожие на структурные формулы сложных молекул, да яркие металлические фасетчатые поверхности, казавшиеся откованными вручную. Приближавшееся к зениту солнце сотнями оранжевых огней ослепительно сверкало на металлических частях.

Мы нерешительно подошли к двери с надписью «diijha/ вход», которая при нашем приближении почему-то беззвучно скользнула вверх. Проходя через это подобие гильотины, я ощутил заметную тревогу. Другие также не стали задерживаться в проеме.

В здании не было тишины. Слышался какой-то, казавшийся успокоительным, звук, напоминавший модулируемый белый шум[17], он пульсировал в ритме, более медленном, чем сердцебиение. И чуть слышался скорее угадывавшийся, чем улавливаемый ухом перезвон.

Пол был усыпан пустыми одеждами.

— Ну что ж,— первым нарушил молчание По, — я полагаю, что мы смело можем развернуться

[17] Примечания: 17

Шум, в котором интенсивности звуковых волн разных частот примерно одинаковы, например шум водопада; не содержит форматированной информации.

и отправиться домой.

Антрес-906 издал шипящий звук, которого я никогда от него не слышал, и медленно описал левой рукой круг в воздухе.

— Я ценю вашу потребность в юморе. Но здесь имеется очень много, что делать, и может иметься опасность.— Похоже, что он от волнения разучился правильно говорить на английском языке, которым вообще-то владел безукоризненно. Он повернулся к Мэригей.— Капитан, я предлагаю, чтобы по крайней мере один из вас вернулся на судно за боевым костюмом.

— Хорошая мысль,— согласилась она.— Уильям, выгляни наружу, посмотри, не удастся ли поймать эту бегающую штуку.

Я вернулся к входной двери, которая, конечно же, не открылась передо мной. В сотне метров от нее обнаружилась другая дверь с надписью «mosch/посадка». Когда я вышел из здания, ко мне, звеня и подпрыгивая, подбежал тот же самый транспортер.

— Я забыл кое-что,— сказал я.— Отвези меня обратно на судно.

Облачение в боевой костюм вообще-то достаточно зрелищное и, можно сказать, артельное действо. Помещение для переодевания обычно

рассчитано человек на сорок. Вы раздеваетесь догола, вскакиваете в костюм, прикрепляете спереди и сзади трубки для приема испражнений, после чего позволяете доспеху, словно раковине моллюска, закрыться и выходите наружу. Теоретически за пару минут можно ввести в бой целую группу одетых в боекостю-мы солдат.

В том же случае, когда у вас нет достаточной практики и оборудования для облачения, а костюм не подогнан под ваши размеры, этот процесс не является ни быстрым, ни драматическим. Вы так и этак изворачиваетесь и корчитесь, наконец прилаживаете все на место, а затем пробуете вручную закрыть раковину. Когда она не закрывается (а так обычно и бывает в подобных случаях), вы возвращаетесь на несколько шагов назад и начинаете все сначала.

Мне потребовалось почти пятнадцать минут, после чего я неуклюже затопал вниз по рампе, с каждым шагом чувствуя себя все увереннее. Двери транспортера открылись.

— Благодарю тебя,— сказал я.— Пожалуй, я пройдусь пешком.

— Это не разрешается,— сказала машина — Это опасно.

— Самый опасный здесь я,— сказал я, подавив

в себе импульс оторвать у машины пару ног, чтобы посмотреть, как она поведет себя. Но вместо этого включил умножитель усилия костюма и побежал, делая огромные пологие прыжки.

Это получалось у меня не столь гладко и автоматически, как когда-то, но все равно я двигался быстро и оказался у двери космопорта меньше чем через минуту.

Дверь не пожелала открыться передо мною, посчитав меня механизмом. Я прошел сквозь нее. Небьющееся стекло потеряло прозрачность, прогнулось и разорвалось, словно ткань.

Мэригей рассмеялась.

— Ты мог бы и постучать.

— Вот я и постучал,— сказал я, усилив голос так, что по огромному залу разнеслось эхо, а потом убавил громкость до обычного разговора.— Наши необычные товарищи отправились искать свои деревья?

Шерифа и тельцианина не было видно.

Она кивнула.

— Попросили нас подождать здесь. Как костюмчик сидит?

— Пока еще не знаю. Усилители ног работают. С дверями все получилось отлично.

— Почему бы тебе не выйти и не испытать ар-

тиллерию? Костюм довольно старый.

— Прекрасная мысль.

Я вышел сквозь проделанное мною отверстие и остановился, высматривая цель. Что нам наверняка не может понадобиться? Я остановил выбор на вывеске закусочной, пустил в нее луч из пальцевого лазера, и она превратилась во вполне удовлетворительную вспышку пламени. Я выстрелил туда же гранату, и взрыв разнес вспышку на языки пламени.

Появился многоногий транспортер в сопровождении маленького робота с ярким мигающим синим огнем. Спереди и сзади его корпус украшала надпись «ТРАНСПОРТНАЯ ПОЛИЦИЯ».

— Ты арестован,— громоподобным голосом объявил робот.— Передай мне управление.— Эти слова сопровождались какой-то почти ультразвуковой трелью.— Передай мне управление.

— Конечно.

Я ввел в метательное устройство ракету, маркированную буквами «ВСМ». Такая аббревиатура мне была незнакома, но, по логике, она должна была расшифровываться как «взрыв средней мощности», так что я решился нажать на спуск. Взрыв полностью уничтожил полицейского робота, оставил в покрытии кратер диаметром в

два метра; многоногий транспортер взрывной волной бросило «на спину».

Он с трудом перевернулся и неуверенно поднялся на свои паучьи ноги.

— У вас не было необходимости делать это,— сказал транспортер.— Вы могли объяснить свое положение. У вас должна была иметься причина для самовольного разрушения собственности.

— Учебная стрельба,— ответил я.— Этот боекостюм очень стар, и мне необходимо бьшо узнать, хорошо ли он работает.

— Очень хорошо. Вы закончили?

— Не совсем.— Я еще не проверял действие атомной бомбы.— Но я воздержусь от опробования других систем, пока не найду более подходящего по размеру объекта.

— За пределами космопорта?

— Именно так. Здесь нет ничего достаточно маленького, что можно бьшо бы уничтожить.

Машина некоторое время молчала, и это выглядело так, будто она включает это утверждение в свою картину мира.

— Очень хорошо. Я не буду снова вызывать полицию. Если вы не станете больше ничего уничтожать здесь.

— Честное скаутское.

— Слово мне незнакомо. Пожалуйста, поясните его.

— Я не стану ничего повреждать здесь, не поставив тебя предварительно в известность.

Машина принялась торопливо переминаться с ноги на ногу; очевидно, это бьшо нечто вроде механической истерики. Я предположил, что она пыталась совместить противоречивые инструкции, и оставил ее там разрешать свои дилеммы.

Шериф возвратился к группе одновременно со мной.

— Целое Дерево не оставило никакого предупреждения,— сообщил он.— Нет никаких свидетельств того, что что-нибудь где-нибудь шло не так, как надо.

— Точно так же, как у нас дома? — полуутвердительно заметила Мэригей.

Он кивнул.

— Однако происходят и другие непонятные вещи, и Дерево все еще пытается осознать то, что случилось.

— Но у него ничего не выходит,— констатировал По.

— Ну, по крайней мере, у него появилась новая информация. О том, что случилось с нами в пространстве и на Среднем Пальце. И на Цоготе.

Не исключено, что оно сможет собрать все эти части воедино.

— Оно думает самостоятельно? — удивился я,— Без людей, которые были бы подключены к нему?

— На самом деле это не совсем то же самое, что размышление. Оно всего лишь просеивает факты, делает вещи более простыми для себя. В результате иногда возникает нечто, напоминающее мысль.

Вернулся Антрес-906.

— Мне нечего добавить,— кратко сказал он.

Возможно, нам следовало развернуться и улететь домой.

Начать восстановление мира с того, что мы имели. Думаю, что и шериф, и тельцианин высказались бы в пользу этого решения, но мы не стали спрашивать их.

— Полагаю, что нам следует осмотреть город,— предложила Мэригей.

— Мы совсем рядом с городом, считавшимся самым большим в стране,— сказала Кэт,— по крайней мере по площади.

Мэригей вскинула голову.

— Космодром?

— Нет, я говорю о большом городе. О Диснее!

Глава 2

Мы с Мэригей были в Диснейуолде[18] — это название сохранилось с тех самых пор — в начале двадцать первого века этот город уже был достаточно большим. Город, в который мы сейчас направлялись, представлял собой теперь всего лишь один клочок в запутанной мозаике «стран» — Уолтлэнд. Сюда приходили групповые экскурсии; их встречало изображение основателя парка, оно водило посетителей повсюду, рассказывало и показывало чудеса.

Транспортер любезно согласился оснастить себя колесным шасси и доставил нас к предместьям Диснея не более чем за двадцать минут.

По периметру город Дисней окружало огромное кольцо, где просторные площадки, предназначенные для стоянки автомобилей посетителей, чередовались с тесно населенными жилыми кварталами для людей, которые там работали.

Вероятно, посетители должны были оставлять

---

[18] Примечания: 18

Диснейуолд (Disneyworid) — Мир Диснея. В настоящее время в США существует знаменитый город — парк развлечений под названием Диснейлэнд (Страна Диснея).

здесь свои машины и дожидаться диснеевского автобуса, который должен был доставлять их в город. Когда мы попробовали пройти через вход, большой веселый мультипликационный робот преградил нам дорогу и принялся громким детским голосом объяснять, что мы должны быть хорошими и оставить машину на стоянке, как и все остальные. Робот говорил на смеси стандартного и английского языков. Я велел ему уе...ать, и после этого все машины стали разговаривать с нами по-английски.

Третьим роботом, на которого мы напоролись, оказался Гуфи. Я вышел к нему в своем боевом костюме.

— Ах! Уфф... Что это? — пропищал робот.

Я в ответ одним ударом повалил его наземь, оторвал руки и ноги и расшвырял их в разные стороны.

Машина начала повторять: «Уфф... Это нехо... Уфф... Это нехо...»,— и тогда я оторвал ее огромную, не меньше метра в обхвате, голову и закинул как можно дальше.

Кварталы, где обитал обслуживающий персонал, были загорожены голографическими барьерами, действовавшими сейчас только частично. С одной стороны мы видели джунгли,

в которых играли симпатичные обезьянки, а с другой толпа щенков-далматинов проносилась через жилище великана. Но сквозь эти изображения можно было смутно разглядеть одинаковые дома-муравейники, а время от времени они и вовсе исчезали на какие-то доли секунды.

Мы вышли в Вестерн-лэнд, большой пыльный старый город Запада Америки домеханической эпохи, какие некогда существовали в кино и романах. Он не походил на космопорт, где все было завалено одеждой. Здесь было очень опрятно и имело своеобразный облик сказочной заурядности; тут и там прохаживались люди в костюмах той эпохи. Это были, конечно, роботы; их костюмы были очень сильно потерты и изношены: в дырах виднелись пластмассовые локти и колени.

— Может быть, это произошло, когда парк был закрыт? — предположил я, хотя это мало соответствовало тысячам различных автомашин, стадами и табунами сгрудившихся возле въездов в сказочную страну.

— По местному времени все произошло в тринадцать часов десять минут первого апреля,— сказал шериф.— В среду. Это имеет какое-то значение?

— Первое апреля, День дураков,— отозвался я.— Хорош розыгрыш.

— Может быть, все пришли сюда голыми? — безнадежным голосом сказала Мэригей.

— Я знаю, что произошло с одеждой! — воскликнула Кэт.— Смотрите!

Она открыла дверь и выкинула на мостовую скомканный клочок бумаги.

Тут же рядом с входом в салун открылась дверца, и оттуда выскочил Микки-Маус ростом по колено. Он подцепил бумажку острой палкой и, повернувшись к нам, принялся писклявым голосом браниться, грозя пальцем:

— Не дури, не сори! За собой убери!

— Несчастные железки привыкли к тому, что мы повсюду разбрасываем мусор, и убрали оставшуюся от пропавших одежду,— пояснила Кэт.

Транспортер снова выпустил ноги: так было легче пробираться по узким кривым улочкам. Он топал мимо салунов, танцевальных залов, магазинчиков со всякой всячиной, странных домов викторианской архитектуры[19], мимо тол-

[19] Примечания: 19

Викторианский стиль в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве характерен для Великобритании и англоязычных стран. Получил распространение в 1840-1900 гг., во время правления английской королевы Виктории (1819-1901).

пившихся на всех углах потрепанных деловитых роботов. Кое-где были настланы деревянные дощатые тротуары, в которых роботы протоптали светлые дорожки в пару сантиметров глубиной.

Кое-где попадались испорченные роботы, замершие, не доведя до конца начатого жеста, а дважды мы видели груды из нескольких упавших роботов, беспомощно мотавших ногами и руками в воздухе; очевидно, один из них падал, а другие спотыкались о него и валились сверху. Значит, это были не настоящие роботы, а всего лишь механические модели. Мэригей вспомнила, что еще в наше время существовал термин «аудиоаниматроника», что означало всего-навсего создание кукол на электронных схемах, способных двигаться и говорить по заданной программе, а Кэт подтвердила, что через пару сотен лет после того, как мы побывали здесь, было решено из ностальгических и отчасти юмористических соображений восстановить старомодную технологию.

Еще один анахронизм представляли собой крыши зданий, полностью покрытые панелями солнечных батарей. (Ну а более прозаическим анахронизмом было то, что в каждом здании, даже в церкви, имелись торговые заведения.)

По крайней мере, это избавляло нас от беспокойства по поводу поисков продуктов и крыши над головой. В лавках было столько замороженного и иным образом обработанного для длительного хранения продовольствия, что нам хватило бы его на несколько жизней; большая часть продуктов казалась куда привлекательнее, чем наши корабельные рационы, хотя, конечно, все это было гораздо менее питательным.

Переночевать мы решили в «Придорожной Гостинице Молли Мэлон». Мы с Мэригей с изумлением увидели возле стойки портье прейскурант на сексуальные услуги, но Кэт сказала, что партнеры, которых можно было здесь получить, являются роботами. Самыми натуральными роботами.

Ну а вслед за этим наш собственный робот — многоногий транспортер — преподнес нам куда больший сюрприз. Мы вышли из «Молли Мэлон», чтобы забрать свои вещи, и увидели, что они аккуратно выставлены на дощатый тротуар.

А радом с ними, вместо машины, стоял грубовато-красивый ковбой. Он не напоминал потрепанных роботов, но и не казался очень уж похожим на человека. Он был слишком высок, более семи футов ростом. Его ноги оставляли

глубокие следы в пыли, а когда он вступил на дощатый тротуар, настил тревожно заскрипел.

— Я действительно не транспортер,— сказал ковбой.— И вообще, не машина. Просто на космодроме я счел более удобным выглядеть и действовать, как одна из них.

Он говорил медленно, растягивая слова, и эта манера речи показалась мне смутно знакомой. Казалось, что я помнил ее с детства. А потом в мозгу что-то щелкнуло: так говорил актер Джон Уэйн. Мой отец любил фильмы, в которых он снимался, а мать его просто презирала.

Разговаривая, он скручивал из табака толстую самокрутку.

— Я могу снова превратиться в транспортер или любой другой предмет или организм сходных масштабов.

— Пожалуйста, продемонстрируйте,— произнес тельцианин.

Тот пожал плечами, извлек из ниоткуда большую деревянную спичку и чиркнул ею о подошву ботинка. Настоящая серная спичка, которых не существовало даже в моем детстве; когда же он раскурил свою самокрутку, послышался резкий сильный запах табака. Я не обонял его уже тридцать или тринадцать сотен лет. Когда-то это

называлось сигаретами.

Затем ковбой отступил на три гигантских шага и в считанные мгновения перетек в форму транспортера. Но теперь машина была окрашена в цвета голубых джинсов и смуглой человеческой кожи, а из ее крыши торчала человеческая рука с тлеющей сигаретой.

Затем он снова изменился, став чрезмерно огромным тельцианином и все так же не выпуская сигареты. Быстро сказал Антресу-906 что-то на его языке, после чего опять стал Джоном Уэйном. Сделал еще одну затяжку, выпустил изо рта большое облако дыма и отщелкнул окурок прочь большим и указательным пальцами.

Никто из нас явно не мог придумать ничего умного, и поэтому я решил высказать самое очевидное предположение:

— Вы, наверно, пришелец из другого мира?

— Нет, нет, ничего подобного. Я родился на Земле, приблизительно девять тысяч лет назад. Это вы, парни, пришельцы с другой планеты.

— Он может менять облик,— прошептала мне на ухо Мэригей.

— Точно так же, как вы меняете одежду. С моей точки зрения, я всегда нахожусь в своем собственном облике.— Он вывернул ногу так,

что у человека при этом неминуемо сломалась бы голень, и внимательно осмотрел подошву ботинка,— У вас нет имени для нас, но вы могли бы называть нас Омни. То есть Всё.

— А сколько вас? — осведомился По.

— А сколько вам нужно? Сотню, тысячу? Я могу превратиться в отряд девочек-скаутов, общим весом в две тонны. Или в стаю саранчи. Но это чертовски трудное дело, ведь нужно будет как-то удерживать их всех в одной куче.

— Значит, вы те люди, которые жили на Земле в течение девяти тысяч лет...— начал Макс.

— Скажите лучше, сто пятьдесят тысяч; и мы не люди. Как правило, мы даже не похожи на людей. Несколько столетий я был скульптурой Родена в музее. Потом никто не мог понять, как ворам удалось протащить меня в дверь.— Джон Уэйн раскололся пополам и превратился в двух одетых в форменные куртки смотрителей музея: миниатюрную молодую женщину и толстого старика.— Когда я делаю нечто подобное,— в унисон заговорили они,— я фактически являюсь «групповым сознанием», наподобие того, каким стремятся стать тельциане и Человек. Это может быть полезно, но может и сбить с толку.

Две фигуры вдруг рассыпались в кучу тарака-

нов, которые тут же кинулись в разные стороны. К ним устремились два робота Микки-Мауса, и тараканы поспешно слились в Джона Уэйна, а тот пинком закинул одного из маленьких уборщиков на крышу «Молли Мэлон».

— Как вы это делаете? — спросил я.

— Просто вопрос практики. Координация глаза и движений ноги.

— Нет, я говорю о ваших превращениях в то и другое. Вы же не можете взять молекулы металла и превратить их в органическое вещество.

— Полагаю, что и вы это можете,— ответил он.— Лично я делаю это постоянно.

— Я хочу сказать, что это противоречит физическим законам.

— Ни в коей мере. Эта ваша версия физики противоречит действительности.

Я начал отчетливо понимать, что чувствовала и думала Алиса, попавшая в Страну чудес. Возможно, Льюис Кэрролл был одним из них?

— Позвольте мне подойти к вопросу с другой стороны,— продолжал наш собеседник.— Как вы превращаете продовольствие в свою плоть? Поедая его, не так ли?

Я на секунду задумался.

— В организме поступающее продовольствие

разлагается на более простые компоненты. Аминокислоты, жиры, углеводы. Те компоненты, которые не сгорают, образуя энергию, могут превращаться в плоть.

— Это вы так считаете,— сказал он.— Несколько тысяч лет назад у меня неподалеку отсюда жил друг, который утверждал, что вы с едой принимаете в себя часть души съеденного животного или растения, которая становится частью вашей собственной души. И этим объяснял все болезни.

— Очень поэтично,— отозвался я,— но далеко от истины.

— Точно так же, как и ваши мнения. У вас просто различные представления о том, что такое поэзия и что такое истина.

— Ладно. Так расскажите мне, как вы это делаете.

— Я не имею об этом ни малейшего представления. Я появился на свет с этим умением, точно так же, как вы рождаетесь со способностью к обмену веществ. Мой друг Тимукуан тоже был способен к обмену веществ в организме, хотя и описывал его по-другому.

— И вы за девять тысяч лет не попытались выяснить, как работает ваш организм?

— Не всем же быть естествоиспытателями.— Он

превратился из Джона Уэйна в отдаленное подобие человека, облик которого я смутно помнил со школьных времен: скульптора, прославившегося памятниками в полный рост. Правда, у этого было четыре и шесть пальцев на руках и термочувствительный глаз посреди лба.— Можно сказать, что я историк.

— Вы жили рядом с людьми, начиная с доисторических времен,— сказала Мэригей,— и никто из них так ничего и не заподозрил?

— Мы не ведем подробных записей,— ответил он,— но думаю, что на первых порах мы жили в своем естественном состоянии и сосуществовали с вами. Ну а где-то позже, видимо, когда у вас появился язык и стало складываться общество, мы начали скрываться от вас.

— И стали мифическими существами,— констатировала Диана.

— Да, я могу изобразить прекрасного вервольфа*Вервольф (человек-волк) — в германской мифологии, человек-оборотень, становящийся волком и по ночам нападающий на скот и людей.],— ответил он.— И думаю, что нас иногда принимали за ангелов и богов. Время от времени я надолго принимал человеческий облик, проживал в нем целую жизнь, старея, как положено. Но

это было весьма неприятно и скучно.

— Вы были также Человеком,— спросил шериф,— и входили в Дерево?

— Это не так сложно, как вы могли бы подумать. Я обладаю большими способностями к управлению своей нервной организацией. Дерево не может отличить меня от человеческого существа — а вы, парни, являетесь человеческими существами, с дырками и кучей странных мыслей в черепушках. Он снова превратился в Уэйна и сказал, подчеркнуто, по-актерски гнусаво, растягивая слова.— Банда поганых коммуняк, ежели хочете знать, чо я об этом скажу.

— Так это вы сделали? — Шериф и Омни изобразили посреди нашей группки нечто вроде живой картины: двое очень крупных мужчин, стоявших лицом к лицу; у каждого на поясе висел пистолет в кобуре.— Вы заставили их исчезнуть?

Джон Уэйн не схватился за кобуру, думаю, что он вообще не заметил вызова, прозвучавшего в словах шерифа. Он лишь печально покачал головой.

— Я не знаю, что случилось. Я находился в кабине лифта вместе с двумя людьми, двумя Человеками, и они вдруг исчезли. Послышался лишь негромкий хлопок, и их одежды упали на

пол. Двери лифта открылись, я выкатился наружу — я был в виде робота, развозящего еду,— и увидел, что в большом помещении нет никого, лишь одежда валяется на полу. Начался страшный беспорядок, тысячи столкновений транспорта. В окно влетел неуправляемый флотер. Я принял форму человека и сбежал по лестнице в подвал, переждать, пока все успокоится.

— А где вы находились, когда это случилось? — спросил я.

— В титусвилльском секторе. Это часть Управления космодрома. Мы проезжали мимо него по пути сюда.— Он принял форму большой статуи Альберта Эйнштейна и уселся прямо в пыли, скрестив ноги, так что наши глаза оказались на одном уровне.— Это оказалось удачным совпадением, так как я все равно должен был направиться на космодром, независимо от того, где мог находиться в то время. Чтобы дождаться прибытия кого-нибудь, кто смог бы объяснить, что произошло.

— Я не думаю, что нам известно больше, чем вам,— сказала Мэригей.

— Вы знаете то, что произошло с вами. Возможно, вместе нам удастся что-нибудь придумать.— Он посмотрел на восток.— Ваше судно

— это старомодный истребитель класса «суми», и его система связи имеет защиту, которая не позволила ему сообщить мне слишком много. Я знаю, что вы прибыли со Среднего Пальца через коллапсар Алеф-десять. Судно также знает всех вас и что с вами произошло, но не может сказать, где это случилось.

— Мы были в пустоте,— сообщил я,— на расстоянии одной десятой светового года от Среднего Пальца. Мы погрузились в разоруженный крейсер и отправились за двадцать тысяч световых лет...

— Я помню, что Дерево думало об этом проекте. Но, по-моему, он был отклонен.

— Мы вроде как угнали его,— призналась Мэригей.

Эйнштейн кивнул.

— Некоторые предполагали, что вы можете так поступить. Значит, они вынуждены были позволить вам улететь, чтобы предотвратить насилие?

— Один из меня был убит,— сказал тельцианин.

Возникла неловкая пауза. Затем Омни сказал что-то по-тельциански, и Антрес ответил: «Верно».

— Мы удалились примерно на одну десятую светового года, когда антивещество, служившее топливом для крейсера, внезапно испарилось.

— Испарилось? У вас есть научное объяснение? — Эйнштейн вырастил себе третий глаз и не то заморгал, не то подмигнул им.

— Нет. Мозг корабля предположил, что имело место замещение виртуальных частиц при фазовом переходе, но, насколько я смог выяснить, эта версия не годится. Так или иначе, мы потащились назад к Среднему Пальцу в этих самых разоруженных истребителях «суми» и обнаружили, что там никого нет. Выяснилось, что, если сделать поправку на релятивистские эффекты, они исчезли точно тогда же, когда и наше антивещество. Мы предполагали, что нас спасло то, что мы находились вдали от Среднего Пальца. Но это случилось и здесь.

Эйнштейн разгладил свои пышные усы.

— Возможно, вы сами это устроили.

— Что-что?!

— Вы только что сами высказали аргументы в пользу такого вывода. Если две невероятные вещи случаются одновременно, они должны быть связаны между собой. Возможно, что одно явление послужило причиной другого.

— Нет. Если бы, когда толпу людей запихивают в космический корабль и начинают ускорять его, происходили невозможные вещи, это уже давно заметили бы.

— Но вы не направлялись в какое-то определенное место. А лишь в будущее.

— Я не думаю, что вселенная интересуется нашими намерениями.

Эйнштейн рассмеялся.

— Вот снова проявляется ваша система верований. Вы только что использовали слово «невозможное» для описания события, о котором доподлинно знаете, что оно случилось.

— Ты должен признать, что за этим что-то есть,— изумленно пробормотала Диана.

— Вот именно. Но другая аномалия заключается в том, что вы, парни, уцелели и находитесь здесь, тогда как все люди и тельциане исчезли. Так, может быть, это вы все устроили?

Он превратился в абсолютно голого огромного могучего сложения индейского воина — полагаю, Тимукуана,— испещренного сложными татуировками и остро пахнувшего козлом.

— Можно найти и еще кое-какие аргументы в пользу такого предположения. Хотя я все равно спрошу других насчет замещения виртуальных

частиц при фазовом переходе. Некоторые из наших разбираются в науке.

— Вы можете напрямую общаться с ними? Нечто вроде телепатии? — поинтересовалась Диана.

— Только в том случае, если они находятся в пределах видимости. Так я разговаривал с вашим судном. Прежде мы просто связывались друг с другом по телефону, но большая часть систем не действует. Теперь мы оставляем сообщения на Дереве.

— Мы должны сами еще раз пообщаться с Деревом,— заявил шериф.— Антрес и я.

— В первую очередь с тельцианским Деревом,— добавил индеец.— Мы можем связываться с ним, но многое там для нас непонятно.

— Боюсь, что многое окажется непонятным и для меня самого,— ответил Антрес — Я с Цогота. Мы находимся в контакте с Землей, или были в контакте, но наши собственные культуры отдалялись одна от другой уже в течение многих столетий.

— Все равно это может оказаться полезным.— На месте богатыря-индейца появился симпатичный старичок.— Так сказать, взгляд со стороны, в квадрате.

Он сотворил синюю пачку сигарет, достал одну и сразу же закурил; она оказалась ярко-желтой и смердела еще более едко, чем самокрутка, которую он курил сначала.

Я постарался припомнить все стариковские образы, какие знал, и решил, что это может быть Уолт Дисней.

— Почему так много ваших обличий относятся к двадцатому столетию? — спросил я.— Вы что, читаете наши с Мэригей мысли?

— Нет, этого я не умею. Просто я люблю это время — последний период невинности человечества перед началом Вечной войны. После этого все сильно усложнилось.— Он глубоко затянулся сигаретой и закрыл глаза, видимо смакуя вкус.— А потом, если вас интересует мое мнение,— все стало чересчур простым. Мы, можно сказать, не теряли надежды на то, что Человек начнет управлять своей жизнью.

— Он смог прожить так долго лишь потому, что постоянно делал это,— мягко сказал шериф.

— Обитатели муравьиной кучи тоже управляют своей жизнью,— возразил «Дисней»,— но с ними трудно вести содержательные беседы.— Он повернулся к Антресу: — Вы, тельциане, сделали гораздо больше или, по крайней мере, более ин-

тересные вещи, прежде чем создали групповое сознание. Я однажды посетил Цогот как ксенобиолог и изучал вашу историю.

— Все это теперь представляет чисто академический интерес,— заметил я,— и история Человека, и история тельциан. Ни групп, ни группового сознания.

Шериф помотал головой.

— Мы снова размножимся, так же как и вы. Большая часть замороженных яйцеклеток и спермы принадлежит Человеку.

— Вы считаете, что все остальные мертвы,—заявил «Дисней»,— но нам доподлинно известно только то, что они исчезли.

— Они все находятся в большой небесной колонии нудистов,— вставил я.

— Так или иначе, мы не имеем достоверных подтверждений ни одной версии. Ваша группа находится здесь, и наша тоже. Омни на Луне, на Марсе, в находящихся в системе космических кораблях — все сообщали об исчезновении людей и тельциан, но ни один из нас, насколько известно, не исчез.

— А другие космические корабли? — поинтересовался Стивен.

— Именно потому-то я и торчу на Мысе. Их

было двадцать четыре в пределах одного коллапсарного скачка от Старгейта. Два должны были возвратиться к настоящему времени. Но появились лишь беспилотные зонды с обычными сообщениями.

— А почему вы думаете, что они уцелели? — спросила Мэригей.— Потому что вы бессмертны?

— О, мы не бессмертны, разве что в той же степени, что и амеба.— Он улыбнулся мне.— Если бы вы этим утром выбрали в качестве мишени меня, а не рекламу хот-дога, то, вероятно, причинили бы мне такие повреждения, которые медики изящно называют несовместимыми с жизнью.

— Я сожалею...

Он небрежно отмахнулся от моих извинений.

— Вы считали меня машиной. Но я не о том; если не считать вас, то акция кажется строго выборочной. Люди и тельциане пропадают, а птицы, пчелы и мы остаемся.

— И основанием для того, чтобы выделить нас из общего числа, явилось то, что мы пытались убежать? — полувопросительно сказала Кэт.

«Дисней» пожал плечами.

— Предположим на мгновение, что вселенная обращает внимание на побуждения своих обитателей. И то, что вы делали, вызвало у нее

интерес.

Это было все-таки чересчур.

— И поэтому можно было, как дерьмо из унитаза, смыть из вселенной десять миллиардов людей и тельциан?

Анита вдруг негромко застонала.

— Что-то... Что-то не так...

Она стояла прямо, а ее спина буквально на глазах выгибалась дугой, а глаза увеличивались и вылезали из орбит. Лицо раздувалось. Свободно сидевший комбинезон стал тугим, а спустя секунду начал лопаться по швам.

Затем она взорвалась: один ужасный влажный хлопок, и мы все оказались забрызганы кровью и клочьями мяса; кусок кости, резко щелкнув, ударился мне в скулу и отскочил.

Я взглянул на Омни. Он был Диснеем, забрызганным кровью и мясом, и затем его образ заколебался, и наряду с Диснеем мелькала какая-то тварь, состоявшая главным образом из клыков и когтей, ну а потом он снова превратился в дядюшку Уолта, но уже совершенно чистого.

Большинство из нас, в том числе и я, просто осели наземь: ноги не держали. Ченс и Стив почти что упали. Там, где стояла Анита, осталась пара ботинок с торчавшими из них окровавленными

обломками костей.

— Я этого не делал,— сказал «Дисней».

Шериф выхватил пистолет.

— Я вам не верю.— Он решительно выстрелил Омни прямо в сердце.

Глава 3

В течение следующих нескольких минут происходило какое-то гротескное действо. Выкатились маленькие роботы-уборщики — Микки, Дональд и Минни — и, распевая свои стишки, клеймящие позором тех, кто сорит на улице, принялись собирать совками и пылесосами клочья, оставшиеся от женщины, с которой я был знаком полжизни. Когда они принялись чистить ее ботинки — единственное из оставшегося, имевшее хоть какое-то подобие индивидуальности, я последовал примеру Омни и оттолкнул их прочь. Шериф увидел, что я сделал, и пришел на помощь.

Мы с ним подняли каждый по окровавленному ботинку.

— Нужно как-то похоронить ее,— нерешительно сказал он.

«Дисней» сел, держась за грудь.

— Если вы перестанете стрелять в меня, то я

смогу помочь.

Он закрыл глаза, его кожа стала серой, как мокрый мел, и мгновение у него был такой вид, будто он собирался снова упасть замертво. Но он медленно, в несколько приемов, преобразовал себя в крупного чернокожего рабочего с лопатой в руке, одетого в комбинезон, и с преувеличенной осторожностью поднялся на ноги.

— Вы уже довольно долго пробыли рядом с нормальными людьми,— сказал он хриплым басом, похожим на голос Луи Армстронга,— и могли бы научиться владеть своими эмоциями.— Он отшвырнул робота лопатой и направился к одичавшему газону, на котором росло несколько пальм.— Давайте отнесем ее туда, где она сможет отдохнуть.— Он повернулся к остальным, которые стояли рядом, сбившись в кучку.— А вы идите внутрь и приведите себя в порядок. Мы позаботимся об остальном.

Он вскинул лопату на плечо и направился к пальмам.

— Больше так не делайте,— сказал он, поравнявшись с шерифом.— Это очень больно.

Мы с шерифом последовали за ним, держа в руках наши ужасные символы. Ему потребовалось всего лишь около минуты, чтобы выкопать

глубокую квадратную яму.

Мы опустили ботинки в это подобие могилы, и он снова закидал ее и разровнял влажноватую землю.

— Она следовала какой-нибудь религии?

— Ортодоксальный новый католицизм,— ответил я.

— Это я смогу сделать.

Он впитал в себя лопату и стал высоким священником в черной сутане, с тонзурой на голове и тяжелым крестом на цепи, надетой на шею. Священник сказал несколько слов на латыни и перекрестил могилу.

Все так же в обличье священника он вернулся с нами к «Молли Мэлон», возле которого на полуразвалившихся от времени садовых стульях сидело несколько человек. Стивен неудержимо рыдал, Мэригей и Макс поддерживали его.

У них с Анитой когда-то был сын; в возрасте девяти или десяти лет он погиб от несчастного случая. После этого они разошлись, но оставались друзьями. Райи принесла ему стакан воды и какую-то таблетку.

— Райи,— сказал я,— если это какой-то транквилизатор, то я тоже не отказался бы от пригоршни пилюль.— Я чувствовал себя так, как будто сам

был готов взорваться от переполнивших меня печали и растерянности.

Она взглянула на пузырек.

— Достаточно и одной таблетки. Кто-нибудь еще хочет поспать?

Мне показалось, что таблетки взяли все, кроме Антреса-906 и «священника». Мэригей и я поднялись на второй этаж гостиницы, отыскали спальню и отключились, крепко обняв друг друга.

Когда я проснулся, солнце уже клонилось к закату. Я как можно осторожнее выбрался из постели и обнаружил, что сантехническое оборудование «Молли Мэлон» все еще работало, была даже горячая вода. Пока я мылся, встала Мэригей, и мы вместе сошли вниз.

Стивен и Матильда шумели в столовой. Они сдвинули вместе несколько столов и разложили какие-то пластмассовые тарелки, вилки и груду коробок с едой.

— Наш бесстрашный лидер,— сказала Матт,— вам предстоит открыть первую коробку.

На самом деле я совершенно не хотел есть, хотя и должен был испытывать голод. Я поднял коробку, на которой под картинкой, изображавшей утенка Дональда Дака, извергавшего из клюва

толстую струю пламени, ярко-красными буквами было подписано «чили». Я подцепил крышку, и устройство сработало: что-то зашипело, и комната заполнилась приятным ароматом.

— Не испортилось,— сказал я, подцепив еду вилкой и подув на нее. Она была мягкой; похоже, без мяса.— Кажется, неплохо.

Другие тоже принялись открывать коробки, и вскоре комната наполнилась ароматом, подобающим столовой.

Спустились Диана и По; следом за ними Макс. Мы ели закуски в почти полной тишине, нарушаемой лишь негромкими благодарностями. По поблагодарил еще до того, как открыл коробку.

Свою порцию я оставил недоеденной.

— Пойду, взгляну на закат,— сказал я, поднимаясь из-за стола.

Мэригей и Сара последовали за мной.

Там, почти на том самом месте, где Аниту настигла странная гибель, стояли Антрес-906 и Омни, все еще в облике священника, и разговаривали, каркая и попискивая.

— Обсуждаете, кто будет следующим? — спросила Сара, впиваясь взглядом в «священника».

Он поднял на нее изумленный взгляд.

— Что?

— Что явилось причиной этого,— продолжала она,— если не вы?

— Не я. Я мог бы таким образом покончить с собой, если бы вдруг захотел умереть, но не могу сделать это с кем-либо другим.

— Не могу или не стану? — резко спросил я.

— Не могу. Это «физически невозможно», если попытаться выразить это в двух словах. Пользуясь вашей системой веры.

— Тогда что же случилось? Люди просто так не взрываются!

Он сел на край тротуара, скрестил длинные ноги и забарабанил пальцами по колену, уставившись на закат.

— Ну вот, вы пошли по второму кругу. Люди ни с того ни с сего взрываются! С одним, как вы сами видели, это только что случилось.

— И это мог быть любой из нас.— Голос Мэригей дрожал.— Мы все можем вот так погибнуть, один за другим.

— Можем,— ответил «священник»,— включая меня. Но я надеюсь, что это был только эксперимент. Испытание.

— Нас кто-то испытывает? — Я почувствовал головокружение, отчаянным усилием сдержал тошноту и осторожно сел на тротуар.

— Все время,— спокойно ответил «священник».— Вы никогда не ощущали этого?

— Метафора,— сказал я.

Он сделал плавный широкий жест.

— В том же смысле, в каком все это можно считать метафорой. Тельциане понимают это лучше вас.

— Не это,— возразил Антрес-906.— Это что-то такое, чего я не могу вместить в себя.

— Неназванные,— «священник» произнес еще одно тельцианское слово, которого я не знал.

Антрес положил руку на шею.

— Конечно. Но... Вы говорите неназванные? Они не являются реальными в буквальном смысле слова. Это обобщающее выражение, символ, который употребляют, когда говорят о... я не знаю, как это сказать. Проявление глубинной истины, судьба?

«Священник» прикоснулся к своему кресту, и он превратился в круг с двумя выступами, похожими на ноги, тельцианский религиозный символ.

— Символ, метафора... Неназванные, я думаю, более реальны, чем мы с вами.

— Но вы никогда не видели их, не щупали руками,— заметил я.— Это всего лишь предпо-

ложение.

— И никто никогда не видел. Но ведь вы никогда не видели нейтрино, тем не менее не сомневаетесь в его существовании. Несмотря на «невозможные» характеристики.

— Конечно. Но существование нейтрино или чего-то там еще такого можно доказать; без них просто не стала бы работать физика элементарных частиц. А вселенная не могла бы существовать.

— Ну что ж, похоже, мы остались «при своих». Вам не нравится мысль о неназванных, потому что от нее попахивает сверхъестественным.

Это было, в общем-то, справедливо.

— Не стану отрицать. Но в течение всех первых пятидесяти — или пятнадцати сотен — лет моей жизни и еще нескольких тысяч лет, прошедших до моего появления, вселенную можно было бы объяснять и без привлечения ваших таинственных неназванных.— Я взглянул на Антре-са.— У тельциан это было примерно так же, не правда ли?

— Да, в значительной степени. Неназванные реальны, но лишь как элемент интеллектуальных построений.

— Позвольте мне задать вам один очень старый,

даже тривиальный вопрос,— сказал «священник».— Какова вероятность того, что люди и тельциане, развивавшиеся совершенно независимо на планетах, разделенных расстоянием в сорок световых лет, могли случайно встретиться, находясь на одном и том же уровне технологии, да к тому же оказаться достаточно близкими в психологическом отношении, чтобы вести войну друг с другом?

— Многие люди уже задавали этот вопрос.— Я кивнул Антресу.— И, полагаю, многие тельциане. Несколько человек, полетевших в будущее под моей командой, принадлежали к религиозной секте, которая, по их словам, имела объяснение всему этому. Что-то вроде ваших неназванных.

— Но у вас есть лучшее объяснение?

— Пожалуй, что да. Если бы они находились на значительно низшей технологической ступени, то мы не могли бы вступить в контакт. Если бы они опередили нас на тысячу-другую лет, то не было бы никакой войны. Возможно, истребление.— Антрес издал звук, говоривший о согласии.— Так что это лишь частичное, но никак не полное совпадение.

— Это вовсе не было совпадением. Мы, Омни, были на обеих планетах, задолго до того, как

люди и тельциане получили язык — который вам дали мы. Или технологию, развитие которой мы контролировали. Это мы были Архимедом, Галилеем и Ньютоном. А при жизни ваших родителей мы взяли под свой контроль НАСА[20], чтобы задержать выход человечества в космос.

— И дергали за веревочки Вечной войны?!

— Я так не думаю. Полагаю, что мы всего лишь сформировали тачальные условия. Вы могли бы сотрудничать друг с другом, если бы это было в природе характеров ваших рас.

— Но сначала вы удостоверились, что наши характеры отличаются воинственностью,— сказала Мэригей.

— А вот этого я не знаю. Это должно было происходить задолго до меня,— Он мотнул головой,— Позвольте мне объяснить. Мы не рождаемся так, как вы или же вы, Антрес-девятьсот шесть. Я думаю, что нас имеется определенное число, порядка сотни, и когда один из нас умирает, вместо него появляется новый. Вы видели, что я могу делиться на две или несколько частей. Когда настанет время появления нового Омни — когда кто-то из нас где-то умрет,— я или кто-то

---

[20] Примечания: 20

НАСА (National Aeronautics and Space Administration) — Национальное управление по аэронавтике и космическим исследованиям США.

еще разделится, и половина останется обособленной и уйдет, чтобы стать новым индивидуумом.

— Со всеми воспоминаниями и навыками родителя? — спросила Райи.

— Хорошо бы так. Вы начинаете жизнь как дубликат своего родителя, но проходят месяцы, годы, и его память исчезает, сменяясь вашим собственным опытом. Хотел бы я иметь наследственную память ста пятидесяти тысяч лет. Но все, что у меня есть, это то, что сообщают мне другие мои сородичи.

— Включая эти слухи о неназванных? — добавил я.

— Именно так. И много раз за свою жизнь я задавался вопросом, не могло ли бы это быть заблуждением — неким вымыслом, который мы все разделяем. Это как с религией: не существует никакого способа, при помощи которого вы или я могли бы доказать, что «неназванных» не существует. А если они существуют, то этим можно объяснить многое, не имеющее иного объяснения. Например, параллельное развитие тельциан и людей и их встречу в наиболее подходящее время. Или же случайные взрывы людей.

— Они происходили во все времена,— ехидно заметила Сара.

— Случается множество разнообразных необъяснимых вещей. Большинство из них получают те или иные объяснения. Но я думаю, что иногда объяснения бывают ошибочными. Если бы при нормальном положении дел вы натолкнулись на останки кого-нибудь, погибшего так же, как ваша подруга, вы, скорее всего, подумали бы о какой-то грязной игре, о бомбе или чем-то подобном. Но, конечно, не о прихоти «неназванного».

В разговор вмешался шериф, и его слова дали новую пищу моим размышлениям.

— Я все же не исключаю грязной игры. Мы видели, как вы делали множество вещей, которые мы назвали бы невозможными. И для меня намного легче предположить, что это, так или иначе, сделали вы, чем поверить в существование невидимых злокозненных богов.

— Тогда почему я сделал это с ней, а не с вами? Почему я не сделал этого с Манделлой, когда он был необыкновенно близок к тому, чтобы убить меня?

— Возможно, вы стремитесь добавить перчику в свою жизнь,— ответил я.— Мне попадались такие люди. И вы решили, что нам двоим стоит жить, чтобы сделать ваш мир более интересным.

— Спасибо, он и так достаточно интересен,— с

нескрываемой сварливостью в голосе заметил «священник», резко вскинув голову.— И, судя по всему, намеревается стать еще интереснее.

Часть шестая
КНИГА ОТКРОВЕНИЯ
Глава 1

И почти сразу же после этих слов я услышал слабый певучий звук двух флотеров, приближавшихся с разных сторон. Через несколько секунд они стали видимы, а еще через несколько секунд проплыли над нами и опустились в парке.

Это были спортивные флотеры; один ярко-оранжевый, а другой вишневый. Их обтекаемые формы напомнили мне боевые вертолеты времен моей юности — «кобры»,— да они и были похожи на кобр.

Фонари кабин скользнули назад, и из машин выбрались мужчина и женщина. Они тоже были слишком крупными, как и наш приятель, и флотеры покачнулись — казалось, с благодарностью,— освободившись от тяжести своих пассажиров.

Оба, и мужчина, и женщина, увидев нас, моментально уменьшились в размерах. Но все равно они оставляли слишком глубокие следы в траве. Я спросил себя, почему они не прибыли просто

в обличье флотеров. Может быть, эти машины были слишком массивными?

Женщина была чернокожая и коренастая, а мужчина был белый и настолько невзрачный, что его лицу было бы очень трудно дать описание. Своего рода защитная окраска, предположил я. Они были закутаны в тоги из естественной необесцвеченной ткани.

Не было произнесено никаких слов приветствия. Трое Омни около минуты молча беседовали между собой, глядя друг на друга.

Потом женщина заговорила:

— Скоро сюда прибудут еще некоторые из нас. Мы тоже умираем насильственной смертью, так же, как умерла ваша подруга.

— Неназванные? — спросил я.

— Что вы можете знать о неназванных? — отозвался мужчина.— Хотя я думаю, что это они, потому что происходящее противоречит физическим законам.

— Они могут управлять физикой?

— Похоже на то,— сказал наш «священник».— Взрывающиеся люди, испаряющееся антивещество... Десять миллиардов существ, перенесенных, как вы выразились, в какую-то космическую колонию нудистов. Или братскую могилу.

— Боюсь, что это все же могила,— заметила женщина.— И мы вскоре присоединимся к ним.

Все трое уставились на меня. Первым заговорил безликий человек:

— Это сделали вы. Вы попытались покинуть галактику. Убежать из пределов, отведенных неназванными для нас.

— Это же смешно,— возразил я.— Я уже не раз покидал галактику прежде. Кампания Сад-сто тридцать восемь проходила в Большом Магеллановом Облаке. Другие кампании были в Малом Облаке и возле звезды-карлика в созвездии Стрельца.

— Коллапсарный скачок — это не то, что полет в пространстве,— сказала женщина.— Червоточины. Это почти то же самое, что изменение квантового состояния, а затем возвращение к прежнему.

— Все равно что прыжок с дерева с привязанной к ногам лианой,— вставил наш любитель старины.

— А вы на своем космическом корабле,— продолжала женщина,— убегали по-настоящему. Вы вошли на территорию неназванных.

— Это они вам сказали? — резко спросила Мэригей.— Вы общаетесь с неназванными?

— Нет,— ответил мужчина.— Это лишь умозаключение.

— Вы могли бы назвать это Бритвой Оккама[21],— добавила женщина.— Это наименее сложное из возможных объяснений.

— Значит, мы вызвали гнев бога,— подытожил я.

— Если хотите, можно сказать и так,— ответил безликий.— А вот мы сейчас пытаемся сообразить, как привлечь к себе внимание бога.

Мне хотелось закричать, но Сара смогла выразить обуревавшие меня мысли более спокойно.

— Если они такие всемогущие и вездесущие... то, похоже, они продолжают следить за нами. И даже слишком пристально.

«Священник» покачал головой.

— Нет. Это спорадическое явление. Неназванные оставляют нас одних то на несколько недель, то на несколько лет. Затем они вводят какую-то новую переменную, словно ученый или, может быть, любопытный ребенок, и смотрят, как мы

---

[21] Примечания: 21

Оккам, Уильям (ок. 1285—1349), английский философ и богослов. Сформулировал имевший важное значение для всей последующей науки принцип, получивший название Бритвы Оккама, согласно которому понятия, не сводимые к интуитивному опыту и не поддающиеся проверке в опыте, должны быть удалены из науки: сущности не следует умножать без необходимости.

на это будем реагировать.

— Убрать всех?..— задумчиво произнесла Мэригей.— Вот это переменная?

— Нет,— сказала черная женщина.— Я думаю, что это означает завершение эксперимента. Неназванные чистят клетку.

— И что нам следует делать...— начал было безликий человек и вдруг умолк.— Моя очередь,— сказал он спустя пару секунд и туг же взорвался, но не брызгами крови, кишок и обломками костей.

На его месте возник вихрь белых частиц, маленький снежный буран. Частицы попадали на землю и бесследно исчезли.

— Черт возьми! — воскликнул «священник».— Он мне очень нравился.

— Что нам следует делать,— продолжила женщина, как будто ничего не произошло,— это попытаться привлечь внимание неназванных и убедить их оставить нас в покое.

— А вы двое,— сказал «священник», указав на меня и Мэригей,— с очевидной вероятностью являетесь ключом. Это вы спровоцировали их.

Макс, все это время стоявший рядом с нами, исчез и вскоре вернулся, облаченный в боевой костюм.

— Макс,— окликнул я его,— подходи к вещам реально. Мы не можем бороться с ними таким образом.

— Мы не знаем,— глухо ответил он.— Мы не знаем ничего.

— Мы все еще не знаем, правду ли вы говорите,— вновь вмешалась Сара.— Есть неименуемые или нет, это еще на воде писано. Вы сделали это — вы уничтожили всех и каждого, а теперь играете с нами. Вы не можете доказать обратного, не так ли?

— Один из нас только что умер,— возразил «священник».

— Нет, он изменил свое состояние и исчез,— сказал я в ответ.

«Священник» улыбнулся.

— Именно так. Разве не это происходит с вами, когда вы умираете?

— Бросьте,— сказала Мэригей.— Если это дело Омни, если это они устроили такую ужасную шутку, то мы обречены независимо от того, что будем делать. Так что мы можем принять их слова за чистую монету.

Сара открыла было рот, чтобы заговорить, постояла так с секунду и закрыла его.

— Вот дерьмо,— вдруг проговорил Макс. Боеко-

стюм покачнулся и вновь встал неподвижно.

— Ну вот, опять,— ровным голосом сказал «священник».

— Макс! — во все горло заорал я.— Ты здесь? — Молчание.

Мэригей подошла к костюму сзади: там находилась рукоять экстренного открывания.

— Я сделаю?..

— Рано или поздно придется,— ответил я.— Сара...

— Я смогу выдержать,— отозвалась она.— Я видела Аниту.— Ее и без того бледное лицо стало белым как мел.

Мэригей открыла костюм, и все оказалось именно так плохо, как я себе это представлял заранее. Там не осталось ничего, что можно было бы счесть за останки Макса. На землю, хлюпая, вытекло несколько галлонов крови и других жидкостей. Нижняя часть костюма была полна клочьями мяса и обломками костей.

Сара согнулась вдвое; ее вырвало. Я чуть не последовал ее примеру, но сохранившийся, как оказалось, старый боевой рефлекс заставил меня стиснуть зубы, сделать три очень глубоких вдоха и проглотить то, что подступало к горлу.

Макс был из тех людей, которых любишь,

несмотря на то, кем он является и что делает. И они вот так запросто разделались с ним, словно смахнули с доски вышедшую из игры пешку.

— Неужели мы можем быть причастны к этому? — прокричал я.— Можем ли мы хоть что-нибудь объяснить?

Мой голос сорвался.

Звуки двух взрывов донеслись из гостиницы, и сразу же раздался истерический крик.

Мэригей застонала, ее ноги подогнулись, она потеряла сознание и растянулась на тротуаре. Сара, я думаю, даже ничего не заметила. Она стояла на коленях, захлебываясь рыданиями, обхватив себя руками, в то время как ее тело содрогалось в конвульсиях, пытаясь освободить и так совершенно пустой желудок.

Антрес-906 посмотрел на меня.

— Я готов,— медленно сказал он по-английски.— Я не хочу больше оставаться здесь. Пусть неназванные заберут меня.

Я кивнул, с трудом согнув шею, и подошел к Мэригей. Опустился на колени, приподнял ее голову и попытался платком вытереть ее лицо. Она частично очнулась и, не открывая глаз, обхватила меня рукой за талию. Ее трясло, но она молчала, лишь дышала с трудом.

Это была та близость, какую могут иметь немногие люди. Наподобие той, которую мы чувствовали иногда во время сражения или непосредственно перед боем: мы должны умереть, но мы умрем вместе.

— Забудь о неназванных,— сказал я.— Мы пользовались взятым взаймы временем с самого дня зачатия... И мы...

— Украденным временем,— поправила она, все так же не открывая глаз.— И сделали из него хорошую жизнь.

— Я люблю тебя.— Это мы произнесли одновременно.

Послышался громкий удар: боевой костюм упал. Легкий бриз, до сих пор веявший с недалекого океана, полностью переменился, превратился в сильный ветер и принялся порывами налетать на костюм. Что-то ужалило меня сзади в шею — кость или осколок кости,— еще раз ужалило и со стуком упало в костюм.

Со звуком, похожим на стук пересыпаемых сухих палок, в раскрытой раковине боекостюма поднимался неполный скелет. Предплечье, локтевая кость и лучевая кости прицепились к правому локтю; на запястье выросли ладонные кости, а от них в неполную секунду отросли паль-

цевые фаланги.

Затем поверх таза возник комок перепутанных кишок, желудок, мочевой пузырь; все происходило быстрее и быстрее: появлялись печень, легкие, сердце, нервы и мускулы. Череп наклонился вперед на позвонках под тяжестью мозга, а потом медленно поднялся и посмотрел на меня голубыми глазами Макса. Какое-то мгновение лицо оставалось двухцветным — красным и белым,— словно медицинский препарат, с которого содрали кожу. А потом оно покрылось кожей, на голове появились волосы, сразу же кожей покрылось и все тело, а затем в нужных местах не выросли, а просто возникли волосы.

Он осторожно шагнул из костюма, и на нем появилась одежда; свободная хламида. На его лице было напряженное суровое выражение. И подошел к нам. Он или оно.

Мэригей уже сидела.

— Что происходит? — спросила она сдавленным голосом, совершенно не похожим на тот, которым говорила обычно.

Человек (или существо) уселся перед нами, скрестив ноги.

— Вы ученый.

— Макс?

— У меня нет имени. Вы ученый.

— Вы неназванный?

Он отмахнулся от вопроса.

— Уильям Манделла. Вы ученый-естествоиспытатель.

— Меня этому учили. Сейчас я преподаватель естественных наук.

— Но вы понимаете природу исследования. Вы понимаете, что такое эксперимент?

— Конечно.

Омни подошел к нам и остановился поблизости. Он кивнул чернокожей женщине.

— Выходит, она была очень недалека от истины?

— Эксперимент окончен? — вопросительно произнесла она.— И вы приступили к забою подопытных животных?

«Макс» медленно покачал головой.

— А что я могу поделать? Сначала подопытные мыши удирают из клетки. Затем они начинают соображать, что с ними происходит. А потом требуют переговоров с экспериментатором.

— Если бы эксперимент проводил я,— сказал я,— то поговорил бы с мышами.

— Да, именно так и поступил бы человек.— Он осмотрелся с выражением непонятного раздра-

жения.

— Так поговорите,— бросила Мэригей.

Он несколько секунд смотрел на нее.

— Вы, когда были маленькой девочкой, мочились в постель. И ваши родители не соглашались отпустить вас в лагерь, пока вы не перестали это делать.

— Я забыла об этом.

— Я ничего не забываю.— Он повернулся ко мне.— Почему вы не любите фасоль?

Я не мог сообразить, к чему он клонит.

— У нас на Среднем Пальце не растет фасоль. Я даже не помню, какова она на вкус.

— Когда вам было три земных года от роду, вы засунули сухую фасолину себе в нос. И, пытаясь вытащить, пропихивали все дальше и дальше. Ваша мать наконец сообразила, почему ребенок так сильно плачет, но от ее лечения дело пошло еще хуже. Фасолина от влажности стала разбухать. Она отвела вас к знахарю, жившему в коммуне, и тот еще сильнее все испортил. Когда они в конце концов доставили вас в больницу, врачам пришлось дать вам наркоз, чтобы извлечь фасолину, а у вас довольно долго были проблемы с носовыми пазухами.

— Это вы сделали?

— Я наблюдал за этим. Я подготовил исходные параметры задолго до вашего рождения, так что, можно сказать, что да, это сделал я. Я слышу звуки взмахов крылышек каждого воробья, и ни один звук никогда не оказывается для меня неожиданным.

— Воробья?

— Не берите в голову.— Он встряхнул плечами, как будто сбрасывал ношу с плеч.— Эксперимент окончен. Я ухожу.

— Уходите?

Он встал.

— Из этой галактики.

Земля неподалеку вдруг взорвалась, и пара ботинок, которые мы захоронили под пальмами, прилетели обратно, на то место, где в момент гибели стояла Анита. Над ними сконцентрировалось месиво из частиц плоти и костей, к ужасным останкам откуда-то стянулось алое облачко, и тело начало восстанавливаться.

— Думаю, что не стоит изменять условия и возобновлять эксперимент с того момента, когда его ход нарушился,— сказал он.— Я просто оставлю вас на произвол судьбы. А где-нибудь через миллион лет взгляну, что получилось.

— Только мы? — сказала Мэригей.— Вы убили

десять миллиардов людей и тельциан и теперь вручаете нам пять пустых планет?

— Шесть,— поправило существо в белом,— и они не пусты. Люди и тельциане не мертвы. Просто убраны.

— Убраны,— тупо повторил я.— И куда же вы их убрали?

Существо улыбнулось мне, как будто подготовило напоследок какой-то приятный сюрприз.

— Как вы думаете, сколько места, вернее, какой объем потребуется для того, чтобы сложить десять миллиардов человек?

— Помилуй бог, я не знаю. Большой остров?

— Одна и одна треть кубической мили. Они все сложены в Карлсбадских пещерах[22]. А теперь они проснулись, голые, холодные и голодные,— Похожее на Макса существо (пожалуй, все-таки «он») взглянуло на часы.— Ну, положим, я могу подбросить им немного еды.

— Средний Палец? — сказал я.— Они тоже живы?

— В большом элеваторе в Вендлере,— ответило существо.— Вот им по-настоящему холодно. Я

---

[22] Примечания: 22

Крупнейшая в мире по объему гротов система карстовых пещер, находящаяся в горах Гуаделупе в штате Нью-Мексико (США). Большую часть территории штата занимают пустыни.

кое-что сделаю для них. Готово.

— Вы можете совершать действия быстрее, чем со скоростью света?

— Естественно. Скорость света — это лишь одно из ограничений, которые я поставил для эксперимента,— Он (оно?) поскреб пальцами подбородок.— Пожалуй, я его оставлю. Иначе вы станете совать нос во все дырки вселенной.

— Луна и Марс? Небеса и Кисос?

Он кивнул.

— В основном холодные и голодные. А те, кто на Небесах, горячие и голодные. Но они все, вероятно, смогут найти какую-нибудь еду прежде, чем примутся поедать друг друга.

Он смерил взглядом Мэригей и меня.

— У вас двоих особое положение, так как никто, кроме вас, не помнит столь давних времен. Я изрядно позабавился, конструируя вашу ситуацию. Ну а для меня время все равно что пол или, скажем, стол; я могу прогуляться назад, к Большому Взрыву, или вперед, к тепловой смерти вселенной. Жизнь и смерть — обратимые состояния. С моей точки зрения, тривиальные. Как вы могли видеть здесь.

Мне, наверно, не следовало это говорить, но я все же сказал:

— Значит, теперь вас забавляет то, что вы позволяете нам жить?

— Это один из способов разрешения ситуации. Или же, как вы могли бы сказать, я даю эксперименту возможность идти своим собственным путем, без корректировки. А я пройдусь на миллион лет вперед и посмотрю, что произойдет.

— Но ведь вы уже знаете будущее,— сказала Мэригей.

Существо в теле Макса закатило глаза.

— Будущее — это не линия. Это стол. Существует множество видов будущего. В противном случае, зачем было бы экспериментировать?

— Не уходите! — вдруг заговорила Сара. Он нетерпеливо взглянул на нее.— Мы видим события подобными линиям, линиям причин и следствий. Но вы же видите миллионы линий на своем столе.

— Бесконечное количество линий.

— Пусть так. Есть ли во вселенной еще что-нибудь, кроме вашего стола? — Он улыбнулся.— Имеются ли другие столы? Существует ли комната, где они находятся?

— Другие столы имеются. Ну а если они находятся в комнате, то я ни разу не видел стен.

Затем он заговорил почти точно в унисон с

Сарой:

— Значит, есть кто-то еще, надзирающий за всем происходящим.— ЖеНский голос прозвучал вопросительно, а мужской утвердительно. А закончила одна Сара: — Надзирающий за вами и вашими столами?

— Сара,— ответил Макс,— на некоторых из этих бесчисленных линий ты решишь остаться живой через миллион лет, когда я вернусь. Тогда ты сможешь спросить меня. А может быть, решишь не делать этого.

— Но если нет больше никого, если вы бог...

— Что? — удивленно сказал Макс, ощупывая белую ткань.— Что здесь, черт возьми, происходит? — Он взглянул на боекостюм.— Я вдруг почувствовал ужасную боль во всем теле.

— Я тоже,— подхватила Анита. Она голышом сидела по-турецки на том самом месте, где умерла, держа одну руку на коленях, а другую прижимая к груди.— А затем я внезапно снова очутилась здесь. Но ты оказался одетым.— Она взглянула на нас, подняв брови.— Что здесь, черт возьми, происходит?

— Бог знает,— ответил я.

Глава 2

Я еще несколько секунд волновался по поводу того, что делать с десятью миллиардами людей и тельциан, брошенных голыми посреди пустыни. Но неназванный еще один, последний раз махнул своей волшебной палочкой.

Воздух вокруг нас замерцал, и мы внезапно оказались окруженными густой толпой голых мужчин, женщин и детей; многие из них рыдали.

В такой ситуации небольшая группа одетых людей, конечно, сразу привлекает к себе внимание. Люди начали осторожно приближаться к нам, и мы с Мэригей, оба, инстинктивно напряглись, готовые взять на себя руководство.

Конечно, этого не произошло. Самый старший по виду Человек направился прямо ко мне и начал громким ехидным голосом задавать вопросы. Вероятно, суть их можно было выразить словами: «Что здесь, черт возьми, происходит?»

Но я не мог понять ни слова. Я говорил на мертвом для этой планеты языке, который здесь знала лишь горстка людей-иммигрантов и ученых.

Трое Омни выступили вперед, подняли руки

и что-то прокричали хором. Они заметно выделялись своим ростом, и общее внимание почти сразу же переключилось на них.

«Священник» тронул меня за плечо.

— Посмотрим, что мы сможем здесь сделать. А вы помогите своим людям.

Мэригей стояла, обнимая обнаженную Аниту. Я снял рубашку и отдал ей; она оказалась достаточно большой, чтобы кое-как прикрыть самое главное.

Вообще-то Анита выглядела в ней довольно сексуально. Одна публичная женщина когда-то сказала мне, что лучший способ привлечь к себе внимание на вечеринке состоит в том, чтобы явиться в длинном платье, когда знаешь, что остальные будут в джинсах или шортах, и наоборот. Так что, если ты попал на вечеринку, где все ходят голыми, то любая старая тряпка даст тебе выигрыш.

В конце концов нам удалось загнать всех в «Молли Мэлон». Кафетерий был забит голодными людьми, так что мы собрались в зале с надписью на дверях «Социальная история проституции» (хотя, возможно, точный перевод должен был звучать по-другому. Хотя экспонаты были совершенно недвусмысленными).

Семеро из нас были убиты и возвращены к жизни. Мы попытались объяснить им, что случилось. Как будто сами были способны по-настоящему это понять.

«Бог убил некоторых из вас, чтобы привлечь наше внимание. Затем Он объявил, что Он нас покидает, и, выходя за дверь, между делом вернул к жизни вас и еще десять миллиардов разумных существ».

Я все еще продолжал надеяться, что сплю и вскоре проснусь. Как старикан из рождественского хорала, я думал, что я, наверно, что-нибудь не то съел, и потому меня мучит кошмар.

Но все, конечно, шло своим чередом, и такая заманчивая возможность становилась все менее вероятной. А может быть, сном было все, что происходило до.

Шериф и Антрес-906 вошли в контакт со своими Деревьями и сообщили каждому о том, что, по-видимому, случилось. Омни с великим дружелюбием открыли свое существование и помогли налаживать положение. Дел оказалось несколько больше, чем просто обеспечить всех одеждой.

Понять роль, отведенную каждому, бьшо задачей, требовавшей времени: культура людей,

Человека и тельциан имела один общий основополагающий пункт, заключавшийся в понятии о неизменности физических законов. Мы не можем всего постичь, но все следует правилам, которые являются в конечном счете познаваемыми.

Теперь с этим было покончено. Мы и понятия больше не имели, какие части физики были выдуманы неназванным себе на забаву. Он мельком сообщил, что сделал постоянной и ограниченной скорость света, а это означало, между прочим, что большая часть посленьютоновской физики была всего лишь шуткой.

Он также сказал, что собирается оставить это состояние неизменным, чтобы удержать нас в клетке. А существовали ли другие законы, постулаты, константы, которые не служили бы этой цели? Вот такие новые вопросы были поставлены теперь перед наукой, и их было необходимо выяснить.

Что интересно, с религией возникло значительно меньше сложностей. Просто изменилось несколько терминов и отпали всякие сомнения в божьем существовании. Во всяком случае, намерения бога никогда еще не были столь ясно выражены. Неназванный явил неоспоримое и неопровержимое доказательство своего су-

ществования и столько новых данных, что их должно было бы хватить на целые тысячелетия плодотворных теологических дебатов.

Моя собственная религия, если ее можно так назвать, претерпела изменение в фундаментальной предпосылке, но не в своем основном утверждении: я всегда говорил своим религиозным друзьям, что бог может существовать или не существовать, но если он все же существует, то я не хотел бы видеть его у себя за обедом. И этого тезиса я буду придерживаться до конца.

Глава 3

Спустя пару недель на Земле осталось очень мало того, что нам следовало бы сделать или узнать, и нам не терпелось отправиться в обратный путь. Омни, встретивший нас после приземления, захотел отправиться с нами, и я с удовольствием согласился. Несколько волшебных трюков должны были помочь слушателям поверить в нашу фантастическую историю.

Перелет прошел хорошо, во время скачка никто не умер, так что спустя пять месяцев мы вышли из анабиозных «гробов» и уставились в экран, на котором ослепительно сиял своими снегами,

льдами и облаками Средний Палец. Нет, нам все же следовало найти себе на Земле какие-нибудь занятия, которые можно было бы растянуть на несколько лет; тогда мы возвратились бы в начале или в разгаре весны.

В космопорте никто не дежурил, но нам удалось связаться с Управлением межпланетных коммуникаций, и они отправили в космопорт диспетчера полетов. Так что для того, чтобы попасть в челнок, нам потребовалось ждать пару часов.

Облик планеты был куда более радостным, чем во время нашего предыдущего приземления: в отдаленных городах из труб поднимались радующие глаз струйки дыма; в Центрусе по белым улицам ползали машины.

В машине, подъехавшей к нашему трапу, оказались женщина, представившаяся мэром, представитель от Человека — и Билл, которому Мэригей, Сара и я уделили внимания несколько больше, чем официальным представителям. Он отрастил бороду, но в остальном мало изменился.

Кроме, возможно, его отношения ко мне. Когда мы обнялись, он расплакался, как, впрочем, и я, и с минуту не мог ничего ни сказать, ни сделать,

а только тряс головой. А затем он выговорил по-английски с сильным грубым акцентом:

— Я думал, что навсегда потерял тебя, ты, упрямый старый ублюдок.

— Конечно, я упрямый,— ответил я.— Рад, что ты вернулся. Несмотря даже на то, что ты теперь горожанин.

— Вообще-то мы вернулись в Пакстон,— он покраснел,— моя жена Аурэлин и я. Чтобы приготовить дом. Рыбы пропасть... Ну а поскольку все сводилось к тому, что вы скоро вернетесь, если вернетесь вообще, так что я на прошлой неделе приехал в Центрус, чтобы дождаться вас. Что, черт возьми, случилось?

Я замялся, подыскивая слова.

— Это не так-то просто рассказать.— Мэригей изо всех сил сдерживала смех.— Тебе, наверно, будет приятно узнать, что я нашел бога.

— Что-что? На Земле?

— Но он только поздоровался, а потом сразу же попрощался и убежал. Это длинная история.— Я посмотрел на снежный барьер вдоль дороги, поднимавшийся выше окна машины.— У нас будет еще много времени на разговоры, прежде чем начнет таять и навалятся дела.

— Туда уже доставлено восемь бревен топлив-

ного дерева,— сказал Билл.— И еще десять везут.

— Хорошо.

Я попробовал вызвать в себе теплые чувства воспоминаниями о посиделках вокруг очага, но их перебили жизненные реалии. Скользкий лед под ногами; переметы с рыбой, замерзающей в воздухе, как только ее вынешь из воды. Водопровод с замерзающими трубами. И снег, который нужно разгребать, разгребать, разгребать...

Глава 4

Мы возобновили «повседневную» жизнь в смысле лова рыбы и борьбы с зимой, хотя внезапно обрели семью из пяти взрослых людей. Саре все еще предстояло закончить последнюю четверть в школе прежде, чем поступить в университет, но она получила разрешение подождать несколько месяцев, а затем приступить к занятиям с начала четверти, чтобы не подхватывать с середины и оказываться перед необходимостью догонять соучеников.

Как только люди смогли вернуться сюда, в Пакстон, из Центруса, жизнь здесь возобновилась в почти неизменном со времени нашего отлета виде. Лучшее из всех времен, выпавших на нашу

долю, мы прожили вообще почти без электричества, так что привыкнуть к постоянным перебоям оказалось совсем не трудно.

Население города почти полностью восстановилось уже через несколько недель. Центрус приложил немалые усилия для того, чтобы избавиться от каждого, кто мог уехать, так как ресурсы города были ограничены и возможно было обеспечивать предметами первой необходимости лишь тех, кто обычно жил там.

Столица успокаивалась после пяти месяцев хаоса.

Брошенное без присмотра на восемь зим городское хозяйство сильно захромало, но было очевидно, что основную часть ремонтных работ придется отложить до таяния и весны. Наша группа нечаянных пионеров помогла городу организовать временный порядок существования, нацеленный на примитивное выживание. Отсутствие центральной энергетической системы погубило бы всех городских обитателей, если бы они оказались настолько глупы, чтобы разойтись по домам. Вместо этого люди собрались вместе в больших общественных зданиях, что упрощало распределение продовольствия и воды и помогало поддерживать тепло.

Я уверен, что все это происходило очень дружелюбно, но при этом был счастлив, что нахожусь в провинции с нашими поленницами дров и коробками свеч. Университет был открыт в светлое время дня, хотя начало нормальных занятий было отложено до тех пор, пока восстановление энергетической системы не позволит включить наши компьютеры, экраны и, самое главное, библиотеку. У нас имелась пара тысяч напечатанных книг, но они представляли собой беспорядочное скопище разрозненных данных.

Но среди этих книг, к счастью, оказался толстенный том по теоретической механике, так что я смог вновь обратиться к тому, что обещало стать делом всей моей оставшейся жизни. Я уже говорил об этом с некоторыми физика-ми-Человеками на Земле: всем нам предстояло вернуться к началу начал и выяснить, какая же часть физики осталась неповрежденной. Если вся она представляла собой лишь набор ограничений, которые неназванный устанавливал и изменял по своей прихоти, то нам надлежало выяснить, каково было нынешнее состояние этих прихотей! И еще возникла хорошая идея проводить эксперименты и на Земле, и на других планетах, чтобы посмотреть, одинаково ли законы действуют в

разных местах.

Билл той зимой помогал мне работать в лабораториях, пока мы воспроизводили основные эксперименты физики восемнадцатого и девятнадцатого веков. Масса, вес и пружина. Мы имели перед своими древними предшественниками преимущество: точные атомные часы; по крайней мере мы считали их точными. Не прошло и года, как с Земли сообщили, что неназванный задал нам поистине сизифово[23] задание — скорость света все так же оставалась конечна, но изменилась приблизительно на пять процентов. Благодаря этому все проведенные за полторы тысячи лет расчеты становились неверными, начиная, самое меньшее, с четвертого десятичного знака. Соответственно, изменились все мелкие константы, такие как заряд электрона, постоянная Планка. Раз уж ему так хотелось напоследок все поменять, то он мог хотя бы заставить число «пи» равняться ровно трем.

Но с нами все было в порядке. Мы пережидали холод в нашей теплой лаборатории, катали шары

[23] Примечания: 23

Сизиф — царь из древнегреческого мифа, за попытку обмануть богов приговоренный к посмертному наказанию в загробном царстве — вечно вкатывать в гору тяжелый камень, который возле самой вершины вырывается у него из рук и с грохотом катится вниз.

с горок под различным уклоном, измеряли движение маятников, растягивали пружины, а затем шли домой к нашим женщинам. Билл встретил Аурэлин, когда они оба намеревались присоединиться к Человеку. Они влюбились друг в друга прежде, чем им успели причинить какой-либо телесный ущерб, и возвратились сюда. Весной она собирается родить младенца.

Ну а мы тем временем откалываем лед, разгребаем снег, греем трубы, расчищаем окна. Зима в этом позабытом богом мире тянется вечно.